This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ЯНВАРЬ. 1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. Современный недугъ. Романъ въ трехъ частяхъ. *П. Лѣтневъ.* Главы I—IV	3
II. Золото. Стихотвореніе *В. И. Немировича-Данченко*	28
III. Университетскій вопросъ. Статья первая. *В. И. Модестова*	29
IV. Язвы Петербурга I—II. *В. О. Михневича*	57
V. Опыты изслѣдованія обычнаго права. I. *В. И. Сергѣевича.*	80
VI. Эгоистъ. Романъ (переводъ съ нѣмецкаго). *Вернера*	98
VII. Однодворцы. Повѣсть *В. Л. Маркова*	141
VIII. Арфа богини. Стихотвореніе *Л. И. Пальмина*	170
IX. Парижъ въ 1881 году. *П. Д. Боборыкина*	172
X. Улыбка и слезы. Стихотвореніе *С. Г.*	188
XI. Фостэнъ. Романъ *Э. Гонкура*	192
XII. Памяти кн. А. И. Васильчикова. *В. Я. Стоюнина*	225
XIII. Баккалавръ. Романъ *Жюля Валлеса*	248
XIV. Сонеты. (Изъ I. Лорма). *С. А. Бердяева*	302
Современное обозрѣніе.	
XV. Наши внутреннія дѣла	305
XVI. Политическая хроника	318
XVII. Иностранная литература.	346
XVIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): 1) Рябь и зыбь роднаго прогресса, *И. Ф. Василевскаго* (Буквы). 2) Хамелеонъ, *Н. Мизантропова*	368
XIX. Сарра Бернаръ, *В. В. Чуйко*	383
XX. Объявленія	398

№ I-й «Наблюдателя» вышелъ I-го января 1882 года.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ Редакторомъ, просятъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Поварск. пер. № 5) по воскресеньямъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за 1/2 стр.—8 руб.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 1-й. ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.
1882 г.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

Digitized by Google

Pslav 475.65 (1882)

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1882 Г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ издается съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ:

1) Изящная словесность. Романы оригинальные и переводные, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія и мелкія стихотворенія.
2) Научный отдѣлъ. Статьи, общедоступно изложенныя по всѣмъ отраслямъ знанія, преимущественно же по исторіи, политической экономіи, финансамъ, юриспруденціи и теоріи воспитанія.
3) Критика и библіографія: разборъ замѣчательнѣйшихъ книгъ русскихъ и иностранныхъ, а также періодическихъ изданій.
4) Современное обозрѣніе. Систематическая ежемѣсячная хроника нашей внутренней общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, разборъ замѣчательнѣйшихъ судебныхъ процессовъ и пр.
5) Фельетонъ. Театральныя и музыкальныя замѣтки, сатирическіе очерки и эскизы изъ нашей и заграничной жизни, бытовыя картинки и пр.
6) Политическій отдѣлъ. Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ, корреспонденціи изъ-за границы и пр.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Василевскій* (Буква), *Й. И. Вильсонъ, А. А. Головачевъ, Д. В. Григоровичъ, П. А. Ефремовъ, Ю. Г. Зарницкій, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, баронъ Н. А. Корфъ, Н. С. Курочкинъ, Д. П. Ледневъ, Н. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. [illegible], Я. Т. Михайловскій, В. О. Михневичъ, проф. В. [illegible], П. О. Морозовъ, проф. С. А. Муромцевъ, П. А. Мясницкій, И. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, проф. Н. А. Осокинъ, Л. И. Пальминъ, А. Н Плещеевъ, А. А. [illegible], Н. Ремезовъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, В. Я. Стоюнинъ, В. [illegible], А. К. Шеллеръ* (А. Михайловъ), *Г. Ѳ. Штендманъ, и другіе.* Многія статьи и беллетристическія произведенія поимено[illegible] въ находятся уже въ распоряженіи редакціи.

„Наблюдатель“ выходитъ еж[illegible] хъ числахъ каждаго мѣсяца, книгами отъ 20—25 печатныхъ ли[illegible]

Журн. 209.

[illegible]А:

	За полгода		
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи .	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу . .	9 р.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору **„Наблюдателя“**. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

MRHP

СОВРЕМЕННЫЙ НЕДУГЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ пріемномъ покоѣ доктора Колевина давно уже толпились посѣтители, чающіе движенія воды; но этого движенія почему-то не было. Докторъ не появлялся, и двери въ его комнаты были плотно заперты. Между больными начиналъ подниматься ропотъ, когда вышелъ молоденькій помощникъ и, нѣсколько рисуясь, оффиціально проговорилъ:

— Господа, пріема сегодня не будетъ.

— Какъ не будетъ? закричали всѣ на разные голоса.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, причину. Вѣдь мы не... не стадо какое-нибудь, чтобъ... чтобъ насъ заставлять дожидаться, и потомъ гнать насъ, говорилъ, хорохорясь и горячась, пожилой господинъ, очевидно считавшій себя важнымъ лицомъ.

— Супруга доктора находится въ весьма опасномъ положеніи, отвѣчалъ помощникъ:—и, по этому случаю, пріемъ отложенъ.

Манерно поклонившись, онъ хотѣлъ ретироваться, но дамы ринулись и загородили ему дорогу.

— Что же такое у супруги доктора?.. неужели опасно? Въ чемъ же опасность? защебетали онѣ въ одинъ голосъ.

— Развѣ неблагополучные роды? спрашивали другія, успѣвшія уже разузнать прежде обо всемъ. Никто изъ этихъ дамъ не зналъ

Digitized by Google

лично жены доктора, но любопытство было чрезвычайное, такъ что онѣ позабыли о своихъ болѣзняхъ, и разговаривали, какъ гдѣ нибудь въ клубѣ. Мужчины первые двинулись къ выходу, а за ними и дамы.

— Видно что-нибудь серьезное, говорилъ, спускаясь съ лѣстницы, одинъ прихрамывавшій господинъ другому съ завязаннымъ горломъ.

— Колевинъ всегда такъ добросовѣстно относится къ своей практикѣ, что онъ даже и въ затруднительныхъ для себя обстоятельствахъ никогда бы не отложилъ пріема.

— Я вчера еще слышалъ, возразилъ другой:—что онъ приглашалъ двухъ знаменитыхъ акушеровъ. Да это, я думаю, такъ, безъ особенной нужды. Онъ потерялся, какъ молодой мужъ,—вѣдь не надышется на жену. А тутъ первые роды!..

Оба они вышли на подъѣздъ, и тутъ столкнулись съ лакеемъ въ ливреѣ, который чуть не бѣгомъ вбѣжалъ въ переднюю.

— Стебальскій у васъ? спросилъ лакей, запыхавшись, у швейцара.

— У насъ, у насъ, отвѣчалъ тотъ флегматично:—гдѣ же ему быть. У насъ и ночевалъ.

— Ну, такъ вы его вызовите, и скажите, что генералъ Тупицынъ самъ два раза вчера къ нему заѣзжалъ; а нынче поѣхалъ нарочно въ клинику, а его тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Генералъ изъ себя вышелъ, даже ногой топнулъ:—какіе это, говоритъ, доктора? это не доктора, а прощалыги!

— Что будешь дѣлать, и нашъ-то нынче пріемъ отложилъ. Видишь, народу-то сколько назадъ идетъ.

— Что же они, ополоумѣли что ли? Вѣдь они на коронной службѣ состоятъ,—за это баловство-то, я думаю, тоже не похвалятъ!

— Дѣло такое вышло, милый ты мой, возразилъ швейцаръ, нюхая табакъ. Барыня-то у насъ другія сутки мучается... Теперь, говорятъ, родила, да сама-то плоха!

— Такъ, протянулъ лакей, вынувъ папиросницу и закуривая папироску:—положимъ, вашему барину она жена; извѣстно жена

Digitized by Google

къ сердцу близка. А Стебальскому-то она что? онъ никакъ и не акушеръ, ему тутъ и быть-то не слѣдъ.

— А какъ же онъ барина-то въ горѣ оставитъ? У нихъ дружба-то какая, небось весь Петербургъ объ ней знаетъ...

— Ну, какая нынче дружба! проворчалъ лакей, затягиваясь дымомъ.

Нѣтъ, ты не говори, у нихъ не какъ у другихъ. Ты возьми, первое: оба изъ одной губерніи, изъ дальней, изъ степной какой-то, изъ одного уѣзда, изъ одного села, въ одномъ домѣ росли; потомъ въ гимназіи однокашники, по академіи тоже, и вотъ оба докторами вышли, нашъ-то по-прежде, а Стебальскій только прошлаго года. Это все баринъ самъ барынѣ разсказывалъ, а я слышалъ...

— Однако ты поди-ка доложи, прервалъ лакей.

— Кому доложить-то, Стебальскому?

— Ну да, Стебальскому. Генералъ нашъ, скажи, гнѣвается, въ пріемный часъ не засталъ. Сейчасъ просятъ къ нимъ на домъ.

Швейцаръ помедлилъ еще минутъ десять и пошелъ передать слугѣ порученіе.

Слуга пошелъ, и осторожно, на цыпочкахъ, отворилъ дверь въ кабинетъ хозяина, гдѣ—по его предположенію—сидѣлъ Стебальскій. Дѣйствительно онъ былъ тутъ, у стола, наклонившись надъ медицинской книгой, въ позѣ читающаго человѣка. Но когда, на зовъ слуги, онъ поднялъ голову, то сейчасъ было видно по его лицу, покрытому блѣдными пятнами, по глазамъ, отяжелѣвшимъ отъ безсонницы, что онъ не могъ ни читать, ни понимать.

Слуга объяснилъ подробно, въ какой претензіи генералъ Тупицынъ и какъ ему нуженъ докторъ. Стебальскій выслушалъ внимательно и не отвѣчалъ ни слова.

— Что же сказать прикажете? спросилъ слуга.

Все то же молчаніе.

— Тамъ лакей генеральскій дожидается.

Стебальскій, казалось, къ чему-то прислушивался... Вдругъ онъ махнулъ рукой слугѣ такъ повелительно, что тотъ немедленно исчезъ. Почти въ ту же минуту распахнулась другая дверь и въ кабинетъ вбѣжалъ Колевинъ, весь блѣдный, закрывая лицо плат-

Digitized by Google

комъ. Онъ рухнулся на диванъ и рыдалъ безутѣшными, обильными слезами, съ бурнымъ отчаяніемъ молодости, потому что онъ былъ еще очень молодъ.

Стебальскій подошелъ къ нему и взялъ его за руки; онъ былъ блѣднѣе Колевина. Онъ казался старше его, хотя былъ моложе тремя годами; но страшное горе избороздило его лицо, вздуло жилы на лбу, провело рѣзкіе круги подъ глазами. Вообще лицо его имѣло серьезный, задумчивый типъ, напоминавшій портреты средневѣковыхъ художниковъ. Большіе темные глаза и темные волнистые волосы усиливали это впечатлѣніе, придавая ему не русскій видъ, тогда какъ Колевинъ съ своимъ открытымъ, круглымъ лицомъ, съ добродушной пріятной манерой, являлъ чистѣйшее славянское происхожденіе.

— Что же... тамъ?.. чуть слышно проговорилъ Стебальскій— что говоритъ докторъ?..

— Уѣхалъ! Уѣхалъ! оставилъ... бросилъ ее! захлебываясь отъ слезъ отвѣчалъ Колевинъ:—кончено, значитъ, все кончено! Нѣтъ надежды!

— Кто уѣхалъ? Д**?.. спросилъ еще болѣе поблѣднѣвшій Стебальскій, называя одно изъ свѣтилъ науки.

— Да... Я спрашивалъ его... Онъ не сказалъ ни слова и уѣхалъ...

Стебальскій такъ стиснулъ пальцы, что они хрустнули.

— Поди туда ты. Посмотри самъ... Я... я не могу больше! проговорилъ Колевинъ.

Стебальскій твердыми шагами пошелъ въ спальню больной. Это была полутемная комната, еще не утратившая свѣжести украшеній, граціи и поэзіи недавняго медоваго мѣсяца. Счастіе молодыхъ супруговъ сказывалось во всемъ, глядѣло отовсюду веселыми глазами. Красота убранства, изящный выборъ картинъ, тонкое кружево занавѣсъ—все это служило рамой для красоты и счастья обладательницы этого свѣжаго гнѣзда. И она также не утратила своей прелести и юности. Она полусидѣла на постели, опираясь на подушки, вся въ бѣломъ, съ распустившимися темными волосами. У нея былъ сильный жаръ; глаза сверкали неестественнымъ

Digitized by Google

блескомъ, щеки и губы алѣли, выраженіе лица было въ высшей степени возбужденное.

— Стебальскій, это вы! заговорила она быстро, съ лихорадочной живостью:—наконецъ-то! насилу меня вспомнили! Ну подите; подите сюда поближе... Посмотрите, какая у меня дѣвочка! Катерина Ефимовна, покажите дѣвочку Льву Николаевичу.

Стебальскій машинально подошелъ къ кушеткѣ, гдѣ акушерка и горничная возились надъ чѣмъ-то, издававшимъ слабые звуки и обвернутымъ бѣлыми пеленками.

— Говорятъ, будто на отца похожа, продолжала, улыбаясь, Колевина. Вздоръ какой, можно ли разглядѣть у такой маленькой? Пьеръ, гдѣ же ты? обернулась она, оглядываясь по сторонамъ: — Какой смѣшной! вдругъ выбѣжалъ отсюда, какъ сумасшедшій... вѣрно за вами!

Она смѣялась и говорила съ такою живостью, какъ будто совсѣмъ здоровая, будто сейчасъ встанетъ и поѣдетъ на балъ. Всякій могъ бы ошибиться; но докторъ зналъ, что этотъ избытокъ жизни, это веселье, поднятіе духа — это и есть смерть. Онъ видѣлъ ея приближеніе и въ блескѣ глазъ, и въ улыбкѣ, и въ живости движеній, и—размышленія его были невыразимо горьки.

Вотъ онъ—законъ природы, думалъ онъ, поперемѣнно глядя на мать и на ребенка,—одна жизнь передана другому, и въ экономіи природы ничто не убыло, ничто не пропало. Творящей силѣ все равно, *кто* и *что* живетъ, лишь бы была жизнь. Если это такъ должно быть для всеобщей гармоніи и цѣлесообразности, то зачѣмъ же человѣкъ такъ страдаетъ, такъ протестуетъ, питаетъ такую ненависть и отвращеніе къ этому закону? Зачѣмъ онъ не можетъ сочувствовать и радоваться вмѣстѣ съ природой, что изъ смерти возрождается новая жизнь? Нѣтъ! онъ лучше отдастъ всѣ прошедшія и будущія жизни за то, чтобъ сохранилась о д н а... Одна,—но зато знакомая, милая, близкая!..

— Вы будете любить мою дѣвочку, Левъ Николаевичъ? прервала его думы больная.

— Не знаю, проговорилъ онъ, застигнутый врасплохъ.

— Ахъ, какой вы: воскликнула она, съ лихорадочной жи-

Digitized by Google

востью:—никогда даже въ шутку, даже изъ приличія, не скажете вы того, что не думаете... Ну что вамъ стоитъ, потѣшьте меня, больную... ну скажите мнѣ, скажите, что будете любить ее...

Она говорила съ особенной настойчивостью, будто охваченная внезапнымъ предчувствіемъ... Теперь красота ея выступала еще ярче, еще болѣзненнѣе. Жаръ усилился, глаза сіяли какъ звѣзды, пересохшія губы дышали тяжело и прерывисто, она нервно перебирала рукой одѣяло.

— Меня вы немножко любили, я знаю... продолжала она:— ну представьте себѣ, что это я. Да, сдѣлаете это?

— Постараюсь, отвѣчалъ онъ дрожащими губами.

Голосъ ли его произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе, или просто физическая боль напомнила о себѣ, но лицо Колевиной внезапно измѣнилось, въ глазахъ выразился испугъ, и она закусила губы съ выраженіемъ страданія. Съ долгимъ протяжнымъ вздохомъ, похожимъ на стонъ, она отвернулась къ стѣнѣ. Женщины суетливо подошли къ ней.

— Гдѣ онъ? гдѣ Пьеръ? тревожно поднялась больная, испуганно озираясь во всѣ стороны.

Стебальскій вышелъ, сознавая всю свою безполезность и безсиліе.

Несмотря на различіе характеровъ и темпераментовъ, чувство глубокой истинной дружбы связывало двухъ молодыхъ докторовъ, вмѣстѣ изучавшихъ одну и ту же науку и ревностно преданныхъ ей. Свѣтскіе пріятели общительнаго Колевина постоянно удивлялись, какъ онъ могъ быть неразлученъ съ этимъ «сухимъ кабинетнымъ ученымъ, педантомъ и аскетомъ». Такъ въ обществѣ называли Стебальскаго, отмщая ему за суровое отчужденіе отъ этого общества, за презрѣніе къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя оно цѣнитъ, и за умѣнье довольствоваться самимъ собою. Но онъ не былъ ни сухимъ, ни педантомъ;—онъ просто былъ человѣкъ науки, и находилъ ее прекраснѣе всякой женщины, интереснѣе всякаго общества и увлекательнѣе всякой забавы. Онъ вовсе не родился аскетомъ; но понявъ, что нельзя служить въ одно и тоже время двумъ богамъ, рѣшительно отказался отъ обычныхъ развле-

Digitized by Google

ченій молодости и уединился въ своемъ кабинетѣ. При такомъ складѣ жизни, дружба съ Колевинымъ сдѣлалась для него настоящимъ сокровищемъ, замѣнивъ ему и семью, и всякую другую привязанность. Оба заваленные занятіями, практикой и пріемомъ больныхъ, они видѣлись урывками и никогда не могли досыта наговориться.

Такой порядокъ дѣлъ продолжался впрочемъ не долго. Въ одинъ прекрасный день Колевинъ очутился женатымъ. Всѣ важные шаги въ жизни совершались у него необыкновенно легко и внезапно... Для Стебальскаго это былъ ударъ грома. Измѣна друга поразила его такъ же больно, какъ поражаетъ другихъ измѣна женщины. Въ своемъ невѣдѣніи жизни, онъ никакъ не ждалъ этой простой развязки и былъ глубоко потрясенъ ею. Это было его первое разочарованіе, и онъ рѣшительно объявилъ другу, что теперь они не пара и пусть каждый идетъ своей дорогой. Но не такъ было легко справиться съ Колевинымъ, искренно привязаннымъ къ нему. Онъ смягчилъ его своими доводами, просьбами, убѣжденіями, привезъ свою жену къ нему на квартиру, и оттуда уже они оба съ торжествомъ повезли къ себѣ обезоруженнаго и отуманеннаго Стебальскаго.

Съ этихъ поръ началась для него новая жизнь. Онъ узналъ сладость семьи и комфортъ домашняго очага. Онъ не влюбился въ жену Колевина и, по чистой совѣсти, могъ сказать, что ни разу «не пожелалъ жены искренняго своего», но эта женщина однимъ своимъ присутствіемъ вдругъ придала смыслъ и теплоту его существованію. Теперь она умирала на его глазахъ, и онъ чувствовалъ, что падаетъ стремглавъ въ какую-то бездну..

ГЛАВА II.

Прошли года и сердечныя раны уврачевались; время стерло послѣдніе слѣды горя, и въ домѣ Колевина снова царило спокойствіе, довольство и веселье. Его дочери Наташѣ было десять лѣтъ, и ея звонкій дѣтскій голосъ, сіяніе ея свѣжаго, круглаго личика,

Digitized by Google

рѣзвость движеній, наполняли атмосферу словно лучами свѣта и жизни.

Квартира Колевина была почти роскошная; его благосостояніе увеличилось вмѣстѣ съ извѣстностью, и онъ считался однимъ изъ лучшихъ докторовъ Петербурга. Въ моментъ нашего разсказа, его жилище представляло такой видъ:

Вечеръ. Большая четырехъугольная гостинная, освѣщенная матовымъ шаромъ, спускающимся съ потолка; мягкая, темнаго цвѣта мебель, спущенныя, вышитыя красной бумагой гардины; на самомъ видномъ мѣстѣ рояль, изъ котораго льются сильные, смѣлые и выразительные звуки. На немъ играетъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, носящій въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи печать иностраннаго, несомнѣнно англійскаго происхожденія.

Бѣлокурый, очень бѣлый, съ темноголубыми глазами, съ крупными и благородными чертами, онъ отличается опредѣленностью и рѣшительностью выраженія. Не смотря на его юность, видно, что онъ всегда знаетъ, что ему надо дѣлать, и никогда не колеблется между двумя рѣшеніями,—свойство, котораго такъ не достаетъ русскому человѣку!..

Однако нельзя сказать, чтобы стоящая возлѣ него чистокровная русская дѣвочка проявляла въ себѣ противоположныя качества. Темноволосая, черноглазая Наташа Колевина имѣетъ видъ чрезвычайно живаго, любознательнаго и умнаго ребенка. Она внимательно слѣдитъ за пальцами своего друга и по временамъ о чемъ-то его спрашиваетъ, на что онъ каждый разъ внимательно отвѣчаетъ, живописно склоняя къ ней свою бѣлокурую голову.

Этотъ мальчикъ—сынъ ея гувернантки, воспитавшей ее съ трехлѣтняго возраста и замѣняющей ей мать. Мистрисъ Викторія Риднеръ сидитъ на диванѣ у стола, подъ яркимъ свѣтомъ маленькой лампы, и вышиваетъ полоску суроваго полотна затѣйливымъ узоромъ изъ красной бумаги. Свѣтъ падаетъ прямо на ея лицо, и она не отклоняется, не пользуется мягкими тонами полусвѣта, увѣренная, что откуда и какъ бы ни глядѣть на нее—она безукоризненна съ головы до ногъ. И дѣйствительно, хотя черты ея слишкомъ рѣзки, чтобъ быть привлекательными, но она представительна въ

Digitized by Google

высшей степени, и—главное—такъ поразительно вся чиста и бѣла, какъ будто отъ рожденія на нее не падало ни пылинки, и одежда ея имѣла свойство никогда не мяться и не терять новаго вида. Ей кажется не болѣе тридцати лѣтъ, даже менѣе. Она часто взглядываетъ на парочку у рояля, и что-то въ родѣ нѣжной улыбки скользитъ сдержанно по ея тонкимъ, строгимъ губамъ.

Возлѣ нея, у того же стола сидитъ Колевинъ съ книгой и съ папиросой; но онъ забываетъ читать и курить, вслушиваясь въ музыкальные звуки рояля.

— Вашъ Георгъ дѣлаетъ большіе успѣхи, замѣчаетъ онъ вполголоса.—Имъ должны быть довольны въ консерваторіи?

— Да, односложно отвѣтила англичанка, довольная похвалой сыну; но въ то же время находя, что не слѣдуетъ разговаривать во время музыки.

Но радостное восклицаніе Наташи прервало игру: въ комнату вошелъ Стебальскій, и она повисла у него на шеѣ. У всѣхъ лица освѣтились улыбкой при видѣ его. Георгъ всталъ изъ за рояля, подошелъ и пожалъ ему руку, и затѣмъ опять возвратился на свое мѣсто.

— Ты поздно сегодня, сказалъ ему Колевинъ: — чаю хочешь?

— Вы уже пили? Нѣтъ, не хочу, отвѣтилъ тотъ. Но гувернантка уже безшумно скрылась и, черезъ пять минутъ, сама принесла Стебальскому дымящійся стаканъ чая, лимонъ и бутылку вина. Онъ поблагодарилъ ее, не глядя, занятый разговоромъ съ Колевинымъ объ интересныхъ случаяхъ ихъ практики; Наташа слушала этотъ разговоръ, не сводя съ нихъ глазъ, и даже все понимала. Никакое удовольствіе не могло сравниться для нея съ этимъ слушаніемъ бесѣдъ отца съ его другомъ. Котораго изъ нихъ она больше любила—она не знала; но присутствіе Стебальскаго,—этого втораго отца,—какъ болѣе рѣдкое, вызывало въ ней болѣе бурные порывы радости. Англичанка, не переставая вышивать, также слушала; она хорошо понимала по-русски и по временамъ вмѣшивалась въ разговоръ.

Георгъ часто оглядывался на эту семейную картину; наконецъ закрылъ рояль, убралъ ноты, подошелъ къ Наташѣ и отвелъ ее

Digitized by Google

отъ стола. Сначала она, смѣясь, противилась; потомъ уступила его настойчивости, и они оба пошли ходить по залѣ, рука объ руку и шепчась о чемъ-то. Стебальскій вдумчиво слѣдилъ за ними глазами, невольно думая, какую живописную и гармоничную они представляютъ изъ себя пару. Когда мадамъ Риднеръ вышла зачѣмъ-то изъ комнаты, онъ сказалъ Колевину:

— А тебѣ не приходитъ въ голову, что постоянное ихъ пребываніе вмѣстѣ,—тутъ онъ кивнулъ на дѣтей, — можетъ повести къ излишнему сближенію?

— То есть какъ къ излишнему сближенію? возразилъ Колевинъ:—что они влюбятся, что ли, другъ въ друга?

— Ну да, если все будетъ идти такъ же, какъ теперь, еще года три,—четыре.

— Это еще долга пѣсня; но еслибъ и такъ—вѣдь безъ любви дѣло не обойдется, вѣроятно... Лучше Георгъ, чѣмъ другой, незнакомый, чуждый намъ.

— И ты не имѣешь ничего противъ того, чтобъ Наташа вышла за него замужъ? спросилъ Стебальскій съ какимъ-то неудовольствіемъ.

— Ровно ничего. Георгъ мальчикъ умный и съ большимъ характеромъ. Они будутъ имѣть время изучить другъ друга и понять, подходятъ ли другъ къ другу.

— Я не зналъ, что ты такой сторонникъ брака, прервалъ съ сарказмомъ Стебальскій. Такъ ты считаешь, что для твоей дочери это единственное назначеніе!

— О, вовсе нѣтъ! возразилъ добродушно Колевинъ, не замѣчая ироніи:—тебѣ извѣстны мои мнѣнія насчетъ этого. Если моя дочь изберетъ какую нибудь полезную дѣятельность внѣ брака, я буду уважать ее за это; но не могу же я быть такимъ эгоистомъ, чтобъ не желать ей испытать и семейнаго счастья.

— Развѣ это не семейство, еслибъ и всегда такъ осталось? сказалъ тихо Стебальскій, обводя рукою вокругъ.

— Но это не можетъ всегда остаться! Жизнь предъявитъ свои права, и тогда родители должны стушеваться. Положимъ, что въ наше трудное время женщинѣ трудно выработать полную самостоя-

Digitized by Google

тельность иначе, какъ въ безбрачной жизни; но все-таки семья имѣетъ огромное общественное значеніе.

— Не знаю, сухо возразилъ Стебальскій:—я никогда не чувствовалъ въ ней нужды.

— Понятно: ты всегда былъ преданъ наукѣ и никогда не измѣнялъ ей, никогда не отклонялся отъ пути. Твое призваніе—быть докторомъ, ученымъ, а остальное для тебя не существуетъ.

— Такъ ты скажешь, пожалуй, что есть призваніе къ семейной жизни, къ женитьбѣ, усмѣхнулся Стебальскій.

— Не призваніе, а влеченіе. Влеченіе, которому трудно, да и неестественно противиться...

Колевинъ продолжалъ дальше развивать свою мысль; но Стебальскій больше не слушалъ его, находя, что все это уже извѣстно. Онъ размышлялъ о томъ, какъ разнились его чувства отъ чувствъ роднаго отца Наташи. «Онъ съ удовольствіемъ готовъ отдать ее другому человѣку, думалъ онъ:—разлучиться съ ней, отдѣлить ея жизнь отъ своей навсегда; а я? Нѣтъ, я бы считалъ это за величайшее несчастіе. Кто эгоистъ — онъ или я?.. Какой вопросъ!—конечно, я.»

Наташа была единственною привязанностью Стебальскаго; и—какъ скупой, дрожащій надъ своимъ единственнымъ золотомъ, онъ былъ требователенъ, онъ почти ревновалъ ее. Въ немъ еще живо осталось поэтическое воспоминаніе его юности, короткій праздникъ его жизни—образъ Наташиной матери, единственной женщины въ мірѣ, къ которой онъ былъ близокъ и — поклонялся ей. Наташа не была похожа на мать въ буквальномъ смыслѣ этого слова; но по двадцати разъ въ день ей случалось вдругъ взглянуть, засмѣяться, тряхнуть головою, сдѣлать движеніе... и—это была о н а живая! Съ годами, это внутреннее, нравственное сходство все увеличивалось.

Самъ Стебальскій въ эти десять лѣтъ измѣнился только тѣмъ, что изъ безпокойнаго, нелюдимаго и шероховатаго юноши, превратился въ серьезнаго, спокойнаго, симпатичнаго человѣка, въ доктора-психолога, который, однимъ своимъ обращеніемъ и рѣчью, производилъ утѣшительное дѣйствіе на больнаго. Онъ не избѣгалъ

Digitized by Google

больше столкновенія съ людьми, и хотя никто не былъ съ нимъ коротокъ, но въ обществѣ его хорошо знали и цѣнили.

Мадамъ Риднеръ возвратилась изъ внутреннихъ комнатъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Вы мнѣ позволите отлучиться завтра на цѣлый день? сказала она оффиціально вѣжливо, подходя къ Колевину. Завтра у Натали урокъ русскаго языка и ариѳметики.

— Еслибъ и не это—то вы все таки свободны во всякое время, Викторія Августовна, отвѣчалъ весело Колевинъ, и прибавилъ:— Васъ вѣрно приглашаютъ ваши родные?

Да; мой братъ Вильямъ пишетъ мнѣ, что къ нему пріѣхалъ старшій братъ и мама.

— И матушка ваша пріѣхала—откуда же?

— Она живетъ съ старшимъ братомъ въ Эйдкуненѣ, при литейномъ заводѣ.

— Стало быть, завтра вся семья ваша въ сборѣ?

— Да; я приглашена обѣдать къ Вильяму на Васильевскій Островъ, въ 5-ю линію, отвѣчала она пунктуально. Мама очень желаетъ видѣть тебя, Георгъ. Тебѣ можно будетъ прійти изъ консерваторіи къ 4 часамъ?

— Нельзя, рѣшительно отвѣчалъ Георгъ.

— А къ 6 часамъ?

— Къ половинѣ шестаго я могу быть.

— Такъ приходи.

— Приду.

— Тамъ будетъ весело? шепнула Наташа Георгу.

— Для меня весело, потому что это мои родные, отвѣчалъ онъ.

— Ты ихъ любишь?

— Люблю за то, что они хорошіе люди.

— Чѣмъ же они хорошіе? спрашивала любопытная дѣвочка.

— Тѣмъ, что они никогда не сдѣлали ни одного безчестнаго поступка.

— А кто они такіе?

— Они? они люди, которые занимаются дѣломъ, трудятся.

На другой день мадамъ Риднеръ, нарядившись въ нѣсколько

Digitized by Google

противъ дочери. Надо было, однако, рѣшиться. Колевинъ облегчилъ свою душу полнымъ признаніемъ и объявилъ, что свадьба его будетъ черезъ двѣ недѣли. Наташа слушала молча, измѣнившись въ лицѣ и едва понимая, что онъ говоритъ ей.—Неужели, думала она съ ужасомъ,—эти двѣ женщины, которыя такъ не нравились ей—будутъ теперь ей близки... Зачѣмъ о н ѣ?.. Зачѣмъ не кто-нибудь другой?.. И она чувствовала, какъ слезы подступали къ ея глазамъ, но она не смѣла плакать, боясь огорчить отца.

Въ сущности Наташа была слишкомъ молода и неопытна, чтобы понять вполнѣ значеніе совершившагося факта. Она утѣшалась тѣмъ, что все останется по прежнему.—«Что-же въ томъ, разсуждала она мысленно»: «что онѣ будутъ жить съ нами! Ничто не перемѣнится. Я сама по себѣ, а онѣ сами по себѣ».

Кончилось тѣмъ, что Наташа, видя тревогу и огорченіе отца, бросилась къ нему на шею и стала горячо ласкать и утѣшать его. Мало-по-малу Колевинъ успокоился, видя, что она не сердится и не упрекаетъ его.

ГЛАВА VII.

Прошло около двухъ лѣтъ послѣ вторичной женитьбы Колевина. Квартира его уже не въ одномъ домѣ со Стебальскимъ, но на англійской набережной, въ бель-этажѣ. Она гораздо тѣснѣе и неудобнѣе прежней, но зато убрана, какъ на выставку, и потому обходится чрезвычайно дорого. Мебель вездѣ бархатная, хоть и не слишкомъ покойная, столы и стулья изъ настоящаго орѣха, зеркала, цвѣты, акваріумы—все собрано тутъ, чтобъ показать, что хозяева понимаютъ, какъ надо жить. Это именно была в ы с т а в к а; вездѣ царствовалъ какой-то мертвый порядокъ, чистота нежилыхъ комнатъ, церемонная чинность: нигдѣ ни уютнаго уголка, ни слѣдовъ семейной, общей жизни.

Въ парадной гостиной, у окна съ тяжелыми драпировками, сидѣла одиноко Наташа, устремивъ задумчивый взглядъ на большое стѣнное зеркало, совершенно заставленное подзеркальнымъ

Digitized by Google

столикомъ съ массивными бронзовыми часами. Наташа выросла и похудѣла; съ ея нѣжнаго лица успѣлъ уже отчасти слетѣть тотъ бархатистый пухъ первой юности, который—увы!—касается петербургской молодежи только мимоходомъ, какъ будто для того, чтобъ показать ей, чѣмъ бы она могла быть при другихъ условіяхъ быта, климата и воспитанія. Но отсутствіе дѣтской свѣжести не вредитъ мыслящимъ, выразительнымъ физіономіямъ, и лицо Наташи ничего не потеряло оттого, что щеки ея похудѣли, глаза оттѣнились темной полосой, и губы сурово сжались. Взглядъ ея принялъ какое-то вопросительное выраженіе.

Дѣйствительно, она спрашивала себя, куда ушла вся ея прежняя счастливая, занятая жизнь! какъ и когда все выскользнуло изъ ея рукъ? Она не могла припомнить ни одного рѣзкаго случая, ни одной катастрофы, ни одной сцены; въ первое время женитьбы отца, казалось, все шло по прежнему; Наташа не могла ни на что пожаловаться. Мачиха была вовсе не злая, даже не капризная; съ виду нисколько не деспотка; а между тѣмъ—незамѣтно и постепенно,—какъ геологическій переворотъ, какъ наносъ одной почвы на другую,—съ водвореніемъ Александры Ивановны, началось радикальное измѣненіе привычекъ, образа жизни и всего духа дома Колевиныхъ. Всѣ ея требованія и нововведенія казались вполнѣ разумными; нельзя было ничего сказать противъ примѣрнаго порядка и аккуратности, которые она желала завести въ домѣ. Но когда ея стараніями установились строго опредѣленные часы для каждаго занятія, когда назначенъ былъ бюджетъ расходовъ для каждаго мѣсяца, такъ что выйти изъ этого бюджета не допускалось ни для чего на свѣтѣ, когда чистоплотность дошла до того, что не позволялось дотрогиваться руками до политуры столовъ и ставить ноги на скамеечки—тогда всѣ въ домѣ почувствовали себя чѣмъ-то задавленными, лишенными свободы и воздуха.

Прежде всего прервались короткія отношенія со Стебальскимъ, хотя Александра Ивановна всячески старалась удержать его, не знала, куда посадить, какъ угостить, какъ поддѣлаться къ нему. Она питала безграничное уваженіе ко всему успѣвающему въ своей карьерѣ. Но самъ Стебальскій не могъ выносить ни ея угодли-

Digitized by Google

странный, но, по англійскимъ понятіямъ, вполнѣ модный костюмъ, назначивши Наташѣ уроки и занятія на весь день, взяла извощика и отправилась на Васильевскій Островъ. Всѣ были очень покойны и веселы, и никто изъ нихъ не мыслилъ, какой важный результатъ произойдетъ отъ этой, повидимому, такой обыкновенной поѣздки.

ГЛАВА III.

Черезъ три дня послѣ того, Стебальскій, съ озабоченнымъ и безпокойнымъ лицомъ, поспѣшно входилъ въ квартиру Колевина. Въ его кабинетѣ онъ нашелъ Наташу, горько плачущую въ объятіяхъ отца; она даже, противъ обыкновенія, не обрадовалась Стебальскому, а выбѣжала изъ комнаты, зажавъ глаза рукою.

— Что же это, наконецъ, такое! началъ Стебальскій:—я все не пойму еще хорошенько. Неужели Викторія Августовна въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ отъ васъ? Зачѣмъ—почему?

— Да все изъ за этихъ сплетенъ, съ унынiемъ отвѣчалъ Колевинъ.

— Я не могу повѣрить, чтобъ какая нибудь ничтожная, мерзкая сплетня могла имѣть значеніе въ глазахъ умной женщины. Чтобъ эта женщина могла изъ за этого бросить домъ, гдѣ прожила семь лѣтъ, гдѣ всѣ ея привязанности, всѣ ея интересы!

— Я и самъ сначала такъ думалъ, возразилъ Колевинъ: — пока она мнѣ не объяснила. Я вчера долго и много разговаривалъ съ нею, и я понялъ, что съ ихъ точки зрѣнія она права. Они— то есть эти англичане, не дѣлаютъ компромиссовъ и не отступаютъ ни на шагъ отъ разъ принятаго взгляда на вещи. Можетъ быть, этотъ взглядъ узокъ, но зато онъ непоколебимъ; онъ не двоится, не расплывается въ разныхъ философскихъ теоріяхъ, какъ у насъ.

— Все-таки это взглядъ нелѣпый! вскричалъ съ гнѣвомъ Стебальскій:—неужели у нея нѣтъ собственной оцѣнки, что она приходитъ въ смятеніе и въ отчаяніе оттого, что кто-то сказалъ, будто она живетъ въ незаконной связи!

Digitized by Google

— Собственная оцѣнка у нея есть, и именно потому, что она высоко себя ставитъ, она и не хочетъ терпѣть ни малѣйшаго пятна на своемъ имени. Для нихъ чрезвычайно важны эти понятія: честь, долгъ, репутація женщины. По крайней мѣрѣ, въ ея семьѣ это такъ. Ея мать и братъ пріѣхали собственно затѣмъ, чтобъ увѣдомить ее, что вотъ какіе слухи: что она живетъ у вдовца полной хозяйкой, и вдобавокъ, что у этого вдовца есть пріятель, ami de la maison... и она дѣлитъ свою благосклонность между обоими...

Стебальскій вспыхнулъ и пробормоталъ проклятіе.

— Ну, и они теперь требуютъ, чтобъ она ѣхала съ ними въ Эйдкуненъ, продолжалъ Колевинъ: — тамъ они уже пріискали ей мѣсто. И знаешь ли, кто изъ всей семьи больше всего настаиваетъ на этомъ? Георгъ!

— Неужели?

— Онъ тутъ главное лицо. Изъ-за него мадамъ Риднеръ такъ дорожитъ своимъ именемъ. Она даже проговорилась мнѣ, что еслибъ у нея не было сына, она бы еще подумала.

— И онъ принимаетъ ея жертву?

— Онъ сказалъ ей при мнѣ: «Если вы останетесь, то я не останусь. Я перейду на квартиру и буду содержать себя уроками».

— Это въ четырнадцать-то лѣтъ! Мальчикъ съ характеромъ, замѣтилъ Стебальскій. Но неужели мы-то ужь совсѣмъ безъ характера и должны покоряться всему, не шевеля пальцемъ! Подумай о Наташѣ. Вѣдь для нея чрезвычайно важно кончить воспитаніе подъ руководствомъ такой женщины, какъ Викторія.

— Разумѣется.

— Куда же ты дѣнешь теперь Наташу?

— Придется отдать въ гимназію.

— Хорошо. Не говоря уже о томъ, что ученіе пойдетъ хуже и слабѣе, вѣдь Наташа, приходя изъ гимназіи, будетъ совершенно одна, въ обществѣ кухарки и ея друзей. И ты, и я, мы постоянно заняты.

— Надо искать другую гувернантку, сказалъ со вздохомъ Колевинъ.

Digitized by Google

— А если эта другая будетъ то же, что кухарка, или хуже? Ты забылъ, что у тебя смѣнилось ихъ шесть, прежде чѣмъ ты напалъ на Риднеръ—и каковы онѣ были!

— Въ такомъ случаѣ, можно будетъ отдать Наташу жить въ какую-нибудь знакомую семью.

Глаза Стебальскаго сверкнули гнѣвомъ.

— Отдать Наташу? вскричалъ онъ, отступая, и тотчасъ же прибавилъ иронически:—Да, конечно, почему не отдать? Особливо, если ты имѣешь въ виду разрушить въ своей дочери все, что ей до сихъ поръ съ такимъ тщаніемъ прививали, развить въ ней презрѣніе къ труду, лѣность и пустоту; тогда, конечно, отдай ее въ чужую семью.

— Да что же, наконецъ, мнѣ дѣлать? вскричалъ Колевинъ.

— Надо, чтобъ Риднеръ осталась.

— Какъ же это сдѣлать?

— Я не знаю какъ; но надо это сдѣлать.

— Поди, уговори ее, сказалъ Колевинъ, оживившись надеждой и твердо вѣря въ убѣдительность доводовъ своего друга.

Стебальскій пошелъ къ англичанкѣ, а Колевинъ одѣлся и поѣхалъ въ клинику.

На другой день они свидѣлись на консультаціи у одного больнаго, и вышли оттуда вмѣстѣ.

— Какъ дѣла? спросилъ Колевинъ: — ты говорилъ вчера съ Риднеръ?

— Говорилъ.

— И никакого успѣха?

— Я долженъ признать себя разбитымъ на голову. Викторія Августовна такъ ясно и точно выяснила мнѣ свои взгляды, мотивы и характеръ, что хотя я и не согласенъ съ ней, но, по совѣсти, я не могъ ее уговаривать поступить противъ ея убѣжденій. Да это и безполезно было бы; такія опредѣленныя понятія о добрѣ и злѣ, какъ у нея, не поколеблятся отъ чужихъ словъ. Но она страшно огорчена сама; неравнодушно она оставляетъ Наташу.

— Я это знаю, прервалъ Колевинъ:—какъ она ни сдержана, а не можетъ удержаться отъ слезъ при взглядѣ на нее. И

Digitized by Google

притомъ, какъ хочешь: она жила здѣсь столько лѣтъ—ее уважали, цѣнили, любили. Сынъ ея пользовался всѣми учителями Наташи, кровомъ и содержаніемъ; я помѣстилъ его въ консерваторію...

— Я ужь не знаю, прервалъ Стебальскій:—насколько могутъ на нее вліять эти практическія соображенія; но что разлука съ Наташей для нея истинное горе—въ этомъ я убѣдился.

— И такъ ты надѣешься, что...

— О, нѣтъ, о колебаніи не можетъ быть и рѣчи. Она не передумаетъ, она дѣлаетъ это для сына. Но, мнѣ кажется, есть очень простой способъ уладить дѣло.

— Какой способъ?

— Тебѣ жениться на ней.

— Колевинъ съ досадой махнулъ рукой.

— Почему нѣтъ? убѣждалъ Стебальскій:—ты любишь свою дочь: ты долженъ сдѣлать все для ея блага и пользы. Эту женщину ты узналъ вполнѣ въ эти семь лѣтъ; она превосходная воспитательница, она честная, благородная, здравомыслящая...

— Перестань! рѣзко оборвалъ его Колевинъ:—ты не знаешь самъ, что ты мнѣ предлагаешь, не знаешь, что такое для человѣка *жена*!.. Это... это просто профанація! Даже для дочери я не соглашусь на это. Конечно, тебѣ простительно не понимать: ты никогда не любилъ, никогда не былъ счастливъ съ женщиной... передъ тобой не стоитъ память прошлаго!..

Стебальскій поблѣднѣлъ; и оба они, въ волненіи, шли долго молча. На поворотѣ улицы, гдѣ они должны были разойтись, Стебальскій вдругъ сказалъ угрюмо и твердо, хотя съ разстановкой:

Ну да; я... никогда... не былъ любимъ. Мнѣ нечего профанировать никакихъ воспоминаній. Я знаю, что дѣлать.

— Ужь не женишься ли на ней самъ? спросилъ съ усмѣшкой Колевинъ.

— Да, отрывисто отвѣтилъ тотъ, повертывая въ другую улицу.

Прошелъ день. Стебальскій вовсе не показывался къ Колевинымъ.

Мадамъ Риднеръ начала уже укладывать свои вещи; но умышленно длила время, дотого тяжело ей было разставаться со всѣмъ,

Digitized by Google

съ чѣмъ она уже сроднилась. Глаза Наташи опухли отъ слезъ, и она съ истерическими рыданіями бросилась на шею Стебальскаго, появившагося наконецъ къ нимъ.

— Довольно, довольно, сказалъ онъ и строго, и нѣжно:— развѣ можно такъ давать себѣ волю? Это не горе, а блажь.

Наташа вмигъ затихла; этотъ голосъ всегда покорялъ ее.

— Гдѣ Викторія Августовна? спросилъ онъ.

— Въ своей комнатѣ.

— Поди скажи, что я прошу у нея позволенія прійти къ ней.

Наташа знала, что комната гувернантки, по англійскимъ понятіямъ, считалась неприкосновенною; самъ хозяинъ дома не впускался никогда въ это святилище. Поэтому она была увѣрена, что Стебальскій получитъ отказъ; но, любопытствуя видѣть, какъ это все будетъ, побѣжала исполнить порученіе. Къ ея удивленію, Викторія, заставивъ ее повторить два раза, что это, точно, Стебальскій желаетъ прійти къ ней, изъявила согласіе. Еслибъ Наташа была старше, она замѣтила бы, что ея воспитательница чуть замѣтно покраснѣла.

Но когда Стебальскій вошелъ, она была опять также холодно спокойна, также невозмутима и вѣжлива до чопорности, какъ всегда. Онъ сѣлъ въ кресло, которое она ему указала, и нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Викторія думала, что онъ пришелъ опять уговаривать ее, и внутренно укрѣплялась духомъ, чтобъ не поддаваться.

— Я пришелъ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, началъ онъ.

— Какой?

— Хотите ли вы быть моей женой?

Викторія быстро привстала, и опять сѣла. Лицо ея сдѣлалось на минуту огненнаго цвѣта; потомъ кровь отхлынула, и она стала бѣлѣе платка.

— Что? переспросила она какимъ-то не своимъ голосомъ, будто не довѣряя своему слуху.

Стебальскій повторилъ твердо и отчетливо, но съ ощущеніемъ человѣка, погружающагося въ холодную воду:

— Я прошу васъ быть моей женой. Это заставитъ замолчать

Digitized by Google

всѣ злыя сплетни. Вы останетесь съ нами, съ Наташей. Мы знаемъ другъ друга семь лѣтъ, и... не знаю, какъ вы — но я уважаю васъ. Я люблю Наташу, какъ дочь, и вы ее любите. Будемъ воспитывать ее вмѣстѣ. Скажите слово, и — мы всѣ опять будемъ счастливы.

Онъ ждалъ отвѣта, и, не получая его, молча посмотрѣлъ въ лицо англичанки. Никогда онъ не видалъ ее такою; она дѣлала тщетныя усилія, чтобъ скрыть необыкновенное выраженіе своего лица, дрожаніе губъ, блескъ глазъ; наконецъ она прошептала едва слышнымъ голосомъ:

— Извините меня... Я не могу отвѣчать теперь... Это слишкомъ внезапно... Я...

Вдругъ ея глаза закрылись, голова запрокинулась назадъ, и ей сдѣлалось дурно, въ первый разъ въ теченіе семи лѣтъ.

Стебальскій поспѣшно позвалъ къ ней Наташу и ушелъ домой, взволнованный и разстроенный. Онъ совсѣмъ не такъ представлялъ себѣ это свиданіе. Въ его мысляхъ это была простая сдѣлка между двумя разумными людьми, имѣющими общую цѣль, и онъ ожидалъ, что Викторія Риднеръ методично и хладнокровно изложитъ ему свой взглядъ на этотъ предметъ. Ея волненіе ошеломило его; ему все представлялось ея неузнаваемое лицо, озаренное какимъ-то сіяніемъ радости. И потомъ этотъ обморокъ... Однимъ словомъ, нельзя было не понять, что это значило, и Стебальскій принужденъ былъ понять. Такое неожиданное усложненіе ему чрезвычайно не нравилось. Викторія никогда не была для него женщиной; онъ даже не зналъ, молода ли она, хороша, или дурна. Женясь на ней, онъ разсчитывалъ быть по прежнему свободнымъ и одинокимъ.

«Я высказалъ ей, что не люблю ее; высказалъ мои мотивы, мою единственную цѣль—воспитаніе Наташи. Я ее не обманываю; пусть разсуждаетъ сама».

Вечеромъ коммиссіонеръ принесъ ему записку изъ дома Колевина. «Я согласна. Викторія Риднеръ».

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ отчаяннымъ поступкомъ Стебальскаго. Послѣ его свадьбы, все пошло по прежнему; произошло только перемѣщеніе изъ однихъ стѣнъ въ другія. Оба семейства наняли двѣ квартиры рядомъ, въ одномъ и томъ же домѣ, и Наташа продолжала быть неразлучной съ своей воспитательницей. Викторія Августовна вполнѣ оправдала мнѣніе Стебальскаго о ней: она ни на волосъ не отступила отъ программы своихъ дѣйствій и занятій; точно также занималась Наташей, также мало выѣзжала и не заводила никакихъ знакомствъ, хотя мужъ предоставилъ ей въ этомъ полную свободу и просилъ распоряжаться его деньгами, какъ ей угодно. Но она угадывала инстинктомъ, что̀ ему нравилось, и, изъ всѣхъ своихъ правъ, воспользовалась только однимъ: поставить домъ на образцовую ногу, завести хорошую прислугу, хорошій столъ, и водворить вездѣ чисто-англійскій комфортъ. Сынъ ея, Георгъ, остался при ней, переселившись въ квартиру Стебальскаго. Одобрялъ ли онъ бракъ матери — неизвѣстно; молчаніе его было признакомъ согласія; къ отчиму своему онъ относился съ холоднымъ уваженіемъ. Онъ сталъ учиться еще прилежнѣе и серьезнѣе, и только одна Наташа имѣла даръ вызывать его на улыбку и на разговоръ.

Раскаявался ли когда нибудь Стебальскій въ своемъ безумномъ поступкѣ—никто не узналъ. Онъ еще съ бо̀льшимъ жаромъ занялся своей профессіей и весь отдался наукѣ, избравъ себѣ спеціальность душевныхъ болѣзней.

Такимъ порядкомъ шла ихъ жизнь, до одного достопамятнаго дня, который долженъ былъ измѣнить многое.

Это было въ послѣднихъ числахъ мая, болѣе двухъ лѣтъ спустя послѣ женитьбы Стебальскаго. Солнце свѣтило уже по весеннему, день яркій, праздничный. Колевина не было дома; Стебальскій только что уѣхалъ по какому-то дѣлу въ Колпино. Наташа проводила время у своей пріемной матери, и, сидя за роялью, старалась выучить съ рукъ мелодію, которую наигрывалъ ей Георгъ,

Digitized by Google

бывшій дома по случаю праздника. Но дѣло у нихъ не клеилось и говорили они принужденно. Наташа часто обращала на своего учителя робкій и вопросительный взглядъ; но онъ не отвѣчалъ ей ни взглядомъ, ни улыбкой. Его статуйно-правильныя черты сохраняли неподвижность; но Наташа знала, что этой безстрастной наружности нельзя довѣряться, что подъ нею можетъ накипать сильное чувство. Наташа также взглядывала и на Викторію Августовну: въ той виднѣлись уже несомнѣнные признаки волненія; лицо ея, противъ обыкновенія, горѣло неровнымъ румянцемъ, и катушка съ красной бумагой два раза падала изъ ея рукъ на полъ.

Дѣло въ томъ, что, передъ уходомъ Стебальскаго, между ними произошло столкновеніе — первое во все время ихъ совмѣстной жизни. Вышедши изъ своего кабинета совсѣмъ одѣтый, онъ увидѣлъ въ гостинной слѣдующую сцену: серьезный Георгъ держалъ на рукахъ Наташу, чтобъ дать ей поближе поглядѣть на высоко висѣвшую картину. Стебальскій вспыхнулъ и сказалъ ей рѣзко:

— Сойди сейчасъ на полъ; ты не маленькая, чтобъ позволять съ собой такое обращеніе. Тебѣ скоро тринадцать лѣтъ; стыдись! въ тебѣ нѣтъ скромности.

Викторіи стало жаль сконфуженную Наташу, и еще болѣе обидно за сына, получившаго урокъ косвеннымъ образомъ. Его нахмуренное лицо показывало ясно, какъ страдала его щекотливая гордость.

— Это было при мнѣ, замѣтила Викторія мужу: — а если я ничего не говорю, Наташа вправѣ думать, что она не дѣлаетъ ничего дурнаго.

— Въ такомъ случаѣ, оставайтесь при вашихъ понятіяхъ о томъ, что хорошо и дурно; а я останусь при своихъ.

Съ этими словами онъ вышелъ и уѣхалъ въ Колпино, не простясь, противъ обыкновенія, ни съ кѣмъ.

Викторію сразило его неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что ея неподкупная англійская совѣсть говорила ей, что Стебальскій былъ правъ, и что сама она, еслибъ это только не былъ ея Георгъ, не

Digitized by Google

допустила бы такой безцеремонности. Но сближеніе Наташи съ ея сыномъ было ей пріятно, и потому она покривила душою. Все остальное время дня она была неспокойна, и нетерпѣливо желала возвращенія мужа, чтобъ помириться съ нимъ и возвратить его хорошее мнѣніе.

— Прощайте, мама, сказалъ вечеромъ Георгъ.

— Какъ! куда же ты? спросила она безпокойно.

— Я иду ночевать къ одному товарищу; мы будемъ вмѣстѣ заниматься.

— Иди, Богъ съ тобой.

Георгъ помолчалъ немного и прибавилъ:

— Можетъ быть, я буду жить съ этимъ товарищемъ.

— Жить?.. да развѣ тебѣ дурно жить здѣсь, у... меня? спросила мать, и сердце ея стѣснилось.

— Мнѣ не дурно; но этотъ домъ не нашъ.

— Георгъ! вскричала Наташа, схватывая его за обѣ руки:— ты хочешь уйти отъ насъ, оттого, что Левъ Николаевичъ сказалъ... Тебѣ это не понравилось, и ты сейчасъ мстить!.. О, какой ты гордецъ. Левъ Николаевичъ никогда не хотѣлъ тебя обидѣть, онъ справедливый!

— Все это вздоръ, Нелли, сказалъ спокойно Георгъ:—я никому не хочу мстить. Понимаешь ли ты, что я теперь въ такихъ годахъ, что могу самъ содержать себя. Развѣ хорошо имѣть руки, умъ, образованіе, и пользоваться чужимъ хлѣбомъ и чужимъ кровомъ,—какъ ты думаешь?

— Да, это такъ, сказала Наташа: — но ты будешь ходить къ намъ?

— Буду.

— Мать горячо обняла его. Она гордилась имъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ. Отпустивши Георга, она скоро послала также Наташу спать. Ей хотѣлось быть одной, когда пріѣдетъ Стебальскій. Поѣздъ изъ Колпина долженъ былъ прійти съ часъ тому назадъ, а его все не было. Конечно, онъ могъ зайти куда нибудь, но все-таки странно, что его нѣтъ; онъ хотѣлъ пріѣхать именно съ этимъ послѣднимъ поѣздомъ. Викторія значительно перемѣнилась характе-

Digitized by Google

ромъ со дня своего замужества; ея безмятежность и самообладаніе по временамъ оставляли ее. Въ плавное и ровное теченіе ея жизни примѣшался теперь интересъ, котораго прежде не было. Была ли она счастлива—никто не зналъ; но она похудѣла противъ прежняго, и глаза ея приняли измѣнчивое выраженіе грусти, мягкости и неудовлетвореннаго желанія.

Такъ и теперь она волновалась ожиданіемъ, какъ какая нибудь молоденькая новобрачная. Вдругъ въ кухнѣ она услышала шумъ и громкіе голоса. При порядочности ихъ дома, это было довольно необыкновенное явленіе. Викторія только было протянула руку къ сонеткѣ, чтобъ спросить о причинѣ безпорядка, какъ горничная вошла сама.

— Знаете, барыня, говорятъ, несчастье случилось, сказала она испуганно.

— Какое несчастье?

— На желѣзной дорогѣ несчастье, вотъ съ этимъ самымъ поѣздомъ, на которомъ нашъ баринъ ѣдетъ.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ, весь народъ. Хоть у дворника спросите. Ужь многіе съ нашего двора туда поскакали, у кого на этомъ поѣздѣ были свои.

Викторію, будто, что-то ударило въ голову. Она пошла въ кухню, гдѣ уже тараторили двѣ чужія кухарки, послала за дворникомъ, и хотя свѣдѣнія были сбивчивыя, преувеличенныя и неточныя, убѣдилась, что дѣйствительно произошло съ поѣздомъ что-то ужасное. Колевинъ также еще не возвращался домой; бѣдная женщина была совсѣмъ одна. Она тотчасъ разослала нарочныхъ на станцію и во всѣ тѣ мѣста, гдѣ могъ быть Стебальскій.

Посланный на станцію дольше всѣхъ не возвращался; зато привезъ кучу извѣстій. Произошло столкновеніе поѣздовъ въ десяти верстахъ отъ Петербурга; много раненыхъ и убитыхъ; туда уже отправлены лазаретныя фуры, фельдшера и сестры милосердія; но никто изъ спасшихся еще не появлялся, и про Стебальскаго ничего неизвѣстно.

— Приведи мнѣ извощика, найми его прямо туда, гдѣ... случи-

Digitized by Google

лось... это, выговорила Викторія какимъ то сдавленнымъ голосомъ, и начала одѣваться.

Голова у нея кружилась; но ее поддерживала мысль, что Стебальскій, можетъ быть, тамъ, хлопочетъ около раненыхъ и потому не ѣдетъ домой. Ночь была совершенно темная отъ нависшихъ на небѣ сѣрыхъ облаковъ; по временамъ принимался моросить дождь. Въ первый разъ Викторіи приходилось ѣхать одной на извощикѣ, и въ такую даль, по ужасной дорогѣ, но она не о томъ думала. Единственнымъ сильнымъ чувствомъ, какое она когда нибудь ощущала, была любовь ея къ Стебальскому, которую она, какъ сокровище, стыдливо скрывала даже отъ него. Она знала, что онъ ее не любитъ, но ей не больно было имѣть соперницей науку, а не женщину, и все таки она гордилась тѣмъ, что онъ выбралъ ее и окружилъ вниманіемъ и уваженіемъ. Сегодня въ нервый разъ что то въ родѣ размолвки прошло между ними, и эта мысль разрывала ей сердце...

Всю дорогу, въ темнотѣ мимо нея двигались какія то массы, толпы людей, раздавались отдаленные сигналы, крики, скакали верховые. Нѣкоторые ѣхали такъ же, какъ она, на извощикахъ, съ тою же цѣлью, какъ и она. Вотъ наконецъ роковая станція... огни, суета, люди, бѣгающіе съ фонарями...

Викторія, шатаясь, вошла въ залъ. На полу, кучами лежали раненые; слышались стоны; доктора громко отдавали приказанія, сестры милосердія дѣлали перевязки. По временамъ раздавался истерическій крикъ женщины, нашедшей своего мужа или сына изуродованными или убитыми; многія лежали безъ чувствъ, и сторожа брызгали ихъ водою.

Викторія побывала во всѣхъ залахъ, на всѣхъ платформахъ, искала между ранеными и не уставала спрашивать у сторожей, у докторовъ, у знакомыхъ и незнакомыхъ: «Не видали ли доктора Стебальскаго, былъ ли на этомъ поѣздѣ докторъ Стебальскій?» Одни вовсе не отвѣчали ей, другіе говорили второпяхъ: «Нѣтъ. Не знаю. Да, кажется, былъ». Всѣ были заняты своимъ; всѣ потеряли голову. Викторія попросила, чтобъ ей показали убитыхъ. Ее повели, и она вглядывалась въ мертвыя лица, въ одежды: она

Digitized by Google

не чувствовала ни ужаса, ни слабости; всѣ нервы ея были натянуты одной только мыслью. И тутъ Стебальскаго не было—все-таки облегченіе. Викторія спросила, всѣ ли убитые и раненые перенесены на станцію?

— Которые на виду были, тѣхъ и перенесли, отвѣчалъ сторожъ:—а кто ихъ знаетъ, сколько еще придавленныхъ тамъ подъ вагонами. Вотъ завтра утромъ все окажется.

У Викторіи сердце захолонуло при этихъ словахъ. Въ головѣ ея мгновенно пронеслись разные случаи, слышанные ею: какъ одинъ нѣсколько часовъ пролежалъ забытый въ вагонѣ съ переломленными ногами, какъ другой сгорѣлъ на угляхъ развалившейся печи, не имѣя силъ отодвинуться...

— Далеко ли то мѣсто, гдѣ лежатъ разбитые вагоны? спросила она.

— Нѣтъ; не больше версты будетъ. Туда вамъ подъѣхать нельзя, дорога загромождена; а вы идите пѣшкомъ все прямо по рельсамъ.

Викторія пошла. Надежда найти мужа живымъ все болѣе и болѣе исчезала въ ней. Слезы лились изъ ея глазъ и ослѣпляли ее; ничего не различая передъ собою, она шла по рельсамъ. Ее толкали, сбивали съ ногъ, перебѣгали ей дорогу. Наконецъ вдали показались какіе то бѣгающіе огоньки, и то, что они освѣщали, казалось еще ужаснѣе при ихъ свѣтѣ. Какія то темныя массы преграждали путь; обломки, осколки, валяющіеся тюки, желѣзо, поверженные на землю остатки вагоновъ разсказывали мрачную повѣсть разрушенія, ужаса и хаоса, царившихъ здѣсь нѣсколько часовъ назадъ.

Не обращая ни на что вниманія, устремивъ глаза впередъ на движущіеся огоньки фонарей, Викторія шла поспѣшно, пробираясь между вагонами, какъ вдругъ съ одного изъ нихъ сорвался громадный тюкъ, опрокинувшій ее... Что-то тяжелое придавило ей ноги, съ нестерпимой болью раздробляя члены.

Въ ту же минуту на нее чуть не наѣхала тачка, которую толкали сзади четыре человѣка.

— Стой, стой! закричали голоса: — что тутъ такое? кого-то опрокинуло.

Digitized by Google

Почти тотчасъ же послышался спокойный, строгій голосъ Стебальскаго,—но Викторія не могла уже его слышать!

— Что—человѣка задавили? спрашивалъ онъ.

— Да не видать, ваше благородіе, отвѣчали ему.

— Мало было того несчастья... надо еще тачками давить людей! проговорилъ съ горечью Стебальскій:—ну, несите сюда!.. осторожнѣе поднимайте.

— Это какая-то барыня, сказали люди, освобождая Викторію и перенося ее подъ свѣтъ газоваго фонаря.

Стебальскій наклонился надъ нею, но тотчасъ же опять отшатнулся, узнавъ лицо своей жены. Онъ и безъ того былъ блѣденъ, одна рука висѣла на перевязи, кое-гдѣ на одеждѣ виднѣлась кровь. Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ той случайности, что во время столкновенія поѣздовъ стоялъ на наружной платформѣ вмѣстѣ съ кондукторомъ. Оба они соскочили, рискуя жизнью; въ первую минуту ничего сгоряча не почувствовали, вскочили и перебѣжали на другую сторону дороги. Но потомъ у кондуктора оказалась грудь разбита, а у Стебальскаго сильный ушибъ лѣвой руки. Онъ перевязалъ носовымъ платкомъ больную руку, и все время оставался тутъ, подавая помощь раненымъ и отыскивая ихъ между обломками вагоновъ. Викторія опоздала только минутой увидать его!..

(*Продолженіе будетъ*).

П. Лѣтневъ.

Digitized by Google

ЗОЛОТО.

Глубокò подъ горою могучей
Золотая хоронится жила,
И гора эта кажется тучей,
Что̀ огнистую молнію скрыла.
Сотни лѣтъ безотходно, толпою,
Не жалѣя измученной груди,
Сквозь утесы желѣзной киркòю
Пробиваются къ золоту люди...
Но стоятъ некрушимые скаты,
Подъ ударами боли не зная,
И надежно въ гранитныя латы
Заковалася грудь золотая...

Съ той поры, какъ во мракѣ угрюмо
Схоронилося старое вѣче,
Спитъ великая, вѣщая дума
Въ самомъ сердцѣ народа, далече...
Гдѣ оно—не отъищешь примѣты,
Не забьется подъ твердой корою...
Сотни лѣтъ мудрецы и поэты
Въ грудь народа стучались толпою;
Шли за нимъ въ рудники и остроги
И ложилися вмѣстѣ въ могилы,
Но—къ народному сердцу дороги
Отъискать у нихъ не было силы!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

Digitized by Google

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опытъ нравственной статистики столичнаго населенія.

I.

Діагнозъ современной русской дѣйствительности.

(Вмѣсто введенія).

Въ современномъ настроеніи русской «внутренней политики», русской мысли и русскаго общественнаго мнѣнія съ особенной рельефностью проступаетъ одна яркая характеристическая полоса, а именно: изъ всѣхъ сферъ и предметовъ вѣдѣнія и практики наиболѣе острый и живой интересъ отдается у насъ вопросамъ и явленіямъ *общественной нравственности*.

Положимъ, люди вездѣ и во всѣ времена интересовались болѣе всего своими собственными нравами и явленіями своего соціальнаго устройства и быта, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что русское общество никогда еще, кажется, не было такъ озабочено состояніемъ своей нравственности, или, говоря терминомъ соціологовъ,—состояніемъ «*гигіены* своего общественнаго союза», какъ въ наши дни. Это можно видѣть на каждомъ шагу, въ многочисленныхъ примѣрахъ. Забота и интересъ по отношенію къ соціально-нравственной области рѣшительно охватили все и всѣхъ, хотя и выражаются въ крайне разнообразныхъ, взаимно-сталкивающихся направленіяхъ и формахъ.

Съ высоты Престола, съ амвона церковнаго проповѣдника, съ трибуны прокурора, съ каѳедры профессора и публичнаго лектора, въ административныхъ «программахъ», циркулярахъ и мѣропріятіяхъ, въ общественныхъ «совѣщаніяхъ», въ руковод-

Digitized by Google

ствѣ системой народнаго образованія, въ книгахъ, журналахъ и газетахъ,—словомъ, повсюду идетъ оживленная, тревожно-обличительная и охранительная агитація около расшатанныхъ, повидимому, основъ индивидуальной, семейной и общественной нравственности и права. Въ этомъ сходятся всѣ наши «партіи», всѣ «направленія», литературныя и политическія, отъ крайнихъ «консерваторовъ» до крайнихъ «либераловъ» и даже «анархистовъ», которые тоже, вѣдь, пропагандируютъ и дѣйствуютъ во имя нравственнаго идеала, только по своему понятію.

Всего нагляднѣе выражается преобладаніе этого всезахватывающаго настроенія, конечно, въ литературѣ и журналистикѣ. Возьмемъ, напр., ежедневныя газеты. Въ каждомъ ихъ листкѣ самое видное мѣсто занимаютъ нынѣ нескончаемые отрицательные факты и аномаліи нашихъ семейныхъ и общественныхъ нравовъ, наряду съ ихъ «освѣщеніемъ», констатированьемъ ихъ источниковъ и указаніемъ на мѣры къ ихъ искорененію. Въ этихъ фактахъ и аномаліяхъ—«злоба» каждаго дня, въ нихъ подзадаривающій интересъ каждаго печатнаго листка, каждой устной бесѣды. Газета считается «неинтересной», если въ ея ежедневномъ меню не преподносится благосклоннымъ читателямъ какой нибудь, болѣе или менѣе, крупный криминалъ, какой нибудь скандалъ или «происшествіе», приправленные пикантнымъ соусомъ.

Смѣшно сказать, пришло къ тому, что самое слово *фактъ* стало означать на газетномъ языкѣ какъ бы синонимъ законо нарушенія, или скандала. Ежели «фактъ», то читатель непремѣнно ждетъ—либо кто нибудь проворовался, либо кому нибудь на бокъ скулу своротили въ пріятельской бесѣдѣ, либо кого нибудь прирѣзали, либо кто нибудь самъ себѣ пулю всадилъ въ лобъ, въ припадкѣ меланхоліи, — вообще, что нибудь въ подобномъ хищническомъ и членовредительномъ родѣ. И чѣмъ крикливѣе и возмутительнѣе такіе «факты», тѣмъ острѣе возбуждается ими интересъ публики, тѣмъ оживленнѣе по поводу ихъ толки, тѣмъ бойчѣе расходятся тѣ газеты, въ которыхъ они описаны съ возможно-большей обстоятельностью. Являются попытки—и весьма нерѣдко—эксплуатировать эту алчность общественнаго любопытства къ картинамъ человѣческаго паденія, че-

Digitized by Google

ловѣческой порочности и злобы. Выработался особый родъ *протокольной* литературы, спеціализирующей картинное, циническое, до послѣдней нитки разоблачающее изображеніе разнаго рода преступленій, скандаловъ, семейныхъ драмъ и романовъ, съ фотографическими портретами ихъ героевъ и дѣйствующихъ лицъ.

За газетами втягиваются въ ту-же колею «толстые» и тонкіе журналы, каждый, конечно, съ своей точки зрѣнія и съ большей или меньшей степенью серьезности и брезгливости.

Поэты, романисты, драматурги, сатирики, критики, публицисты и ученые изслѣдователи, всѣхъ безъ различія лагерей, одинаково посвящаютъ нынѣ свои перья главнымъ образомъ соціальнымъ болѣзнямъ и нарушеніямъ въ общественномъ организмѣ, а также типичнымъ отступленіямъ и искаженіямъ характера современнаго *человѣка* и *гражданина*. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ всякаго рода фигурируютъ на первомъ планѣ отрицательные типы: казнокрады, спекулянты, кулаки и міроѣды, банкократы и банкокрады, карьеристы, «червонные валеты», развратники, падшія женщины и т. д., включительно до «гражданъ ретирадныхъ мѣстъ», по саркастическому опредѣленію г. Щедрина. Съ другой стороны, въ работахъ публицистическихъ и соціологическихъ, въ изслѣдованіяхъ современнаго юридическаго и экономическаго быта, общественная мысль опять таки сосредоточивается главнымъ образомъ на болѣзненныхъ явленіяхъ и симптомахъ разложенія, глубоко разъѣдающихъ, будто-бы, организмъ нашего общества въ самыхъ его основахъ и учрежденіяхъ. «Никогда,—говоритъ одинъ проницательный наблюдатель,—не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ».

Если это такъ, то—естественно—эта боязнь, эта забота объ «огражденіи» выходятъ изъ сознанія, что указанные принципы поколеблены, что ихъ авторитету грозитъ опасность. Словомъ, во всей литературѣ стоитъ какой-то стонъ отчаянья, какая-то мрачная хандра,—хандра повальная и признаваемая даже обязательной для каждаго граждански - мыслящаго человѣка, потому что нечему радоваться, и радость въ наши дни просто постыдна, по мнѣнію одного критика-публициста. Всѣ органы періодиче-

Digitized by Google

ской прессы за послѣднее время, писатели всѣхъ направленій и оттѣнковъ, отъ Некрасова и Щедрина до Каткова, кн. Мещерскаго и Цитовича, единодушно сходились въ *отрицательномъ* отношеніи къ современной русской дѣйствительности. Для всѣхъ нашъ вѣкъ—вѣкъ глубокой порчи, русское общество представляетъ печальное зрѣлище разложенія, упадка моральнаго и умственнаго, жизненной импотенціи и апатіи; русскій современный человѣкъ—«живоглотъ»: вотъ его настоящій терминъ, по опредѣленію нѣкотораго «охранительнаго» органа. Моралисты всѣхъ лагерей приходятъ въ ужасъ отъ какой-то эпидеміи кражъ, грабежей и всякаго рода «хищеній»—и не столько тѣхъ, которыя не уходятъ отъ возмездія правосудія, сколько — совершаемыхъ съ несравненно большей наглостью, въ оболочкѣ права и законности, «подъ видомъ честныхъ спекуляцій», какъ выразился поэтъ. Имъ кажется—и они это часто повторяютъ,—что никогда еще русское общество не выбрасывало изъ себя такую массу завѣдомыхъ и маскированныхъ хищниковъ, преступниковъ и негодяевъ, что никогда еще у насъ, какъ замѣтилъ одинъ публицистъ, «нравственное слабоуміе» и «нравственная одичалость» не доходили до такой чудовищной степени.

«Наше общество живетъ ложью и неправдой во всемъ—въ коммерціи и въ дружбѣ, въ службѣ и въ воспитаніи дѣтей», говоритъ другой публицистъ изъ другаго лагеря.

«Наше общество — читаемъ у третьяго — поклоняется силѣ, идея права чужда ему; идея права—это rara avis въ мірѣ, для большинства—это вполнѣ terra incognita. Вотъ почему у насъ и воруютъ. Есть всѣ побудительныя причины красть: жажда почести, богатства, силы, роскоши, и—ничего, что̀ бы удерживало отъ кражи: ни прочныхъ идеаловъ, ни системы нравственности, ни карающаго общественнаго мнѣнія»...

«Общество обратилось въ прахъ!—гремитъ съ каѳедры, словами Ройе-Коллара, извѣстный профессоръ-публицистъ.—Намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумства и отчаянье»... И затѣмъ на вопросъ: «какъ мы живемъ?» — отвѣчаетъ: «Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы попросту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ пороковъ и предразсудковъ»?.. Главную причину того, что мы

Digitized by Google

превратились въ «живыхъ мертвецовъ», что въ наши дни процвѣтаютъ торгашество, темныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзнодорожныхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, и что въ результатѣ, вмѣсто трудовой личности, общество вырабатываетъ типъ хищника,—ораторъ видитъ въ «отсутствіи нравственнаго содержанія» въ современномъ обществѣ, въ «забвеніи имъ идеаловъ».

«Характеристическое явленіе нашего времени,—отзывается на тотъ-же вопросъ распространенная газета,—это именно мелочность, недоразумѣнія, раздуваемыя въ серьезныя столкновенія, яростная полемика изъ-за выѣденнаго яйца, хаотическое смѣшеніе голосовъ и потребностей, легкомысленное сомнѣніе и еще болѣе легкомысленное отношеніе къ первѣйшимъ интересамъ государственной жизни. Отсюда хапанье однихъ и бездѣйствіе другихъ, отсюда смѣшеніе понятій не только о нравственности, но и о добрѣ и злѣ, отсюда предпочтеніе личнаго интереса государственному и общественному, отсюда что-то затхлое, отличающееся противной посредственностью, чѣмъ-то въ родѣ полудѣла, полумѣры, полухарактера; но все это вмѣстѣ порождаетъ вредныя шатанія, вредную апатію всюду»...

«Поврежденіе нравовъ,—съ своей обычной язвительностью бичуетъ наше время маститый сатирикъ,—усложнилось поврежденіемъ умовъ». Вдругъ всѣ понятія спутались, старыя подпорки, на которыхъ созидалась семейная и общественная нравственность рухнули; открылось широкое, просторное раздолье для разнузданныхъ похотей стяжанія, распутства и безумія. Выдвинулось «порожденіе новыхъ вѣяній времени изъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ оно скрывалось, и—предсталъ на судъ публики цѣлый рядъ существъ, изнемогающихъ подъ бременемъ праздности и пьяной тоски, живущихъ со дня на день, лишенныхъ всякой устойчивости для борьбы съ жизнью и не признающихъ иныхъ жизненныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія вожделѣній минуты»... Закралась неясность въ понятія о различіи между чужимъ и своимъ. Начались кражи вездѣ, и отъ нихъ ничто не спасаетъ: ни коллегіальные порядки, ни контроль, ни замки... Всюду вопль: «унесли!»—и «червонный валетъ» созрѣлъ, отшлифовался и выработался окончательно.

Поэтъ, вдохновленный «музой мести и печали», съ тою-же

Digitized by Google

безпощадностью и жгучей горечью клеймитъ современное общество громовымъ, негодующимъ стихомъ. Съ ѣдкимъ сарказмомъ осуждаетъ онъ всю эпоху, весь ея хваленый «прогрессъ». Да!— восклицаетъ онъ:

.... «*прогрессъ* подвигается,
И движенью не видно конца:
Что̀ сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца».

И какъ же иначе, когда «блаженство паденья» стало «конечной цѣлью» современнаго мудреца, когда—

«Нынѣче тоскуетъ лишь тотъ,
Кто не укралъ милліона»,

а на пиру у жизни, въ красномъ углу, по праву «соли земли», заняли мѣста *рыцари*

.... «шайки той,
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что̀ исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій.
Гдѣ сплошь да рядомъ—видитъ Богъ—
Лежатъ въ основѣ состоянья
Два, три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и грабежъ!»

Эта картина алчной хищности, огульной безнравственности, упадка гражданской доблести и апатичной безчувственности измельчавшаго, пресмыкающагося передъ грубой силой и золотымъ мѣшкомъ, современнаго общества вырываетъ изъ груди поэта вопль отчаянья и проклятья:

«Бывали хуже времена, но не было подлѣе!» подводитъ онъ, огненной чертой, какъ бы итогъ своимъ скорбнымъ наблюденіямъ.

Мы могли бы продолжить до безконечности выдержки въ такомъ духѣ изъ всего того, что высказано нашей новѣйшей литературой въ улику времени; но и приведенныхъ цитатъ довольно, чтобы утвердить читателя въ вѣрности нашего замѣчанія о преобладающей струѣ въ современномъ настроеніи русской мысли. Несомнѣнно, что мысль эта въ данную минуту насквозь проникнута отрицаніемъ и протестомъ по отношенію къ жизни и ея укладу, и, быть можетъ, никогда еще протестъ этотъ не достигалъ такой остроты, такой настойчивости и не-

Digitized by Google

примиримости. Нѣтъ почти такого жизненнаго явленія, нѣтъ такой общественной сферы, на которыхъ глазъ наблюдателя могъ бы отдохнуть, подъ угломъ зрѣнія современной русской протестующей мысли. Въ своей собственной области—въ литературѣ—эта мысль является такою же воинствующею, ничѣмъ недовольною, самобичующей и самоотрицающейся мученицей. Во всѣхъ почти органахъ текущей прессы читаемъ жалобы на упадокъ современной русской литературы—упадокъ глубокій и всесторонній, какъ въ моральномъ и умственномъ, такъ въ эстетическомъ и культурномъ отношеніяхъ. И довѣрчивому читателю думается, что наша литература въ самомъ дѣлѣ никогда еще не была такой жалкой и деморализованной, такой тощей и бѣдной талантами, знаніемъ и гражданскими добродѣтелями! Чувствуется кругомъ какой то безнадежный, непроглядный хаосъ; куда ни взглянешь, разстилается какое-то мертвое царство, полное гнили и разложенія... «Культурные» люди утратили идеалы, возвышающіе духъ человѣческій, извѣрились и изжились, измельчали и исподлились; внизу—народъ коснѣетъ, по выраженію поэта, «въ тупомъ терпѣніи», мракѣ и нищетѣ—наслѣдіи долгаго рабства... Дряхлый, изможденный общественный организмъ переживаетъ томительный моментъ агоніи, и надъ его больнымъ тѣломъ рѣетъ одно только хищное къ падали, зловѣще-каркающее воронье, да раздается въ затхломъ, смрадномъ воздухѣ вопль и плачъ Іереміи.

Таково, въ общихъ чертахъ, мрачное впечатлѣніе современной русской дѣйствительности, какъ она отражается въ своемъ зеркалѣ — литературѣ! Спрашивается, въ какой-же степени это зеркало вѣрно? Откуда это разъѣдающее недовольство жизнью, это отрицательно-мизантропическое къ ней отношеніе? Вправду ли современная русская дѣйствительность настолько печальна и хаотична, что и не можетъ дать иныхъ, болѣе свѣтлыхъ впечатлѣній, или — передъ нами ничто иное, какъ «литературная хандра», по опредѣленію г. Е. Маркова? Вотъ вопросы, имѣющіе общій интересъ и въ частности, для нашей задачи, составляющіе исходную точку! Обойти ихъ мы не можемъ.

Чтобы отвѣтить на нихъ удовлетворительно, необходимо прежде всего опредѣлить уровень предъявляемыхъ жизни требованій и запросовъ со стороны господствующихъ въ области

Digitized by Google

мысли соціально-политическихъ идеаловъ и принциповъ. Само собой понятно, что отъ степени высоты и прихотливости критеріума, выработаннаго на основаніи этихъ теоретическихъ началъ, зависитъ тотъ или другой отвѣтъ. Легко можетъ статься, что съ объективно-исторической точки зрѣнія поэтъ и не правъ, сказавши, что «подлѣе» нашего времени ничего еще въ русской жизни не было; можетъ быть, по справкѣ съ фактами прошлаго, нашлись бы времена, столько же и даже еще болѣе «подлыя». Но дѣло въ томъ, что критеріумъ общественной мысли и общественной совѣсти для нашего времени можетъ быть гораздо выше, взыскательнѣе и активнѣе, чѣмъ онъ былъ во времена предшествовавшія. И на это весьма похоже.

Несомнѣнно, что русская мысль (а слѣдственно и совѣсть), безостановочно прогрессируя и въ глубь, и въ ширь, достигла въ наши дни своего высшаго развитія, сравнительно съ предшествовавшими своими фазами. Развиваясь, какъ всегда, преимущественно теоретически и далеко опередивъ, поэтому, опытъ и прогрессъ русской дѣйствительности, относясь къ ней съиздавна, въ силу своего историческаго призванія, критически и въ духѣ отрицанія, она развернула передъ нашими глазами такія широкія перспективы, что, стоя на ихъ высотѣ, мы уже не въ состояніи успокоиться на «полудѣлахъ», «полумѣрахъ» и «полухарактерахъ». Оглянитесь кругомъ,—вы увидите, что всѣ жизненныя основы и подпорки, еще вчера казавшіяся незыблемыми, всѣ прописныя правила вѣковой морали, на которыхъ, казалось, еще вчера такъ прочно покоились наши семейныя и общественныя отношенія,—словомъ, весь почти строй нашего соціальнаго, юридическаго и экономическаго быта обращенъ въ руину безпощаднымъ анализомъ и провѣркой воинствующей мысли. Правда, сама жизнь, съ своей стороны, надломила и дискредитировала многіе, такъ называемые, «краеугольные камни» нашего общественнаго зданія. Въ то же время и тѣ традиціонные недвижные три кита, на хребтахъ которыхъ твердо стояла столько вѣковъ русская *земля*, все болѣе и болѣе теряютъ свою устойчивость въ народномъ сознаніи и шагъ за шагомъ вытѣсняются изъ него хлынувшимъ въ народъ потокомъ новыхъ понятій и требованій.

Безспорно, что повсюду—и вверху, и внизу —идетъ въ наши

Digitized by Google

дни глубокое шатаніе и ломка, повсюду совершается болѣзненный процессъ перерожденія, среди хлама и обломковъ разлагающихся формъ стараго уклада. Но, какъ всегда случается въ такія переходныя эпохи, въ обществѣ происходитъ необыкновенная путаница понятій, стремленій и интересовъ. Никто не отдаетъ себѣ яснаго отчета, куда именно надо идти, чего бояться, въ чемъ правда и спасеніе, гдѣ друзья и гдѣ враги? Въ періоды такой сумятицы и броженія старое зло, между тѣмъ, цѣпко и быстро прилаживается къ измѣняющимся жизненнымъ условіямъ, мѣняя только личину и образъ дѣйствій, и, чувствуя себя въ опасности, разнуздывается окончательно и старается заглушить угрожающіе его авторитету молодые всходы новаго, плодотворнаго жизненнаго начала, которые и испытываютъ, вслѣдствіе этого, цѣлый рядъ искажающихъ ихъ натуру наносовъ и прививокъ, а иногда и совсѣмъ чахнутъ...

Отсюда, исходъ переживаемаго обществомъ броженія и преобразовательной ломки можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получиться крайне неблагопріятный въ интересѣ искомой *правды* и въ посрамленіе застарѣлой *кривды*. Правда можетъ остаться по прежнему не въ авантажѣ, а кривда, болѣе тонкая и рафинированная, по прежнему, пребудетъ хозяйкой на пиру у жизни. Существуетъ-ли въ этомъ смыслѣ опасность въ современной русской дѣйствительности? — Да, она существуетъ. Въ настоящее время уже ясно опредѣлились признаки указаннаго выше нежелательнаго исхода пореформенной эпохи въ русской жизни...

«*Крѣпостное право* упразднено,—говоритъ одинъ авторитетный писатель, — но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому манію. Обыкновенно, говоря о немъ, разумѣютъ только отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его... Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, охватило нравы, оно изобрѣло путы, связывающія мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ, оно же вызвало цѣлую орду прихлебателей-хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ блестяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ».

Но, конечно, это вовсе еще не значитъ, чтобы крѣпостное

Digitized by Google

право, въ своихъ метаморфозахъ, имѣло вполнѣ обезпеченную будущность. Этимъ только опредѣляется и объясняется задача, представшая русской мысли. Въ виду вышеочерченнаго положенія вещей, русская мысль почувствовала себя обязанной прійти на помощь жизни и сказать въ глаза послѣднее слово этому громадному строю застарѣлой кривды, разоблачая и бичуя самыя сокровенныя его проявленія, и въ то же время отражая натискъ его сателлитовъ на молодые всходы новыхъ живоносныхъ началъ. «Надо смотрѣть прямо въ глаза реальной правдѣ,—говоритъ другой мыслитель по тому же вопросу. — Прежде чѣмъ не воспитается и не войдетъ въ жизнь генерація, въ жилахъ которой будетъ течь кровь безъ всякой примѣси крѣпостническаго строя, съ его безправіемъ, равнодушіемъ и безпутствомъ—нечего и мечтать о правильномъ общественномъ движеніи. Всякія примиряющія разсужденія на эту тему, какъ-бы они ни были благородны и красивы, будутъ все-таки ничѣмъ инымъ, какъ безпочвеннымъ эклектизмомъ».

Такимъ образомъ возникла настоятельная, неотложная необходимость разобраться въ хаосѣ старыхъ понятій, перепутавшихся съ новыми, провести точную границу между достояніемъ «правды» и наслѣдіемъ «кривды», разгруппировать лагери друзей и враговъ народнаго блага и, собравъ жатву съ посѣянныхъ на русской нивѣ «благихъ начинаній», отдѣлить пшеницу отъ плевелъ. Мы застаемъ русскую мысль, русскую литературу на этой именно черной, кропотливой работѣ — на сортировкѣ и обобщеніи жизненныхъ явленій съ одной стороны, а съ другой—на группировкѣ понятій и стремленій, соотвѣтствующихъ тому или другому знамени. Отсюда — воинствующее и протестующее настроеніе русской мысли!

Во-первыхъ, изыскать плевелы еще не значитъ ихъ уничтожить, особенно, когда они крѣпко вросли корнями въ почву,—нужна, слѣдовательно, усиленная работа и борьба съ препятствіями. Во-вторыхъ, въ моментъ такой работы, приходится еще считаться съ разнообразными, взаимно сталкивающимися и взаимно исключающими другъ друга доктринами и вожделѣніями, возведенными въ «перлъ созданія»,—и опять, стало быть, борьба, опять воздухъ оглашается воинствующими, протестующими голосами!..

Digitized by Google

Если мы вглядимся ближе въ положеніе дѣла, то для насъ станетъ понятнымъ, почему русская мысль на обоихъ своихъ полюсахъ, во всѣхъ своихъ фракціяхъ и оттѣнкахъ, стала въ отрицательное отношеніе къ нашей пореформенной дѣйствительности, почему «литературная хандра» окислила чернила всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ составовъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ точки зрѣнія прогрессивнаго «направленія», такъ и на взглядъ реакціи, дѣйствительность эта, сама по себѣ неутѣшительная, еще и потому казалась крайне неудовлетворительной, что не представляла ни для кого достаточно твердой опоры и успокоенія. Maximum предъявленныхъ ей требованій прогрессивнаго порядка былъ для нея слишкомъ высокъ, почти недосягаемъ; въ то же время и реакція не могла не смутиться, увидѣвъ, что тѣ традиціонные устои, на которыхъ она могла-бы утвердиться, расшатаны и подмыты пришедшей въ движеніе волною самой жизни, включительно до пресловутыхъ трехъ китовъ. Хаосъ, безформенность и броженіе *переходной* эпохи, какую мы переживаемъ, не могутъ, понятно, никого ни удовлетворить, ни успокоить, какое-бы кто міровоззрѣніе ни исповѣдывалъ. Но это не все. Одною изъ деталей развертывающейся картины представляется то характеристическое обстоятельство, что оба указанныя, противоборствующія теченія русской мысли—ея полюсы, какъ мы ихъ назвали—въ разгарѣ спора и борьбы, взаимно вмѣняютъ въ вину другъ другу печальное, хаотическое состояніе нашей дѣйствительности. Для отягченія же вины, естественно является съ обѣихъ сторонъ стремленіе умышленно сгущать краски, нарочно подбирать особенно мрачные факты и примѣры, освѣщая ихъ и мотивируя, какъ продукты, якобы, такого-то, враждебнаго намъ, «вреднаго» направленія и ученія. На подкладкѣ этого-то, чисто полемическаго побужденія, въ новѣйшей русской литературѣ создалась масса тенденціозно-отрицательныхъ и памфлетно-обличительныхъ изображеній и изслѣдованій нашей современной жизни, современнаго общества, его нравовъ и типовъ. Спрашивается, могутъ-ли такого рода картины и этюды считаться вѣрнымъ и точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности?—Конечно, нѣтъ!.. Одинъ писатель изъ лагеря «Московскихъ Вѣдомостей» какъ-то замѣтилъ, что «пресса у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ либо, можетъ быть принята за основу характеристики общества»... Эта довольно меткая стрѣла была

Digitized by Google

пущена въ лагерь «либеральной» прессы, откуда ее, конечно, еще съ большимъ правомъ и съ большей неотразимостью могли-бы возвратить обратно—въ ряды «Московскихъ Вѣдомостей». Въ тенденціозномъ искаженіи фактовъ повинна вся пресса безспорно, но всего болѣе—пресса реакціонная.

Нельзя не указать еще на то обстоятельство, что отрицательное отношеніе къ жизни и крайнее недовольство ею въ области литературы заострялись просто въ силу закона противорѣчій. Противоположныя «направленія» и теченія мысли, сталкиваясь и борясь между собою, естественнымъ порядкомъ впадали въ страстность и нетерпимость, договаривались до крайняго maximum'а своихъ требованій и выводовъ, и такимъ образомъ становились въ черезъ-чуръ уже рѣзкое противорѣчіе съ дѣйствительностью. Нечего и говорить, что на самомъ дѣлѣ, не будь этой борьбы и нетерпимости, будь вообще большій просторъ для практическаго примѣненія тѣхъ или другихъ теоретическихъ началъ, выразители самыхъ даже крайнихъ требованій помирились-бы на ихъ minimum'ѣ. Таково ужь свойство—и свойство совершенно здоровое—каждой общественно-прогрессивной мысли, что она бываетъ тѣмъ болѣе требовательной, отрицательной и воинствующей по отношенію къ дѣйствительности, чѣмъ послѣдняя инертнѣе и ненормальнѣе, чѣмъ больше въ обществѣ апатичности и незрѣлости, а въ его учрежденіяхъ—неустройства и отсталости. Это прямая, естественная задача мысли и ея выразительницы—литературы.

Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что указанное нами здѣсь мрачное, озабоченное и протестующее настроеніе современной русской мысли—всѣ эти безконечные вопли и жалобы литературы на испорченность нашего времени—происходятъ не оттого, чтобы это время, говоря вообще, было въ самомъ дѣлѣ «подлѣе» и хуже предшествовавшихъ ему, а оттого, что въ наши дни *русская общественная совѣсть стала чутче, взыскательнѣе и развитѣе*, и что уровень соціально-нравственныхъ понятій и требованій русской мысли достигъ, количественно и качественно, высоты для нея еще небывалой. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ, общимъ всѣмъ временамъ и составляющимъ общечеловѣческую черту. Всегда и вездѣ люди жаловались на свое время, считая его «подлѣе» временъ пред-

Digitized by Google

шествовавшихъ и вздыхая о давно минувшемъ «золотомъ вѣкѣ». Всегда и вездѣ моралисты упрекали современниковъ въ духовномъ и физическомъ вырожденіи, въ нравственной порчѣ и растлѣніи, сравнительно съ крѣпкими, якобы, духомъ и тѣломъ, предками. Это — «бабушкина сказка», безконечно повторяемая всюду, съ различными варіаціями,—сказка такая-же старая, какъ само человѣчество. Тѣмъ не менѣе, она всегда кажется новой, всегда поражаетъ впечатлительные умы и сердца, и представляется истиной, ничѣмъ неопровержимой, кромѣ—исторіи...

Да, исторія—оппонентъ неотразимый и, къ счастью, она убѣждаетъ насъ въ томъ, что времена новѣйшія, если говорить вообще, нигдѣ и никогда не были и не могутъ быть «подлѣе» болѣе или менѣе отдаленной «доброй старины». Исторія неоспоримо свидѣтельствуетъ прогрессъ человѣчества—прогрессъ количественный и качественный, т. е. прогрессъ индивидуальный, личный и общественный. Несомнѣнно, повсюду, гдѣ пахнуло живоноснымъ вѣяніемъ цивилизаціи, — и личность становится лучше, нравственнѣе, развитѣе, и общественныя отношенія укладываются постепенно въ болѣе справедливыя и гуманныя формы. Частныя отступленія, аномаліи и извращенія прогресса, какъ равно и задержки его реакціонными «точками» — нисколько не умаляютъ дѣйствія этого великаго закона и, съ высоты á vol d'oiseau историческаго глазомѣра, представляются не болѣе, какъ едва примѣтными ухабами на широкомъ пути цивилизаціи, безсильными задержать ея безостановочное движеніе впередъ, всегда впередъ... Русскіе люди, русская общественная жизнь не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія, которое было-бы постыднымъ уродствомъ, и, къ счастью, не смотря на всѣ усилія доморощенныхъ реакціонеровъ высадить Россію изъ поѣзда европейской цивилизаціи, не смотря на всеобщіе вопли на упадокъ и растлѣніе нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, русскій интеллектуальный прогрессъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Есть еще нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія насъ невольно умалять реальность русскаго прогресса и преувеличивать размѣръ испорченности и упадка нашего времени, сравнительно съ прошлымъ. Это, во-первыхъ, расширеніе гласности и раз-

Digitized by Google

множеніе ея органовъ; во-вторыхъ, развитіе литературной систематизаціи явленій и фактовъ общественной жизни, приводимыхъ въ извѣстность и освѣщаемыхъ мыслью, съ цѣлью возбуждать общественное самосознаніе, и, наконецъ, въ третьихъ, измѣненіе формъ и видовъ борьбы за существованіе, въ зависимости отъ громаднаго разрыва, совершеннаго, если можно такъ выразиться, по всѣмъ швамъ русской жизни, упраздненіемъ крѣпостнаго права.

Мы никогда еще такъ близко и такъ пристально не вглядывались въ самихъ себя — въ нашу народную и общественную среду, во всѣхъ функціяхъ ея жизни; никогда еще русской публикѣ не докладывалось съ такой обстоятельностью и откровенностью обо всемъ, что дѣлается въ ней самой и вокругъ нея,— и о чемъ еще въ недавнее время предпочиталось оставлять ее, болѣе или менѣе, въ святомъ невѣдѣніи. Вслѣдствіе этого, то, что прежде было шито да крыто, теперь вдругъ всплыло на свѣжую воду, во всей своей наготѣ. Понятно, что глазъ, привыкшій къ полумраку и видѣвшій передъ собою только краюшекъ картины, долженъ испытать рѣзкое, болѣзненное впечатлѣніе, когда передъ нимъ вдругъ развернется вся картина при полномъ дневномъ свѣтѣ. Ошеломленный этимъ зрѣлищемъ, наблюдатель невольно думаетъ, что все то, что онъ теперь видитъ передъ собой, *вчера* не существовало, а явилось *сейчасъ* только, съ той минуты, какъ онъ самъ прозрѣлъ. Мы часто забываемъ, что измѣнилась не картина, стоящая передъ нами, а только ея освѣщеніе и степень его яркости, потому что съ глазъ нашихъ упала повязка. Затѣмъ, явившаяся, съ расширеніемъ гласности, систематизація фактовъ повела къ большей требовательности общества, къ распространенію въ немъ отрицательнаго отношенія къ русской дѣйствительности и принципіальнаго недовольства ея ветхими устоями и учрежденіями, прочность которыхъ до этого времени не возбуждала сомнѣнія.

Что касается поражающихъ современнаго моралиста фактовъ безстыднаго «хищенія»,—всѣхъ этихъ растратъ, денныхъ грабежей и кражъ «чуть не милліардами», то и это отнюдь не составляетъ какой нибудь специфической особенности нашего времени. Развѣ въ «доброе старое время» не крали и не грабили?— Вся разница только въ способахъ «хищенія» и въ его размѣ-

Digitized by Google

рахъ. «Крадутъ теперь много, крупными кушами, потому,—какъ остроумно замѣтилъ одинъ публицистъ,—что завелись крупныя деньги, завелись денежные центры, скопляющіе ихъ въ одномъ пунктѣ. Прежде больше враздробь воровали, теперь воруютъ оптомъ; прежде не такъ этимъ смущались, теперь это кажется не особенно пристойнымъ; прежде газетъ не было, а теперь есть—вотъ и все!» Но этого мало. Мы можемъ утвердительно сказать, что теперь честныхъ людей на Руси гораздо больше, чѣмъ ихъ когда нибудь было, и что самое понятіе чести нынѣ несравненно шире и выше, чѣмъ представлялось оно предшествовавшимъ генераціямъ. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ здѣсь справокъ и соображеній, мы логически приходимъ къ выводу въ пользу современной русской дѣйствительности, сравнительно съ прежними ея фазами. Произведенный нами опытъ діагноза безспорно свидѣтельствуетъ о здоровьѣ и повысившемся строѣ нашего общественнаго разума и, если угодно, ручается за исполненіе въ будущемъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ желаній, которыми, повидимому, такъ тщетно томится современный мыслящій русскій человѣкъ...

Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли проповѣдывать квіетизмъ и лѣнивое мечтаніе о «славныхъ бубнахъ за горами». Нѣтъ! Наша задача заключалась лишь въ посильномъ стараніи установить правильный и ясный *историческій* взглядъ на переживаемый нами моментъ въ ряду другихъ моментовъ новѣйшаго развитія русской мысли и русской жизни. Но изъ того, что мысль наша паритъ въ поднебесьѣ человѣческаго совершенства и слишкомъ строго относится къ современной «юдоли», еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы эта «юдоль» не была, на самомъ дѣлѣ, полна «плача и всякія скверны». Если намъ и удалось доказать, что наше время не хуже и не «подлѣе» всѣхъ предшествовавшихъ ему,—отраднаго въ этомъ немного, а, напротивъ, остается скорбѣть, почему оно не лучше ихъ во сто кратъ?..

Вотъ нашъ взглядъ на всю современную русскую жизнь вообще, который мы считали необходимымъ установить здѣсь, какъ исходную точку отправленія для предпринятаго нами изслѣдованія. Переходя отъ общаго къ частному, мы попытаемся теперь поближе подойти и внимательнѣе вглядѣться въ одинъ изъ уголковъ нашей текущей дѣйствительности, какъ она есть *сама по*

Digitized by Google

себѣ, безъ отношенія къ колеблющемуся уровню предъявляемыхъ ей литературою требованій и предвзятыхъ взглядовъ.

II.

Остовъ нашей задачи съ точки зрѣнія теоріи нравственности.

Прежде всего, намъ необходимо условиться относительно метода, матеріала и границъ нашего изслѣдованія, а также—конечной его цѣли. Объектъ нашего изслѣдованія—современная жизнь столичнаго населенія, въ тѣсныхъ границахъ явленій нравственности, индивидуальной и общественной, и притомъ патологическаго порядка. Въ нашемъ распоряженіи имѣется рядъ наблюденій, фактовъ и цифръ однихъ только *нарушеній* требованій нравственности и права за данный періодъ, на основаніи чего наша задача сводится къ опредѣленію сравнительной степени нравственной болѣзненности столичнаго населенія. Само собой разумѣется, что это же послужитъ посылкой и для заключенія о степени его здоровости въ указанномъ отношеніи.

Какъ врачъ, изслѣдованіемъ патологическихъ отступленій въ организмѣ, опредѣляетъ его относительную крѣпость и жизненность, такъ и въ нашемъ трудѣ—діагнозомъ отрицательныхъ явленій общественной нравственности столицы мы отыщемъ уровень, до котораго она возвышается въ положительномъ отношеніи.

Общество, какъ и отдѣльный организмъ, въ своихъ физіологическихъ и этико-духовныхъ отправленіяхъ, подчиняется аналогичнымъ законамъ здоровья и болѣзни, жизни и смерти. Въ медицинѣ патологія занимается отступленіями организма отъ законовъ физіологическихъ въ его нормальномъ развитіи. Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и патологію общественную въ области соціально-нравственныхъ явленій.

Законы, управляющіе жизнью общества и видоизмѣняющіе его въ сторону прогресса или регресса, здоровья или болѣзни, вытекаютъ изъ его физической природы, т. е. расоваго и племеннаго состава, территоріи, имъ занимаемой, и ея климата;

Digitized by Google

затѣмъ—изъ его соціальнаго устройства, религіи, степени образованія, состоянія экономическаго и многихъ другихъ условій, изъ совокупнаго взаимодѣйствія которыхъ образуется то, что соціологи называютъ *эволюціей*, или жизнедѣятельностью.

По теоріи общественной физики, всѣ эти силы, дѣйствующія на развитіе жизни человѣческой или—что то же самое—обусловливающія ея эволюцію, бываютъ двоякіе: однѣ—созидательныя, *нормальныя*, другія—*нарушающія* (по термину Кетле), анормальныя, или отрицательныя по отношенію къ системѣ общества, крѣпости и росту его организаціи.

Въ области собственно нравственной эти два фактора выражаются разобщенными, взаимно сталкивающимися дѣйствіями *эгоизма* и *альтруизма*, не приведенныхъ къ соглашенію и равновѣсію. Уровень нравственности опредѣляется именно степенью этого компромисса, или равновѣсія между эгоизмомъ и альтруизмомъ, т. е. между видовымъ стремленіемъ *личности* къ достиженію довольства и счастья и родовымъ, болѣе высшимъ требованіемъ соціальнаго блага, въ интересѣ всего рода. Достигнуть полной гармоніи этихъ двухъ основныхъ стимуловъ жизни человѣческой, найти для нихъ равнодѣйствующую—значило бы дойти до идеала нравственности. Пока стремленіе къ достиженію этой гармоніи составляетъ сущность всякой нравственной системы, о степени совершенства которой мы судимъ по тому, насколько она приблизилась къ помянутой гармоніи.

Къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ человѣческія общества, и наше въ томъ числѣ, слишкомъ далеки еще отъ выше намѣченнаго идеала. Настоящая эпоха—напротивъ—характеризуется еще повсемѣстно рѣзкой дисгармоніей эгоистическихъ и альтруистическихъ стремленій. Повсюду идетъ еще ожесточенная борьба вида съ родомъ — индивидуума съ обществомъ, личнаго самолюбія съ требованіями общаго блага. Мы еще,—по выраженію одного мыслителя, — «находимся въ состояніи остервенѣлой борьбы за существованіе, борьбы, въ которой одинъ законъ—эгоизмъ, одно право—право сильнаго, которая началась съ началомъ органическаго міра и до сихъ поръ царитъ въ средѣ человѣчества». Человѣчество исповѣдуетъ, какъ говоритъ Спенсеръ, двѣ религіи: «религію любви» и «религію вражды», что, въ переводѣ на философскій языкъ, озна-

Digitized by Google

чаетъ—этику права и этику силы. «Религія вражды», поклоненіе силѣ—основной мотивъ всѣхъ древнихъ культовъ и цивилизацій. Положимъ, мотивъ этотъ нынѣ дискредитированъ въ принципѣ, для побѣды «религіи любви» сдѣлано уже много, завоеванія ея обширны; но и до сихъ поръ еще поклоненіе праву играетъ ничтожную роль въ соціальной жизни. До сихъ поръ человѣчество находится въ фазисѣ поклоненія силѣ, у всѣхъ еще на устахъ людоѣдный кличъ: «Слава побѣдителямъ и горе побѣжденнымъ!» Мы почитаемъ храбрость, могущество, блескъ, величіе и очень низко ставимъ самоотверженіе, добродушіе, правдивость, строгія убѣжденія. Мы всегда на сторонѣ успѣха, и успѣхъ въ нашихъ глазахъ все оправдываетъ, по классическому изреченію: «побѣдителей не судятъ».

«Гоняться за успѣхомъ и удачей,—вотъ,—говоритъ Викторъ Гюго,—поученіе, вытекающее изъ нравственной испорченности нашего вѣка!..» И это поученіе—первый параграфъ нравственнаго катехизиса современнаго «средняго» человѣка...

Эта-то борьба эгоизма съ альтруизмомъ, этики права съ этикой силы, со всѣми ея отрицательными послѣдствіями, поскольку ею проникнута современная жизнь петербургскаго населенія, степень развитія и напряженности этой борьбы, ея виды и формы,—словомъ, по возможности, полная ея картина, и составляютъ объектъ нашего изслѣдованія.

Останавливаясь на послѣдствіяхъ этой борьбы, производящихъ именно патологическія явленія, или язвы въ нашемъ общественномъ организмѣ, мы ставимъ себѣ исходной цѣлью—возможно ясное и точное опредѣленіе и обозначеніе нарушающихъ, отрицательныхъ силъ и условій, дѣйствующихъ въ данный моментъ въ общественной жизни. Другими словами, мы постараемся не только нарисовать картину современной нравственности столицы, со стороны отрицательной, но и указать на причины такого ея состоянія. Достиженіе этой задачи выполнимо путемъ изученія возможно большаго числа фактовъ за извѣстный промежутокъ времени, и—затѣмъ—группировкой однородныхъ явленій и ихъ синтезомъ въ порядкѣ причинности.

Обыкновенно, въ сужденіи о нравственности данной среды, даннаго момента, синтезъ историковъ и наблюдателей покоится на совершенно элементарномъ, чисто-эмпирическомъ методѣ,

Digitized by Google

нерѣдко подчиненномъ, къ тому-же, субъективнымъ воззрѣніямъ и предвзятому настроенію наблюдателя. Мысль наблюдателя, чаще всего настроенная въ извѣстномъ направленіи и повсюду, во что-бы ни стало, отыскивающая удобныя для нея аналогіи, поражается внѣшнимъ сходствомъ фактовъ наиболѣе крикливыхъ, отдѣльно взятыхъ и нерѣдко лишенныхъ причинной связи, упуская изъ виду цѣлыя категоріи другихъ явленій, потому что они или не столь рѣзко бросаются въ глаза, или же противорѣчатъ предвзятому выводу и не укладываются, почему-либо, въ подготовленную рамку. И однакожъ, построенный на такомъ зыбкомъ и ненадежномъ основаніи синтезъ нравственнаго поведенія данной среды, смотря по степени его остроумія и приближенія къ правдоподобію, принимается на слово и, по мѣрѣ своей популяризаціи, возводится, наконецъ, въ безаппеляціонный приговоръ коллективнаго разума и коллективной совѣсти, т. е., такъ называемаго, общественнаго мнѣнія.

Въ предпосланномъ этимъ строкамъ «введеніи» мы наглядно показали на болѣе широкомъ примѣрѣ, въ какой степени складывающіяся такимъ путемъ ходячія сужденія могутъ грѣшить преувеличеніемъ и преднамѣренностью, и какъ мало можно на нихъ полагаться для отысканія точной исторической истины. Мы, впрочемъ, не оспариваемъ того, что этотъ путь познаванія явленій общественной жизни имѣетъ за собой всѣ права гражданства для данной минуты, что онъ, служа цѣлямъ дидактическимъ, можетъ также, при совокупности многихъ однородныхъ наблюденій, дать болѣе или менѣе вѣрное разумѣніе характера нравственнаго поведенія данной эпохи—ея, такъ сказать, нравственной атмосферы. Мы хотимъ только сказать, что одного этого способа изученія общественной жизни недостаточно съ научной точки зрѣнія. Въ настоящее время сознана необходимость подчинить, по возможности, изученіе общественной нравственности методу и пріемамъ точной науки, и—въ этомъ смыслѣ сдѣланы уже многія, весьма серьезныя попытки. Мы разумѣемъ опыты *нравственной статистики*, составляющей отрасль «общественной физики»—науки, которой положилъ прочное основаніе знаменитый Кетле и другіе европейскіе статистики-соціологи. Такимъ-то опытомъ, въ предѣлахъ современной жизни столичнаго населенія, задались и мы, въ мѣрѣ нашихъ скромныхъ силъ, одушевляемые жела-

Digitized by Google

ніемъ внести хотя слабый лучъ свѣта въ существующій хаосъ и мракъ нашего общественнаго самопознанія по данному пункту.

Мы вполнѣ сознаемъ всю обширность и трудность предлежащей намъ задачи и слишкомъ далеки отъ гордой мысли вполнѣ обнять ее и выполнить съ тѣмъ совершенствомъ, которое намъ бы желалось. Это — не болѣе, какъ скромная попытка проложить тропу въ области вѣдѣнія, почти совершенно у насъ неизвѣданной и дѣвственно-нетронутой. Трудность нашей задачи обусловливается не только новизной избраннаго нами пути и, вообще, зыбкостью самой почвы, на которой утверждена младенчествующая пока соціологическая наука, но и частными, мѣстными затрудненіями и неблагопріятными для такой работы условіями.

Во-первыхъ, при зародышномъ, крайне несовершенномъ состояніи русской статистики вообще, — цифровыя данныя, которыми мы можемъ располагать, не обладаютъ ни достаточной полнотой, ни безусловной точностью; къ тому же, на многіе запросы—мы ихъ и вовсе не находимъ. Въ нашемъ распоряженіи, для изслѣдованія нравственности столичнаго населенія, имѣются однѣ только судебно-полицейскія статистическія цифры. Еслибъ даже онѣ не оставляли ничего большаго желать, со стороны полноты и точности, то и тогда ими—понятно—далеко не можетъ исчерпываться вся занимающая насъ область ебщественно-нравственныхъ явленій, хотя бы даже однихъ отрицательныхъ, выражающихся въ фактахъ преступленій и нарушеній требованій права, обычнаго, юридическаго и моральнаго. Каждый знаетъ изъ повседневнаго опыта, что уровень нравственнаго поведенія индивидуума и цѣлаго общества выражается не въ завѣдомыхъ и непосредственныхъ нарушеніяхъ юридическаго права, какъ не выражается онъ, съ другой стороны, въ героическихъ подвигахъ и примѣрахъ самоотверженія въ патетическія минуты. Онъ сказывается несравненно полнѣе, многостороннѣе и ярче въ обыденныхъ, заурядныхъ отношеніяхъ, обусловленныхъ всѣмъ общественнымъ строемъ, въ повседневной, узаконенной, такъ сказать, борьбѣ самолюбій, страстей и интересовъ, изъ которыхъ собственно и складывается наша обыденная жизнь. Кто не знаетъ, что сплошь и рядомъ безнравственныя личности, обладающія извѣстной ловкостью и гарантированныя привиле-

Digitized by Google

гированностью своего положенія, всю жизнь безнаказанно нарушаютъ, подъ разными благовидными покрывалами, съ соблюденіемъ законной формы, требованія права юридическаго и моральнаго, тогда какъ простоватые и обойденные фортуной «обыватели» нерѣдко попадаютъ на страницы судебно-полицейской хроники и статистики за такія мнимыя преступленія, какъ, напр., нарушеніе паспортныхъ правилъ?

Этимъ мы хотимъ сказать, что многія стороны общественно-нравственной патологіи остаются недоступными точному изслѣдованію и опредѣленію ихъ цифрами. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ изслѣдователю приходится волей-неволей прибѣгать, для построенія своихъ выводовъ, къ рискованному методу «теоріи вѣроятностей» и умозаключеній a priori или-же класть на уста палецъ молчанія.

По всему этому, обстоятельное и полное разрѣшеніе намѣченной нами задачи—дѣло будущаго, дѣло, требующее коллективнаго труда многихъ работниковъ. Съ своей стороны, мы можемъ предложить только имѣющіяся въ наличности, далеко не полныя цифры, факты и личныя наблюденія, сведенныя къ приблизительнымъ обобщеніямъ и выводамъ. Обработывая этотъ матеріалъ критически—поскольку это будетъ возможно—мы, на основаніи его, постараемся, въ формѣ очерковъ, набросать эскизъ обратной стороны современной нравственной физіономіи Петербурга. Мы выспросимъ причины и побужденія глубокаго недовольства, налегшаго нынѣ черной тучей на душу каждаго почти петербуржца; заглянемъ въ темный, неизвѣданный міръ нуждъ и лишеній, страстей и страданій, пороковъ и ошибокъ, паденій и преступленій,—не только въ ихъ явныхъ проявленіяхъ, приведенныхъ въ извѣстность протоколомъ и статистикой, но и въ тѣхъ, которыя или стыдливо кроются отъ гласности, или счастливо ускользаютъ отъ неповоротливаго меча слѣпой Ѳемиды и осязательны только для нравописателя.

Если, идя такимъ путемъ, мы намѣтимъ хоть отчасти причинную связь разсматриваемыхъ явленій и тѣ *нарушающія*, постоянныя и случайныя силы, которыя ихъ производятъ, мы будемъ считать нашу задачу выполненной въ вышеуказанныхъ границахъ.

Два слова еще о періодѣ, захватываемомъ нашимъ изслѣ-

Digitized by Google

дованіемъ, и о матеріалахъ и источникахъ, которыми мы пользовались. Періодъ этотъ—не великъ: онъ обнимаетъ приблизительно послѣднее десятилѣтіе, начиная съ исхода шестидесятыхъ годовъ по конецъ семидесятыхъ. Узкость его предѣловъ зависѣла не отъ нашего выбора. Въ этомъ случаѣ мы должны были просто подчиниться нашему матеріалу, т. е. его скудости. Мы вынуждены были ограничиться тѣмъ лишь промежуткомъ времени, который у насъ сколько нибудь полно приведенъ въ извѣстность по данному вопросу и подготовленъ статистически для составленія основныхъ искомыхъ выводовъ. Базисомъ для него послужила систематическая, прекрасно обработанная, однодневная перепись Петербурга въ 1869 г., представляющая у насъ *первый* опытъ въ этомъ родѣ, по точности свѣдѣній, и послужившая главнымъ и самымъ надежнымъ статистическимъ матеріаломъ для предлагаемыхъ нами обобщеній и выкладокъ. Затѣмъ, намѣченный нами періодъ опредѣлялся невѣдомой прежде полнотой судебно-полицейскихъ свѣдѣній, упорядоченіе которыхъ совпадаетъ довольно близко съ однодневной переписью. Наконецъ, этимъ-же періодомъ охватывается время нашихъ личныхъ наблюденій и изысканій, посвященныхъ предмету предпринятаго теперь изслѣдованія. Впрочемъ, гдѣ будетъ нужно и гдѣ представится возможность, мы не преминемъ расширить полотно нашей картины сравнительными сопоставленіями какъ изъ прошлой жизни Петербурга, такъ и изъ подходящихъ свѣдѣній о другихъ городахъ, нашихъ и иностранныхъ.

Кромѣ упомянутой выше однодневной переписи Петербурга за 1869 годъ, другими источниками и матеріалами для насъ служили: во-первыхъ, все существенное, что было писано въ нашей печати по занимающему насъ вопросу, за послѣднее десятилѣтіе; во-вторыхъ, никѣмъ еще не обработанныя систематически, малоизвѣстныя свѣдѣнія годичныхъ отчетовъ с.-петербургской полиціи (слишкомъ за десять лѣтъ) и полицейской газеты *), и, въ третьихъ, оффиціальные цифровые обзоры судимости въ окружномъ, мировомъ и военномъ судахъ.

Всѣ эти статистическія цифровыя данныя, составляя какъ-бы

*) За доставленіе этого весьма цѣннаго матеріала считаю долгомъ принести искреннюю признательность уважаемому С. В. Максимову.

Digitized by Google

остовъ нашего труда, и надлежащимъ образомъ разработанныя, облекутся въ плоть и иллюстрируются собранной нами массой живыхъ фактовъ и наблюденій. Въ этомъ случаѣ, кромѣ личныхъ наблюденій, мы пользовались обширнымъ матеріаломъ, сосредоточеннымъ въ повременной печати, въ формѣ: отчетовъ и хроники окружнаго и мироваго судовъ, по всякаго рода процессамъ, «дневниковъ и лѣтописей» происшествій, приключеній и фактовъ повседневной городской жизни, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Такова наша задача и таковы орудія и средства, съ которыми мы считали необходимымъ познакомить читателя, прежде чѣмъ войти въ стоящій передъ нами неизвѣданный загадочный міръ.

(*Продолженіе будетъ*).

Вл. Михневичъ.

Digitized by Google

Опыты изслѣдованія обычнаго права.

I.

Происхожденіе народныхъ обычаевъ.

Въ послѣднее время наше общество замѣтно интересуется обычнымъ правомъ. Составляются программы для собиранія народныхъ обычаевъ и появляются весьма объемистые труды, посвященные обработкѣ накопившагося уже матеріала. Но интересъ не исчерпывается однимъ собираніемъ и обработкой дѣйствующихъ обычаевъ. На народную правду, выразившуюся въ обычаяхъ, начинаютъ смотрѣть, какъ на такую сокровищницу народной мудрости, въ которой можно найти готовые отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые волнуютъ и тревожатъ нашу государственную жизнь. Въ ней ищутъ спасенія; думаютъ, что для уврачеванія нашихъ язвъ надо пристально устремить взоры назадъ, къ тому запасу народной правды, который слагался вѣками. Заглянемъ и мы назадъ, но не съ практической цѣлью уврачевать чьи либо язвы, а съ чисто научной цѣлью выяснить, какъ возникаютъ народные обычаи. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы будемъ имѣть дѣло не съ богатымъ содержаніемъ обычнаго права, а только съ условіями его образованія. Но разъясненіе этихъ условій не безполезно и для вопроса о томъ, можетъ ли чего ждать современное государство отъ той правды, которою живетъ народъ.

Научный вопросъ о происхожденіи обычаевъ давно уже занимаетъ западно-европейскую мысль. За попытки разъясненія его, современная наука всего болѣе обязана Германіи. Тамъ возникли всѣ главныя ученія по этому предмету, сдѣлавшіяся

Digitized by Google

въ свое время достояніемъ всего образованнаго міра; тамъ же появлялись и первыя сомнѣнія въ истинѣ господствующихъ теорій.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія, писатели нѣмецкой исторической школы произвели цѣлый переворотъ въ ученіи объ обычномъ правѣ. Творцомъ новой теоріи, завоевавшей себѣ чрезвычайно почетное мѣсто въ наукѣ, былъ Георгъ Фридрихъ Пухта. Въ своемъ сочиненіи объ обычномъ правѣ (Das Gewohnheitsrecht, 1828—37 г.) онъ не только даетъ новую теорію возникновенія юридическихъ обычаевъ, но и установляетъ тѣсную связь съ обычаемъ другихъ, имъ указанныхъ, источниковъ права, а именно: законодательства и дѣятельности юристовъ. Благодаря Пухтѣ, все ученіе объ источникахъ получило единство и невиданную дотолѣ стройность. Въ противоположность господствовавшему до него воззрѣнію, по которому обычное право возникало въ силу *привычки* поступать извѣстнымъ образомъ, Пухта доказывалъ, что привычка, проявляющаяся въ согласныхъ дѣйствіяхъ, есть только *знакъ* существующаго въ народѣ правоваго убѣжденія, что обычное право есть непосредственный продуктъ этого народнаго убѣжденія, согласныя же дѣйствія служатъ только для распознаванія даннаго уже въ народномъ духѣ права.

«Есть форма возникновенія права, говоритъ онъ, которую можно назвать *непосредственной,* такъ какъ право является здѣсь *національнымъ убѣжденіемъ* о правовой свободѣ. Это естественное право и проявляется естественнымъ образомъ, именно чрезъ посредство вліянія, оказываемаго народнымъ убѣжденіемъ на дѣйствія отдѣльныхъ членовъ народа» (I т., 9). И далѣе: «Существо обычнаго права состоитъ въ томъ, что оно вытекаетъ изъ естественнаго совпаденія убѣжденій, которое зиждется не на внѣшней основѣ даннаго закона, не на внутренней основѣ научнаго убѣжденія и вообще не на какой либо *сознательной* основѣ, а на естественномъ единствѣ смысла (Sinnesverwandschaft) народа, коего общее убѣжденіе и есть право» (79).

Такимъ образомъ, отдѣльныя дѣйствія, въ которыхъ обнаруживаются обычаи, не созидаютъ права; право предшествуетъ всякимъ дѣйствіямъ, оно всецѣло дано въ народномъ духѣ. Отсюда, отдѣльный человѣкъ имѣетъ правовое убѣжденіе не

Digitized by Google

какъ единица и даже не какъ членъ семьи, а только, какъ членъ народа; а въ каждомъ членѣ народа дѣйствуетъ непосредственное народное убѣжденіе (139 и слѣд.).

Таково происхожденіе юридическихъ обычаевъ: они появляются, какъ выраженіе непосредственнаго народнаго убѣжденія о правѣ.

Но и другіе источники права: законодательство и дѣятельность юристовъ имѣютъ тотъ же корень. Государственная власть есть только внѣшній органъ для выраженія общей воли народа. Она должна распознать эту общую волю и выразить. Она дѣлаетъ это путемъ законодательства, которое опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ народное убѣжденіе о правѣ; это опредѣленіе и есть законъ. Дѣятельность законодателя носитъ, сравнительно съ обычаемъ, болѣе формальный характеръ: законодатель не можетъ имѣть своего особаго правоваго сознанія, онъ беретъ его изъ народнаго духа (145).

Третій источникъ, ученая дѣятельность юристовъ, представляется на первый взглядъ не народнымъ. Научное убѣжденіе человѣкъ имѣетъ не какъ членъ народа, но какъ особь; такимъ образомъ, народный духъ не является здѣсь творческой силой. Но, говоритъ Пухта, наука права имѣетъ дѣло съ національнымъ предметомъ, поэтому она станетъ только тогда дѣйствительно наукой, когда будетъ разсматривать свой предметъ, какъ народный; это и значитъ разсматривать его «въ его истинѣ». Только въ этомъ случаѣ, наука будетъ имѣть производительную силу. Юристы, если хотятъ имѣть вліяніе на образованіе права, должны дѣйствовать, какъ представители народа (165 сл.).

Такимъ образомъ, всякое право національно, и настоящій его источникъ одинъ—народное убѣжденіе (143).

Это ученіе, возводящее разнообразные источники права къ единому началу, не могло не найти сочувствія въ такой философской странѣ, какова Германія. Помимо внѣшней своей стройности, оно было симпатично нѣмцамъ и своимъ народнымъ духомъ. Несмотря на возраженія, которыми была встрѣчена эта теорія противниками, и на нѣкоторыя (весьма, впрочемъ, существенныя) поправки, съ которыми она была усвоена сторонниками, она можетъ быть разсматриваема, какъ господ-

Digitized by Google

ствующая и въ наше время. Масса учебниковъ (по пандектному праву, по исторіи нѣмецкаго права и пр.) отправляется отъ идей Пухты. Всякое новое спеціальное изслѣдованіе объ источникахъ права непремѣнно останавливается на провѣркѣ его теоріи *).

Сдѣлавшись достояніемъ нѣмецкой школы, это ученіе перешло и къ намъ. Совершенно въ духѣ школы и наша ученая литература нерѣдко проводитъ то мнѣніе, что обычныя правила инстинктивны, что они проявляются помимо индивидуальнаго сознанія, какъ непосредственное, инстинктивное чувство правды (Ж. М. Н. Пр., 1878 года, № 7, стр. 150). Славянофильское воззрѣніе на народъ, какъ на хранилище народной правды, стоитъ въ самой тѣсной связи съ этой нѣмецкой теоріей. Между нѣмецкимъ ученіемъ и славянофильскимъ, можетъ быть, есть даже генетическая связь: наши славянофилы воспитались на нѣмецкой наукѣ, а она прежде ихъ высказалась за народность въ правѣ.

Теорія Пухты, хотя она возникла и на исторической почвѣ, не можетъ быть, однако, названа дѣйствительно исторической. Исторія представляетъ значительное разнообразіе силъ, созидавшихъ право въ разныя историческія эпохи, смотря по особенностямъ этихъ эпохъ. Пухта не ставитъ себѣ задачей выясненіе историческаго процесса развитія источниковъ. Онъ даетъ общую теорію для настоящаго; эту теорію онъ выводитъ, какъ результатъ всего предшествовавшаго юридическаго развитія Германіи (предисловіе). Исторія является здѣсь пособіемъ, а не предметомъ изслѣдованія. Въ результатѣ получается не выясненіе измѣнчивыхъ историческихъ формъ, а философское обобщеніе долженствующаго быть. Философскій элементъ выступаетъ преобладающимъ даже въ частностяхъ изслѣдованія. Утверждая, что государственная власть есть органъ выраженія *общей воли* народа, Пухта очевидно стоитъ на почвѣ раціоналистической философіи и только повторяетъ извѣстное положеніе Руссо. Да и основная точка отправленія—бытіе единаго на-

*) Напримѣръ: Lüders, Das Gewohnheitsrecht auf dem Gebiete der Verwaltung, 1863; Adickes, Zur Lehre von den Rechtsquellen, 1872; Schwanert, Gesetz und Gewohnheit, 1873.

Digitized by Google

роднаго убѣжденія — нигдѣ не доказывается, какъ положительный историческій фактъ, а имѣетъ значеніе только философски-объединяющаго предположенія.

Вліяніе Пухты на нѣмецкую науку было, однако, такъ велико, что его теорія легла въ основаніе и чисто историческихъ работъ. Варнкёнигъ, приступая къ выясненію фландрскихъ источниковъ права въ XII и XIII в., говоритъ: если мы желаемъ имѣть вѣрное представленіе объ источникахъ права этого отдаленнаго времени, то должны свести ихъ къ открытымъ въ наше время наукою, тремъ основнымъ формамъ: обычаю, законодательству и дѣятельности юристовъ (Т. I, стр. 385 сл.). Варнкёнигъ отправляется отъ той мысли, что эти три формы, какъ условливаемыя самою природою вещей, должны существовать въ каждомъ юридическомъ быту. При такомъ направленіи исторической работы, легко могутъ быть опущены характерныя особенности эпохи, и читатель, вмѣсто изображенія фландрскихъ источниковъ, легко можетъ получить только отраженіе теоріи Пухты.

Правильная точка зрѣнія на источники права въ ихъ историческомъ развитіи прямо противоположна той, которой держится Варнкёнигъ, слѣдуя установившимся въ нѣмецкой наукѣ воззрѣніямъ. Три источника, указанныхъ Пухтой, никакъ не составляютъ принадлежности всякаго юридическаго быта. Есть эпохи, когда право образуется силою одного только источника, напримѣръ, обычая. Только съ теченіемъ времени, къ дѣйствію его присоединяются и другіе. Число источниковъ, извѣстныхъ исторіи, не исчерпывается тремя. Оно можетъ быть и больше. Взаимное отношеніе ихъ не всегда то, какое указано Пухтой.

Древнѣйшее право каждаго народа создается обычаемъ. Обычай является первымъ, по времени, источникомъ и нѣкоторое время—единственнымъ. Продолжительность этого времени не поддается сколько нибудь точному опредѣленію; можно только думать, что прошли цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ къ дѣйствію обычая присоединилось дѣйствіе другихъ источниковъ.

Какъ же возникаетъ обычное право?

Старая школа говоритъ, что оно возникаетъ изъ привычки поступать извѣстнымъ образомъ. Новая — допускаетъ, что отдѣльный человѣкъ, часто поступая извѣстнымъ образомъ, мо-

Digitized by Google

жетъ, наконецъ, получить привычку дѣйствовать именно такъ, а не иначе; но находитъ совершенно немыслимымъ, чтобы изъ повторенія отдѣльныхъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ нѣтъ ничего общаго, могло возникнуть общее народное убѣжденіе о правѣ, а потому считаетъ необходимымъ принять, что въ основѣ согласныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ лежитъ не только ихъ личное (безсознательное) убѣжденіе, но и общенародное (Пухта, 170). Привычка, съ этой точки зрѣнія, предполагаетъ уже существованіе нѣкоторой общей юридической нормы, лежащей въ сознаніи народа. Эта норма, опредѣляя характеръ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, и созидаетъ обычное право. Сила, производящая обычай, есть, слѣдовательно, народное сознаніе, которому, естественно, соотвѣтствуетъ народное (національное) право.

Это воззрѣніе назвали мы не историческимъ. Дѣйствительно, историческіе памятники древнѣйшаго времени не знаютъ обычаевъ, которые были бы дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа; они имѣютъ дѣло съ дробными обычаями отдѣльныхъ мѣстностей, которые являются объединенными въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ племенъ, а никакъ не цѣлаго народа. Нашъ начальный лѣтописецъ различаетъ, напримѣръ, обычаи полянъ отъ обычаевъ древлянъ; у радимичей, вятичей и сѣверянъ онъ находитъ одинъ обычай, но этотъ обычай не во всемъ совпадаетъ съ обычаями двухъ прежде названныхъ племенъ. Тоже явленіе представляетъ и Германія. Каждое отдѣльное германское племя живетъ и судится на основаніи своего племеннаго права. Древніе источники не знаютъ обще-германскаго права, имъ извѣстно только право отдѣльныхъ племенъ: франковъ салическихъ, рипуарскихъ и т. д. Между обычными правами отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются нѣкоторыя сходства въ частностяхъ. Но такія отдѣльныя сходства можно найти и между правами совершенно различныхъ народовъ. Эти сходства, слѣдовательно, нѣтъ надобности выводить изъ единства народнаго духа. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ исторіи, право отдѣльныхъ германскихъ племенъ объединяется; но это объединеніе вовсе не есть результатъ возникновенія самостоятельнаго обще-германскаго права, которое явилось бы выразителемъ общенароднаго убѣжденія германцевъ; объединеніе достигнуто путемъ побѣды племеннаго права салическихъ франковъ надъ правами другихъ германскихъ пле-

Digitized by Google

менъ. (Rudolph Sohm, Fränkisches Recht und Römisches Recht, 1880 г.).

Это несоотвѣтствіе теоріи съ историческими фактами давно было замѣчено нѣмецкими учеными и вызвало нѣкоторыя поправки къ господствующему ученію. Такъ, напримѣръ, Кирульфъ согласенъ, что въ основаніи обычая лежитъ «общее мнѣніе», но не цѣлаго народа, говоритъ онъ, а опредѣленнаго круга людей (Theorie des gemeinen Civilrechts, 1839, стр. 9 сл.). Эта поправка подрываетъ всю теорію. «Опредѣленный кругъ людей» есть нѣчто совершенно неопредѣленное; у этого-то неопредѣленнаго субъекта мы должны предполагать свое общее мнѣніе о правѣ. Откуда же оно? Почему одинъ кругъ людей проникнутъ однимъ общимъ убѣжденіемъ, а другой—другимъ? Сторонники *общенароднаго* убѣжденія, въ доказательство своей мысли, приводятъ сравненіе: общее убѣжденіе о правѣ, говорятъ они, также точно присуще народу, какъ и народная рѣчь. Въ пользу общаго мнѣнія о правѣ у «опредѣленнаго круга лицъ» нельзя привести даже этого, въ сущности ничего не доказывающаго, сравненія.

Древніе памятники, какъ мы видѣли, говорятъ о племенныхъ обычаяхъ. Не слѣдуетъ ли понятіе племени поставить вмѣсто понятія народа (націи) и выводить обычай изъ общеплеменнаго убѣжденія о правѣ? Тоже нѣтъ. Какое либо убѣжденіе и, слѣдовательно, убѣжденіе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ. Объ убѣжденіи народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ.

Изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, и надо выводить обычное право, а слѣдовательно и первое право, возникшее въ исторіи.

Но обычное право есть нѣкоторая совокупность общихъ нормъ, исполненіе которыхъ считается обязательнымъ; бытіе этихъ нормъ проявляется въ рядѣ единообразныхъ дѣйствій. Какъ же могли возникнуть такія общія нормы изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, выражающихъ только ихъ индивидуальное убѣжденіе и, можетъ быть, вовсе между собой несогласныхъ?

Общія нормы возникаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ не всегда и не непремѣнно, а только при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ для того условій. Разные люди, при единствѣ

Digitized by Google

интересовъ и сходствѣ условій жизни, могутъ въ одинакихъ случаяхъ поступать одинаково. Одинакіе поступки являются вслѣдствіе сходства характеровъ, потребностей и всей обстановки жизни. Если условія дѣятельности этихъ людей, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, остаются тѣ же, является послѣдовательный рядъ одинакихъ дѣйствій въ одинакихъ случаяхъ. Первоначально эти согласныя дѣйствія совершенно совпадаютъ съ волею дѣйствующихъ лицъ и прямо ею условливаются. Но по мѣрѣ ихъ накопленія, они сами начинаютъ оказывать давленіе на волю и опредѣлять ея направленіе. Этому способствуетъ съ одной стороны желаніе оставаться вѣрнымъ самому себѣ (разъ принятому способу дѣйствія), съ другой—примѣръ другихъ людей. Возростающія поколѣнія, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать самостоятельно, наблюдаютъ дѣйствія старшихъ; ихъ личная воля слагается подъ вліяніемъ установившихся уже способовъ дѣйствія. «Такъ поступали отцы наши, такъ поступаемъ и мы»,—это общечеловѣческая черта. Нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ среды другихъ людей—имѣетъ весьма важное вліяніе на поступки человѣка. Русская пословица недаромъ говоритъ: впередъ людей не забѣгай, а отъ людей не отставай! или: какъ люди, такъ и мы! Не нами уставилось, не нами и переставится. Обязательность обычая возникаетъ, слѣдовательно, въ силу присущаго человѣку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути. Тутъ есть что-то общее съ свойствомъ физическихъ тѣлъ, извѣстнымъ подъ именемъ инерціи.

Что привычка (обыкновеніе, die Gewohnheit als solche) можетъ порождать правовыя нормы, это допускаютъ и послѣдователи господствующей школы, хотя и съ важными ограниченіями. Такъ, напримѣръ, Савиньи, различая общія основы положительнаго права, непосредственно содержащіяся въ народномъ сознаніи, отъ опредѣленій частностей, относительно безразличныхъ, каковы сроки, внѣшняя форма юридическихъ сдѣлокъ и т. п.,—по отношенію къ этимъ частностямъ признаетъ творческую силу обыкновенія. Онѣ, по его мнѣнію, не даны въ народномъ сознаніи, а возникаютъ въ силу закона континуитета человѣческихъ поступковъ (System, 1840, I, § 12).

Итакъ, обычное право возникаетъ благодаря дѣйствію двухъ,

Digitized by Google

силъ. Во-первыхъ, индивидуальнаго сознанія насущныхъ интересовъ человѣка, подъ вліяніемъ котораго опредѣляется тотъ или другой способъ его дѣйствія. Это начало самоопредѣленія (автономіи). Въ его основѣ — личный интересъ, личное усмотрѣніе о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Но самоопредѣленіе само по себѣ не творитъ еще обычнаго права. Изъ него возникаютъ только отдѣльныя дѣйствія, извѣстная практика. Если дѣйствія личной воли разныхъ лицъ будутъ одинаковы въ одинаковыхъ случаяхъ и ихъ накопится значительная масса, возникаетъ вторая сила, побуждающая всѣхъ знающихъ о существованіи извѣстнаго образа дѣйствія, извѣстной практики—дѣйствовать также (Adickes, 52, 60). Это инертная сила обыкновенія. Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, всегда болѣе энергическими людьми, становится общею нормою, обычаемъ, благодаря тому, что другіе привыкаютъ, болѣе или менѣе пассивно, дѣйствовать также. Нѣкоторая практика переходитъ въ повальный обычай потому, что путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей слагается, наконецъ, и общее убѣжденіе о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе.

Обычай идетъ не отъ общаго, а отъ индивидуальнаго убѣжденія, но становится болѣе или менѣе общимъ. Говоримъ «болѣе или менѣе» потому, что убѣжденіе каждаго, исполняющаго обычай, въ истинности, справедливости и разумности его основаній вовсе не нужно для дѣйствія обычая. Нужно только общее убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать согласно съ господствующей практикой. При этомъ условіи, люди будутъ подчиняться обычаю, хотя лично тотъ или другой изъ нихъ можетъ и не имѣть соотвѣтствующаго убѣжденія. «Повальный обычай, что царскій указъ», говоритъ русская пословица, т. е. обычай также обязателенъ, также связываетъ волю, какъ и указъ. Но исполненіе указа не стоитъ въ зависимости отъ личныхъ убѣжденій исполняющаго о правѣ и справедливости. Точно также и исполненіе обычая обязательно, независимо отъ того, убѣжденъ ли исполняющій въ его пригодности, или нѣтъ. «Противъ обычая не спорь!» говоритъ другая пословица, т. е. исполняй обычай, хотя бы онъ казался и неумѣстнымъ.

Digitized by Google

Наличность соотвѣтствующаго убѣжденія всѣхъ и каждаго не есть необходимое условіе дѣйствія обычая. Но отсутствіе такого убѣжденія есть зерно разрушенія сложившагося обычая. Люди слабые будутъ дѣйствовать по обычаю, хотя и не убѣждены въ его цѣлесообразности; наоборотъ, люди энергическіе могутъ возстать противъ пассивнаго подчиненія обычаю, не соотвѣтствующему ихъ воззрѣніямъ. Дѣйствуя по своему, изо дня въ день нарушая обычай, они могутъ положить начало образованію новаго обычая, который, съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій, можетъ вытѣснить старый. «На обыкъ есть перевыкъ», говоритъ русскій народъ; или: «быкъ, да и тотъ отвыкъ!»

Возникновеніемъ обычнаго права изъ индивидуальнаго усмотрѣнія, путемъ навыка, объясняются и многія особенности этого права. Обычное право возникаетъ не въ народѣ (націи) и даже не въ племени, а въ каждой группѣ людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и имѣющихъ возможность вліять другъ на друга своими дѣйствіями. «Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», говоритъ русская пословица, или еще рѣзче: «у Сидора обычай, а у Карпа—свой». Эти пословицы выражаютъ всемірный фактъ. Ограничимся еще только однимъ примѣромъ. Во Фландріи, говоритъ Варнкёнигъ (385), до самаго присоединенія ея къ французской республикѣ, не было общихъ обычаевъ; эта страна знала только мѣстныя права. Такъ называемое jus commune Flandriae, до введенія римскаго права, состояло изъ нѣкоторыхъ общихъ основныхъ началъ, которыя совершенно также встрѣчаются и во всѣхъ другихъ странахъ.

Эти явленія необъяснимы съ точки зрѣнія общенароднаго убѣжденія, но совершенно понятны съ нашей. Если условія жизни не одинаковы, въ предѣлахъ одного и того же народа и даже племени могутъ возникнуть разные обычаи. Объединеніе ихъ возможно только послѣ долгой совмѣстной исторической жизни и при наличности особенно благопріятныхъ для того условій. Если такихъ условій не будетъ, исторія одного и того же народа и даже болѣе мелкихъ, племенныхъ и мѣстныхъ, его подраздѣленій должна будетъ имѣть дѣло съ совершенно разными началами права. Наоборотъ, при сходствѣ условій жизни, сходные обычаи могутъ возникнуть у народовъ вовсе не родственныхъ

Digitized by Google

и не имѣвшихъ случая оказывать какое либо вліяніе другъ на друга.

Если обычай идетъ отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то понятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергическіе и сильные, а первоначальное обычное право—правомъ сильнаго. При отсутствіи общественныхъ учрежденій, которыя опредѣляли бы права частныхъ лицъ и охраняли ихъ, опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія. Въ то время, какъ слабый человѣкъ поневолѣ долженъ былъ уступать сильному, сильный мстилъ за нанесенную ему обиду и обращалъ слабаго врага въ рабство. Такъ возникли эти два общечеловѣческія учрежденія: месть и рабство. Это институты древнѣйшаго права, но это право есть право сильнаго и безправіе слабаго. Кто отъ природы былъ поставленъ въ наименѣе благопріятныя условія, чтобы отстоять свою личность, тотъ имѣлъ право лишь на столько, на сколько это нравилось сильному. Въ связи съ этимъ, во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ, стоитъ зависимое положеніе женщинъ и почти безправное положеніе малолѣтнихъ дѣтей. Отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на существованіе или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ, онъ могъ оставить его на произволъ судьбы и даже убить. Почему? Такъ ему нравилось при данныхъ условіяхъ, и это было его право.

Отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію нормъ обычнаго права. Для того, чтобы образовался обычай, связывающій частную волю, въ памяти людей долженъ уже накопиться на столько значительный матеріалъ сходныхъ прецедентовъ, чтобы воля была подавлена этимъ матеріаломъ. Только при этомъ условіи возникаетъ «повальный обычай», обязательный, по русской пословицѣ, какъ царскій указъ. Обычай, слѣдовательно, при всей его древности, не есть первоначальная норма, которою управляются дѣйствія людей. Что же было до обычая? Автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. Отсюда, въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу. Ясные слѣды этого первоначальнаго порядка вещей можно наблюдать въ историческія времена и притомъ весьма уже поздніе.

И царскій указъ не всегда строго исполняется. Рядомъ съ

Digitized by Google

болѣе или менѣе точнымъ его опредѣленіемъ всегда можно встрѣтить частныя отступленія практики, вызываемыя, между прочимъ, домогательствомъ заинтересованныхъ лицъ. Такія отступленія составляютъ нарушеніе указа, въ которомъ проявляется однако торжество частной воли, стремящейся къ самоопредѣленію. Если указъ обходится, тѣмъ легче встрѣтить случаи обхода обычая, который вовсе не формулированъ и держится единственно соблюденіемъ. Отсюда, хотя обычай доказывается фактами его примѣненія къ случаямъ дѣйствительной жизни, но наличность дѣйствій, несогласныхъ съ обычаемъ, еще не можетъ быть приводима, какъ доказательство несуществованія самого обычая. «Можетъ быть господствующій обычай (повальный) и при наличности частныхъ перерывовъ и противорѣчій» (Kierulf, 11).

Мы коснулись здѣсь самой слабой стороны всякаго обычнаго права. Если обычай, не всѣми и не всегда соблюдаемый, есть тоже обычай,—гдѣ же граница между обычаемъ сложившимся и отдѣльными автономными дѣйствіями, которыя могутъ перейти въ обычай, но еще не перешли? Твердой границы дѣйствительно нѣтъ. Въ періодъ господства обычнаго права, право установившееся и только возникающее, право дѣйствующее и вымирающее стоятъ всегда рядомъ и всегда могутъ быть перемѣшаны. Особенность этого періода состоитъ въ томъ, что тогда дѣйствуетъ не только право, которое мы называемъ положительнымъ (positives Recht), но и нѣжные побѣги еще только возникающаго права, еще нуждающагося въ общемъ признаніи, до котораго оно можетъ и не дорости. Въ древности не всякое дѣйствующее право есть положительное (Adickes, 30). Эта особенность отразилась и на порядкѣ древняго суда. Старые судьи не только примѣняли уже сложившееся и общепризнанное право, но иногда и сами отыскивали его вновь. Нѣмецкіе шеффены, въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ обычай умалчиваетъ, должны были судить согласно тому, что̀ *имъ казалось* наиболѣе справедливымъ и лучшимъ. Нѣтъ надобности думать, что шеффены въ этихъ случаяхъ всегда сочиняли право совершенно вновь; они могли и, конечно, дѣйствительно пользовались извѣстною имъ практикою, которая еще не успѣла перейти въ непререкаемый обычай. Ихъ личное участіе, въ большинствѣ случаевъ, состояло только въ выборѣ того именно способа дѣйствій изъ многихъ практи-

Digitized by Google

ковавшихся, который наиболѣе совпадалъ съ ихъ личными воззрѣніями.

Здѣсь мѣсто упомянуть о мысли, высказанной Мэномъ (Ancient Law 1870), хотя мы и не можемъ присоединиться къ ней во всемъ ея объемѣ. «Появленію обычаевъ, говоритъ онъ, предшествуютъ судебныя сентенціи» (5). И далѣе: «единственное авторитетное опредѣленіе о правѣ и неправдѣ—есть судебная сентенція, слѣдующая за фактомъ; преступленіе карается не потому, чтобы имъ было нарушено существующее уже право, а потому, что именно такъ вдохновила судью высшая сила въ самый моментъ суда. Мы поймемъ это, продолжаетъ онъ, если представимъ себѣ, что общество возникло изъ рода, гдѣ лицо, находясь подъ властью патріархальнаго деспотизма, управлялось не закономъ, а капризомъ» (8). Что судебныя рѣшенія творятъ обычное право, это несомнѣнно, но чтобы они предшествовали появленію всякихъ обычаевъ, съ этимъ трудно согласиться. Прежде чѣмъ возникъ какой либо судъ и судебныя рѣшенія, были уже ряды дѣйствій самоопредѣленія, изъ которыхъ нѣкоторые получили значеніе обычая. Только при этомъ условіи и могло возникнуть что либо похожее на судъ. Судебное рѣшеніе — явленіе болѣе высшаго порядка, чѣмъ тотъ, въ которомъ родились первые обычаи.

Въ теченіе предшествовавшаго положенія мы не разъ имѣли случай приводить воззрѣнія западно-европейскихъ ученыхъ. Мы не задавались и не задаемся мыслью исчерпать всѣ ихъ особенности. Изъ старой и новой литературы мы указали только главнѣйшія направленія. Въ дополненіе къ сказанному, мы остановимся еще на философскомъ воззрѣніи Аренса. Воззрѣніе это не имѣло сколько нибудь замѣтнаго вліянія на историческую разработку обычнаго права, но оно поучительно въ томъ отношеніи, что идетъ противъ слѣпаго поклоненія народнымъ обычаямъ.

Аренсъ (Juristische Encyclopaedie, 1855, стр. 75 и сл., и Naturrecht, 1870, т. I, стр. 322 и сл.) во многомъ находитъ правильными воззрѣнія Пухты, но усматриваетъ въ нихъ и существенные недостатки. Пухта, выводя обычное право изъ народнаго сознанія, не понялъ, по мнѣнію Аренса, *объективнаго* существа права и не успѣлъ выйти изъ сферы субъектив-

Digitized by Google

наго. Аренсъ задается мыслью поправить эту ошибку. Отъ формальнаго, положительнаго права онъ различаетъ право въ идеѣ, или идею права (die Rechtsidee). Это идеальное право не зависитъ ни отъ какой воли, оно выше всякой воли, какъ частной, такъ и общенародной, и дается самими жизненными отношеніями, иначе — природою вещи. Это и есть объективная норма права. Всякое положительное право есть только болѣе или менѣе совершенное выраженіе этого идеальнаго. Идеальное составляетъ внутреннюю *основу* (den inneren Rechtsgrund) всякаго положительнаго. Напримѣръ, понятіе человѣческой личности, которая, по причинѣ разумной своей природы, составляетъ сама для себя цѣль и можетъ разные объекты употреблять, какъ средства для удовлетворенія своихъ жизненныхъ цѣлей,— есть *основаніе* для всего вещнаго права и права по обязательствамъ; или: для ребенка объективное основаніе его права на образованіе лежитъ въ томъ, что образованіе есть необходимое условіе разумнаго развитія жизни. Эти объективныя нормы, проникающія всѣ жизненныя отношенія, стремятся принять видимыя очертанія въ дѣйствительной жизни. Идеальное право переходитъ въ дѣйствительность при посредствѣ источниковъ права. Аренсъ признаетъ, что историческая школа сдѣлала основательныя изысканія въ области источниковъ, но онъ думаетъ, что она не различила двухъ существенныхъ факторовъ каждаго источника, вслѣдствіе чего самое понятіе источника остается до сего времени неяснымъ. Эти два фактора суть: *основаніе* (der Grund) права и дѣятельная его *причина*. Причина образованія обычнаго права всегда заключается въ волѣ и притомъ индивидуальной, а не народной. Обычай идетъ отъ проявленій воли отдѣльныхъ лицъ. Но обычай есть только форма возникновенія права, а не его *основаніе*. Основаніе не зависитъ отъ воли, оно дано уже природою жизненныхъ отношеній.

Отсюда, не всякое обыкновеніе можетъ имѣть притязаніе на правовое значеніе, ибо могутъ быть извращенные и безсмысленные обычаи, которые не должны дѣйствовать. Согласно съ этимъ, философъ установляетъ условія, при наличности которыхъ обычай долженъ получать юридическую силу. Это будутъ: 1) Соотвѣтствіе обычаевъ съ природою жизненныхъ отношеній. Здѣсь, говоритъ онъ, надо имѣть въ виду природу вещи, которой свойственна

Digitized by Google

внутренняя необходимость. Далѣе 2) обычай долженъ быть установленъ въ убѣжденіи его правовой необходимости (einer rechtlichen Nothwendigkeit). Наконецъ, 3) обычай долженъ быть разуменъ и не долженъ нарушать добрыхъ нравовъ.

Такова предлагаемая Аренсомъ поправка къ господствующему ученію. Эта поправка представляется еще менѣе пригодной для обработки историческаго матеріала, чѣмъ сама теорія исторической школы. Утверждая, что обычай возникаетъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, Аренсъ близко подходитъ къ исторической истинѣ, но эта истина совершенно ускользаетъ изъ его рукъ, благодаря проводимому имъ различію между субъективной причиной и объективнымъ основаніемъ. Философъ не можетъ успокоиться въ области измѣнчиваго субъективизма, онъ стремится къ постоянному, вѣчному. Это вѣчное онъ находитъ въ природѣ жизненныхъ отношеній и совѣтуетъ, при оцѣнкѣ обычаевъ, имѣть въ виду «природу вещи» и признавать только такіе обычаи, которые согласны съ этой природой. Но что же такое «природа вещи», какъ не наше пониманіе этой природы, слѣдовательно, тотъ же субъективизмъ? Наше личное пониманіе природы жизненныхъ отношеній должно имѣть и, конечно, всегда имѣетъ рѣшающее значеніе при установленіи дѣйствующаго права, но оно не даетъ намъ никакой твердой исходной точки при изслѣдованіи права въ его историческомъ развитіи. Мы не признаемъ рабства, мы не признаемъ права мести, права родителей убивать дѣтей, такъ какъ все это не соотвѣтствуетъ нашимъ воззрѣніямъ на природу соотвѣтствующихъ жизненныхъ отношеній, но для нашихъ предковъ всѣ эти безобразныя явленія были настоящимъ правомъ? Наше представленіе о природѣ вещи можетъ дать намъ субъективное мѣрило для оцѣнки историческихъ явленій права, и только. Не считать же правомъ всѣ тѣ нормы обычнаго права, которыя не подходятъ подъ это мѣрило,—значитъ уничтожать самую исторію права.

Пониманіе обычая, установленное философомъ, оказывается узкимъ для цѣлей исторіи. Но непригодное для исторіи, оно имѣетъ несомнѣнное значеніе для современности. Не во всѣ времена за обычаемъ признается одинаковая сила. Онъ дѣйствуетъ совершенно неограниченно только въ періоды, когда еще неизвѣстно законодательство. По мѣрѣ же удаленія отъ глубокой

Digitized by Google

древности и съ развитіемъ другихъ источниковъ, неограниченное дѣйствіе обычая обыкновенно стѣсняется. Современныя общества не только не могутъ жить и развиваться путемъ однихъ обычаевъ, но они положительно не вправѣ принимать тѣ начала обычнаго права, которыя не соотвѣтствуютъ новымъ требованіямъ жизни. Зародыши обычнаго права всегда лежатъ въ прошломъ, потребности же нашего времени развиваются такъ быстро, что начала обычнаго права легко могутъ стать съ ними въ противорѣчіе. Въ случаѣ такого столкновенія, обычай долженъ уступить закону. Ограничительныя условія Аренса должны вполнѣ сохранить свою силу при каждомъ обсужденіи пригодности народныхъ обычаевъ для современной жизни. Положительный законъ, конечно, долженъ опредѣлить условія, при удовлетвореніи которымъ обычаи только и могутъ притязать на обязательную силу въ современномъ обществѣ.

Вопросъ о свойствахъ обычая далеко не праздный. То или другое пониманіе ихъ всегда опредѣляетъ и отношеніе изслѣдователя къ историческому матеріалу. Если онъ будетъ отправляться отъ народнаго убѣжденія, которое по необходимости мыслится, какъ единое, или отъ природы вещи, которая представляется философскому уму также единой, онъ будетъ искать общихъ обычаевъ и не будетъ въ состояніи ориентироваться въ томъ разнообразіи началъ обычнаго права, какое всегда представляетъ дѣйствительность; онъ будетъ доискиваться строгой опредѣленности единыхъ нормъ въ періоды, когда въ полномъ ходу индивидуальное самоопредѣленіе, еще не успѣвшее подчиниться обычаю. Наше право весьма долгое время и уже на глазахъ исторіи оставалось въ этомъ состояніи недостаточной опредѣленности, выражавшемся въ единовременномъ дѣйствіи разнообразныхъ началъ обычнаго права и въ разгулѣ индивидуальнаго самоопредѣленія. Даже въ московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ проявленіями частной автономіи, и правительство московскаго государства нерѣдко признавало эти проявленія и въ своихъ указахъ санкціонировало ихъ.

Но правильный взглядъ на народное обычное право имѣетъ значеніе не для однихъ только трудовъ по исторіи прошлаго. Онъ можетъ быть полезенъ и для настоящаго. Онъ можетъ разсѣять смутныя представленія о сокровищахъ, лежащихъ

Digitized by Google

въ народномъ духѣ, изъ котораго, будто бы, надо только умѣть черпать; чтобы найти готовыя средства на всѣ возможные случаи современной государственной жизни.

Народная правда далеко не представляетъ такой богатой сокровищницы. И это очень понятно. Если обычаи возникаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, условливаемыхъ представленіями этихъ лицъ о томъ, что въ данномъ случаѣ для нихъ удобно и хорошо, то всѣ положенія обычнаго права суть ничто иное, какъ результатъ приспособленія человѣческаго духа къ внѣшней обстановкѣ и къ тѣмъ насущнымъ потребностямъ человѣка, въ области которыхъ вращается его жизнь. Содержаніе обычной народной мудрости, слѣдовательно, не выходитъ и не можетъ выйти за предѣлы той жизни, которую народъ дѣйствительно ведетъ. Если жизнь эта ограничена узкой сферой исключительно деревенскихъ интересовъ, напрасно будемъ искать въ народныхъ обычаяхъ отвѣтовъ на вопросы, возбужденные сложными и разнообразными потребностями современнаго государства. Народный опытъ, ограниченный почти первобытными условіями незатѣйливаго сельскаго быта, окажется отсталымъ и узкимъ для удовлетворенія нуждамъ развитой государственной жизни. За предѣлами села для народа начинается невѣдомая ему область. Народъ самъ хорошо понималъ это въ старое время и, конечно, понимаетъ теперь. Когда московскіе государи обращались къ представителямъ посадскихъ и черносошныхъ людей съ вопросами по такимъ дѣламъ, которыя лежали внѣ сферы ихъ обыденной жизни, они отказывались давать какой либо отвѣтъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ 1642 г., когда Михаилъ Ѳедоровичъ спрашивалъ, между прочимъ, и посадскихъ людей о военныхъ средствахъ, которыя слѣдовало бы употребить для удержанія Азова за московскимъ государствомъ. Въ XVII вѣкѣ военное дѣло стало исключительно дѣломъ дворянъ и разнаго рода служилыхъ людей; посадскіе давно уже перестали считать его своимъ. На вопросъ царя они отвѣчали, что это дѣло «имъ не за обычай», а потому они и посовѣтовать ничего не могутъ. Отвѣтъ совершенно разумный, за него нельзя осудить людей XVII в. Мысль народа можетъ имѣть готовые отвѣты только на вопросы, которые постоянно возникаютъ въ практикѣ его собственной жизни и вѣдѣніе которыхъ принадлежитъ ему. Къ рѣшенію всѣхъ остальныхъ вопросовъ народъ подготовленъ гораздо ме-

Digitized by Google

нѣе, чѣмъ люди интеллигенціи. Лишенный просвѣщенія и не причастный къ отправленіямъ государственной жизни, онъ можетъ подойти къ самымъ важнымъ политическимъ задачамъ только съ мѣркою своей узкой жизни. До тѣхъ поръ, пока народъ будетъ лишенъ собственнаго опыта и просвѣщенія, онъ по необходимости останется подъ руководствомъ людей опыта и просвѣщенія. Только благодаря успѣхамъ просвѣщенія, человѣчество освободилось отъ дѣйствія многихъ мрачныхъ народныхъ обычаевъ. И теперь, для исцѣленія язвъ нашего общественнаго быта, взоры наши должны быть обращены къ просвѣщенію же, а не къ обычаямъ—темныхъ народныхъ массъ. Изученіе народныхъ обычаевъ—дѣло вовсе не праздное, оно имѣетъ великую важность, но потому, что проливаетъ свѣтъ на природу человѣка и на свойства историческаго права; искать же государственной мудрости въ народныхъ обычаяхъ, только что вышедшихъ изъ подъ тяжелаго, болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго гнета крѣпостнаго права — напрасный трудъ. Новое время должно создать и новые обычаи.

В. Сергѣевичъ.

Digitized by Google

ЭГОИСТЪ.

Романъ Вернера.

I.

Это было въ ясный весенній день. Торжественная воскресная тишина и спокойствіе, невѣдомыя въ большомъ приморскомъ портовомъ городѣ, безмятежно царствовали вокругъ дачи, стоявшей поодаль отъ города и окруженной садомъ, въ видѣ парка, спускавшагося къ самому морю. Это была изящная, роскошная вилла, въ какихъ обыкновенно живутъ богачи, которые не любятъ городскаго шума, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаютъ терять много времени на переѣзды въ городъ.

Въ гостинной, со стеклянною дверью, выходившей на террассу съ цвѣтами, сидѣли мужчина и дама, и вели, очевидно, очень серьезный разговоръ. Щеки молодой особы пылали отъ сильнаго волненія, и она съ большимъ трудомъ старалась удержать слезы, въ то время какъ мужчина говорилъ совершенно равнодушно и спокойно. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, но съ совершенно уже посѣдѣвшими волосами и съ серьезными, холодными чертами лица,—человѣкъ дѣловой. Не смотря на жаркій разговоръ, онъ ни на одну минуту не измѣнилъ своего холоднаго, спокойнаго и ровнаго обращенія, и не придалъ ни малѣйшихъ оттѣнковъ своему сухому, дѣловому тону рѣчи.

— Право, Джесси, мнѣ ужь надоѣло вѣчно слышать старыя возраженія и жалобы! сказалъ онъ.—Какъ опекунъ и родственникъ твой, я принялъ на себя попеченіе о твоемъ будущемъ, и

Digitized by Google

полагалъ, что дѣлаю такое предложеніе, которое можно бы принять. Глупыя, романическія дѣвушки никогда не видятъ своего счастья!

«Глупая романическая дѣвушка» не была лишена привлекательности. Красоту ея бѣлокурой головки нельзя было назвать совершенно правильной, но въ тонкихъ, выразительныхъ чертахъ и въ голубыхъ, нѣсколько мечтательныхъ глазахъ было нѣчто необыкновенно привлекательное. Въ настоящую минуту юное лицо выражало страшное возбужденіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ слышалось и въ дрожащемъ голосѣ, которымъ она отвѣчала:

— Своего счастья! То, что ты называешь счастьемъ, дядя Сандовъ, вовсе не походитъ на то, что я подразумѣваю подъ счастьемъ.

— Ты, можетъ быть, начнешь мнѣ толковать о какомъ нибудь туманномъ, фантастическомъ понятіи, которое мы соединяемъ съ этимъ словомъ? насмѣшливымъ тономъ спросилъ Сандовъ. —Счастье есть блестящее положеніе, богатство, при мужѣ, который всегда можетъ служить опорой. Это тебѣ предлагается съ рукою человѣка...

— Котораго я даже не знаю! перебила его Джесси.

— Познакомиться не долго. Кромѣ того, братъ мой для тебя не чужой, хотя ты его никогда и не видала. По портрету ты могла видѣть, что лучшей наружности и желать нечего, и затѣмъ ты сама объявила мнѣ, что не связана никакой привязанностью. Почему же отказываешься ты, съ такимъ упорствомъ, отъ брака, на который Густавъ тотчасъ же согласился?

— Именно потому, что онъ тотчасъ согласился! Я не могу, да и не хочу довѣрить все свое будущее человѣку, который, безъ малѣйшаго колебанія, отрекается отъ добровольно выбраннаго имъ дѣла и блестящимъ образомъ начатаго поприща, бросаетъ свое отечество и свой народъ, лишь только ему предложили составить богатую партію.

Сандовъ пожалъ плечами.

— Все это опять-таки идеализмъ, привитый къ тебѣ нѣмецкимъ воспитаніемъ. У тебя и безъ того сильная склонность къ сантиментальности. «Добровольно выбранное дѣло! Блестящимъ обра-

Digitized by Google

зомъ начатое поприще!» Ты, кажется, имѣешь очень высокое понятіе о нѣмецкомъ журналистѣ. Статьи Густава будутъ любить и охотно читать до тѣхъ поръ, пока къ нему будетъ расположена публика, и пока будетъ продолжаться теперешнее политическое настроеніе. Лишь только онъ лишится расположенія публики и политика измѣнится, то и карьера его кончится. Здѣсь же, въ Америкѣ, ему предстоитъ независимость, богатство и завидное положеніе главы большаго торговаго дома. Онъ былъ бы болѣе, чѣмъ дуракъ, еслибы отказался отъ этого и всю жизнь писалъ передовыя статьи.

— Это дѣло вкуса и вообще увѣряю тебя, дядя Сандовъ, что мнѣ рѣшительно все равно, кого ты выберешь въ свои компаньоны, только бы ты не вмѣшивалъ меня въ область твоихъ дѣловыхъ соображеній.

— Это я дѣлаю изъ своего собственнаго интереса. Ты знаешь, что сокровеннымъ желаніемъ твоего отца было сохранить твое состояніе для дѣла. Онъ всегда надѣялся, что его мѣсто когда нибудь будетъ занято зятемъ. Ему не суждено было однако-же дожить до этого.

— Нѣтъ, тихо проговорила Джесси: — а иначе у него не достало бы духа принудить меня къ тому, къ чему ты меня теперь принуждаешь.

Сандовъ отъ нетерпѣнія пожалъ плечами.

— Что это за неподходящія выраженія! Я вовсе не думаю принуждать тебя, но положительно требую, чтобы ты послушалась благоразумнаго совѣта и не отказывалась бы очертя голову отъ этого брака, только потому, что онъ не совпадаетъ съ твоими романическими идеями. Тебѣ девятнадцать лѣтъ, и ты должна теперь подумать о замужствѣ. Идеальныхъ браковъ, о которыхъ ты мечтаешь, вообще не существуетъ. Для всякаго, кто будетъ за тебя свататься, главную роль будутъ играть твои средства. Времена безкорыстной любви давнымъ давно прошли, и если кто нибудь начнетъ разыгрывать передъ тобою комедію, то только для того, чтобы впослѣдствіи съ бо́льшей увѣренностью

Digitized by Google

растратить твои деньги. Тебѣ необходимо заранѣе разъяснить себѣ это, а то потомъ разочарованіе покажется тебѣ слишкомъ тяжелымъ.

Съ невѣроятной безсердечностью и ледянымъ спокойствіемъ говорилъ онъ все это своей воспитанницѣ, и разбивалъ всѣ мечты и иллюзіи молодой дѣвушки, объясняя ей, что жениться на ней могутъ только изъ разсчета. Губы Джесси болѣзненно сжались отъ этихъ безпощадныхъ доводовъ, тѣмъ болѣе, что Сандовъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Развѣ сама она не испытала, что̀ значитъ быть богатой невѣстой и служить предметомъ эгоистичныхъ разсчетовъ всѣхъ людей, съ которыми она сталкивалась? Вѣдь и опекунъ видѣлъ и уважалъ въ ней только наслѣдницу — горькая мысль для молодой дѣвушки, всемъ сердцемъ страстно стремившейся къ счастію и любви!

— Въ настоящемъ же случаѣ тебѣ бояться нечего, продолжалъ Сандовъ, принявшій молчаніе ея за нѣкотораго рода согласіе.—Бракъ этотъ обоимъ вамъ представляетъ одинаковую выгоду. Густавъ вмѣстѣ съ твоей рукой пріобрѣтаетъ состояніе и выдающееся положеніе въ здѣшнемъ торговомъ мірѣ, ты черезъ него остаешься участницей въ дѣлѣ твоего отца и можешь быть увѣрена, что о состояніи твоемъ будетъ заботиться твой мужъ и увеличивать его. Дѣло это такъ ясно и просто, что я, право, не понимаю твоего упрямства, тѣмъ болѣе, что ты всегда интересовалась Густавомъ. Статьи его ты всегда читала съ настоящимъ восторгомъ.

— Потому что я вѣрила въ то, что̀ онъ писалъ! Потому что я не считала возможнымъ, что эта пламенная любовь къ родинѣ, это горячее стремленіе къ прекрасному и великому — однѣ только фразы, которыя можно выбросить за бортъ вмѣстѣ съ убѣжденіями, лишь только того потребуетъ выгода.

— Господа писатели всегда умѣютъ красно говорить, замѣтилъ Сандовъ.—Того требуетъ ихъ профессія! Плохо бы имъ было, еслибы имъ пришлось на дѣлѣ исполнять все то, что̀ они говорятъ. Густавъ писалъ такъ, какъ того требовало его положеніе и время, а теперь онъ будетъ поступать такъ, какъ того требуетъ разсудокъ. Не поступи онъ такъ, то я никакъ не могъ бы взять его въ компаньоны.—Ну, однако пора намъ кончить споръ! Я ни

Digitized by Google

сегодня, ни завтра не настаиваю, чтобы ты рѣшилась, но увѣренъ въ твоемъ согласіи.

— Никогда! вспыхнувъ, вскричала Джесси.—Принадлежать человѣку, который видитъ во мнѣ только одинъ изъ пунктовъ дѣловаго параграфа! Эгоисту, для котораго ничего нѣтъ дорогаго и святаго, чѣмъ бы онъ не пожертвовалъ для своихъ матеріальныхъ цѣлей! Никогда и ни за что!

Сандовъ не обратилъ почти никакого вниманія на этотъ горячій протестъ. Будь Джесси его дочерью, онъ просто приказалъ бы ей и принудилъ подчиниться его волѣ, но онъ зналъ слишкомъ хорошо границы опекунской власти, чтобы рѣшиться теперь на это. Кромѣ того, онъ зналъ, что его давнишній, внушающій страхъ, авторитетъ, есть тоже своего рода принужденіе для молодой дѣвушки, и онъ твердо рѣшился добиться своего.

— Мы подождемъ, сказалъ онъ, вставая. — Я ѣду теперь на станцію желѣзной дороги, и черезъ часъ представлю тебѣ брата. Ты снизойдешь прежде всего до знакомства съ нимъ, а тамъ ужь сдѣлаемъ и остальное. Прощай!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ послышался стукъ кареты, дожидавшейся его.

Джесси осталась одна и, чувствуя, что она избавилась отъ взора его холодныхъ, строгихъ глазъ, не могла болѣе сдерживаться и залилась слезами. Очевидно, молодая дѣвушка не принадлежала къ числу энергическихъ людей и не могла бороться противъ сильнаго характера. Въ ея слезахъ выразилась вся слабость воли, привыкшей всегда быть въ подчиненіи и при первой же борьбѣ чувствовать свое безсиліе.

Это дѣйствительно была первая борьба въ ея жизни. Она выросла въ счастливой обстановкѣ, подъ крыломъ любящихъ родителей, и испытала свое первое горе только тогда, когда умерла ея мать, а затѣмъ черезъ два года послѣ матери умеръ и отецъ. Въ завѣщаніи отца Сандова, старинный другъ и компаньонъ покойнаго, былъ назначенъ опекуномъ надъ сиротою, состояніе которой, конечно, не могло попасть въ болѣе надежныя руки. Но привязаться къ дядѣ Джесси никогда не могла, хотя знала его съ сама-

Digitized by Google

го дѣтства. Онъ былъ близкимъ родственникомъ ея матери, и подобно ей былъ родомъ изъ Германіи. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ Америку почти безъ всякихъ средствъ и сталъ искать мѣста въ конторѣ своего родственника, которое и получилъ. Говорили, что изъ Европы онъ уѣхалъ вслѣдствіе какого то несчастія и горькаго опыта; но Джесси никогда не могла узнать, что это такое было, потому что и родители ея не совсѣмъ точно знали эту исторію, которой самъ Сандовъ никогда не касался.

Сначала ему дали незначительное мѣсто въ конторѣ только въ силу родственныхъ отношеній, но онъ показалъ такое неутомимое прилежаніе, такую проницательность и энергію, что вскорѣ занялъ первое мѣсто послѣ главы дома. Когда же онъ однажды отстранилъ страшный кризисъ единственно своевременнымъ и энергическимъ вмѣшательствомъ, то вступилъ компаньономъ торговаго предпріятія, которое, подъ его управленіемъ, приняло тотчасъ же другіе размѣры. Нѣсколько смѣлыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливыхъ спекуляцій превратили скромную фирму въ первую фирму города, и новый хозяинъ такъ ловко умѣлъ воспользоваться перевѣсомъ, весьма естественно, вслѣдствіе удачи, доставшимся на его долю, что сдѣлался почти самовластнымъ распорядителемъ или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣлъ во всѣхъ дѣлахъ первый рѣшающій голосъ.

Такимъ образомъ, въ относительно короткое время Сандовъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Какъ человѣкъ одинокій, онъ по прежнему продолжалъ жить въ домѣ своихъ родственниковъ, но не смотря на долголѣтнюю совмѣстную жизнь и одинаковые интересы, онъ не сдѣлался для нихъ близкимъ человѣкомъ. Его холодныя, суровыя манеры не допускали никакого сближенія. Вообще онъ не признавалъ ничего, кромѣ дѣловыхъ интересовъ, неутомимой работы, и никогда не искалъ спокойствія и отдохновенія въ семействѣ: онъ точно вовсе не чувствовалъ въ нихъ потребности. Отецъ Джесси не находилъ ничего дурнаго въ томъ, что компаньонъ его взвалилъ себѣ на плечи большую часть работы и заботъ, тѣмъ болѣе что самъ онъ чувствовалъ склонность къ развлеченіямъ и къ тихой домашней жизни. Такъ какъ въ этомъ отношеніи желанія

Digitized by Google

ихъ вполнѣ совпадали, то они жили въ полномъ согласіи, конечно, покоившемся болѣе на зависимости другъ отъ друга, чѣмъ на истинной дружбѣ.

Теперь же управленіе всѣми дѣлами и забота о состояніи юной наслѣдницы находились въ рукахъ одного Сандова. Онъ этимъ однако-же не удовлетворился и вскорѣ простеръ свои опекунскія права на рѣшеніе судьбы Джесси. Съ тѣмъ же холоднымъ эгоизмомъ, которымъ отличались всѣ его предпріятія, составилъ онъ планъ брака между своей воспитанницей и братомъ, и не мало былъ удивленъ и огорченъ, встрѣтивъ со стороны дѣвушки порицаніе плана, безусловно принятаго его братомъ. На протестъ дѣвушки онъ, впрочемъ, мало обращалъ вниманія, и твердо былъ убѣжденъ, что особа, до сихъ поръ никогда не выказывавшая ни склонности, ни силы къ самостоятельной дѣятельности, и теперь подчинится его волѣ.

Время, обыкновенно употреблявшееся на поѣздку до станціи, еще не совсѣмъ прошло, какъ карета снова подъѣхала къ дому, и вслѣдъ затѣмъ въ гостинную, гдѣ сидѣла Джесси, вошли два брата.

Сандовъ, повидимому, нисколько не былъ взволнованъ свиданіемъ съ братомъ, съ которымъ много лѣтъ не видался. Лицо его было по прежнему спокойно, тонъ, какимъ онъ представилъ Густава Сандова миссъ Джесси Клиффордъ, холоденъ, какъ всегда. Пріѣзжій подошелъ къ дѣвушкѣ и вѣжливо поклонился.

— Смѣю ли я надѣяться на дружескій пріемъ, миссъ Клиффордъ? Я, хотя являюсь къ вамъ чужимъ человѣкомъ, но приношу вамъ привѣтствіе изъ страны, гдѣ родилась ваша мать. Пусть это привѣтствіе послужитъ мнѣ рекомендаціей передъ вами!

Это было сказано не только любезно, но тепло и сердечно. Джесси посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но глаза ея встрѣтились съ его внимательнымъ, проницательнымъ взоромъ, тотчасъ же охладившимъ ее, тѣмъ болѣе, что взоръ этотъ напомнилъ ей истинный мотивъ знакомства. Вслѣдствіе этого, она съ холодной вѣжливостью отвѣчала:

— Я надѣюсь, что переѣздъ былъ хорошъ, мистеръ Сандовъ.

Digitized by Google

— Великолѣпенъ! Море было спокойно, и переѣздъ въ высшей степени пріятенъ. Погода мнѣ благопріятствовала во время моего путешествія сухимъ путемъ.

— Вѣроятно, поэтому-то ты такъ долго и катался? замѣтилъ Сандовъ.—Ты, какъ туристъ, исколесилъ всю страну. Мы ждали тебя уже двѣ недѣли тому назадъ.

— Надо-же было познакомиться со страною и съ людьми, отвѣчалъ Густавъ.—Развѣ ты желалъ, чтобы я поспѣшилъ?

— Нисколько. Я очень радъ, что ты останавливался въ большихъ городахъ. Для всякаго дѣла личныя связи всегда выгодны. У меня для этого нѣтъ времени, но вѣдь я снабдилъ тебя, кажется, достаточнымъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ.—Что это такое? Депеша?

Послѣднія слова относились къ слугѣ, вошедшему вслѣдъ за братьями и подававшему теперь только что полученную телеграмму. Пока Густавъ Сандовъ обмѣнивался съ миссъ Клиффордъ первыми обыкновенными фразами вѣжливости, старшій братъ распечаталъ депешу, пробѣжалъ ее и затѣмъ обратился къ молодымъ людямъ.

— Мнѣ придется оставить васъ на полчаса. Мнѣ надо скорѣе кончить одно дѣло.

— Сегодня-то, въ воскресенье? спросилъ Густавъ.—Неужели и въ праздникъ ты не даешь себѣ отдыха?

— Это зачѣмъ? Можно пропустить что-нибудь. По воскресеньямъ, когда всѣ конторы закрыты, я приказываю присылать телеграммы къ себѣ на домъ. Вѣдь ты былъ у Дженкинса и К. въ Нью-Іоркѣ, Густавъ? Это телеграмма отъ нихъ. Потомъ я еще поговорю съ тобой объ этомъ, а пока оставляю тебя въ обществѣ Джесси. Ну, такъ до свиданья!

Онъ сложилъ депешу и вышелъ. Младшій братъ съ величайшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну... тутъ не очень то избалуютъ родственной любовью! сухо замѣтилъ онъ, обращаясь къ миссъ Клиффордъ.

— Вѣдь вы должны же отчасти знать своего брата, отвѣчала

Digitized by Google

Джесси, давно уже привыкшая къ тому, что опекунъ считалъ дѣл
важнѣе всего въ мірѣ.

— Конечно, но все таки въ Европѣ онъ былъ нѣсколь
внимательнѣе. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, что онъ проведетъ с
мною хотя первый часъ нашего свиданія.

— Вы, вѣроятно, утомились съ дороги, сказала Джесси, выи
скивавшая поводъ прервать какъ нибудь этотъ неожиданный и не
пріятный tête-à-tête.—Комнаты ваши готовы, и если вамъ угодно..

— Благодарю васъ, проговорилъ Густавъ. — Я нисколько не
утомленъ и, въ сущности, даже очень благодаренъ Дженкинсу и ком
паніи, что они доставили мнѣ удовольствіе остаться съ вами.

Съ этими словами онъ подвинулъ кресло и сѣлъ противъ нея.
Но ни его веселый, беззаботный тонъ, ни его симпатичная наруж
ность не могли преодолѣть холодной сдержанности молодой дѣвушки.
Ее не удивило, что новый сожитель ея былъ такъ значительно
моложе ея опекуна, такъ какъ она знала, что онъ родился отъ
втораго брака отца. Старшій братъ уже былъ человѣкъ пожилой,
а младшему было лѣтъ тридцать. Вообще же наружность молодаго
человѣка была вѣрнымъ оригиналомъ портрета, стоявшаго въ ка
бинетѣ Сандова. Это былъ высокій, статный мужчина съ пріятнымъ,
умнымъ лицомъ, съ темными волосами и бородой, и блестящими
глазами, выразительными и положительно красивыми. Но эти-то
глаза именно и не нравились Джесси, потому что она инстинктивно
чувствовала, что они видятъ всю ее насквозь. Тотъ же самый про
ницательный взглядъ, который она встрѣтила въ самомъ началѣ
знакомства, и теперь не сходилъ съ его лица. Мистеръ Сандовъ
junior очевидно разсматривалъ ее, какъ и слѣдовало разсматривать
параграфъ дѣловаго контракта, и этого было совершенно достаточно,
чтобы возбудить неудовольствіе дѣвушки.

— Къ сожалѣнію, я совершенно незнакомъ съ вашей родиной,
началъ онъ. — Я, какъ неопытный европеецъ, точно съ неба сва
лился въ Новый Свѣтъ, и разсчитываю на вашу снисходительную
помощь для того, чтобы мнѣ хотя немного оріентироваться на чу
жой почвѣ.

Digitized by Google

— На мою помощь? Я полагаю, что съ помощью вашего брата вы гораздо лучше и вѣрнѣе успѣете оріентироваться, чѣмъ съ моей.

— Ну, конечно, на сколько это касается дѣловыхъ отношеній. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ онъ кажется мнѣ далеко не подходящимъ человѣкомъ, а между тѣмъ есть многое, съ чѣмъ мнѣ хотѣлось бы познакомиться, между прочимъ.

Между прочимъ! Ну, конечно, и бракъ можетъ быть заключенъ между прочимъ; между прочимъ можетъ состояться и союзъ на всю жизнь, который другіе люди считаютъ величайшимъ и священнѣйшимъ вопросомъ. «Неопытный европеецъ» вообще, повидимому, стоялъ на точкѣ зрѣнія своего американскаго брата и считалъ такія вещи совершенными пустяками.

— Васъ, вѣроятно, привели сюда исключительно дѣловыя отношенія, не безъ ироніи сказала Джесси.—Насколько мнѣ извѣстно, вы хотите войти въ нашу фирму.

— Да. Братъ поставилъ это непремѣннымъ условіемъ.

— Условіемъ? Развѣ вы не были независимы, мистеръ Сандовъ? Ахъ, я забыла... дѣло, вѣроятно, идетъ о наслѣдствѣ послѣ моего опекуна.

Ударъ былъ нанесенъ вѣрно, что можно было замѣтить по внезапно сверкнувшимъ темнымъ глазамъ собесѣдника, но Сандовъ не былъ сраженъ имъ, и совершенно просто и свободно отвѣчалъ:

— Вполнѣ вѣрно, о наслѣдствѣ! Оно стояло на картѣ при моемъ рѣшеніи. Братъ мой былъ въ состояніи отказать все свое состояніе какому нибудь филантропическому учрежденію, еслибы я не подчинился его волѣ.

Джесси не знала, удивляться ли ей, или огорчаться той откровенностью, съ какой человѣкъ этотъ признавался, что онъ пріѣхалъ только единственно изъ за денегъ. И все это онъ говорилъ женщинѣ, рука и состояніе которой предназначались ему, и которая не могла удержаться, чтобы съ горечью не отвѣтить ему:

— До сихъ поръ я не знала, что и въ Германіи умѣютъ хорошо разсчитывать.

— Да, слава Богу, мы наконецъ становимся практичными! съ невозмутимымъ спокойствіемъ сказалъ Густавъ.—Долго не отлича-

Digitized by Google

лись мы практичностью, но зато теперь дѣлаемъ большіе успѣхи
Вы, кажется, ставите намъ это въ упрекъ, миссъ Клиффордъ.

— Нѣтъ, но страну, въ которой родилась моя мать и кото
рую она выучила меня любить, какъ вторую родину, я знала со
всѣмъ съ другой стороны.

— Вѣроятно, съ идеальной стороны? Я не могу отрицать существо
ванія и идеальной стороны. Вообще же у насъ теперь сильно пр
слѣдуется идеализмъ. И очень немногіе рѣшаются открыто стоя
словомъ и дѣломъ за него.

— Именно потому-то эти немногіе и должны были бы тѣснѣ
сплотиться около знамени, которому грозитъ опасность, и для спа
сенія его не жалѣть своей крови и жизни!

Эта фраза звучала нѣсколько странно въ устахъ молодой дѣ
вушки, но она все таки была понята. Темные глаза Густава сно
сверкнули, но на этотъ разъ сверкнули отъ удивленія.

— Какъ это лестно! Цитата изъ моей статьи! Такъ вамъ он
извѣстны?

— Вы пишете въ одной изъ самыхъ большихъ политическихъ
газетъ, холодно сказала Джесси.—Въ домѣ моихъ родителей он
постоянно читалась. Но именно потому, что я знакома съ вашими
статьями, меня до крайности удивляетъ, что вы могли такъ скор
отдѣлаться отъ связей, соединяющихъ васъ съ родиной.

— Вы говорите о моихъ обязательствахъ къ газетѣ, замѣ
тилъ Густавъ.—Да, это, конечно, было не легко уладить, но редакці
подчинилась моимъ желаніямъ. Въ Германіи нѣтъ недостатка в
журналистахъ, и я давнымъ давно замѣненъ другимъ сотрудникомъ

Джесси сжала губы. Это намѣренное непониманіе бѣсило ее
а пристально направленные взоры бѣсили еще болѣе. Онъ не спу
скалъ съ нее глазъ въ продолженіе всего разговора, и Джесси ка
залось, что онъ изучаетъ ее и выслѣживаетъ, и она пришла в
раздраженіе, вообще, вовсе ей несвойственное.

— Я вовсе и не подозрѣвалъ, что по ту сторону Океана у
меня была такая внимательная читательница, продолжалъ онъ.—
Но разъ, что честь эта выпала на мою долю, то я просилъ бы
васъ высказать мнѣ вашу критику. Вы сказали, что любите мо

Digitized by Google

родину, какъ свое второе отечество. Слѣдовательно, я смѣю разсчитывать на ваше сочувствіе ко всему, что я защищалъ своимъ перомъ.

— Вѣдь вы покинули писательское поприще, замѣтила Джесси,—ради болѣе выгоднаго.

— Да, я уступилъ силѣ обстоятельствъ. Вы, кажется, неблагопріятно относитесь къ этому, но, можетъ быть, писатель встрѣтитъ съ вашей стороны больше снисхожденія, чѣмъ будущій товарищъ дома Клиффордъ и Комп.

— Во всякомъ случаѣ я удивляюсь той легкости, съ какой писатель превращается въ купца.

При этихъ словахъ, на Густава былъ брошенъ презрительный взглядъ, который однако же его не поразилъ. Онъ спокойно вынесъ этотъ взглядъ, и въ отвѣтѣ его даже послышался нѣкоторый юморъ, еще больше разсердившій дѣвушку.

— Какъ я вижу, критика мнѣ не благопріятствуетъ. Именно потому-то мнѣ и хотѣлось бы ее знать. Не утаивайте отъ меня вашего неблагопріятнаго мнѣнія, миссъ Клиффордъ. Я непремѣнно хочу услыхать ваше мнѣніе.

— Откровенное?

— Совершенно откровенное!

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Сандовъ, я признаюсь вамъ совершенно прямо, что все, написанное вами я читала съ полнымъ сочувствіемъ и увлеченіемъ, до тѣхъ поръ, пока вы не приняли предложенія вашего брата. Я не считала этого возможнымъ! Я полагала, что человѣкъ, подобно вамъ, съ такимъ жаромъ выступающій за свою родину, такъ энергически борящійся за права ея, такъ громко призывающій другихъ къ сознанію своихъ обязанностей, долженъ остаться при знамени, имъ самимъ поднятомъ, и не смѣетъ покидать его, ради простой выгоды. Я вѣрить не рѣшалась, что перо, изъ подъ котораго лились такія воодушевляющія рѣчи, впредь будетъ писать только цифры и цифры, что неустрашимый боецъ добровольно сложитъ оружіе и сойдетъ съ арены для того, чтобы занять болѣе удобное мѣсто за конторкой. Я сомнѣвалась въ этомъ до той самой минуты, пока вы не пріѣхали,

Digitized by Google

и необходимость увѣриться наконецъ въ этомъ считаю я самымъ горькимъ разочарованіемъ своей жизни!

Какъ Джесси ни была раздражена, но она все-таки чувствовала, что оскорбляетъ человѣка, сидѣвшаго противъ нея, и въ настоящую минуту не сожалѣла объ этомъ. Въ немъ она видѣла только своего врага, насильно навязываемаго ей жениха, котораго она хотѣла отстранить. Она хотѣла, чтобъ онъ съ первой же минуты почувствовалъ, какъ глубоко она презираетъ его эгоизмъ; чтобы онъ понялъ, по крайней мѣрѣ, какъ она смотритъ на его намѣреніе жениться, и отказался бы отъ сватовства. Но онъ, повидимому, былъ очень нечувствителенъ къ оскорбленіямъ, и потому нисколько не смутился.

— Для дочери купца, миссъ Клиффордъ, и для участницы торговаго дома, вы питаете далеко непочтительныя чувства къ цифрамъ и къ конторкѣ, съ возмутительнымъ равнодушіемъ проговорилъ онъ.—Братъ мой пришелъ бы въ отчаяніе отъ этого, а я... я чувствую себя безконечно польщеннымъ, что моему скромному перу удалось возбудить въ васъ такой интересъ. Что же касается до разочарованія, то я нисколько не отказываюсь отъ надежды, что мнѣ, въ концѣ-концовъ, удастся представить вамъ доказательства моихъ конторскихъ способностей.

Джесси ничего не отвѣчала; она совершенно смутилась отъ умѣнья обращать оскорбленіе въ комплиментъ, и отъ того спокойствія, съ какимъ это было сдѣлано. Къ счастію, тутъ отворилась дверь и вошелъ Сандовъ.

—. Депеши отправлены, сказалъ онъ.—Теперь я опять къ вашимъ услугамъ. Вѣроятно, намъ скоро подадутъ обѣдать, Джесси?

Молодая дѣвушка быстро встала.

— Мнѣ надо еще кое-чѣмъ распорядиться; сейчасъ подадутъ!

Она поспѣшно вышла, точно желала убѣжать отъ ихъ новаго сожителя, но, выходя, съ горечью взглянула на младшаго Сандова.

— Ну, какъ тебѣ нравится Джесси? спросилъ Сандовъ, когда они остались одни.—И насколько ты съ нею познакомился?

— Насколько я познакомился? Францъ, неужели ты требуешь, чтобы я такъ съ перваго же раза сдѣлалъ ей предложеніе?

Digitized by Google

— Ну, по крайней мѣрѣ, могъ направить это дѣло.

— Оно вполнѣ направлено, сказалъ Густавъ.—Мы уже очень хорошо поругались.

Сандовъ, сѣвшій рядомъ съ братомъ, взглянулъ на него, точно не повѣривъ своимъ ушамъ.

— Поругались? Что это значитъ? Такъ развѣ ты намѣренъ начать свое сватовство?

— Отчего бы не такъ? Это, по крайней мѣрѣ, не доказываетъ равнодушія. Со стороны миссъ Клиффордъ равнодушія я не боюсь. Она сильно предубѣждена противъ меня и считаетъ меня виновнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ, въ измѣнѣ отечеству, вслѣдствіе того, что я пріѣхалъ на твой зовъ.

— Да, у дѣвушки голова набита романическими идеями, сердито замѣтилъ Сандовъ. — Въ этомъ виновато восторженно-сантиментальное воспитаніе, данное ей матерью. Клиффорда никогда нельзя было убѣдить возстать противъ этого, хотя онъ былъ человѣкъ разсудительный. Онъ боготворилъ свою единственную дочь и находилъ въ ней все прелестнымъ. Тебѣ придется немало повозиться съ ея восторженностью, когда она сдѣлается твоей женой.

На устахъ Густава появилась полуироническая улыбка, когда онъ отвѣчалъ:

— Такъ ты считаешь совсѣмъ рѣшеннымъ дѣломъ, что она будетъ моей женой? Я же полагаю, что могу разсчитывать только на отказъ.

— Глупые дѣвичьи капризы, и ничего болѣе! Она вбила себѣ въ голову, что браку долженъ непремѣнно предшествовать любовный романъ. Тебѣ же — Сандовъ искоса посмотрѣлъ на красиваго брата — нетрудно будетъ пріобрѣсти надъ нею вліяніе, а остальное сдѣлаетъ мой авторитетъ. Джесси слишкомъ не самостоятельна, чтобъ въ концѣ-концовъ не уступить.

— Ну, этой несамостоятельности я не замѣтилъ, сухо проговорилъ Густавъ.—Миссъ Клиффордъ довольно энергично заявила мнѣ, что знакомство со мною считаетъ однимъ изъ самыхъ горьчайшихъ разочарованій своей жизни.

Сандовъ нахмурилъ брови.

Digitized by Google

— Это она тебѣ сказала?

— Этими самыми словами, и при этомъ взглянула на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Въ ней видна замѣчательная смѣсь дѣвичьей скромности съ чисто американскимъ самосознаніемъ. У насъ въ Германіи молодая дѣвушка не стала бы такъ, съ перваго раза, читать нотаціи незнакомому человѣку.

— А между тѣмъ Джесси вполнѣ нѣмка, сказалъ Сандовъ. — Она—чистый портретъ матери, и къ ней не перешло ничего отъ ея американца-отца. Но оставимъ этотъ разговоръ и перейдемъ къ главному вопросу.—Я не сомнѣвался, что ты примешь мое предложеніе. Но мнѣ особенно пріятно, что ты принялъ его такъ скоро и безъ колебанія, потому что это мнѣ доказываетъ, что ты, не смотря на всѣ свои идеальныя писательскія глупости, сохранилъ ясную, спокойную голову, умѣющую разсчитывать, а это здѣсь безусловно необходимо. Джесси во всѣхъ отношеніяхъ блестящая партія, какую врядъ ли бы ты сдѣлалъ при иныхъ обстоятельствахъ. Для меня же въ этомъ случаѣ важнѣе всего то, что для дѣла сохранится значительное состояніе Клиффорда. Наши интересы, слѣдовательно, одинаковы, и я надѣюсь, что мы останемся другъ другомъ довольны.

— Я тоже надѣюсь! лаконически сказалъ Густавъ.

Дѣловой взглядъ брата на его бракъ, повидимому, нимало не удивилъ его, какъ не оскорбило и мнѣніе о его «писательскихъ глупостяхъ».

— Мы остаемся, слѣдовательно, при нашемъ условіи, высказанномъ въ письмахъ, продолжалъ Сандовъ.—Ты вступишь, пока, какъ бы волонтеромъ, чтобы немного познакомиться съ своимъ новымъ призваніемъ. Для человѣка, какъ ты, обладающаго необходимымъ образованіемъ и умомъ, это не трудно. Дѣло заключается теперь только въ практикѣ и привычкѣ. Когда же бракъ твой съ Джесси состоится, ты сдѣлаешься компаньономъ фирмы. Поэтому не медли и не затягивай своего объясненія. Джесси, какъ богатая наслѣдница, конечно, завидная партія, и къ тому же въ будущемъ году она станетъ совершеннолѣтней. Кромѣ того, какъ разъ теперь я имѣю въ виду крупныя предпріятія и долженъ

Digitized by Google

быть увѣренъ, что могу неограниченно пустить весь оборотный капиталъ.

— И для этого намъ съ миссъ Клиффордъ слѣдуетъ жениться! докончилъ Густавъ.—Вотъ и видно, что ты привыкъ подводить итоги, не разбирая, идетъ ли дѣло о долларахъ, или о людяхъ.

Въ этихъ словахъ слышалась точно сдержанная насмѣшка. Сандовъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, и отвѣтъ его былъ сказанъ съ тѣмъ же ледянымъ равнодушіемъ, съ какимъ онъ, передъ тѣмъ, говорилъ съ Джесси.

— Съ людьми и надо разсчитывать, какъ съ цифрами; въ этомъ и заключается тайна успѣха. Во всякомъ случаѣ ты имѣешь всѣ причины быть благодарнымъ такому итогу. Онъ обезпечиваетъ за тобою, кромѣ всѣхъ выгодъ брака, еще и надежду на мое состояніе. Ты вѣдь знаешь, что у меня нѣтъ другихъ наслѣдниковъ и родственниковъ, кромѣ тебя.

— Нѣтъ другихъ... въ самомъ дѣлѣ? особенно многозначительно спросилъ Густавъ, прямо взглянувъ на брата.

— Нѣтъ!

Въ этомъ короткомъ словѣ слышалась безграничная суровость.

— Такъ ты не перемѣнилъ своего намѣренія? Я полагалъ, что теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, ты могъ перемѣнить свое воззрѣніе, и наконецъ твою...

— Молчи! вскричалъ Сандовъ. — Не произноси этого имени! Прошедшее для меня болѣе не существуетъ, не должно болѣе существовать. Я похоронилъ его въ ту самую минуту, какъ покинулъ Европу.

— И даже воспоминаніе о немъ?

— И даже его! И не хочу, чтобы другіе мнѣ о немъ напоминали. Ты уже нѣсколько разъ пытался напомнить мнѣ въ твоихъ письмахъ, но я полагалъ, что моя уклончивость отъ этого предмета была довольно ясно высказана. Зачѣмъ ты постоянно возвращаешься къ этому вопросу? Или ты хочешь меня мучить, или же... Тутъ онъ бросилъ на брата грозный, проницательный взглядъ.— Или же у тебя есть какая нибудь причина?

Digitized by Google

Густавъ пожалъ плечами.

— Какая же причина! Я спрашиваю въ своихъ собственныхъ интересахъ. Такъ какъ теперь поднятъ вопросъ о наслѣдствѣ, то ты, конечно, самъ понимаешь, что это за интересы.

— Конечно, понимаю. Ты сдѣлался однако же замѣчательно практиченъ, какъ я вижу. Тѣмъ лучше для тебя, такъ какъ тебѣ не придется учиться этому, какъ училъся я. Я дорого заплатилъ за это ученье.

Густавъ сдѣлался вдругъ серьезенъ и положилъ свою руку на руку брата.

— Да, Францъ, должно быть, ты очень дорого заплатилъ за это ученье, потому-то и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Я не нахожу въ тебѣ ни единой черты, какія были въ Европѣ.

Сандовъ горько засмѣялся.

— Нѣтъ, слава Богу! Во мнѣ не осталось ничего отъ добродушнаго дурака, который желалъ всѣмъ добра, довѣрялъ всему міру, и принужденъ былъ наконецъ искупить все это, какъ преступникъ. Человѣкъ, которому слѣпая вѣра въ людей стоила, какъ мнѣ, чести, счастья и положенія, такой человѣкъ, конечно, будетъ стараться иначе устроить свою жизнь. Но ни слова болѣе о прошломъ. Я отбросилъ его отъ себя, и пусть оно пропадаетъ.

— Миссъ Клиффордъ проситъ васъ кушать, доложилъ слуга, распахнувъ дверь въ сосѣднюю комнату.

При томъ оборотѣ, который разговоръ начиналъ принимать, оба брата остались довольны тѣмъ, что онъ былъ прерванъ. Они вошли въ столовую, гдѣ Джесси ждала ихъ. Густавъ сдѣлался веселъ по прежнему. Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и предложилъ ей руку, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Миссъ Клиффордъ, имѣю честь формально представиться вамъ, какъ волонтеръ дома Клиффордъ и К°. Слѣдовательно, васъ я могу считать своимъ вторымъ хозяиномъ, и почтительно просить васъ быть ко мнѣ снисходительной.

И не обращая ни малѣйшаго вниманія на ледяную холодность своего «втораго хозяина», онъ взялъ руку, въ которой Джесси не рѣшилась отказать ему, и подвелъ ее къ столу.

Digitized by Google

II.

Домъ Клиффордъ, какъ мы уже говорили, принадлежалъ къ первымъ домамъ города. Масса конторщиковъ и служащихъ, обширное помѣщеніе и безпрерывное движеніе ясно показывали громадное значеніе этого торговаго дома, глава котораго дѣйствительно долженъ былъ занимать завидное положеніе въ американскомъ торговомъ мірѣ.

Густавъ Сандовъ, которому предстояло въ будущемъ раздѣлить это положеніе, — хотя на время онъ довольствовался скромною ролью волонтера, — вступилъ на свое новое поприще, не выказывая особеннаго пыла къ своему призванію. Братъ его съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что онъ смотрѣлъ на все это, какъ на какую то забаву, которой онъ утѣшался и къ которой его привлекали только новизна и оригинальность. Серьезности и достоинства будущаго главы въ немъ вовсе не замѣчалось, но зато свободой волонтера онъ пользовался въ широкихъ размѣрахъ. Достопримѣчательности города и окрестностей и городскія увеселительныя мѣста привлекали его гораздо болѣе конторы брата. Братъ рѣзко замѣчалъ ему это и требовалъ бо̀льшаго участія къ своимъ торговымъ интересамъ. Густавъ во всемъ соглашался съ нимъ, но постоянно поступалъ по своему, и на всѣ упреки отвѣчалъ, что теперь онъ только гость, и сначала долженъ познакомиться съ новой обстановкой.

Между нимъ и миссъ Клиффордъ установились странныя, не то враждебныя, не то короткія отношенія. Въ сущности они стояли все еще на военномъ положеніи, и Джесси употребляла всѣ свои старанія сохранить враждебныя отношенія. Но это было ей не легко, потому что противникъ ея выказывалъ такую изысканную вѣжливость и былъ такъ любезенъ, что у нея опускались руки. Ея, несовсѣмъ лестное, о немъ мнѣніе, высказанное ею въ началѣ ихъ знакомства, очевидно, нимало не смущало его. Онъ, напротивъ того, былъ къ ней до крайности внимателенъ, и внимательность свою умѣлъ очень ловко прикрыть короткостью, весьма

Digitized by Google

естественной между людьми, живущими въ одномъ домѣ, и Джесси съ ужасомъ замѣчала, что сватовство, отъ котораго она думала разъ навсегда избавиться, начиналось по всѣмъ формамъ.

Это было утромъ, спустя какую-нибудь недѣлю послѣ пріѣзда новаго сожителя. Завтракъ только что былъ оконченъ; Густавъ еще сидѣлъ за столомъ и разсказывалъ миссъ Клиффордъ свои путевыя впечатлѣнія. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ занимательно, что Джесси невольно увлекалась и внимательно слушала. Сандовъ же, занятый записываніемъ какихъ то замѣтокъ въ свою записную книжку, напротивъ того, слушалъ очень невнимательно, и когда братъ кончилъ, онъ насмѣшливо сказалъ:

— Право, можно подумать, что ты пріѣхалъ сюда только для того, чтобы найти матеріалъ для твоихъ прежнихъ политическихъ и художественныхъ статей. Ты изучилъ и окрестности, и зданія, и народную жизнь, но о дѣловыхъ отношеніяхъ, которыя долженъ бы былъ устроить, ты не говоришь ни слова. Ты однако-же былъ вездѣ, куда я далъ тебѣ рекомендательныя письма, но, повидимому, ты съ этими людьми только обѣдалъ и толковалъ о политикѣ.

— Нельзя же за завтракомъ говорить о дѣлахъ! сказалъ Густавъ.—Только ты способенъ преподносить это удовольствіе своимъ гостямъ. Я думаю, ты былъ бы невыразимо счастливъ, еслибы явилось такое открытіе, въ силу котораго можно было бы и не спать, и не ѣсть. Сколько явилось бы лишняго времени у замученнаго человѣчества!

Джесси съ нѣкоторымъ страхомъ взглянула на своего опекуна. Она знала, что въ этомъ отношеніи его легко было задѣть. Густавъ тоже зналъ это очень хорошо, и, не смотря на это, ежедневно говорилъ ему въ лицо подобныя вещи. Вообще онъ въ совершенствѣ умѣлъ отражать деспотическія и нерѣдко оскорбительныя замѣчанія брата, такъ что никогда не имѣлъ вида человѣка подчиненнаго. Сандовъ, не отличавшійся умѣніемъ спорить, обыкновенно пасовалъ передъ насмѣшками. И теперь онъ всталъ, и, закрывъ свою записную книжку, саркастически замѣтилъ:

— Ну, ужь ты-то ни въ какомъ случаѣ не принадлежишь къ

Digitized by Google

числу «замученныхъ». Тебѣ твое новое занятіе не можетъ казаться тяжелымъ. Вообще мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой у себя въ комнатѣ до отъѣзда нашего въ контору. Надо поговорить о Нью-Іоркскихъ дѣлахъ.

— Сейчасъ иду, сказалъ Густавъ, но продолжалъ спокойно сидѣть, въ то время какъ братъ выходилъ изъ комнаты; затѣмъ онъ обратился къ своей собесѣдницѣ.—Видѣли-ли вы когда-нибудь такую страсть къ работѣ, какъ у моего брата, миссъ Клиффордъ? За завтракомъ онъ записываетъ что-то въ записной книжкѣ, за обѣдомъ онъ просматриваетъ курсы, и я увѣренъ, что даже ночью, во-снѣ, онъ спекулируетъ.

— Да, онъ неутомимо работаетъ, отвѣчала Джесси, — и требуетъ того же самаго отъ другихъ. Не заставляйте его ждать, тѣмъ болѣе, что вопросъ идетъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ.

Густавъ и вниманія не обратилъ на такой ясный намекъ, чтобы онъ ушелъ.

— Вопросъ идетъ о Дженкинсѣ и К°. Эта милѣйшая фирма положительно осаждаетъ насъ письмами и телеграммами о какой то предполагаемой сообща спекуляціи. Я не вижу никакого спѣха въ этихъ переговорахъ, и братъ мой будетъ снисходителенъ, зная, что я остался съ вами.

Это дѣйствительно было такъ. Сандовъ, по извѣстнымъ причинамъ, поощрялъ бесѣды своего брата съ Джесси, и ради нихъ извинялъ ему даже неакуратность.

Но намекъ на это былъ весьма неблагопріятно выслушанъ молодой дѣвушкой. Она не соблаговолила даже отвѣтить.

— Вообще мнѣ очень хотѣлось поговорить съ вами наединѣ, продолжалъ Густавъ. — Въ послѣдніе дни я тщетно искалъ случая.

Съ устъ Джесси слетѣло только протяжно и холодно проговоренное:

— Вотъ какъ?

Не прошло и недѣли, а этотъ человѣкъ осмѣливался уже дѣлать ей предложеніе, не смотря на ея положительное нежеланіе идти за него! Онъ, не смотря ни на что, хотѣлъ привести въ исполненіе дѣловой контрактъ, въ силу котораго могъ получить руку

Digitized by Google

наслѣдницы, и все это онъ дѣлалъ такъ спокойно, точно имѣлъ на это полное право.

— У меня есть къ вамъ просьба, снова началъ онъ.—Просьба, исполненіемъ которой вы безконечно обяжете меня.

Миссъ Клиффордъ сидѣла неподвижно, какъ статуя, и по лицу ея нельзя было сомнѣваться, что она вовсе не желала «безконечно обязать» просителя. Она собрала всю свою энергію, чтобы съ необходимою рѣшимостью отвергнуть предстоявшее ей предложеніе. Но Густавъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, а только проговорилъ, любезно улыбнувшись:

— Дѣло идетъ объ одной молодой соотечественницѣ...

— О... соотечественницѣ? повторила Джесси, пораженная этимъ неожиданнымъ оборотомъ.

— Да, объ одной молодой нѣмкѣ, съ которой я познакомился во время моего переѣзда. Мы ѣхали на одномъ съ нею пароходѣ. Она ѣхала совершенно одна къ своему родственнику въ Нью-Іоркъ, пригласившему ее какъ сироту, для того чтобы она жила у него. Но когда пароходъ пришелъ, она узнала, что онъ за недѣлю передъ тѣмъ умеръ, и бѣдная дѣвочка оказалась одна, покинутая въ чужомъ мѣстѣ.

— И вы приняли въ ней участіе? рѣзко замѣтила Джесси.

— Конечно, я привезъ ее въ одно нѣмецкое семейство, гдѣ она на первый разъ и нашла пристанище. Но долго оставаться тамъ она не можетъ, а дѣвушкѣ въ шестнадцать лѣтъ нелегко или даже почти невозможно найти мѣсто воспитательницы или компаньонки въ такомъ большомъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ. Здѣсь же въ городѣ найти мѣсто, можетъ быть, будетъ легче, въ особенности, еслибы такой значительный домъ, какъ Клиффорда, принялъ на себя рекомендацію. Моя просьба заключается лишь въ томъ, чтобы вы приняли къ себѣ эту дѣвушку на нѣсколько недѣль, пока она не найдетъ себѣ какого-нибудь мѣста.

Вообще, Джесси всегда выражала готовность помочь кому только могла, а соотечественница [illegible] матери могла болѣе другихъ разсчитывать на ея симпатію, но настоящая рекомендація казалась ей въ высшей степени подозрительной. По ея мнѣнію, Густавъ

Digitized by Google

Сандовъ не могъ безкорыстно принимать участія въ ближнемъ. У этого эгоиста должны быть другіе мотивы, и потому она отвѣчала до крайности сдержанно.

— Это меня очень удивляетъ. Какъ же взять мнѣ въ домъ совершенно незнакомую особу, у которой, какъ вы сами говорили, нѣтъ никакой рекомендаціи...

— Я принимаю на себя какое угодно ручательство! живо возразилъ Густавъ.—Какое только вы потребуете.

— Вотъ какъ!—Въ головѣ Джесси стало туманно. Она видѣла только, что страшное предложеніе отдаляется, и что является исходъ, о которомъ ей и въ голову не приходило.—Вы, кажется, очень хорошо знаете эту особу и очень ею интересуетесь.

— Конечно, я ею интересуюсь. Мы обязаны, по христіанскому чувству, относиться такъ къ сиротамъ.

— Я никакъ не подозрѣвала, что вы такой хорошій христіанинъ, мистеръ Сандовъ, съ нескрываемой ироніей проговорила Джесси.

— Значитъ, вы ошибались во мнѣ въ этомъ отношеніи, какъ ошибаетесь и во многихъ, торжественно проговорилъ Густавъ.—Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о гуманности, я вполнѣ христіанинъ.

Губы дѣвушки насмѣшливо улыбнулись при словѣ «гуманность», но дѣло начало ее интересовать, и поэтому она спросила:

— Такъ вы желаете получить приглашеніе къ намъ въ домъ для...?

— Миссъ Фриды Пальмъ... такъ ее зовутъ.

— Я поговорю съ своимъ опекуномъ, и если онъ будетъ согласенъ...

— Нѣтъ, позвольте, именно этого-то я и хотѣлъ избѣгнуть, перебилъ ее Густавъ.—Я не желаю, чтобы братъ мой зналъ что нибудь о моемъ вмѣшательствѣ. Развѣ вамъ нельзя будетъ выдать миссъ Пальмъ за особу, находящуюся подъ вашимъ покровительствомъ, рекомендованную вамъ какими-нибудь Нью-Іоркскими знакомыми, за особу, которой *вы* дадите пріютъ? Требованіе съ моей стороны нѣсколько странное, что̀ я вижу по выраженію вашего

Digitized by Google

лица, но тѣмъ не менѣе, я отдаю себя въ ваше распоряженіе,— можете миловать и карать.

Лицо Джесси ясно показывало, какъ она была удивлена. Она долго и внимательно смотрѣла на говорившаго.

— Дѣйствительно, требованіе весьма странное! Вы просто на-просто требуете, чтобы я разыграла передъ своимъ опекуномъ настоящую комедію. Съ какой цѣлью?

— Во всякомъ случаѣ, не съ дурной... хотя пока цѣль эта должна остаться моей тайной.

— Тайну вашу отгадать не мудрено, по крайней мѣрѣ, не мудрено отгадать мнѣ, сказала Джесси съ насмѣшкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ чувствомъ безконечнаго облегченія, что дѣло принимаетъ такой оборотъ.—Ну, признайтесь же прямо, что вы интересуетесь этой молодой особой гораздо глубже и серьезнѣе, чѣмъ желаете показать, и что съ ея пріѣздомъ сюда связываете совершенно опредѣленныя цѣли.

Густавъ, повидимому, въ смущеніи наклонилъ голову.

— Признаюсь.

— И вы по многимъ причинамъ опасаетесь, что братъ вашъ враждебно отнесется къ вашей привязанности?

— И въ этомъ признаюсь?

— Для этого миссъ Пальмъ слѣдуетъ неузнанной явиться у насъ въ домѣ и, можетъ быть, личными своими качествами пріобрѣсти симпатію и подготовить почву къ тому, чтобы вы могли сказать правду.

— Вы невѣроятно проницательны, миссъ Клиффордъ, съ удивленіемъ проговорилъ Густавъ.—Отъ васъ ничего не скроешь. Такъ какъ вы угадали меня... то... смѣю-ли я разсчитывать на ваше содѣйствіе?

Молодая дѣвушка приняла высокомѣрный видъ.

— Я еще никогда не опускалась до неправды и не опустилась бы и теперь, еслибы... Она остановилась, и лицо ея покрылось краской.

— Еслибы тутъ не замѣшались извѣстные планы моего брата, договорилъ Густавъ.—Вы не давали ему своего согласія, это

Digitized by Google

я увидалъ съ перваго же дня моего пріѣзда. Именно поэтому-то вамъ и нечего опасаться моего сомнѣнія относительно побудительныхъ причинъ вашего содѣйствія. Конечно, причины эти для меня далеко не лестны, но въ настоящемъ случаѣ положительно выгодны.

— Выгодны! презрительнымъ тономъ повторила Джесси. — Совершенно вѣрно, вѣдь это для васъ всего важнѣе. Вы боитесь разрыва съ вашимъ братомъ, если сдѣлаете выборъ безъ его согласія, и насколько я его знаю, оно такъ и будетъ, такъ какъ избранница ваша—бѣдная, неимущая сирота. Во всякомъ случаѣ вамъ выгоднѣе попытаться достигнуть цѣли окольными путями. Конечно, было бы достойнѣе прямо явиться къ вашему брату и, не смотря ни на какія опасности, сознаться ему въ своей любви. Впрочемъ мы различно смотримъ на такіе предметы... Увѣдомьте миссъ Пальмъ, что я жду ее. Она можетъ выѣхать тотчасъ же по полученіи вашего письма.

— Этого совсѣмъ и не надо, спокойно заявилъ Густавъ.—Я уже написалъ ей. Она ѣдетъ сюда, и будетъ съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ.

Это показалось Джесси черезъ-чуръ большой наглостью; она съ головы до ногъ осмотрѣла своего дерзкаго сожителя.

— Такъ и это было рѣшено заранѣе? Вы очень предусмотрительны, мистеръ Сандовъ!

— Я разсчитывалъ на ваше доброе сердце, отвѣчалъ онъ, низко кланяясь.

— Вы, конечно, болѣе разсчитывали на тотъ планъ вашего брата, въ силу котораго я невольно сдѣлалась вашей союзницей. Ну, пусть будетъ такъ! Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы сохранить за вами всю выгоду соглашенія съ вашимъ братомъ. Когда невѣста ваша пріѣдетъ, приведите ее ко мнѣ, она на время можетъ поселиться здѣсь въ домѣ, какъ особа, находящаяся подъ моимъ покровительствомъ.

Холодно и медленно поклонившись ему головой, она встала и вышла изъ комнаты. Густавъ, какъ-то странно сжавъ губы, посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Полнѣйшее презрѣніе! Но какъ это къ ней идетъ! Конечно,

Digitized by Google

въ этомъ дѣлѣ я играю крайне жалкую роль, но это ничего не значитъ, только бы Фрида пустила корни въ этомъ домѣ. Это главное!..

Джесси, придя къ себѣ въ комнату, стала въ волненіи ходить взадъ и впередъ. Въ сущности она была очень довольна, что опасный женихъ совершенно отстраняется такимъ образомъ, что онъ самъ старается разстроить ненавистный ему планъ брака, но это нисколько не уменьшило ея негодованія на эгоизмъ и корыстолюбіе человѣка, выказавшагося снова во всей своей гнусности. Онъ слѣдовательно любилъ и, повидимому, любилъ искренно и чистосердечно. Какъ разъ по дорогѣ къ богатой, нелюбимой невѣстѣ, такъ заботливо выисканной ему братомъ,—юной, покинутой, беззащитной сиротѣ удалось внушить ему истинную привязанность. Что же мѣшало ему открыто привести свою избранницу, и еслибы Сандовъ дѣйствительно оказался упрямымъ и безжалостнымъ, что мѣшало уѣхать съ нею обратно въ Германію? Тамъ вѣдь онъ оставилъ независимое положеніе, которое не было закрыто для него и давало ему возможность жениться безъ всякаго посторонняго согласія. Но, конечно, въ такомъ случаѣ на карту ставилось состояніе и наслѣдство, которыя, во что бы то ни стало, слѣдовало пріобрѣсти. Поэтому-то, невѣста должна была принять на себя роль незнакомой особы и попробовать завести настоящую интригу, чтобы вытянуть у богатаго брата согласіе. И если, не смотря на все это, онъ скажетъ суровое *нѣтъ*—а Джесси знала, что опекунъ ея, судившій о людяхъ по ихъ состоянію, ни за что и никогда не согласится имѣть бѣдную невѣстку — то храбрый защитникъ идеализма несомнѣнно изберетъ наслѣдство и оставитъ невѣсту въ сторонѣ, какъ оставилъ свое призваніе.

Правдивая, прямая душа Джесси возставала противъ комедіи, въ которую и она была впутана, но тѣмъ не менѣе она ясно видѣла, что ей изо всѣхъ силъ слѣдуетъ поддерживать этотъ бракъ. Она хотѣла во что бы то ни стало избавиться отъ борьбы съ своимъ опекуномъ. Это было въ нѣкоторомъ родѣ обороною, и потому она согласилась на предложеніе. Если Сандова дѣйстви-

Digitized by Google

тельно удастся склонить, то грозная туча должна была разсѣяться сама собою.

Странно, что Джесси всего болѣе оскорблялась единственною вещью, говорившей въ пользу Густава, а именно, что онъ все-таки былъ способенъ на истинную любовь. Она горько его упрекала въ томъ, что онъ подчинился дѣловымъ разсчетамъ брата; теперь же, когда онъ шелъ противъ этихъ разсчетовъ, она возмущалась еще болѣе. Она вполнѣ увѣрила себя, что это человѣкъ достойный презрѣнія, и твердо рѣшилась во всякомъ случаѣ презирать его.

Густавъ Сандовъ, между тѣмъ, отправился въ верхній этажъ, гдѣ помѣщались комнаты его брата, уже нетерпѣливо ожидавшаго его.

— Я, право, уже не думалъ, что ты удостоишь прійти ко мнѣ, рѣзко проговорилъ онъ, когда братъ вошелъ.

— Я говорилъ съ миссъ Клиффордъ, въ защиту себѣ сказалъ Густавъ. — Не могъ же я прервать на серединѣ нашъ интересный разговоръ.

Эти слова оказали свое дѣйствіе. Предполагаемый бракъ былъ слишкомъ важенъ для Сандова, и отвращеніе Джесси слишкомъ хорошо ему извѣстно, чтобы онъ желалъ стѣснять брата по отношенію къ этому вопросу. Вслѣдствіе этого, онъ отвѣчалъ уже гораздо спокойнѣе:

— Вѣроятно, между вами происходилъ опять вашъ любезный споръ. Вы только и бываете довольны другъ другомъ, когда бранитесь, но я не нахожу, что этимъ способомъ ты пріобрѣтаешь расположеніе Джесси. Она очень чуждается тебя.

— Францъ, ты никакъ не можешь судить о расположеніи ко мнѣ Джесси, какъ бы оскорбившись, проговорилъ Густавъ. — Расположеніе ея весьма значительно, говорю я тебѣ.

— Будемъ надѣяться! замѣтилъ Сандовъ. — А теперь перейдемъ къ дѣлу. Вопросъ идетъ объ одной спекуляціи, за которую я хочу взяться вмѣстѣ съ своимъ Нью-Іоркскимъ товарищемъ. Онъ уже говорилъ съ тобой, какъ онъ мнѣ пишетъ, и я тебѣ давалъ вчера его письмо. Слѣдовательно, ты въ нѣкоторомъ родѣ знакомъ съ этимъ дѣломъ.

Digitized by Google

— Конечно, знакомъ.

Густавъ вдругъ сдѣлался совершенно серьезенъ, и отвѣтъ его былъ сказанъ далеко не прежнимъ, веселымъ и беззаботнымъ тономъ. Сандовъ же не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ:

— Ты знаешь, что мы имѣемъ на западѣ громадныя земли, по большей части еще не обработанныя. Условія покупки были въ то время необыкновенно благопріятны, но мѣсто было такъ велико, что Дженкинсъ не могъ предпринять этой спекуляціи одинъ, на свои собственныя средства. Поэтому онъ обратился ко мнѣ и уговорилъ меня соединиться съ нимъ. Намъ дѣйствительно удалось пріобрѣсти земли по очень дешевой цѣнѣ, и теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы сбыть ихъ повыгоднѣе, но сбыть ихъ можно только тогда, если они будутъ заняты переселенцами... и въ особенности нѣмецкими переселенцами: мы приготовили все, что нужно, и полагаемъ теперь серьезно приняться за дѣло.

— Позволь еще одинъ вопросъ, перебилъ Густавъ сухую, дѣловую рѣчь.—Ты самъ осматривалъ свои земли?

— Неужели же я наобумъ возьмусь за такое огромное предпріятіе? Ну, конечно, я ихъ осматривалъ.

— И я тоже! лаконически проговорилъ Густавъ.

Сандовъ, съ удивленіемъ, отступилъ на шагъ.

— Ты? Когда? Можетъ ли это быть?

— Очень просто. Мистеръ Дженкинсъ, къ которому я ѣздилъ въ Нью-Іоркъ по твоему настоятельному желанію, сообщилъ мнѣ, когда рѣчь у насъ зашла объ этомъ дѣлѣ, что главный тутъ разсчетъ былъ на меня или, лучше сказать, на мое перо. Поэтому то я счелъ нужнымъ познакомиться съ дѣломъ лично. Это-то и было единственной причиной, почему я опоздалъ, путешествуя, какъ туристъ, какъ ты выразился. Прежде всего я желалъ знать, куда отправляютъ моихъ соотечественниковъ.

Сандовъ мрачно нахмурилъ брови.

— Совершенно напрасное старанье! Мы здѣсь не смотримъ на это такъ щепетильно. Вообще я нахожу весьма страннымъ, что ты говоришь мнѣ объ этомъ теперь, черезъ недѣлю послѣ твоего пріѣ-

Digitized by Google

ѣзда. Но все равно! Мы, конечно, болѣе всего разсчитываемъ на тебя и на твои литературныя отношенія. Наши агенты сдѣлаютъ, конечно, все, что будетъ отъ нихъ зависѣть, но этого недостаточно. Теперь агентамъ мало довѣряютъ, а конкурренція стала велика. Всего важнѣе, чтобъ большая газета, задающая тонъ въ Германіи, стоящая выше всякаго подозрѣнія въ рекламахъ, заговорила бы въ нашу пользу. Ты хотя и не сотрудничаешь болѣе въ К—кой газетѣ, но тебя тамъ лишились весьма неохотно, и съ удовольствіемъ будутъ печатать твои корреспонденціи изъ Америки. Рядъ статей, написанныхъ твоимъ блестящимъ стилемъ и съ твоей убѣдительностью, поручится намъ за успѣхъ, а если мы, кромѣ того, ловко воспользуемся своими обширными литературными связями и разгласимъ объ этомъ дѣлѣ, то несомнѣнно, что въ будущемъ году туда обратится все нѣмецкое переселеніе.

Густавъ выслушалъ все молча, ни единымъ словомъ не перебивъ брата, но тутъ онъ поднялъ глаза, и пристально и серьезно посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Ты при этомъ забываешь только одну бездѣлицу, а именно, что земли ваши совершенно не годятся для переселенія. Мѣстность плоха до невѣроятія, климатъ въ высшей степени нездоровъ, а въ нѣкоторые мѣсяцы—даже пагубенъ. Земля до такой степени неплодородна, что требуетъ гигантскихъ усилій, чтобъ вышли хотя плохіе результаты. Вспомогательныхъ средствъ культуры вовсе нѣтъ, и нѣсколько переселенцевъ, устроившихся тамъ и сямъ, погибаютъ отъ нужды и болѣзней. Они безжалостно отданы на борьбу съ враждебными элементами, и всѣ, отправляющіеся вслѣдъ за ними изъ Европы, погибнутъ точно такъ же, какъ и они.

Сандовъ слушалъ все съ большимъ и большимъ удивленіемъ, такъ что въ началѣ не зналъ даже, что отвѣчать, но потомъ гнѣвно вскричалъ:

— Это что за дурацкіе вымыслы! Кто вбилъ тебѣ это въ голову, и можешь ли ты, только что пріѣхавшій сюда иностранецъ, судить объ этихъ отношеніяхъ? Что ты о нихъ знаешь?

— Я собралъ на мѣстѣ самыя точныя справки? Мои свѣдѣнія вполнѣ достовѣрны.

Digitized by Google

— Глупости! Да еслибы они и были достовѣрны, то мнѣ-т что за дѣло? Не думаешь ли ты, просидѣвъ всего недѣлю за кон торкой, предписывать мнѣ, какъ я долженъ вести спекуляціи?

— Конечно, нѣтъ! Но если спекуляція стоитъ здоровья жизни тысячѣ человѣкъ, то у насъ дома ее называютъ кое-чѣм другимъ.

— Чѣмъ же? грозно спросилъ Сандовъ, подходя къ брату, который, ничуть не смущаясь, твердо отвѣчалъ:

— Мошенничествомъ!

— Густавъ! внѣ себя вскричалъ Сандовъ:—ты смѣешь!..

— Это касается, конечно, одного мистера Дженкинса, спокойно проговорилъ Густавъ. — Поразительная любезность, съ какой этотъ почтенный господинъ принялъ меня и постоянно толковалъ о популярности моего имени и блестящемъ значеніи моего пера, производящаго чудеса, возбудила во мнѣ подозрѣніе и заставила посмотрѣть все на мѣстѣ. Ты земель своихъ не знаешь, Францъ; при покупкѣ ты осматривалъ ихъ весьма поверхностно. Теперь же, когда я открылъ тебѣ глаза, ты можешь потребовать доказательства моихъ заявленій, и затѣмъ бросить эти спекуляціи.

Сандовъ не выражалъ большой охоты послѣдовать совѣту брата.

— Съ чего это ты взялъ? рѣзко спросилъ онъ.—Неужели ты воображаешь, что я брошу сотни тысячъ, ухлопанныя мною на эти земли, такъ зря, вслѣдствіе какихъ то сантиментальныхъ сомнѣній. Почва тамъ не хуже и не лучше, чѣмъ гдѣ нибудь, а съ вліяніемъ климата переселенцамъ приходится бороться вездѣ. При необходимой выдержанности, они пустятъ корни и здѣсь. Не первой нѣмецкой колоніи придется развиваться при неблагопріятныхъ условіяхъ.

— При которыхъ погибли сотни и сотни людей! Это вѣдь значитъ удобрять почву дорогимъ удобреніемъ нѣмецкихъ труповъ!

Сандовъ прикусилъ губы. Очевидно, что онъ съ трудомъ удерживался, и глухимъ и грознымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Кто велѣлъ тебѣ ѣхать туда по собственной иниціативѣ? Чрезмѣрная добросовѣстность тутъ вовсе не у мѣста, и не можетъ принести ни малѣйшей пользы. Еслибы я не согласился на предложеніе Дженкинса, то явились бы десятки другихъ, которые

Digitized by Google

съ готовностью приняли бы его. Идея принадлежитъ ему, но я долженъ признаться, что онъ прежде всего обратился ко мнѣ.

— Прежде всего къ тебѣ... къ нѣмцу! Со стороны американца, это было, конечно, проявленіе особеннаго къ тебѣ уваженія.

Странно, что тотъ же самый человѣкъ, который за четверть часа передъ этимъ такъ тщательно желалъ утаить отъ брата свою привязанность, потому что выборъ его можетъ ему не понравиться, теперь смѣло возсталъ противъ того же самаго брата, въ дѣлѣ, вовсе не касавшемся его лично. Сандовъ, не зная ничего о разговорѣ его съ Джесси, былъ въ высшей степени удивленъ этой выходкой.

— Ты снова являешься какимъ то героемъ-моралистомъ, съ насмѣшкой проговорилъ онъ.—Это ужь вовсе не совпадаетъ съ тѣми побудительными причинами, ради которыхъ ты пріѣхалъ сюда. Тебѣ слѣдовало бы подумать объ этомъ раньше. Если ты хочешь быть компаньономъ моего дома, то долженъ выше всего ставить его интересы, а ради этихъ интересовъ необходимо, чтобы ты писалъ эти статьи и заботился бы о ихъ появленіи въ распространенныхъ газетахъ. Слышишь, Густавъ? Тебѣ во всякомъ случаѣ придется это сдѣлать.

— Чтобы вести своихъ соотечественниковъ на гибель въ болотистыхъ и лихорадочныхъ мѣстахъ... нѣтъ!

— Подумай объ этомъ хорошенько, прежде чѣмъ такъ рѣшительно говорить нѣтъ, съ ледяной холодностью, въ которой слышалась угроза, замѣтилъ Сандовъ.—Это мое первое требованіе; если ты мнѣ въ немъ отказываешь, то работать вмѣстѣ намъ невозможно. Отъ меня зависитъ уничтожить наше условіе. Подумай объ этомъ!

— Не будешь же ты меня принуждать, Францъ...

— Я ни къ чему не принуждаю тебя, а говорю только, что мы разойдемся, если ты будешь стоять на своемъ условіи.

Онъ наклонился къ письменному столу и, взявъ съ него кое-какія бумаги, положилъ ихъ къ себѣ въ бумажникъ. Густавъ стоялъ молча, опустивъ глаза внизъ. Лицо его было сильно омрачено.

— И какъ разъ теперь, когда Фрида уже ѣдетъ! шепталъ онъ.—Я этимъ жертвовать не могу.

Digitized by Google

— Ну что же? спросилъ Сандовъ, оборачиваясь.

— Дай мнѣ время подумать. Вопросъ этотъ явился такъ внезапно, такъ неожиданно; я подумаю.

Старшій братъ былъ очень доволенъ этой уступкой. Онъ, конечно, не сомнѣвался, что угроза его подѣйствуетъ.

— Хорошо. Недѣлей позже или раньше, это не важность. Я надѣюсь, что ты будешь настолько благоразуменъ, и самъ увидишь, что надо соображаться съ здѣшними отношеніями. Ну, а теперь ѣдемъ, намъ пора въ контору. Вотъ еще что Густавъ! Впредь позволь мнѣ распоряжаться тобой и не берись за такія глупости, какъ подобная поѣздка. Ты видишь, что это будетъ служить только поводомъ къ ссорамъ между нами. Такими вещами ты только безполезно отягощаешь свое положеніе.

— Это такъ, вполголоса проговорилъ Густавъ, собираясь идти за братомъ.—Это положеніе порядочно тяжело,—тяжелѣе, чѣмъ я думалъ!

Утро прошло, и Джесси съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и съ сильнымъ любопытствомъ ждала извѣстнаго посѣщенія. Густавъ Сандовъ до отъѣзда въ контору увѣдомилъ ее, что онъ освободится нѣсколько ранѣе, съѣздитъ на желѣзную дорогу за миссъ Пальмъ и привезетъ ее на дачу до возвращенія брата. Въ назначенный часъ онъ вошелъ въ гостинную, ведя подъ руку молодую дѣвицу.

— Миссъ Фрида Пальмъ, сказалъ онъ, представляя ее.—Особа, находившаяся подъ моимъ покровительствомъ, а теперь поступившая подъ *наше* покровительство, въ надеждѣ, что вы будете такъ добры и дадите ей пріютъ у себя въ домѣ.

Джесси непріятно задѣло такого рода представленіе. Такъ онъ даже и ей не смѣлъ представить свою невѣсту! Представивъ ее, какъ особу, находящуюся подъ покровительствомъ, онъ этимъ самымъ хотѣлъ сохранить себѣ возможность отступленія, если братъ его окажется неумолимымъ. Миссъ Клиффордъ отъ всей души жалѣла молодую дѣвушку, позволившую завладѣть собою такому эгоисту, и вслѣдствіе этого она отнеслась къ ней гораздо горячѣе, чѣмъ предполагалось въ началѣ.

— Милости просимъ, миссъ Пальмъ, ласково проговорила

Digitized by Google

она.—Я знаю все, и вы безбоязненно можете довѣриться мнѣ. Особу, находящуюся подъ моимъ покровительствомъ, я никогда не выдамъ.

Слово «моимъ» было произнесено тихо, но съ удареніемъ, что̀, впрочемъ, нисколько не тронуло человѣка, для котораго оно было произнесено такъ. Онъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что планъ его удался, въ то время какъ незнакомка отвѣчала тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Вы очень добры, миссъ Клиффордъ, и я желаю только, чтобы мнѣ удалось заслужить эту доброту.

Джесси посадила гостью рядомъ съ собою и, предлагая ей самые обыкновенные вопросы о переѣздѣ и пріѣздѣ, внимательно разсмотрѣла свою новую сожительницу. Это была еще очень молодая дѣвушка, почти совсѣмъ ребенокъ, лѣтъ шестнадцати, но въ нѣжныхъ дѣтскихъ чертахъ замѣтно было выраженіе серьезности и силы воли, поразительное въ такіе года. Большіе черные глаза почти постоянно были опущены внизъ, и если она поднимала ихъ, то поднимала съ какимъ то страхомъ и смущеніемъ, вовсе не соотвѣтствовавшими ея энергическимъ чертамъ лица. Черные волосы были просто зачесаны назадъ, а черное траурное платье рѣзко оттѣняло блѣдность дѣвушки.

— Вы сирота? спросила Джесси, взглянувъ на платье.

— Да, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я лишилась матери, проговорила дѣвушка.

Отвѣтъ этотъ тронулъ чувствительную струну въ душѣ Джесси. Она тоже была лишена милыхъ родителей, и, при воспоминаніи о нихъ, лицо ея омрачилось.

— Мы несемъ въ вами одинаковую долю! Я тоже лишена родителей, и отецъ у меня умеръ только годъ тому назадъ. Вашъ отецъ умеръ, вѣроятно, уже давно?

Губы дѣвушки задрожали, и она едва слышно проговорила:

— Когда я была еще ребенкомъ, я едва его знала.

— Бѣдное дитя! съ еще бо̀льшимъ участіемъ проговорила Джесси.—Какъ должно быть грустно въ жизни такой одинокой и покинутой.

Digitized by Google

— Я не покинута. Я нашла покровителя, благороднѣйшаг и лучшаго изъ людей!

Въ этихъ словахъ звучала трогательная преданность, а взорг при этомъ брошенный на Густава Сандова, выразилъ какую-т фанатическую благодарность. Густавъ же, какъ показалось раздоса дованной Джесси, принялъ это съ возмутительнымъ равнодушіемъ съ истиннымъ видомъ паши. Онъ, повидимому, отнесся къ этому какъ къ должному комплементу, и отвѣчалъ своимъ обыкновен нымъ, нѣсколько ироническимъ тономъ.

— Видите, миссъ Клиффордъ, какой репутаціей я пользуюс у Фриды. Я былъ бы счастливъ, еслибы вы могли раздѣлять е взгляды, на что, конечно, я нисколько не надѣюсь.

Джесси точно не слыхала этого замѣчанія. Ей показалос отвратительнымъ, что онъ относился такъ къ привязанности свое невѣсты и даже подшучивалъ надъ ней, и она снова обрати лась къ миссъ Пальмъ.

— Пока я могу вамъ предложить только гостепріимство. Опе кунъ мой васъ не знаетъ, но впрочемъ скоро узнаетъ, и я от души желала бы, чтобы вамъ удалось пріобрѣсти его симпатію.

Фрида ничего не отвѣчала, она какъ то странно посмотрѣл на Джесси, потомъ опустила глаза внизъ. Джесси была нѣсколь удивлена дѣйствіемъ, какое произвели ея дружескія слова, но тут тотчасъ же вмѣшался Густавъ.

— Вамъ сначала придется быть очень снисходительной к Фридѣ. Ей будетъ трудно свыкнуться съ новыми отношеніями, роль, которую она принуждена играть здѣсь въ домѣ, гнететъ смущаетъ ее.

— По нуждѣ.... по вашему желанію! невольно замѣтил Джесси.

— Да, что же дѣлать, иначе нельзя. Во всякомъ случаѣ он знаетъ, что это единственный путь для достиженія нашей цѣли Не такъ ли, Фрида,—ты безусловно довѣряешь мнѣ?

Фрида, вмѣсто всякаго отвѣта, протянула ему руку съ таким выраженіемъ, которое могло заставить каждаго влюбленнаго под нести къ губамъ своимъ маленькую ручку. Но этотъ женихъ тольк

Digitized by Google

спокойно подержалъ ее и, съ покровительственнымъ видомъ кивнувъ головой, проговорилъ:

— Я такъ и зналъ!

— Я употреблю всѣ свои старанія, чтобы облегчить вамъ ваше положеніе, сказала Джесси. — Позвольте просить васъ остаться теперь же?

— Мы желали бы отложить переѣздъ сюда до завтра, замѣтилъ Густавъ.—Вѣдь брата очень удивитъ присутствіе незнакомаго лица, о пріѣздѣ котораго его даже не предупредили. Это можетъ показаться ему подозрительнымъ. Я считаю за лучшее, чтобы Фрида вернулась сегодня въ отель, гдѣ я помѣстилъ ее и гдѣ оставилъ проѣздомъ вещи. Въ теченіе вечера, вѣроятно, представится случай упомянуть о ней и объяснить объ ея переѣздѣ сюда.

Джесси разсердило такое предложеніе, тѣмъ болѣе, что она не могла не сознаться въ его цѣлесообразности.

— Какъ вы предусмотрительны, мистеръ Сандовъ! Я поражена вашимъ умѣньемъ предусмотрѣть всякое малѣйшее обстоятельство.

Густавъ поклонился, точно ему дѣйствительно былъ сказанъ комплиментъ.

— Да, да, Фрида, отвѣчалъ онъ на вопросительный взоръ дѣвушки, удивленной постоянными колкостями.—Мы съ миссъ Клиффордъ постоянно восхищаемся другъ другомъ. Видишь, какого мы высокаго мнѣнія другъ о другѣ. Но пора намъ отправляться, а то братъ застанетъ насъ здѣсь.

Фрида покорно встала. Джесси глубоко сочувствовала бѣдной дѣвочкѣ, такъ беззавѣтно помогавшей исполненію плановъ жениха, и дружески простилась съ нею.

Густавъ проводилъ миссъ Пальмъ до кареты, дожидавшейся внизу, чтобы везти обратно въ отель; но въ ту самую минуту, какъ они спускались съ лѣстницы, подъѣхала еще карета, и изъ нея вышелъ Сандовъ, вернувшійся изъ конторы домой.

— Братъ! тихо проговорилъ Густавъ.

Миссъ Пальмъ, вѣроятно, страшно боялась этого строгаго брата, потому что она вдругъ поблѣднѣла, какъ мертвецъ, и точно не-

Digitized by Google

вольно хотѣла обратиться въ бѣгство, въ то время какъ рука ея страшно задрожала на рукѣ ея спутника.

— Фрида! проговорилъ тотъ строго и съ упрекомъ.

Голосъ этотъ тотчасъ же подѣйствовалъ на нее.

Фрида оправилась отъ страха, вовсе не походившаго на страхъ спугнутой голубки. Во взорѣ, который она бросила на шедшаго ей на встрѣчу человѣка, было столько мрачной силы и энергіи, точно она собиралась начать теперь же съ врагомъ войну, которую хотѣла непремѣнно выиграть.

Сандовъ между тѣмъ подошелъ ближе и встрѣтился съ ними внизу на площадкѣ. Онъ поклонился мимоходомъ, но замѣтно удивился, увидавъ брата подъ руку съ незнакомой ему особой.

Фрида отвѣтила на поклонъ, не остановившись однакоже; она скорѣе стремилась впередъ, и тѣмъ уничтожила всякую возможность представить ее. Густавъ видѣлъ, что представлять ее теперь даже опасно; и потому, посадивъ въ карету, онъ захлопнулъ дверцу и сказалъ кучеру адресъ отеля.

— Кто это такая молодая дѣвушка? спросилъ Сандовъ, поджидавшій брата на лѣстницѣ.

— Какая то миссъ Пальмъ, небрежно отвѣчалъ тотъ—знакомая миссъ Клиффордъ.

— И ты такъ къ ней предупредителенъ?

— Не къ ней, а къ миссъ Клиффордъ. По ея желанію, я ѣздилъ на станцію желѣзной дороги и привезъ сюда эту молодую особу, которой она, кажется, очень интересуется. Ты вѣдь знаешь, что сегодня я просилъ освободить меня пораньше.

— Вотъ какъ! такъ ужь ты на столько коротокъ съ Джесси, что она даетъ тебѣ подобныя порученія? сказалъ Сандовъ, очень довольный, что братъ его сдѣлалъ такіе успѣхи.

Они вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ и прошли по корридору. При входѣ въ гостиную Густавъ энергически принялся за дѣло.

— Братъ мой уже видѣлъ вашу protegée, миссъ Клиффордъ,— началъ онъ.—Мы встрѣтились внизу въ прихожей.

— Что это за новое знакомство, Джесси? спросилъ Сандовъ.

Digitized by Google

съ интересомъ вообще ему не свойственнымъ,—я ничего о ней не слыхалъ.

Джесси почувствовала только теперь, когда ей пришлось сказать первую ложь, всю тяжесть принятыхъ ею на себя обязательствъ; но тѣмъ не менѣе она зашла уже такъ далеко, что вернуться не могла, и потому отвѣчала нѣсколько нерѣшительно:

— Это одна молоденькая нѣмка, рекомендованная мнѣ изъ Нью-Іорка. Она пріѣхала сюда искать мѣста компаньонки... и мнѣ хотѣлось бы... я полагала...

— Да, вы дѣйствительно очень добры! вмѣшался Густавъ.— Эта миссъ Пальмъ, повидимому, штурмомъ взяла ваши симпатіи. Представь себѣ, Францъ, что миссъ Клиффордъ предложила ей пріютъ въ своемъ собственномъ домѣ, и серьезно желаетъ обратить ее въ нашу сожительницу.

Джесси взглянула на него съ какимъ то отчаяніемъ, но тѣмъ не менѣе принуждена была принять его помощь.

— Да, я пригласила миссъ Пальмъ на нѣсколько недѣль, отвѣчала она.—Если ты, дядя, ничего противъ этого не имѣешь...

— Я? разсѣянно спросилъ Сандовъ, взоромъ отыскивая газеты, лежавшія на столѣ на террассѣ.—Ты знаешь, что я никогда не вмѣшиваюсь въ твои домашнія дѣла. Тебѣ будетъ пріятно пользоваться обществомъ этой дѣвушки, и если только она тебѣ рекомендована, то поступай, какъ тебѣ угодно.

Съ этими словами онъ вышелъ на террассу, и принялся за газеты.

— Я видѣлъ, что мнѣ надо помочь вамъ, миссъ Клиффордъ, вполголоса проговорилъ Густавъ. — Вы совсѣмъ неопытны по части лжи.

— Вы, конечно, не ставите мнѣ это въ упрекъ? спросила Джесси тихо, но дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:—конечно, я въ этомъ отношеніи не дошла до такой виртуозности, какъ вы.

— Этому выучиваются съ годами! беззаботно замѣтилъ Густавъ.—Когда вы будете находиться въ неловкомъ положеніи, вы обратитесь только ко мнѣ. Я мастеръ этого дѣла.

— Ты читалъ, Густавъ, сегодняшнія газеты? спросилъ Сандовъ

Digitized by Google

съ террасы. На нѣмецкой биржѣ живо; курсы значительно поднимаются. Вотъ тутъ, въ твоей прежней газетѣ, ты найдешь довольно подробный отчетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ поднимаются? подходя, спросилъ Густавъ.

Онъ взялъ газету, которую подалъ ему братъ. Сандовъ же тотчасъ же углубился въ чтеніе другой газеты и не замѣтилъ, какъ младшій братъ съ презрѣніемъ закрылъ страничку съ курсами, не взглянувъ даже на нее, и все свое вниманіе обратилъ на передовую статью, въ которой говорилось о политическомъ положеніи.

Джесси слѣдила за нимъ глазами, и когда увидала, что онъ съ такимъ вниманіемъ наклонился надъ курсовымъ листкомъ, то губы ея сложились въ презрительную улыбку, и она прошептала:

— Бѣдная, бѣдная дѣвушка! Что это будетъ у нея за жизнь съ такимъ эгоистомъ?

III.

Ловко и счастливо веденный планъ Густава пришелъ наконецъ къ осуществленію. На слѣдующій день молодая иностранка переѣхала совершенно просто, такъ что Сандовъ рѣшительно ничего не заподозрилъ. Но Фрида какъ была, такъ и осталась чужой въ домѣ, хотя старалась выразить свою благодарность. Можетъ быть, ее стѣсняла окружающая роскошь, рѣзко отличавшаяся отъ простоты той жизни, которую она до сихъ поръ вела. Она оставалась молчаливой и замкнутой, и никакое вниманіе Джесси не могло побороть ея сдержанности.

Миссъ Клиффордъ тщетно старалась узнать поподробнѣе о семействѣ и о прежней жизни своей protegée. Фрида тщательно избѣгала такихъ разговоровъ, и даже выраженіе самаго искренняго участія не вызывало съ ея стороны довѣрія. Это, конечно, было для Джесси очень непріятно, тѣмъ болѣе, что она очень скоро открыла, что молодая дѣвушка вовсе не принадлежала къ числу такихъ мягкихъ особъ, которыя со страхомъ отступаютъ передъ всѣмъ непривычнымъ и тяжелымъ. Напротивъ того, Фрида часто,

Digitized by Google

безсознательно, выражала въ какой-нибудь вскользь брошенной фразѣ энергическую силу воли и скрытую, но глубокую страстность. И тѣмъ не менѣе, она рабски подчинялась чужой волѣ... Этого Джесси понять не могла.

Густавъ игралъ роль свою еще лучше. Въ присутствіи своего брата онъ былъ вѣжливъ, но совершенно игнорировалъ новую ихъ сожительницу. Онъ ни словомъ, ни взглядомъ не выдавалъ, что близокъ съ нею, и никогда ни на минуту не терялъ самообладанія. При этомъ онъ былъ любезнѣе и веселѣе, чѣмъ когда-либо, и ко всѣмъ попыткамъ Джесси дать ему почувствовать свое презрѣніе—относился съ такой ироніей, что постоянно заставлялъ ее замолчать.

Сандовъ же мало обращалъ вниманія на дѣвушку; онъ вообще не интересовался домашними дѣлами. Большую часть дня онъ проводилъ въ городѣ, въ своей конторѣ, а утренніе и вечерніе часы, у себя на виллѣ, онъ посвящалъ не отдыху, какъ сдѣлалъ бы всякій другой, а сидѣлъ въ кабинетѣ и работалъ.

Фриду онъ видѣлъ только во время обѣда и обращался съ нею съ холодной вѣжливостью; она же съ своей стороны никогда не дѣлала попытокъ сблизиться, хотя собственно для этого жила тутъ. Или у нея не доставало для этого умѣнья, или повиновеніе ея разбивалось какъ разъ тутъ, когда дѣло шло объ исполненіи ея задачи. Какъ бы тамъ ни было, но человѣкъ, въ домѣ котораго она теперь жила, былъ черезъ недѣлю такъ же съ нею далекъ, какъ въ первый день ея знакомства.

Два брата только что пріѣхали изъ города и сѣли обѣдать. Густавъ, обыкновенно руководившій разговоромъ, описывалъ дѣвушкамъ въ самомъ комическомъ видѣ приключеніе, бывшее сегодня утромъ въ конторѣ. Сандовъ, вообще не любившій, чтобы смѣялись надъ чѣмъ-либо, мало-мальски касающимся дѣлъ, вставлялъ рѣзкія замѣчанія, но братъ, не обращая на нихъ вниманія, продолжалъ забавлять слушательницъ разсказомъ о смѣшномъ недоразумѣніи.

— Увѣряю васъ, mesdames, что ничего не могло быть забавнѣе этого агента Дженкинса и К°, только что пріѣхавша-

Digitized by Google

го изъ Нью-Іорка и принявшаго меня за фермера, готоваго переселиться. Онъ насильно хотѣлъ всучить мнѣ какой-нибудь клочекъ земли на концѣ свѣта, и пришелъ въ совершенное отчаяніе, когда наконецъ вошелъ братъ, и недоразумѣніе это объяснилось.

— Да вѣдь ты самъ въ этомъ виноватъ, сердито проговорилъ Сандовъ.—Ты такъ приставалъ къ нему съ своими разспросами о разныхъ подробностяхъ, что онъ не могъ не впасть въ ошибку.

— Неужели я похожъ на рыскающаго фермера? вскричалъ Густавъ.—Въ первый разъ въ жизнь меня заподозриваютъ въ желаніи взяться за лопату и заступъ. Это было бы для меня совершенно новое поле дѣятельности. Но только я боюсь—не буду ли я на немъ еще безполезнѣе, чѣмъ у тебя въ конторѣ.

— Это трудно, сухо замѣтилъ Сандовъ; но младшій братъ только усмѣхнулся этому замѣчанію и обратился къ миссъ Клиффордъ съ удивленіемъ, что никто не признаетъ его конторскихъ способностей.

Фрида внимательно прислушивалась къ послѣднему разговору. Вообще она никогда не позволяла себѣ вмѣшиваться въ разговоръ, но на этотъ разъ она вслушивалась съ напряженіемъ и вдругъ обратилась съ вопросомъ къ Густаву:

— Дженкинсъ и К°?.. Это большая фирма въ Нью-Іоркѣ, которая всюду печатаетъ объявленія и разсылаетъ агентовъ съ приглашеніемъ къ нѣмцамъ-переселенцамъ?

— Да, миссъ Пальмъ, отвѣчалъ Густавъ.—Развѣ вы знакомы съ этой фирмой?

— Я не знакома. Въ Нью-Іоркѣ я прожила всего нѣсколько недѣль, но въ нѣмецкомъ семействѣ, въ которомъ я тамъ жила, очень много о ней говорилось. О ней говорили съ большимъ негодованіемъ и считали большимъ несчастіемъ, что этотъ Дженкинсъ началъ спекулировать по части эмиграціи.

— Какъ такъ? Развѣ этотъ господинъ пользуется дурной славой? спросилъ Густавъ, повидимому, совершенно спокойно.

— Должно быть такъ. Говорятъ, что онъ самый безсовѣстный спекуляторъ, разбогатѣвшій отъ несовсѣмъ чистыхъ дѣлъ,

Digitized by Google

и что онъ ни на минуту не задумается пожертвовать благосостояніемъ другихъ своей выродѣ.

Джесси ощущала какое-то тяжкое смущеніе отъ этого простаго замѣчанія. Какъ ни далека она была отъ дѣлъ своего опекуна, но тѣмъ не менѣе, изъ разговоровъ знала о его дѣловыхъ сношеніяхъ съ вышеупомянутой фирмой. Сандовъ прикусилъ себѣ губы и хотѣлъ совершенно перемѣнить разговоръ, какъ братъ его многозначительно проговорилъ:

— Вы имѣете должно быть невѣрныя свѣдѣнія, миссъ Пальмъ. Дженкинсъ и К° принадлежитъ къ нашимъ ближайшимъ торговымъ друзьямъ. Мы находимся уже много лѣтъ съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Фрида поблѣднѣла, но не отъ смущенія, а отъ сильнаго ужаса, изобразившагося у нея на лицѣ. Она точно не могла и не хотѣла вѣрить тому, что слышала. Тутъ Сандовъ вмѣшался въ разговоръ и рѣзко сказалъ:

— Вы видите, миссъ Пальмъ, какія можно иногда нажить непріятности, вѣря такимъ недоброжелательнымъ слухамъ и передавая ихъ. Братъ мой совершенно правъ: мистеръ Дженкинсъ, — мой товарищъ по торговлѣ, и мы давно ведемъ съ нимъ дѣла.

— Въ такомъ случаѣ извините меня: я никакъ этого не подозрѣвала, тихо отвѣчала Фрида.

Она поблѣднѣла еще болѣе, и вдругъ подняла глаза на человѣка, на котораго прежде боялась взглянуть. Ея большіе черные глаза выражали что-то странное, какое-то боязливое сомнѣніе и недоумѣвающій вопросъ, и Сандовъ, гордый, упрямый спекулянтъ, не допускающій возраженій, и рѣшительно побивающій всѣ доводы брата, вѣроятно, почувствовалъ это и не могъ перенести ея взгляда. Онъ рѣзко обернулся, схватилъ стоявшій передъ нимъ стаканъ и выпилъ его залпомъ.

Наступило тяжелое молчаніе, длившееся нѣсколько минутъ. Джесси наконецъ попробовала перемѣнить разговоръ, и Густавъ всѣми силами поддерживалъ ее въ этомъ, но они говорили почти одни.

Сандовъ, повидимому, не могъ преодолѣть своей досады, а Фрида

Digitized by Google

сидѣла молча и глазъ не поднимала съ тарелки. Всѣ были очень довольны, когда наконецъ обѣдъ кончился.

Обѣ дѣвушки ушли изъ столовой, и Густавъ только что хотѣлъ пойти за ними, какъ братъ вернулъ его.

— Какого ты мнѣнія объ этой миссъ Пальмъ?

— Это трудно сказать. Говорилъ я съ ней немного, она какая-то боязливая и застѣнчивая.

— По внѣшности это такъ, но я этому не вѣрю. Въ глазахъ у нея никакой боязни не видно. Странные глаза! Я сегодня въ первый разъ разглядѣлъ ихъ и никакъ не могу припомнить, гдѣ я ихъ видѣлъ. Эта молодая дѣвушка еще недавно въ Америкѣ?

— Кажется, недѣли четыре, какъ я слышалъ отъ миссъ Клиффордъ.

— Да, я помню, и мнѣ Джесси это говорила. А между тѣмъ ея лицо мнѣ знакомо, хоть я и не могу вспомнить, гдѣ встрѣчалъ ее.

— Густавъ долго и пристально посмотрѣлъ на брата, отвѣчая, повидимому, совершенно небрежно:

— Можетъ быть, она имѣетъ съ кѣмъ-нибудь сходство.

— Сходство... съ кѣмъ же? разсѣянно спросилъ Сандовъ, положивъ голову на руку и задумавшись. Но вдругъ онъ выпрямился и, точно вспыливъ, проговорилъ: — Ея замѣчаніе за обѣдомъ было въ высшей степени не тактично.

— Ну, въ этомъ случаѣ она ничуть не была виновата, отвѣчалъ Густавъ. — Она и не подозрѣвала о твоихъ сношеніяхъ съ Дженкинсомъ, а иначе навѣрное промолчала бы. Она говорила только то, что слышала. Ты видишь, какой репутаціей пользуется твой компаньонъ.

Сандовъ презрительно пожалъ плечами.

— У кого? У какихъ-то сантиментальныхъ нѣмцевъ, которые привезли съ собой изъ Европы свои филистерскія понятія, и никакъ не хотятъ знать, что здѣшнія дѣла и торговля производятся на другихъ основаніяхъ. Кто хочетъ здѣсь пріобрѣсти что-нибудь, тотъ долженъ рисковать, и рисковать совершенно не такъ, какъ рискуютъ тамъ въ Европѣ, и не быть мелочно щепетильнымъ. Клиффордъ принадлежалъ къ числу щепетильныхъ. Мнѣ, нерѣдко, много

Digitized by Google

труда стоило заставить его рѣшиться на что-нибудь. Поэтому-то, до моего пріѣзда, онъ не былъ состоятельнымъ человѣкомъ, и только когда я принялъ управленіе дѣлами, онъ сталъ богачемъ, и домъ нашъ сдѣлался первой фирмой въ городѣ. Теперь мы заговорили ужь о Дженкинсѣ... у тебя достаточно было времени обсудить мое требованіе, и я жду твоего окончательнаго согласія написать необходимыя статьи.

— Такъ ты все-таки стоишь на томъ, чтобъ вести дѣло сообща съ Дженкинсомъ?

— Ну, конечно! неужели ты думаешь, что сегодня я говорю одно, а завтра дѣлаю другое, или же ты воображаешь, что какая-нибудь дѣтская болтовня можетъ сбить меня съ толку.

— Этого я никакъ не думаю, но тѣмъ не менѣе я былъ очень удивленъ, что ты опустилъ глаза передъ дѣтской болтовней.

— Берегись, Густавъ, замѣтилъ Сандовъ съ худо скрываемой досадой.—Я переношу отъ тебя болѣе, чѣмъ отъ кого либо другаго, но этотъ вопросъ можетъ разссорить насъ. Я очень хорошо видѣлъ, что ты нарочно вызывалъ агента на разговоръ, чтобы вывѣдать у него, далеко ли распространяются его инструкціи, и я очень хорошо понимаю, къ кому относилось замѣчаніе, которымъ ты остановилъ миссъ Пальмъ. Но такимъ путемъ ты отъ меня ничего не добьешься. То, что мною разъ рѣшено, то и будетъ выполнено, и я еще разъ предлагаю тебѣ выборъ между тѣмъ или другимъ! Если ты отказываешь мнѣ въ своемъ содѣйствіи...

— Ошибаешься, перебилъ его Густавъ.—Я уже нѣсколько дней тому назадъ написалъ въ К...скую газету, чтобы мнѣ приготовили мѣсто для большой статьи, которую отъ меня, конечно, возьмутъ весьма охотно. Въ будущемъ мѣсяцѣ, вѣроятно, явится и статья.

Сандовъ былъ пораженъ. Такая неожиданная уступчивость болѣе чѣмъ удивила его, и онъ спросилъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ:

— Ты вѣдь покажешь мнѣ статью, прежде чѣмъ пошлешь ее?

— Ну, конечно, я дамъ тебѣ прочесть ее.

Тучи на челѣ Сандова начали разсѣяваться.

— Это мнѣ пріятно, очень пріятно. Да, мнѣ было бы тяжело, еслибы отказъ съ твоей стороны привелъ насъ къ разрыву.

Digitized by Google

— Грустно ради меня или ради Клиффордова состоянія, которое я долженъ обезпечить тебѣ? съ нѣкоторой горечью спросилъ Густавъ.

— Состояніе Джесси не имѣетъ никакого отношенія къ этому предпріятію, объяснилъ Сандовъ коротко и рѣшительно. — Оно заключается преимущественно въ вѣрныхъ бумагахъ, и Клиффордъ положительно заявилъ въ завѣщаніи, что наслѣдство его дочери не должно быть пущено ни въ какія спекуляціи до ея совершеннолѣтія или замужства. Если это безпокоитъ твою щепетильную совѣсть, то я могу тебя увѣрить, что будущая жена твоя ни однимъ долларомъ не участвуетъ въ этомъ дѣлѣ. Я предпринялъ его на свой собственный страхъ, и барыши и убытки касаются меня одного.

Онъ всталъ, чтобы уйти; Густавъ всталъ тоже.

— Еще одинъ вопросъ, Францъ: ты вложилъ въ это предпріятіе очень значительныя суммы?

— Половину всего моего состоянія! Ты видишь, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ необходимъ, поэтому-то я и радъ, что мы сговорились съ тобой въ главномъ вопросѣ. Повторяю тебѣ, что щепетильныя филистерскія понятія о нравственности непригодны для здѣшнихъ дѣлъ; ты это самъ скоро увидишь и согласишься со мною.

— Половину состоянія! прошепталъ Густавъ, идя за братомъ. Скверно, скверно! Надо дѣйствовать осторожно!

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ОДНОДВОРЦЫ.

ПОВѢСТЬ.

«Да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесной и отъ тука земли, и множество хлѣба и вина».
Моисей, глава 28.

I.

Погожимъ вечеромъ жаркаго іюньскаго дня, проселкомъ, возвращался домой изъ своего уѣзднаго города брёховскій однодворецъ, Дмитрій Сыроѣжкинъ, прозваньемъ «Рачитель». Ѣздилъ онъ по домашнимъ надобностямъ: продалъ бочку конопляного масла, купилъ кое-что къ празднику. Завтра Троицынъ день, престолъ въ Бреховѣ. Онъ и поспѣшалъ вечерню отстоять въ своей приходской деревянной церкви. Гремя кованными колесами по засохшей грязи, высокоперёдая телѣга, словно пьяная, закачалась по ко́лоти; отчаянно закачался на облучкѣ старый однодворецъ въ своей старой поярковой шляпѣ, надвинутой по самые глаза, безсильно заболтались локти въ синемъ, домашняго сукна, кафтанѣ и ноги въ пыльныхъ набойчатыхъ штанахъ и большихъ смазныхъ сапогахъ. Даже разсмѣялась, на него глядя, дочь его, чернобровая смуглянка Варя. Здоровая, «кровь съ молокомъ», двадцатилѣтняя дѣвушка съ веселыми карими глазами и бойкой улыбкой, уютно сидѣла на «пихтерѣ» съ сѣномъ, въ задкѣ телѣги. Разсмѣшить ее, впрочемъ, легко было. Но старому отцу не до смѣха. Взбуравленная копытами и колесами въ дождливое время, а теперь, по жарѣ, высохшая какъ желѣзо, грязь въ подошедшемъ ложкѣ не давала ходу старому бѣлому мерену; кованныя колеса то и дѣло обрывались въ глубокопрорѣзанный безтолковый колевинникъ, подбрасывая и старика на

Digitized by Google

передкѣ, и Варю на задкѣ. Съ немилосердными толчками, подпрыгивая, стуча, телѣга переѣхала дырявый, безъ перилъ, мостишко. Привычный къ дорогѣ, бѣлый меринъ разсчетливымъ шагомъ выбирался себѣ на взволокъ, махая большою неуклюжею мордой. Только высокая дуга покачивалась и тихо поскрипывала. «Митрій», старый извощикъ, слѣзъ съ передка, конечно, для облегченія мерина и также лѣниво, въ развалку, передвигалъ свои старыя ноги въ большихъ сапогахъ, легонько постегивая кнутикомъ по бѣлому хвосту мерина, не обращавшаго на это постегиванье никакого вниманія.

— Керосинъ въ бутылкѣ пощупала бы, дочка, не обращаясь къ ней, на ходу, замѣтилъ отецъ.

— Цѣла. И боченокъ водочный благополученъ, тятя,—сейчасъ же отвѣтила Варя, ощупавъ бутылку и боченокъ, туго запихнутые въ солому умѣлыми руками отца вмѣстѣ съ прочими покупками и обернутые въ веретье. Она и сама побаивалась за ведерный боченокъ водки — не потекъ бы, да за бутылку съ керосиномъ — не разбилась бы? Она часто, съ безпокойствомъ заботливой хозяйки, ощупывала ихъ въ соломѣ и поправляла. Выраженіе Вариной улыбки было словно бы немножко задорное, но доброе, располагавшее къ дѣвушкѣ съ перваго взгляда всякаго, молодаго и немолодаго. Статочное дѣло, что этому впечатлѣнію въ свою пользу Варя была много обязана своему красивому, нѣсколько цыганскому лицу, горѣвшему яркимъ румянцемъ здоровой молодости. Какъ смоль черные волосы своевольно выбивались изъ подъ розоваго шелковаго платочка, обвязывавшаго ея голову отъ пыли. На распашку накинутое на плеча, ластиковое пальто обнаруживало высокія, упругія дѣвичьи груди, которыя на толчкахъ встряхивало волной подъ бѣлою миткалевою сорочкою. По круглымъ серебрянымъ серьгамъ и по серебряному кольцу на толстомъ красномъ пальцѣ, а также по опойковымъ полусапожкамъ и синимъ чулкамъ, можно было основательно заключить, что это балованная дочка и деревенская щеголиха. День чудесный выдался, безъ пыли и безъ дождя. Уже опускавшееся веселое солнце, голубое прозрачное небо безъ малѣйшаго бѣлаго облачка обѣщали дѣвушкѣ ясный закатъ, а за нимъ

Digitized by Google

прекрасную, раздумья полную, лѣтнюю ночь съ соловьиною пѣснью, съ неумолкаемымъ лягушечьимъ хоромъ; а завтра «улица»; «танки» на выгонѣ водить будутъ. Вспомнила она: парень одинъ пѣвалъ, особенно одну пѣсню: «Ночька темная, осенняя, долгая...» Бывало, за самое за сердце та пѣсня хватала. «И парень славный, даромъ, что зубоскалъ курчавый». Варя вздохнула. Ей сладко и жутко вспоминать того парня. И на что онъ ей, зубоскалъ Мишка? Зашелъ въ даль, забылъ ее. Шутка-ли, ужь годъ тому, какъ глазъ на глазъ съ нею, курчавый зубоскалъ Мишка воровскимъ своимъ умысломъ сорвалъ съ ея дѣвичьихъ губъ горячій поцѣлуй; она еще оттолкнула его отъ себя за это и кулакомъ пригрозила; а сама— вспомнила — словно задыхается, голосу нѣтъ, разгорѣлась. Гдѣ-то теперь Мишка? Что съ нимъ? Пошелъ въ Таганрогъ, въ заработки; писалъ своей матери: молъ, къ празднику безпремѣнно буду; и ей, Варѣ, тоже съ товарищемъ наказывалъ: молъ—буду. Да должно вретъ! кто ему велитъ съ вольной волюшки къ матери въ батраки идти? Онъ, небось, радешенекъ, что отъ матери ушелъ?...

Съ довѣрчивою улыбкою простаго, тихаго счастья, деревенская красавица съ наслажденьемъ чувствовала себя въ поляхъ, на вольномъ воздухѣ. Она глядѣла кругомъ на эти давно ей родныя, милыя поля. Какъ она любила, понимала это безконечное однообразіе! «Парина», почернѣвшее прошлогоднее овсянье, вытоптанное стадами и табунами и еще ждущее сохи, смѣняется клинами выколосившейся, уже буйной и какъ море волнующейся зеленой ржи съ бѣлесоватыми мягкими тѣнями своихъ живыхъ, съ вѣтромъ разговаривающихъ волнъ. Рожь смѣняютъ овсы. За овсами опять парина. Въ синей дали таинственно темнѣетъ лѣсъ. Варя глядитъ на него. Досужее дѣвичье воображеніе разыгрывается и задается вопросами: «Что это за лѣсъ? Село ли тамъ, и какое? Попасть бы туда съ дѣвками по грибы, по ягоду? То-то бы весело. Ради опаски—не обидѣли бы — парней своихъ захватить...» Придумываетъ себѣ дѣвка небывальщины, а лѣсъ за бугоръ ушелъ, скрылся. Во всю прыть помчалась бы Варя по гладко накатанной, шинами натертой дорогѣ.

— Тятечка! слышь, тятечка! кричитъ она отцу съ требова-

Digitized by Google

тельностью балованной дочки:—Садись. Аль мы, вправду, кислое молоко съ тобою веземъ? Соскучилась такъ-то, съ ноги на ногу. Ей Богу! Садись! Погоняй мерена!

— Разогналась! Скорая! не безъ иронiи, тихимъ, мягкимъ голосомъ, вовсе не шедшимъ къ его дюжей фигурѣ, замѣтилъ себѣ въ свою большую пеньковую бороду старый однодворецъ, неодобрительно качнувъ головой въ высокой поярковой шляпѣ. И остановился, потому что меренъ сталъ и отчаянно забилъ потною, неуклюжею какъ обрубокъ, волосистою заднею ногою, въ которую впился оводъ. Митрiй кончикомъ кнута ловко сбилъ овода съ неуклюжей ноги; неуклюжiй меренъ опять замоталъ большой мордой и потащилъ телѣгу. Старый Рачитель, на ходу, взлѣзъ на облучекъ, осмотрѣлся, оборотилъ къ дочери свою пеньковую бороду и, смышлено улыбаясь, сказалъ ей: — Ну, держись, дѣвка! не вывались, гляди!

— Какъ бы тебѣ, тятечка, не вывалиться, осмѣяла его дочь,— небось, на этомъ одрѣ не разъѣдешься! не пужай!

Приждалъ Митрiй гладкой дорожки, да еще подъ взволокъ. Вспомнилъ свою старую извощичью удаль, прикозырился, замахалъ кнутомъ, присвиснулъ, задергалъ вожжами, занокалъ; неуклюжiй бѣлый меренъ разошелся и побѣжалъ неохотно, тяжело, какъ бы спотыкаясь, а Митрiй, знай, подстегиваетъ, вожжами дергаетъ, покрикиваетъ. Старый меренъ даже съ рыси сорвалъ и подпрыгнулъ нѣсколько разъ съ видомъ или легкомыслiя, или досады, но онъ сейчасъ же одумался и возвратился къ своей неуклюжей рыси, тупо подаваясь впередъ. Судя по оголовку, надвинувшемуся на толстую шею мерена и по толстымъ волосистымъ ногамъ его, Варѣ казалось, что онъ не бѣжитъ, а упирается; но это, конечно, ей только казалось, такъ какъ нетерпѣнье дѣвушки увеличивалось съ приближеньемъ къ селу. Телѣга катилась, нельзя было сомнѣваться, что старый меренъ бѣжитъ. Онъ такъ фыркалъ, что его крутые бока высоко подымались; а потомъ у него такъ здорово и звучно, словно бы у молодаго, «заекала селезенка», что Варя не выдержала, засмѣялась. Впрочемъ, опять подошелъ ложокъ, опять благоразумный меренъ не замедлилъ перейти въ свой разсчетливый, тупой

Digitized by Google

шагъ, а старый Митрій опять слѣзъ и, покая, лѣниво постегивалъ кнутикомъ по старому бѣлому хвосту.

— Постой, дяденька! Подсади! встрѣтилъ Митрія босой, растрепанный, съ виду пьяный мужикъ, въ потной синей рубашкѣ, со связанными за плечами сапогами и съ двухаршинникомъ въ рукѣ; онъ безъ шапки стоялъ у самой дороги, словно поджидая телѣгу.

Вмѣсто отвѣта, старый однодворецъ грузно взлѣзъ на облучекъ и, не останавливая мерена, недовѣрчиво и недовольно поглядывалъ на прохожаго, словно бы спрашивая его:

— Что ему нужно?

— Дяденька! бойко, прямо налѣзая на него, обратился къ нему прохожій, свободною рукою взявшись за грядку телѣги и обдавая старика сивушнымъ перегаромъ:—подсади, слышь, ходоки приморились. Намъ съ тобою по дорогѣ...

— Извѣстно по дорогѣ, безъ дороги не поѣдешь, косясь на прохожаго, проворчалъ Митрій.—Ступай себѣ съ Богомъ, своимъ путемъ—дорожкою, а мы своимъ...

— На этомъ спасибо, дяденька. Дорога незаказанная, каждому слободно... А вы, старичекъ поштенный, ежели теперича нашими словами обижаетесь, сѣдока подсадить на телѣгу не желаете,— плату съ насъ положите, какую знаете, мы заплатимъ; вотъ что, дяденька.

Прохожій быстро глянулъ на Варю и подмигнулъ ей своими стеклянными, безстыжими глазами.

— Отстань! Ну тебя совсѣмъ! съ досадою прикрикнулъ на навязчиваго прохожаго старый Митрій и шлепнулъ ременнымъ кнутомъ по бѣлому хвосту мерена.—Не надобенъ ты!

Телѣга покатила, прохожій поневолѣ отсталъ.

— Ворона! крикнулъ онъ вслѣдъ:—Диво, ворона на повозку попала! Ворона!

— Самъ ты ворона! пробормоталъ Митрій, отъѣзжая отъ наглаго ругателя.

Скоро за телѣгой послышался конскій скокъ. Митрій оглянулся. Знакомый прикащикъ съ Лещинской Платы ѣхалъ верхомъ.

Digitized by Google

Съ высокаго, ширококостаго, поджараго гнѣдаго коня, въ родѣ донскаго, бѣлыми кусками падало мыло. «Степнякъ» еле успѣвалъ духъ переводить.

— Должно, шибко гналъ? подумалъ Митрій.—Стало, по нуждѣ по какой. Долго ли до грѣха.

— Здравствуйте, Митрій Ванычъ! привѣтствовалъ старика приказчикъ, мордатый, съ краснымъ полупившимся съ вѣтра носомъ, съ подрѣзанными нѣсколько смѣшно рыжими усами, плотный, маслившійся съ жира. Онъ не сидѣлъ на высокой подушкѣ сѣдла, а скорѣе стоялъ по-казацки на короткихъ стремянахъ, лѣвымъ плечомъ впередъ, помахивая слегка плетью передъ самымъ глазомъ ретиваго скакуна, высоко задравшаго вверхъ свою горбоносую голову. Болтая короткими, смѣшно согнутыми въ колѣняхъ ногами, верховой грубымъ движеньемъ осадилъ коня, и плеть повисла у него на рукѣ. Низко стриженный рыжій затылокъ, толстая красная шея, грязный домодѣльный парусинный мѣшокъ съ рукавами, явно претендовавшій на званіе «пиджака», грязная ситцевая рубашка, порыжѣлыя голенища сапогъ и картузъ съ блестящимъ козырькомъ позволяли предполагать въ этомъ верховомъ или обѣднѣвшаго мелкопомѣстнаго, или бывшаго дворового.

— Вотъ не ждалъ! замѣтилъ верховой, вѣжливо приподнявъ свой картузъ и, съ ловкостью привычнаго человѣка, спѣшно набивая маленькую трубочку дешевымъ табакомъ изъ ситцеваго кисета.

— Живы себѣ—здоровы, Арефій Петровичъ? Митрій степенно приподнялъ свою старую поярковую шляпу.

— Вашими молитвами, Митрій Ванычъ, и своихъ маленькихъ прибавляемъ. Нельзя же. А живу себѣ, слава Богу, ни шатко, ни валко, ни на сторону...

— Слава Богу лучше всего. Куда-жъ это вы?

— А къ мировому. По дѣлу. Дѣло́ такое вышло. Прикащикъ съ удовольствіемъ закурилъ трубочку.—Работники нынче сбѣжали.. семь человѣкъ...

— Бѣда нынче съ работниками, невесело качнувъ головой замѣтилъ однодворецъ.

Digitized by Google

— Какъ же, хозяйственный вы человѣкъ, сами разсудить можете: пришли къ намъ, въ господскую экономію, на подобіе добрыхъ то-есть людей, на самое на вербное. Хорошо, нанимаются на годъ въ рабочіе по полста рублей на брата; по красному билету задатку получили, условіе написали, въ волостной конторѣ засвидѣтельствовали; потому наша господская экономія уже этимъ народомъ учена, безъ письменнаго условія не нанимаетъ. Потомъ, на Ѳоминой, еще по синему билету вымозжили. А нынче, прощай Макаръ, ноги озябли; сбѣжали. Большая намъ обида!

— Обида! разсудительно согласился Митрій.

— И ужь ежели-бъ имъ у насъ, въ господской экономіи, житье было плохое, либо строгость какая; а то, сами знаете, хозяйственный вы человѣкъ, супротивъ то есть нашей жизни другой не найти. Бросили условія и пошли...

— Не законъ! говорилъ Рачитель:—Деньги съ хозяина взялъ—долженъ оправдать себя передъ хозяиномъ, работать долженъ хозяину. Люди въ поле, а ты за работниками бѣгай—не законъ.

— Этакъ, хозяйственный вы человѣкъ, сами разсудить можете, всякую то есть экономію можно разорить въ годъ... съ этакими работниками.

— А нешто не разоряютъ! въ бороду себѣ усмѣхнулся Митрій.—Мало ли нынче господскихъ экономій на нѣтъ сошло?

— Слабость на все пущена! сообразить съ народомъ нельзя! жаловался рыжій прикащикъ:—Набалованъ народъ.

— Набалованъ, согласился Митрій.

— Такъ за этимъ за самымъ дѣломъ я къ мировому. Прикащикъ проворно припряталъ въ карманъ трубочку и снова взмахнулъ плетью передъ лѣвымъ глазомъ снова загорячившагося и задравшаго вверхъ голову степнаго коня.

— Бѣчь надо! поздно!

Митрій едва успѣлъ приподнять свою старую поярковую шляпу, какъ прикащикъ съ Платы обскакалъ телѣгу и скоро скрылся изъ виду.

— Дяденька! слышь, подсади! Опять услыхалъ Митрій хрип-

Digitized by Google

лый голосъ босоногаго прохожаго, успѣвшаго догнать телѣгу и, кажется, рѣшившагося овладѣть ею во что бы то ни стало.

— Заплачу!

Словно соблазняя или поддразнивая однодворца, наглый проходимецъ совалъ ему въ глаза свой кожаный «гаманъ», повидимому, совсѣмъ пустой, не издававшій ни малѣйшаго звука...

Однодворецъ не стерпѣлъ, пригрозилъ ему кнутомъ и закричалъ:

— Шельма ты!

— У шельмы большія бѣльмы! шельма въ желѣзѣ! бойко подхватилъ босой прохожій съ замѣтною радостью, что можетъ сцѣпиться съ человѣкомъ.—А ты ворона! падаль жрешь! туда же, ворона, людей шельмуетъ!.. падальникъ!

Благоразумно смолчавъ на этотъ разъ, Митрій застегалъ кнутомъ по бѣлому хвосту мерена и покатилъ.

— Навязался, прости Господи, пострѣлъ! обратился онъ, успокоясь, къ дочери:—сказано «придорожникъ», языкомъ—что бритвой скоблитъ; а часомъ обрѣжетъ... Я—говоритъ—заплачу. Туда-жъ, плательщикъ! Нешто не черезъ такихъ-то нашъ братъ, сиволапъ, пропадаетъ? Хорошо еще, когда съ кнутикомъ вернешься. Отчаянные!

— У его и глаза непутящіе, тятечка! замѣтила Варя:—говоритъ съ тобою, на телѣгу просится, а самъ такъ и сверлитъ глазами солому: гдѣ что лежитъ?

— Мы объ нихъ довольно извѣстны. Митрій зѣвнулъ, глянувъ на солнце, высоко-ли?—Человѣка отчего не подвезти? разсуждалъ онъ самъ съ собою:—человѣка подсадить не грѣхъ, ну да не такого. Опасенъ. Ты ему добродѣтель, а онъ тебѣ, можетъ, злодѣй. Всякіе есть. Плохихъ больше.

Съ обѣихъ сторонъ проселка подошелъ дубовый лѣсъ, темный, прохладный, звонко вторящій малѣйшему звуку. Только что темнокудрыя макушки заслонили собою отъ глазъ Вари огненное, слѣпящее и радующее солнце; только успѣла она всею своею здоровою, молодою грудью вдохнуть нѣжный запахъ ландыша; только что обоняньемъ, ухомъ, глазами убѣдилась, что она въ лѣсу, подъ зелеными сводами котораго такъ весело и громко отдается стукъ

Digitized by Google

кованной телѣги,—Варя въ порывѣ, котораго не могла бы себѣ объяснить, соскочила съ телѣги и не утерпѣла, побѣжала впередъ. Свое ластиковое пальто она на телѣгѣ бросила, ничто ее не стѣсняло. Съ беззаботностью своего возраста и характера она рвала, на ходу, нѣжные ландыши, любуясь этими душистыми, дѣвственно бѣлыми чашечками прекрасныхъ лѣсныхъ цвѣтовъ, скромно пріютившихся среди длинныхъ, темнозеленыхъ пучковъ. Ихъ свѣжій ароматъ словно опьянялъ ея молодую голову безпричинною, душевною радостью. Варя торопливо рвала по пути и вязала изъ ландышей вѣнокъ. Не утерпѣла она, и зазвенѣвшимъ по лѣсу голосомъ затянула пѣсню, что̀ деревенскія дѣвушки, мѣстами, поютъ по Троициной недѣлѣ, въ лѣсу. Въ этой пѣснѣ еще слышится языческій припѣвъ. Она пѣла:

«Благослови, Троица! Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣтовъ сорывать,
Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ,
Ай Дидо! ой Ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ,
Свекру—батюшкѣ малиновый
Свекрови—матушкѣ калиновый.
Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра-дуба вѣточку,
Брошу̀ въ быструю рѣченьку.
Ай Дидо! ой Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ
Съ сырà—дуба вѣточка,

Digitized by Google

Не тужить по мнѣ
Свекоръ батюшка, свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

Сама она не знала и не догадывалась, какъ она хороша въ вѣнкѣ изъ ландышей на черныхъ, густыхъ волосахъ, зачесанныхъ сзади въ длинную тяжелую косу. Здоровая алая кровь стояла подъ смуглой глянцевитой кожей; смѣло очерченныя, нѣсколько крупныя черты лица въ то же время смягчались словно полудѣтскимъ и красивымъ оваломъ подбородка и щекъ. Вся ея плотная, стройная фигура говорила о жизни, вызывала жизнь. Ситцевая, розовая юбка и миткалевая сорочка только лучше выказывали ея сильное женское сложеніе. Изъ подъ юбки, въ грубо-сшитыхъ деревенскихъ полусапожкахъ и синихъ чулкахъ, рѣзво шагали молодыя ноги. Не диво, что эта деревенская въ русскомъ вкусѣ, Венера Каллипига слыла по селу первою красавицей. Не одинъ парень сохъ по ней. Она далеко опередила телѣгу и вдругъ остановилась, изумленная. Въ ней разомъ заговорили испугъ и радость.

— Миша! вскрикнула она, своимъ глазамъ не вѣря, что передъ нею, на ярко-зеленой опушкѣ, стоитъ молодой парень средняго роста, въ старой кумачовой рубашкѣ и синихъ кубовыхъ штанахъ, забранныхъ въ большіе сапоги, пахнувшіе дегтемъ, съ изрядною торбою, связанною кушакомъ за плечами. Онъ ли это, вправду, кудрявый зубоскалъ Мишка, кого она забыть не могла и даже видала въ своихъ дѣвичьихъ снахъ?

Смущенье дѣвушки, казалось, сообщилось и парню. Онъ не трогался съ мѣста съ радостнымъ изумленьемъ, широко раскрывшимъ его голубые глаза и бѣлые зубы.

— Аль къ празднику, Миша? заговорила наконецъ Варя, сдѣлавъ къ нему первая шагъ.

— Къ празднику, Варвара Митревна! Парень весело встряхнулъ своей красивой, свѣтлой, курчавой, какъ у барана, головой, и приподнялъ свой новенькій картузъ съ тою невольно овладѣвшею имъ радостной робостью, по которой умная дѣвушка сразу сообразила, что онъ по прежнему въ ея рукахъ.

«И могъ бы онъ глядѣть на меня такъ, и могъ бы такъ сму-

Digitized by Google

щаться, когда бы не любилъ меня?» спрашивала себя дѣвушка въ то время, какъ ея темные глаза выражали наружное равнодушіе. Раскраснѣвшись, она вдругъ не то спросила, не то сказала:

— Вотъ встрѣтились гдѣ, на дорогѣ? Мы съ тятечкой изъ города. Что-жъ ты, Михайлушка, о своей матери не спросишь?

— И то: жива ли? здорова ли? заторопился парень, радуясь, что она помогаетъ ему завязать разговоръ, и пуще чего-то смѣшался.

— Жива, здорова. Намедни у ней была. Варя хотѣла своею веселостью прикрыть собственное смущенье.

— Ну, слава Богу; я матери деньженокъ несу, поставимъ избу новую, заживемъ... старая никакъ развалилась... парень, видимо, оправился.

— Деньженокъ ты матери несешь—хорошее это дѣло, одобрила парня Варя, нагнулась и ландышъ сорвала.—Сказывала твоя мать: безъ хлѣба сижу. Съ праздникомъ старуху сдѣлаешь. Очень тебя ждетъ она, и нужды же за зиму приняла!

— Теперь, должно, дождется. Что-жъ, Варвара Митревна, хвалиться не хочу, а хрипъ свой таки порядкомъ погнулъ, по этой по Тавріи поработался. Какую копѣйку заработалъ—домой несу, не такъ, какъ иные-прочіе, по трактирамъ да съ шарманками. А мнѣ — Богъ съ ними. У меня этого нѣтъ. Никогда не люблю пустяковъ. Что-жъ, намъ должно въ одно мѣсто идти?

— Пойдемъ. Варя назадъ оглянулась и, не видя телѣги, пошла рядомъ съ парнемъ, продолжая рвать ландыши и приплетать ихъ къ вѣнку.

— И голосъ же у васъ, Варвара Митревна! съ разнѣженнымъ выраженіемъ заговорилъ парень, сочувственно поглядывая на красивую дѣвушку, которой походка особенно бросилась ему теперь въ глаза.—Сейчасъ я васъ по пѣснѣ призналъ по этой. Думаю: Варя? окромѣ Вари, ни у одной такого голоса нѣтъ...

— Я тебѣ какая же Варя? я тебѣ Варвара Дмитревна! съ нарочно напускною на себя строгостью замѣтила ему она. — Что ты мнѣ за родня?

— Ну, на ошибкѣ нашей извините, Варвара Митревна, впредь

Digitized by Google

знать будемъ, какъ васъ звать и величать,—въ тонѣ дѣвушки сказалъ парень, впрочемъ, улыбаясь замѣтно грустно.

— А какъ насъ попъ назвалъ, такъ и величай, Михайло Васильичъ, безъ ошибки будетъ,—уже вполнѣ владѣя собою, заговорила бойкая дѣвушка. Парень только вздохнулъ и, машинально, сорвалъ зубчатый кленовый листъ. Слова дѣвушки и ихъ холодный тонъ больно повернули его сердце, радостно забившееся при этой встрѣчѣ. Волнуясь и даже покраснѣвъ съ досады, онъ хотѣлъ напомнить ей прошлое, но удержался. Готовое слово, исполненное укора и сомнѣнья въ женскомъ постоянствѣ, не слетѣло съ его языка. Онъ опять вздохнулъ и бросилъ сорванный кленовый листъ.

— Вотъ какъ я тебѣ обрадовался, заговорилъ онъ невесело.

— Врешь! Ты мнѣ Лазаря не пой, Михайло Васильичъ. Не бось, на сторонѣ, то же самое городскимъ говорилъ. Ни въ жисть не повѣрю я мужчинѣ, продолжала дѣвушка, словно потѣшаясь надъ его волненіемъ и досадой. —И та пустая наша сестра, которая мужской лести послушаетъ.

Парень неодобрительно качнулъ головой и молча снова вздохнулъ.

— Что вздыхаешь по коровьи? дѣвушка засмѣялась ему въ глаза.—Думаешь, это куда какъ хорошо? ничего хорошаго нѣтъ, потому, корова вздыхаетъ, когда сыта.

— Спасибо, Варвара Митревна. То я у васъ собака, потому брешу, то корова, потому вздыхаю по коровьи; а рѣчей моихъ не принимаете...

— Какія-жъ твои рѣчи, сказывай.

— Что же сказывать? когда вы словамъ моимъ не вѣрите, смѣетесь... Ужь смѣшные мы, должно быть, такіе...

— А, можетъ, повѣрю, не осмѣю? Сказывай.

— Нечего мнѣ вамъ сказывать, сами знаете не хуже моего... Вамъ бы все шутки.

— Зачѣмъ все шутки? А знать я того не могу, что ты знаешь. Мое дѣвичье дѣло, а твое мужское. Сказывай.

— Сказъ мой, что прежде, что теперь — одинъ: одна ты у меня въ мысляхъ и на душѣ. Что смѣешься? что хошь со мною

Digitized by Google

дѣлай, открываюсь тебѣ, какъ на духу попу. Свѣтъ мнѣ безъ тебя не милъ, Варичка, вотъ что!

— Нашелъ дуру, такъ тебѣ и повѣрила. Дѣвушка, на ходу, слегка дрожавшими руками надѣла себѣ на черноволосую голову вѣнокъ изъ ландышей, но сейчасъ же его сняла и понюхала.

— И старикъ твой не по закону дѣлаетъ, нѣтъ, Варвара Митревна! заговорилъ рѣшительно парень.—Пущай вашъ дворъ богатый, именитый, всякаго хозяйства много и деньги есть, и все такое; зачѣмъ же вамъ передъ нами гордиться? Грѣхъ вамъ противъ нашего брата, бѣдноты, забываться; потому далъ Митрію Господь счастье—владай, а богатъ Богъ милостью. Нынче ему, завтра мнѣ, у Бога всѣ мы—стало—равны... за что-жъ я тебя люблю? Дѣвка ты обидчица. Стало, люблю я тебя не за отцово богатство, пропади оно! А за то за самое, что дѣвка ты душевная. Вѣришь, тебя посмотрѣть пришелъ, Варвара Митревна. Ну, не въ терпежъ мнѣ стала чужая сторона... Не мила мнѣ безъ тебя жизнь.

— Мать тебя женить собирается. Не безъ насмѣшки сказала дѣвушка, дѣлая видъ, что занята своимъ вѣнкомъ, а сама исподтишка слѣдя за печальнымъ выраженіемъ красиваго лица Миши, обиженнаго ею. — Люди женятся — и тебѣ пора. Лушку Перькову за тебя сватаетъ. Что молчишь?

Отворотясь въ сторону, парень видимо избѣгалъ въ эту минуту взглянуть на Варю и вдругъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, сказалъ:

— Жениться мнѣ, не матери.

Варя разсмѣялась.

— Вѣдомо, что мать за тебя не женится.

Парень рѣшительно на нее взглянулъ.

— Пойдешь за меня, Варвара Митревна? спросилъ онъ, слѣдя за впечатлѣніемъ своихъ словъ на дѣвушку. Голосъ его дрогнулъ. Хотя вопросъ его захватилъ дѣвушку врасплохъ, но она не растерялась.

— За тебя, за михрютку? съ чего это ты взялъ, чтобы я за тебя замужъ пошла? Очень ты мнѣ нуженъ, поди! хуже не сыщу. Дѣвушка смѣялась парню въ глаза съ обижавшимъ его чувство легкомыслiемъ, и своимъ вѣнкомъ задѣла его по губамъ.

Digitized by Google

— Ну, Богъ съ вами, оставайтесь съ своей гордостью, коли такое дѣло:—насильно милъ не будешь, раздражительно сказалъ парень, ускоряя шагъ.—Гордая вы, Варвара Митревна, къ вамъ не подступишься! Вамъ богатенькаго жениха нужно. Ну, что-жъ: живите себѣ съ богатствомъ, не съ человѣкомъ.

— Бѣда, подумаешь, какая съ богатствомъ жить? настойчиво говорила дѣвушка:—съ богатствомъ жить лучше, чѣмъ съ бѣдностью. Меня пугать богатствомъ нечего, Михайло Васильичъ. Возьму вотъ, на зло тебѣ, по мясоѣду съ Кирсановымъ Владиміромъ повѣнчаюсь. А ты Лушку бери Перькову.

— Я за себя Лушку не возьму, загорячился парень. — Вамъ шутки все. Ей Богу! А вы, коли такое дѣло—затылокъ мнѣ, то кончайте разомъ, гордячка вы... разомъ...

— Я и такъ кончила, сказала она:—за калашника не пойду, вотъ те сказъ! Дѣвушка разсмѣялась, словно находя удовольствіе мучить парня.

— Калашникъ! что-жъ, что калашникъ, Варвара Митревна? Отцы наши калашничали и намъ велѣли. Что калашники мы, въ томъ покору нѣтъ; вотъ еслибы мы пустыми дѣлами занимались, воровствомъ, либо мошенничествомъ, такъ бы могли вы насъ обличать; а то не въ чемъ. Калашникъ тоже калачи ѣстъ. Лѣтомъ мы въ полѣ, зимою съ калачами: жалованье намъ за то платятъ.

— Будетъ, гусляръ тоже, знаю; тебя не переговоришь. Не возьмешь за себя Лушку — твое дѣло. Мнѣ отъ этого ни солоно, ни горько, я тебѣ не указъ, и ты мнѣ съ боку припека. За кого хочу—пойду!

Варя говорила одно, а думала другое. Такой ужъ капризъ на нее нашелъ. Добившись своего, то есть доведя парня до явнаго огорченія, близкаго къ отчаянью, своимъ разговоромъ и своимъ съ нимъ обращеньемъ, она думала: «ты мой, Миша, никому я тебя не отдамъ».—Она любовалась имъ, своимъ молодцомъ, въ то время, какъ ея языкъ обижалъ его. Мало загорѣвшее, бѣлое съ румянцемъ лицо парня блестѣло, послѣ недавняго купанья въ рѣкѣ, блескомъ той молодой бодрой жизни, что дается только дѣтямъ матушки-природы. Свѣтлыя кудри, еще не обсохшія отъ

Digitized by Google

юды, топырились и совсѣмъ скрывали уши; круглое, немножко
урносое лицо, съ большими голубыми глазами, глядитъ смѣло,
ясно, словно бы вызываясь и готовясь ко всему, что его впереди
ждетъ. Съ красивою горбинкою носъ и сжатыя губы, когда парень
задумывался, говорили, что у него есть характеръ. На бородѣ ни
пушинки. Онъ выглядывалъ моложе своихъ лѣтъ, и двадцати пяти
никакъ нельзя было ему дать. Вообще развязное, даже бойкое обра-
щенье парня, походившаго по свѣту и людямъ, замѣтно смягчалось
теперь тою невольною и понятною дѣвушкѣ робостью, что всегда
является вѣрной спутницей истинной мужской привязанности. Онъ
продолжалъ:

— Самъ знаю, люди мы маленькіе, бѣдные, никому не нужные;
и то бываетъ, что нашъ братъ-бѣднота—во сколько можетъ разъ
лучше и честнѣе богатаго. Бываетъ это, Варвара Митревна. Вотъ
хоть бы ваша статья: красавица вы, дворъ вашъ почитай на селѣ
первый; всякъ васъ за себя замумъ можетъ взять, даже съ удоволь-
ствіемъ; а всякъ-ли можетъ любить васъ? либо теперича уважать?
Я знаю, что не всякъ.

Парень высказывалъ все, что у него на душѣ было, все еще
какъ бы желая убѣдиться въ истинныхъ отношеніяхъ къ себѣ дѣ-
вушки, или желая вразумить ее на свой счетъ. Веселая воструха
Варя выслушала парня съ своимъ упорно-недовѣрчивымъ видомъ,
съ своею насмѣшливою улыбкою; эта улыбка въ отчаяньѣ привор-
тила бѣднаго малаго. Особенно больно ему было убѣждаться въ
ся къ нему холодности.

— Диковину, подумаешь, сказалъ ты, Варю-де Рачителеву лю-
бишь, начала она съ нетерпѣньемъ капризнаго ребенка: — Знаю,
ты меня любишь, Миша, и паренекъ ты славный; я даже сама
тебя люблю и богатства мнѣ твоего не надо. Я — самъ знаешь—
взбалмошная дѣвка, балованная, въ роскоши себѣ живу у родите-
лей, нужды не знаю. А я тебя, горемыку, подурить захотѣла.
Только васъ женихами и дурить! Сватай, Миша! Окромѣ тебя, ни
за кого не иду!

— Варя! могъ только вскрикнуть, внѣ себя отъ радости, па-
рень, самъ себѣ не вѣря, и остановился.—Вправду ты это, Варя?

Digitized by Google

Онъ глядѣлъ на дѣвушку, не смѣя къ ней броситься. Вмѣсто отвѣта, вмѣсто словъ, дѣвушка, не переставая смѣяться, перекрылась вся яркимъ румянцемъ. Теперь, въ ея усмѣшкѣ, онъ понялъ новый, отрадный для себя смыслъ; для него теперь въ этой усмѣшкѣ было столько счастія. Она не лгала, онъ это видѣлъ. Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, порывисто и крѣпко обнялъ ее; она не тронулась. Горячая, она трепетала въ его сильныхъ объятіяхъ, свое лицо она спрятала на его плечѣ, но напрасно. Въ жару какого-то сладкаго забытья, онъ покрывалъ ея горячія мягкія щеки, горячую круглую шею безсчетными поцѣлуями, безтолковыми, какъ безтолкова сама первая любовь. Его поцѣлуи жгли ее; она сама забылась, сама цѣловала его, сама нѣжно гладила рукою его свѣтлыя кудри. Когда жаркіе поцѣлуи зажигаютъ молодую кровь, опьяняютъ молодую голову, тогда, кажется, жизнь даетъ все, что можетъ: большаго, лучшаго ей нечего дать человѣку!

Шумъ подъѣзжавшей телѣги и окрикъ на мерена стараго Митрія, напомнили Варѣ дѣйствительность и заставили ее прійти въ себя. Парень сейчасъ же понялъ, отчего она вдругъ оттолкнула его отъ себя. Она обернулась назадъ. Онъ не утерпѣлъ, еще разъ поцѣловалъ ее въ шею и скрылся въ ближнихъ кустахъ. Но онъ не ушелъ. Съ простительнымъ любопытствомъ влюбленнаго, онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ дѣвушки: какъ она на телѣгу усѣлась, въ задкѣ, надѣвъ въ рукава ластиковое пальто, какъ глянула въ ту сторону, гдѣ онъ скрылся, словно прощаясь съ этимъ хорошимъ лѣсомъ, съ этою хорошею, только что промелькнувшею минутою. Долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ счастливый парень, пока телѣга не скрылась изъ его глазъ.

Послѣ встрѣчи съ Мишей, Варя словно иная стала; какъ бы ничего не видѣла и не слыхала. Остальную часть дороги она совсѣмъ не замѣтила, только молча радовалась, не спуская своихъ веселыхъ глазъ съ низко опустившагося солнца.

— Опоздалъ къ вечернѣ! горевалъ вслухъ Митрій, погоняя бѣлаго мерена: — опоздалъ!

Digitized by Google

II.

Село, наконецъ. Вѣтряки съ своими уродливыми крыльями на выгонѣ, «гамазеи» — длинные бревенчатые амбары для общественной засыпки хлѣба, но, конечно, безъ хлѣба, казенной постройки, на кирпичномъ полуразвалившемся фундаментѣ и съ раскрытой вѣтромъ, соломенной, «въ натопъ», крышей. Весело блестятъ въ голубомъ небѣ маленькіе кресты и маленькія главы старой деревянной церкви подъ зеленою крышей, съ сѣрыми стѣнами, маленькія окна едва отъ земли подымаются,—такъ низки. Зеленыя двери тоже маленькія, низенькія. Словно мягкій коверъ, во всѣ стороны отъ деревянной церкви стелется зеленый, безконечный выгонъ.

— Господи! вотъ погодка! радовалась Варя.

«Завтра хороводъ водить будутъ... Вонъ ужь чернѣются посреди села высокія качели». Мысль о качеляхъ, о хороводѣ, о завтрашнемъ Троицыномъ днѣ, объ этой старой, въ землю ушедшей, церкви съ покрившейся на бокъ колокольнею—была у дѣвушки въ то же время непремѣнною мыслью о Мишѣ. Новою прелестью звучало и выглядывало для нея теперь все, что она видѣла и слышала. Они въѣзжали въ село въ самый «гонъ» скотины съ поля. Веселый ревъ разбѣгавшихся по выгону коровъ, мягкое овечье блеянье, неугомонное свиное хрюканье, бабьи визгливые крики, бѣготня ребятишекъ съ хворостинами; свѣтившееся противъ солнца розоватое облако пыли, откуда доносилось громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута, передаваемое чистымъ вечернимъ воздухомъ, — все это болѣе и болѣе радовало Варю, утверждало ее почему-то въ убѣжденіи, что ей хорошо жить на свѣтѣ; ей такъ пріятно встрѣчать знакомыя лица и съ ними заговаривать. Стараго мерена хоть не правь—самъ бѣжитъ домой. Даже старый Митрій, позѣвывая себѣ въ большую бороду, съ явнымъ удовольствіемъ оглядывался на родное село. Длинный рядъ и плохихъ, и крѣпкихъ дворовъ, среди которыхъ иногда бросалась въ глаза щегольски срубленная, новая изба съ красными оконцами и крылечкомъ, съ колоннами и балясникомъ,—такъ называемый «порядокъ»,—вытягивался безконечною ули-

Digitized by Google

цею, исчезавшею за неровностью выгона. Иные дворы весело окру
жала молодая зелень ракитъ. Противъ «порядка» тянулся тѣсны
рядъ придворковъ. Довольство сказывалось въ этомъ большомъ одне
дворческомъ селѣ, привольно разбросавшемся по низменнымъ бере
гамъ рѣчки Сновы. Рѣчка эта славится въ уѣздѣ своею картинностью
На ея, весною заливныхъ, а лѣтомъ зеленыхъ лугахъ пасутся
выгуливаются лучшіе въ уѣздѣ, по складу и выносливости, упряж
ныя лошади. Лошадки, пшеничка, конопля — главныя доходны
статьи Брёховцевъ; недаромъ они по уѣзду богачами слывутъ. Н
«задахъ», за темнѣющимся разливомъ коноплянниковъ, тучей тем
нѣютъ годовалые, даже пятигодовалые одонья ржи, большіе стары
ометы соломы, стога луговаго сѣна. Лошади и птицы пестрил
выгонъ. Лучше, ближе, понятнѣе для себя картины Митрій не зналъ
И что же могло веселить его такъ, какъ веселило его родное село в
эту минуту?

Бѣлый меренъ самъ остановился у своего двора, крайняго въ ниж
немъ «порядкѣ». Старшій сынъ, благообразный рослый малый, Иванъ
отворилъ тяжелыя скрипучія ворота, и телѣга въѣхала во дворъ, про
сторный, кругомъ охваченный высокими сараями, амбарчиками, клѣ
тями и закутами. Въ углу рубленный колодезь, надъ которымъ с
высокаго журавля висѣла окованная, съ желѣзными ушками, бадья
чуть замѣтно качаясь.

— Благополучно себѣ съѣздили, тятечка, подошелъ къ отцу мо
лодецъ Иванъ, въ чистой ткацкой рубашкѣ, босой, съ тѣмъ почти
тельнымъ, доброжелательнымъ видомъ, какимъ вообще отличаются
взрослыя дѣти въ хорошихъ, строгихъ крестьянскихъ семьяхъ,
взялся отпрягать мерена.

— Благодарить Бога, Ваня, благополучно, отвѣтилъ старикъ,
хлопотливо помогая сыну отпрягать мерена.—Масло слилъ четыре
рубля за пудъ.

— Федосѣеву?

— Ему. Будто, что по привычкѣ.

— Кирсанъ Тимофеичъ сказывалъ, по четыре-же слилъ, Федо
сѣеву-же, добавилъ благообразный Иванъ, развазживая бѣлаго ме

Digitized by Google

рена и, не упуская случая, дружески погладилъ его большую неуклюжую морду.

— Брось, отецъ; ступай себѣ въ горницу, безъ тебя отпряжемъ. Изморился, небось: До свѣта, вѣдь, выѣхали. День нонче—годъ...

— Отдохнемъ, сынокъ, отдохнемъ еще! Митрій поплевалъ себѣ. по старой извощичей привычкѣ, на ладонь, и ловко разсупонилъ клещи хомута.

— Мерена моего наблюдите, замѣтилъ онъ сыну, относя дугу и бережно поставивъ ее у амбарчика съ хозяйскою сбруей.—Полста верстъ, обыденкой, свалялъ старикъ...

— Безъ корма у насъ, благодарить Бога, кажется, скотина не стоитъ, словно бы обидѣлся на отца Иванъ.—И дать есть что, да и я, спасибо, не лѣнивъ на это: покормлю скотину завсегда.

— Она тебѣ, скотина, слова не скажетъ, а ты самъ, дружище кругъ ея потрафляй: что и какъ! поучалъ сына старикъ, направляясь въ избу тяжелою походкою усталаго человѣка.—Тоже, хотя скотина, а старость въ ней одна, что и въ человѣкѣ, съ замѣтно непріятнымъ чувствомъ разсуждалъ Митрій: — не укуситъ, не ужуетъ, потому зубъ съѣла, беззубая осталась. Мы, вѣдь, съ мереномъ не ровесники ли?

Митрій засмѣялся себѣ въ большую пеньковую бороду и, по пути, погладилъ рукою растянувшагося на навозѣ «Лохматку», старую дворную собаку, съ головы до хвоста закутанную въ грязную, клочьями висѣвшую, бурую шерсть; изъ стараго собачьяго мѣха ласково и лѣниво щурились на хозяина умные, старые желтые глаза, въ то время, какъ тяжелый хвостъ въ репьяхъ и засохшей грязи добродушно махалъ въ знакъ собачьяго удовольствія.

— Обдѣлался ни на что не похожъ, кобель глупый! смѣялся старикъ, щекоча лохматку по горлу.

Вѣрный песъ поднялся было, словно рѣшаясь слѣдовать за хозяиномъ, но только лѣниво, съ спокойною увѣренностью хозяйскаго баловня, лизнулъ старикову руку и, вытянувшись, снова повалился въ растяжку на навозъ. Раздумалъ, должно быть. Вы-

Digitized by Google

сунувъ розовый горячій языкъ, кобель сталъ часто дышать, съ наслажденіемъ жмурясь и встряхивая ушами отъ докучныхъ комаровъ.

— И народу-же на базарѣ, Ваничка! разсказывала Варя брату, помогавшему ей выбирать съ телѣги покупки.—И народу-же!

— Что людей! сострилъ благообразный Иванъ, проворно выкладывая подаваемыя ему сестрою вещи на землю. — Жениховъ, небось, на базарѣ покупаютъ?

— Нѣтъ, невѣстъ! отплатила ему сестра, не любившая оставаться въ долгу у кого бы то ни было. И слѣзла проворно съ телѣги.

На дворѣ, на веревкѣ, протянутой между толстыми столбами сарая, висѣло бѣлье, наканунѣ вымытое Варею и ею же повѣшенное. Убѣдясь, что оно за день просохло совсѣмъ, дѣвушка, со своею всегдашнею скоростью, сдала покупки толстухѣ матери, причемъ, конечно, расцѣловала ея румяныя щеки и вернулась на дворъ, чтобы снять бѣлье и спрятать его въ «пунькѣ». Она на-скоро удовлетворила любопытству матери, разспрашивавшей про базаръ: «кого видѣла, что слышала, чего себѣ набрала?» Она была свободна и могла предаться своимъ мыслямъ. Ея мать, Матрена, дородная, еще не старая женщина, по мужицкому выраженію «середовая баба», по своему любила дочку-утѣху. Она ее всячески замѣняла собою въ хозяйствѣ. Особенно до двора, то-есть, до черной работы, не допускала. Сама доила и за скотомъ приглядывала, за птицей, сама весь домъ наблюдала. Добрая мать, при случаѣ, твердила одно: «Дѣвкѣ только и пожить, что у отца съ матерью; возьмется за хозяйство, пойдутъ дѣти — прощай дѣвичья воля». И не неволила красавицу дочь, во всемъ была ей защитой. Цѣпа и серпа Варя не знала, вязать ходила въ «страду», а то красны себѣ на приданое ткала, ковры, кушаки для продажи.

— Господи, хорошо-то какъ на дворѣ! шептала Варя, сидя на крылечкѣ своей пуньки, стоявшей съ угла ихняго придворка, противъ избы на выгонѣ.

По яркой травѣ, освѣженной уже павшею росою, чистыя бѣлыя гусыни важно покачивались на кривыхъ красныхъ лапкахъ, граціозно неся свои длинныя шейки, шиня и внимательно разсма-

Digitized by Google

тривая травку чорнымъ глазомъ; за гусынями слѣдомъ волновался пушистый выводокъ еще съ весеннимъ желтоватымъ отливомъ и съ немолчнымъ, почти дѣтскимъ, говоромъ. Выходившая ихъ Варя участливо смотрѣла на гусей и на легкую тѣнь, что волочилась за ними. Послѣдній лучъ садившагося солнца горѣлъ ослѣпительнымъ огнемъ на стеклахъ крайняго въ горницѣ окна и такъ радостно игралъ на молодой блестящей листвѣ густыхъ вѣтокъ, словно натыканныхъ въ толстыя дупла ракитъ. Вставая тѣнистымъ рядомъ передъ дворомъ Митрія, старыя ракиты уже одѣвались сзади въ плотныя ночныя тѣни. На все Варя глядитъ теперь какъ то странно и вздыхаетъ подъ наплывомъ чувства. Хорошо! Сенька, меньшой братъ, тоже молодчикъ хоть куда, подъ стать Ивану и Варѣ, узкимъ проулкомъ подымается снизу, съ огородовъ, съ косой на плечѣ, сверкающей словно стекло, и съ душистою вязанкою сочной, въ цвѣтахъ, травы. Это Сенька несетъ скотинѣ—на ночь подбросить. Малый «упадливый» былъ до скотины. Иванъ, отведя бѣлаго мерена въ закуту, волочитъ по двору хомутъ, а телѣгу подъ сарай ставитъ. Мать коровъ доитъ. До Вари доносится ея твердый окрикъ: «мечись! угорѣлая!» Это она кричитъ на новотельную, еще непривычную къ удою корову. Звонко по зарѣ раздается материнскій голосъ. Совѣстно стало дѣвушкѣ, что она въ эту минуту не съ матерью, не помогаетъ ей и баклушничаетъ, бѣлоручка,—сидитъ себѣ на крылечкѣ да воробьевъ считаетъ. Она встала, потянулась вся, словно-бы кого обнимая, широко раскинувъ врозь руки, вздохнула, какъ вздыхаютъ счастливыя или душевно усталыя, и побѣжала на ворокъ. Въ тѣни ракиты, усѣвшись на травѣ, старый Митрій «снѣдалъ», то-есть полудничалъ, нагнувшись къ деревянной чашкѣ. Онъ хлебалъ холодное молоко, заѣдая привезенными изъ города калачами. Не взирая на всю свою осторожность, старикъ кормилъ молокомъ и свою большую бороду. Подошелъ работникъ богатаго сосѣда-однодворца, поклонъ отдалъ, къ хозяину своему позвалъ: «молъ, старики собрамшись; тебя, Митрій, велѣлъ Кирсанъ Тимофеичъ въ честь просить—пришелъ-бы ты».

Дѣлать нечего: подпоясался по кафтану старый Митрій, на-

Digitized by Google

дѣлъ свою старую, когда-то поярковую шляпу, напоминавшую ему его извозничество, расчесалъ бороду, взялъ въ руку орѣховую палку и пошелъ, раздумывая дорогой: «на что у Кирсана нынче собранье, о чемъ толкъ»? Онъ скоро дошелъ до большой жилой «связи» перваго по селу богача, Кирсана Тимофеича, передъ которою, на улицѣ, собралась толпа мужиковъ. Старики, ковыряя палками землю, мирно бесѣдовали между собою на заваленкѣ. У своихъ дверей, на крыльцѣ, широко разставя ноги, сидѣлъ на лавкѣ осанистый старикъ Кирсанъ Тимофеичъ въ синемъ, толстомъ домодѣльномъ кафтанѣ въ рукава, на распашку, безъ шапки, по домашнему. Съ посеребренными, когда-то черными волосами, окружавшими плѣшь на макушкѣ, съ бѣлою бородою, онъ имѣлъ препочтенный видъ. Старикъ считался въ волости уважаемымъ лицомъ, съ честью ходилъ «головою», когда еще головы были, а теперь постоянно избирался гласнымъ въ уѣздное земское собранье и церковнымъ старостою, нѣсколько выборовъ сряду.

— Присядь къ намъ, Митрій Ванычъ, здоровъ бы ты былъ, старичокъ почтенный, добродушно, словно по старинѣ, встрѣтилъ богачъ Рачителя, приглашая его движеньемъ руки, полнымъ простаго достоинства, занять мѣсто на заваленкѣ, рядомъ съ стариками.—Пригласили мы тебя вобче подумать, потолковать промежъ себя...

— Нешто дѣло какое, Кирсанъ Тимофеичъ? Рачитель тихонько присѣлъ на заваленку, съ краю, къ потѣснившимся ради него старикамъ, которымъ онъ въ свое время отвѣсилъ общій поклонъ.

— Стало-быть, дѣло, Иванычъ. Безъ дѣла когда же обчество бываетъ: не то, такъ другое. Складно, какъ человѣкъ привычный къ общественнымъ дѣламъ, заговорилъ богачъ. Его твердую, прямую мужичью рѣчь мужики поумнѣе никогда не перебивали.—Слыхалъ ты: Антошка нашъ, Буслай, изъ арестантскихъ ротъ выпущенъ. Намедни пришелъ.

Митрій Рачитель смогъ только качнуть головой въ высокой поярковой шляпѣ и крякнулъ многозначительно, не выказывая сразу чувства, съ какимъ онъ выслушалъ извѣстіе о приходѣ

Digitized by Google

извѣстнаго конокрада, Антошки Буслая. Скрытность, особенно въ серьезныхъ дѣлахъ, была въ характерѣ степеннаго однодворца.

— Берегите, мужички, лошадокъ, не зѣвайте! прошамкалъ совсѣмъ беззубый ротъ тощаго старичонка съ зажелтѣвшеюся отъ лѣтъ бородкою, плохенькою, какъ и онъ самъ. Кафтанишко на немъ висѣлъ лохмотьями, и видъ онъ имѣлъ нищаго, несмотря на то, что былъ не только зажиточнымъ, но и денежнымъ хозяиномъ. За скупость непомѣрную онъ носилъ названье «Сухаря».

— Да то, можетъ, враки, что Антошка вернулся? усомнился Рачитель, спокойно опершись обѣими руками на палку, а подбородокъ положивъ на руки.

— Стало, видали его! замѣтилъ Кирсанъ Тимофеичъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія, что Антошка въ селѣ.

— Чудной ты, право, дядя Митрій! отозвался изъ толпы здоровенный, плечистый, бѣловолосый мужикъ съ придурковатою рожею, съ широкихъ скулъ которой, бѣлыми клочьями, безпорядочно и некрасиво ползла борода.—Когда я своими глазами Антошку видалъ, а ты сумлеваешься: пришелъ ли Антошка? Послѣ этого я не Савка!

Придурковатый мужикъ въ коротенькомъ, явно не съ него, по колѣна, сѣромъ зипунѣ, съ рукавами едва по локоть, наступалъ на Рачителя съ развязностью, доходившею до нѣкотораго азарта, словно бы тотъ его обидѣлъ.

— Когда я Антошку подъ селомъ вчера обогналъ. Горячо, даже съ сердцемъ утверждалъ здоровенный Савка, размахивая ручищами у самаго Рачителева носа.—Даже поздоровался, трубочки попросилъ покурить. Что-жъ, ребята, остановился, покурилъ съ нимъ трубочки! похвалился мужикамъ бѣловолосый Савка. — Трубочку, говорю, покуримъ мы съ тобою, Антонъ Дементьичъ, ну, а на счетъ саврасой кобылы моей не прогнѣвайся, говорю, оставь свое попеченіе. А неровенъ, говорю, часъ, зацѣпишься ты ошибкой за мою саврасую кобылу, только тебѣ и жить, Антонъ Дементьичъ: убью, какъ собаку!

— И вправду ты это хорошаго человѣка за кобылу убьешь? нарочно, чтобы только подзадорить придурковатаго Савку, вмѣшался

Digitized by Google

въ разговоръ небольшой, невидный изъ себя, но острый на языкъ и шустрый мужиченка неопредѣленныхъ лѣтъ, Кузьма, прозвищемъ «Суярокъ».

— Куритъ со мною трубочку, а самъ все на савраску, — грубо смѣясь, продолжалъ Савка. — Я ему и говорю, въ савраску ты не цѣпься; а зацѣпишься, говорю, за мою савраску — только ты и жилъ, Богъ меня убей, только!

— Что-жъ Антонъ? подзадоривалъ Савку, чтобы надъ нимъ посмѣяться на народѣ, Кузьма Суярокъ.—Сробѣлъ?

— Небось не сробѣетъ? не тотъ! огрызнулся на него Савка.— Онъ, Кузя, погоди, и твоихъ лошадокъ смуздаетъ.

— Смуздаетъ! это вѣрно, что смуздаетъ! весело загалдѣли мужики, а изъ нихъ верзила Савка громче всѣхъ, и даже хохоталъ, словно бы дѣло шло объ очень смѣшномъ обстоятельствѣ. Даже степенные старики посмѣивались себѣ въ бороды.

— Потому, злой теперь Антонъ вернулся, пояснилъ общую мысль Кузьма Суярокъ: — срокъ свой положенный высидѣлъ въ арестантахъ, надо ему за старое браться, тоже, можетъ, добрыхъ людей отблагодарить похочетъ: спасибо — молъ — вамъ, старички, что меня уму-разуму поучили, въ острогъ подвели.

Кузьма Суярокъ, представляя конокрада Антошку, для пущей выразительности, при послѣднихъ словахъ и шапку снялъ за Антошку. Мужички захохотали, верзила Савка громче всѣхъ.

— Кобыленку за хвостъ держи до самой до зари, а мерена за ногу, шутилъ Суярокъ, снова вызывая мужичій смѣхъ, покрытый Савкинымъ смѣхомъ.

Когда толпа стихла, Кирсанъ Тимофеичъ раздумчиво глянулъ по сторонамъ, потомъ на толпу, и вздохнулъ.

— Какъ же это, старички, началъ онъ,—сказываютъ, якобы Ваську Прилѣпа солдатъ Махоткинъ сжегъ?

— Въ самую глухую ночь обработалъ! подхватилъ Суярокъ, словно обрадовавшись, что рѣчь зашла о поджогѣ и о солдатѣ. Онъ, повидимому, хорошо былъ знакомъ съ подвигами солдата Махоткина.—Еле сами выскочили, благо—лѣтнее дѣло—въ пунькахъ спали. Въ чемъ выскочили — то унесли. Все погорѣло. Годовалая

Digitized by Google

кладушка ржи на огородѣ уцѣлѣла да амбарчикъ съ мукой. Чистъ остался.

— Разорилъ мужика! сумрачно замѣтилъ Кирсанъ Тимофеичъ.

— Опять, стало, началъ? замѣтилъ Рачитель со всегдашнею своею краткостью, въ видѣ вопроса.

— Онъ, спасибо, и не кончалъ, дяденька! весело, къ удовольствію мужиковъ, особенно Савки, сказалъ Суярокъ.—Онъ больше на сторонѣ промышлялъ, по волчьи.

— Волкъ, точно, по сосѣдству своему не шалитъ, себя не обнаруживаетъ, пріятнымъ басомъ замѣтилъ красивый, съ окладистою бородою, высокій мужикъ въ новомъ армякѣ на расцашку.—Волкъ тоже не глупый звѣрь.

— Солдатъ по сердцамъ сжегъ Прилѣпу: зачѣмъ въ свидѣтели пошелъ, когда это его мировой за цыганскую лошадь судилъ, потому Прилѣпъ солдата, почитай, одинъ вмазалъ. Ну, говоритъ, Васька помни да не забудь: вмазалъ ты меня въ замокъ—отблагодарю, погоди!

— На солдата кто же доказываетъ? снова усомнился Рачитель, желавшій дать себѣ отчетъ, какъ и почему, и ничего не принимавшій на вѣру.

— Видѣли, дяденька, Махоткина: бѣжалъ къ низу, какъ это вспыхнуло, задами—объяснялъ всезнайка Суярокъ.—Да на сапожника Филю наткнулся. Сапожникъ Филя,—сами, дяденька, знаете, онъ у насъ на недѣлѣ только четырнадцать разъ напивается,—въ канавѣ въ ту пору, пьяный, валялся. Сказываетъ—продрогъ, лежавши въ одной то есть сорочкѣ и портахъ. Поднялся, говоритъ, а Махоткинъ солдатъ чуть меня съ ногъ не сбилъ, — куда? — не твое дѣло! могарычъ, говоритъ, за мною, Филя. А въ рукахъ у солдата, говоритъ, коробочка сѣрниковъ, а отъ самаго горѣлой соломой смердитъ. Отчаянной жизни солдатъ, хвалить нечего!

Старики, внимательно выслушавъ разсказъ Кузьмы Суярка, невесело переглянулись. — Какъ съ такимъ разбойникомъ поступить? заговорилъ богачъ, не безъ волненія.—Онъ, чего добраго, по сердцамъ, все село на вѣтеръ пуститъ, — кого ему жаль? кого онъ боится? добавилъ, шамкая, Сухарь.

Digitized by Google

— Отвага! кому острогъ, ему домъ! перебивая другъ друга, кричали мужики.—Онъ сколько разовъ въ замкѣ сидѣлъ, даже хвалится! ввернулъ всезнайка Суярокъ.

Разсудительный Кирсанъ Тимофеичъ только вздохнулъ. Онъ, какъ и всѣ старики, не сомнѣвался, что Ваську Прилѣпа сжегъ солдатъ Махоткинъ; все это ему понятно, ясно; но все это — онъ зналъ—станетъ и непонятно, и неясно при требованіяхъ на судѣ, со стороны формальныхъ доказательствъ. Наглядѣлся онъ на это «судьбище», засѣдая въ составѣ присяжныхъ засѣдателей. «Гдѣ улика»? звенитъ въ ушахъ старика убѣдительная рѣчь защитника, повѣреннаго изъ «губерніи».

— Будетъ Прилѣпъ солдата помнить, закончилъ Савка:—подпустилъ краснаго кочета къ Прилѣповымъ курамъ.

Мужики, не слушая другъ друга, загалдѣли, что, точно, Прилѣпъ не забудетъ солдата Махоткина и его краснаго кочета.

— Мудрено стало на свѣтѣ! Кирсанъ Тимофеичъ раздумчиво качнулъ серебряной головой и вздохнулъ, сосредоточенно уставясь глазами въ землю: — какъ тутъ жить? Одинъ одного слопать готовъ? Богатый однодворецъ разсуждалъ вслухъ, ни къ кому не относясь и какъ бы отвѣчая на свою собственную мысль: — На всю волость *замѣчательный* человѣкъ, а что ты ему подѣлаешь?

— Онъ, солдатъ, людей не жалѣетъ, и его жалѣть нечего, старики! прошамкалъ лохматенькій и желтенькій Сухарь.

— Надоѣлъ всѣмъ! вскричалъ красивый бородачъ въ новомъ армякѣ:—повоевалъ, поплѣнилъ округу, солдатъ! Сократить его надо!

— Сократить его надо! загалдѣла толпа.

— Коли такое дѣло,—неисправимый солдатъ завелся на селѣ, искоренить его вовсе! надумался Кирсанъ Тимофеичъ.—Общественный приговоръ напишемъ: молъ, не надобенъ онъ намъ; сошлите его на поселеніе.

— Проводить солдата съ Богомъ! орали мужики,—Савка всѣхъ громче.—Съ Богомъ!

— Должно, такъ и придется, Тимофеичъ, своимъ тонкимъ го-

Digitized by Google

лосомъ замѣтилъ богачу Рачитель:—проводить отселева солдата съ Богомъ по морозцу.

— Больше съ нимъ ничего не подѣлаешь! согласился Кирсанъ Тимофеичъ.—По суду не докажешь. Гдѣ доказчики? Безъ доказчиковъ не сошлютъ. Объ этомъ самомъ и я сумлеваюсь, Митрій Ванычъ. Не хуже третьягоднишняго: онъ же, солдатъ, Ольховатскихъ сжегъ, больше года въ замкѣ сидѣлъ, народъ радовался: вотъ, молъ, разбойника сошлютъ. А стали его судомъ-то судить — оправдали; молъ—доказчиковъ нѣтъ; сегодня бы его выпустили, черезъ недѣлю полсела слетѣло... Мудрено нынче жить: какъ всталъ благополученъ,—ну, и слава Богу!

— Такое время пришло, замѣтилъ Рачитель.—Хорошіе нынче плохихъ боятся.

— Не по закону говоришь, Иванычъ; наставительно сказалъ Кирсанъ Тимофеичъ и поднялся не безъ труда съ лавки.—Надо, чтобы плохіе боялись хорошихъ, а чтобы хорошіе боялись плохихъ—то не законъ...

— Вѣстимо, такъ! прошамкалъ Сухарь, тоже подымаясь:—страху нонче не знаютъ... Бога забыли...

— Ты, должно, Бога помнишь, антихристъ! шепнулъ Суярокъ Савкѣ, подмигивая на Сухаря.—У тебя, должно, никто еще водицы ключевой изъ твоей кружки не напился, старый ты идолище! семью голодомъ заморилъ, клятый!

— Не околѣваетъ, шопотомъ-же замѣтилъ Суярку придурковатый Савка,—хоть бы околѣлъ!

— Что ты, Савушка! типунъ тебѣ на языкъ! съ напущеннымъ испугомъ шепнулъ ему хитрый Суярокъ.—Сухарь—двужильный да еще, сказываютъ, колдунъ. Околѣетъ—народу за собою много потащитъ...

— Ну?! Савка колебался: вѣрить-ли Суярку, и не безъ робости проводилъ глазами уходившаго домой Сухаря. — У него, малый, и глаза красные, какъ говядина.

— Поживи съ его, и у тебя покраснѣютъ! смѣялся Суярокъ.—Ему за сто вѣдь.

— Ну, старики, позѣвывая началъ Кирсанъ Тимофеичъ:—стало,

Digitized by Google

слѣдуетъ намъ, обчествомъ, этимъ дѣломъ объ солдатѣ заняться.

— Надо! надо! безпремѣнно надо! разомъ загалдѣли мужики:— порадѣй, Тимофеичъ, а мы за тобой всѣмъ міромъ. .

— Отъ міра я не прочь. Кирсанъ Тимофеичъ зѣвнулъ и сладко потянулся: сонъ его звалъ.—А солдата намъ бояться нечего. Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Ну, прощайте себѣ!

— Прощенья просимъ, Тимофеичъ! оставайся себѣ благополученъ! гудѣли мужики, расходясь по дворамъ.

— Съ Богомъ! сладко позѣвывая и глядя на вечернюю погожую зарю, напутствовалъ ихъ старикъ и побрелъ къ себѣ въ пуньку, пробормотавъ:—Ну, и заря же! подлинно: «городъ—царство, деревня—рай».

Митрій Рачитель тяжелою поступью стараго уставшаго человѣка побрелъ домой. Дорогою онъ снялъ свою старую поярковую шляпу, досталъ со дна ея старенькій «носовикъ» и вытеръ себѣ потное лицо и мокрую шею; потомъ бросилъ носовикъ въ шляпу, надѣлъ ее, по своему, на глаза и предался созерцанью чудесной ночи, въ нѣмомъ благоговѣніи глубоко религіозной, просто вѣрующей души.

Хорошо было на дворѣ. Теплая лѣтняя ночь, постепенно гася жаркую съ розовымъ отблескомъ зарю, сгущала свои синія тѣни и налегла тихимъ, покойнымъ сномъ на усталое отъ дневной работы, истомленное дневнымъ зноемъ село; съ низовъ, съ болотъ, отъ воды потягивало отрадною, укрѣпляющею свѣжестью. Исполненныя какой-то глубокой и прекрасной тайны, окутанныя ночными тѣнями, блистая росистою листвой, недвижимо, словно прислушиваясь къ этому дышащему, поющему покою, темнѣли очертанія деревьевъ; покой лѣтней ночи—не спокойствіе смерти; это роздыхъ дѣятельной жизни, полный живыхъ, просящихся наружу, силъ. Соловьиная пѣсня,—то льющаяся нѣжною, плавною трелью, то поражающая слухъ свистомъ и рокотомъ,—словно радостный хвалебный гимнъ, неслась съ каждой ракиты однодворческихъ огородовъ. Ближе,—громче, дальше—слабѣе, еще дальше—еще слабѣе, плывутъ отовсюду прекрасные звуки этого волшебнаго хора пернатыхъ пѣвцовъ. Какъ-бы сама очарованная и безсильная

Digitized by Google

сбросить съ себя очарованье, прислушиваясь, стихла лѣтняя ночь, притаилась подъ своимъ темнымъ покровомъ. За этимъ воздушнымъ хоромъ звучитъ и гудитъ, разносимый эхомъ уснувшей воды, другой хоръ: миріады лягушекъ громко оглашаютъ свои тихіе берега и воды; а съ глубокаго, глубокаго неба, съ недостижимой высоты, среди блѣдныхъ мигающихъ и мерцающихъ звѣздныхъ хороводовъ, веселыми огнями горятъ и переливаютъ крупныя звѣзды; широкою, свѣтлою полосою млечный путь пополамъ перепоясалъ безпредѣльный звѣздный сводъ. Съ полей, изъ темноты, доносится грустная мелодія жаворонка. Еще бы не было хорошо, спокойно простому деревенскому человѣку въ лѣтнюю ночь! Еще бы спалось чернобровой Варѣ въ такую ночь, послѣ встрѣчи въ лѣсу? Она все перевертывалась на своей постели въ пунькѣ. Несмотря на запертую засовомъ дверь, ей казалось, въ забытьи, что она не въ пунькѣ спитъ, а просто на дворѣ—такъ оглушительно звенѣла въ ея ушахъ соловьиная пѣсня, такъ близко казалась ей рѣка съ лягушечьимъ хоромъ... И она не разставалась всю ночь съ кудрявымъ Мишей. Онъ стоялъ передъ ея глазами, онъ глядѣлъ на нее такъ тепло, такъ любовно, что ее бросало и въ огонь, и въ полымя. Варя опять съ нимъ въ лѣсу, съ вѣнкомъ въ рукѣ. Онъ горячо цѣлуетъ ее. «Нахалъ какой! А люблю же я его, раскудряваго!» шептала про себя счастливая дѣвушка.

В. Марковъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

АРФА БОГИНИ.

Давно ужь не слышно чарующихъ пѣсенъ:
Какъ буйное торжище, шуменъ и тѣсенъ
Погрязнувшій въ мелочи свѣтъ;
Въ немъ лжи и обмана, и подлости царство,
Въ немъ только разсчетъ процвѣтаетъ коварства,
Но мѣста поэзіи нѣтъ.
Уже не разверзнутся горнія сферы...
Безъ божіей искры, безъ чувства и вѣры
Давно очерствѣли сердца;
Средь шума, на лирѣ своей балаганной,
Бренчитъ скоморохъ, но не грянетъ желанный
Пророческій голосъ пѣвца...
Гдѣ-жъ пѣсенъ и звуковъ богиня святая?
Гдѣ арфа сокрыта ея золотая,
Звучавшая въ древнихъ вѣкахъ
Такъ дивно, что, сладкой плѣняясь игрою,
Архангелы съ неба воздушной толпою
Слетали на свѣтлыхъ крылахъ?
Торжественно струны во храмѣ Сіона,
Землѣ отверзая небесное лоно,
Гремѣли святою хвалой,
И царь-псалмопѣвецъ рукой вдохновенной
Срывалъ въ упоеніи съ арфы священной
Мелодій божественныхъ рой.
Пѣвецъ сладкогласный былъ вѣщимъ пророкомъ,
Онъ въ сердцѣ владыки, больномъ и жестокомъ,
Кровавую злобу смирялъ.

Digitized by Google

Властитель, страшившій вселенную гнѣвомъ,
Чарующимъ душу волшебнымъ напѣвамъ
Въ невольномъ смущеньѣ внималъ.
Поэзіи сладостной арфа святая!
Незримо таилась въ ней мощь неземная,
Для слуха земнаго звуча...
Небесное пламя тѣ струны скрывали
И такъ чудотворно сердца покоряли
Сильнѣе огня и меча...
То гласомъ карающимъ гнѣвно гремѣли,
То сыпали тоны пастушьей свирѣли,
Въ созвучьяхъ волшебно тая
И громы господни, и говоръ дубравы,
Гремящіе клики побѣды и славы,
И тихую пѣсню ручья.
Гдѣ-жъ дивная арфа небесной богини?
Въ какой отдаленной безвѣстной пустынѣ?
Быть можетъ, межъ скалъ и камней,
Лишь вѣтеръ со вздохомъ по ней пробѣгаетъ,
И въ тихомъ безмолвьѣ пустыня внимаетъ,
Да звѣзды небесныя ей...
Но время настанетъ: пѣвецъ одинокій,
Блуждая съ тоскою и думой глубокой,
Священную арфу найдетъ.
Онъ въ струны ударитъ съ огнемъ вдохновенья,
И съ арфы ожившей потокъ пѣснопѣнья
Ключемъ искрометнымъ забьетъ...
По цѣлой вселенной, по весямъ и селамъ,
Прольются тѣ звуки господнимъ глаголомъ,
Зажгутъ и взволнуютъ сердца,
Сольются народы одною семьею,
И гордая сила поникнетъ главою
Предъ голосомъ вѣщимъ пѣвца.

Л. Пальминъ.

Digitized by Google

ПАРИЖЪ ВЪ 1881 ГОДУ.

(До и послѣ выборовъ).

I.

Франція и наши соотечественники.—Что̀ дѣлаетъ демократическій строй государства?—Выборы въ деревнѣ и въ Парижѣ.—Гамбетта—первый министръ.

Когда-то, лѣтъ больше десяти назадъ, въ концѣ второй имперіи, я жилъ около года въ небольшемъ отельчикѣ (это не мѣшало ему называться Grand Hôtel Victoria) противъ оперы,—той, что̀ сгорѣла. Отельчикъ этотъ содержала, года за два передъ тѣмъ, нѣкая мадамъ Бобъ, бывшая модистка въ Петербургѣ. Она тамъ и составила себѣ состояньице. Съ тѣхъ поръ, два раза въ годъ, весной и осенью, французскія «мадамы» останавливались въ Hôtel Victoria, пріѣзжая за модными новостями изъ Россіи. И тогда еще я сравнивалъ всѣхъ насъ, иностранцевъ, съ этими модистками. Тѣ являлись за фасонами пальто, платьевъ и шляпокъ; а мы являлись за новыми формами жизни, за идеями, превращенными въ общественные факты, за произведеніями искусствъ не изъ вторыхъ, а изъ первыхъ рукъ. Мнѣ уже приводилось не такъ давно, и по поводу того же самаго Парижа, говорить про то: какъ большинство русскихъ, даже изъ тѣхъ, что̀ обязательно болтаютъ по французски, не любятъ Франціи. Въ послѣднее время, число разныхъ «патріотовъ», пренебрежительно относящихся къ западу, а стало-быть и къ Парижу, скорѣе возросло, чѣмъ уменьшилось. Нужды нѣтъ, что въ этомъ Парижѣ вы найдете тысячи русскихъ; увѣряютъ даже, будто ихъ теперь до тридцати тысячъ. Мнѣ кажется, что это фантастическая цифра; но положимъ, что ихъ и

Digitized by Google

очень много. И все-таки вы можете держать какое угодно пари, что на десять русскихъ вы непремѣнно найдете шесть или семь человѣкъ недовольныхъ, пренебрежительно отзывающихся и о городѣ, и о его жителяхъ, и вообще о всѣхъ французскихъ порядкахъ. И съ эпохи паденія второй имперіи число такихъ недовольныхъ русскихъ положительно увеличивается. Иногда, познакомившись съ соотечественникомъ, вы въ первыя десять минутъ разговора считаете его за хорошаго западника, но чуть только дѣло коснется до чего-нибудь посерьезнѣе или вы дадите ему самому высказаться, вы сейчасъ же чувствуете, до какой степени все это западничество поверхностно. Соотечественникъ не желаетъ признавать превосходства этой цивилизаціи, его коробитъ отъ того, что Франція взялась за умъ и устроила свой государственный укладъ толково, на демократическихъ началахъ. Въ немъ сидитъ хандрящій и высокомѣрный баринъ или безсодержательный зубоскалъ, который въ жизнь свою не участвовалъ ни въ какомъ движеніи, не воспитывалъ ни воли, ни ума, ни общественнаго чувства на урокахъ отечественной исторіи.

По этой части мы просто поразительны! Мы суемся съ нашимъ татарско-византійскимъ прошлымъ и смѣемъ еще думать, что мы-то и призваны спасти весь западъ!

Но оставимъ этихъ милыхъ соотечественниковъ. Такъ или иначе, съ протестомъ или безъ протеста, съ хандрой или безъ хандры, они все-таки ѣздятъ въ это «мѣстечко», (по выраженію многихъ русскихъ остряковъ), и чѣмъ чаще они туда будутъ попадать, тѣмъ лучше. Какъ бы они тамъ ни безпутничали, все-таки ихъ глаза привыкнутъ къ другимъ образамъ, уши—къ другимъ формамъ разговора, мозгъ—къ инымъ идеямъ. Русскіе люди попроще, изъ тѣхъ сословій, которыя прежде очень рѣдко попадали за границу, а главное народъ, въ лицѣ прислуги, артельщиковъ, рабочихъ, воспринимаютъ западные порядки очень здорово и умно, съ положительной симпатіей, и если со временемъ русская культура заявитъ себя съ оригинальной стороны на западѣ, то, конечно, это будетъ путемъ народной дѣловитости. Мы уже имѣемъ на это примѣры. Такъ, въ Дрезденъ уже давно проникли русскіе булочники, торговцы нашими

Digitized by Google

комествблями и даже мороженщики; захватили въ свои руки эти виды промысла и пріобрѣли большую популярность въ мѣстной публикѣ. Будетъ это и въ Парижѣ, но уже, конечно, не на деньги и не на умъ фыркающихъ и суесловящихъ или кающихся виверовъ. Мнѣ извѣстенъ даже совсѣмъ уже старый бытовой человѣкъ, живущій давно въ Парижѣ, который только и дѣла дѣлаетъ, что говоритъ:

— Люблю я теперешніе порядки во Франціи. Справедливо!

И не затруднился даже, съ большими лишеніями, дать дѣтямъ тамошнее образованіе.

Франція, со своимъ центральнымъ органомъ, потому и дорога для каждаго неисковерканнаго человѣка, что она работаетъ за всѣхъ насъ. На нашихъ глазахъ и не требуя отъ насъ никакой поддержки, она дѣлаетъ громадные общественные и политическіе опыты. Самый фактъ существованія тридцатишестимилліонной республики въ сердцѣ Европы—фактъ небывалый съ эпохи республиканскаго древняго Рима. И что бы теперь ни случилось, будетъ-ли въ скоромъ времени какая-нибудь диктатура послѣ войны или внутренняго междоусобія, все-таки демократическій строй не измѣнится. Обаяніе традицій средневѣковаго строя, отдѣльныхъ личностей, имѣющихъ только вымышленныя династическія права, исчезло для большинства. Нужды нѣтъ, что во Франціи еще масса клерикаловъ, что іезуиты не потеряли вліянія, хотя ихъ и выгнали, что въ дворянствѣ, въ буржуазіи и въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ осталась напускная привязанность къ «бѣлой лиліи»—все это не существенно; въ такомъ богатомъ организмѣ, какъ Франція, иначе и не можетъ быть. Исторія была слишкомъ крупна и цвѣтиста. Денегъ много, есть возможность добиваться своихъ идеаловъ, какъ бы они ни были отсталы и даже нелѣпы. Теперь, съ разцвѣтомъ и закрѣпленіемъ республиканскаго строя, всѣмъ политическимъ фантазіямъ, всѣмъ видамъ добровольнаго ретроградства предоставлено еще большее мѣсто... На первыхъ порахъ такъ и должно быть. Посмотрите, какъ безобидно и съ какими ничтожными результатами происходили въ послѣдніе мѣсяцы всякаго рода антиреспубликанскія демонстраціи. Случился день рожденія, такъ называемаго, «Ген-

Digitized by Google

риха V», и въ различныхъ округахъ Парижа, и во множествѣ провинціальныхъ городовъ были банкеты. И прекрасно! Гораздо лучше знать, сколько искреннихъ или облыжныхъ приверженцевъ имѣетъ этотъ хромающій потомокъ Генриха IV съ его комическими прокламаціями и обращеніями къ своимъ «вѣрнымъ подданнымъ». Никто не смущается тѣмъ, что ихъ насчитываютъ лишь нѣсколько тысячъ. Пускай они говорятъ, пишутъ, глупятъ, надѣятся; прорицаютъ, какъ Брюсовъ календарь, что къ такому-то дню Генрихъ V въѣдетъ въ золотой каретѣ или верхомъ на бѣлой лошади подъ тріумфальныя ворота Елисейскихъ полей. Съ каждымъ годомъ, при полной свободѣ, такія демонстраціи будутъ все болѣе и болѣе походить на буффонады, на акты изъ оперетки, въ родѣ того акта изъ «Синей Бороды», гдѣ происходитъ цѣлованіе руки у короля Бобеша. И не думайте, что республиканцы и вообще французы, покончившіе со всякимъ средневѣковымъ старьемъ, только подбадриваютъ себя или высокомѣрно закрываютъ глаза въ виду близкой опасности... Даже со стороны, человѣку, мало-мальски знакомому съ теперешней Франціей ясно и понятно, что ни о какой серьезной опасности и думать нельзя и что всѣ эти арлекинады легитимистской преданности производятъ только комическій эффектъ. Обыкновенно, когда говоришь съ кѣмъ-нибудь изъ скептическихъ или французо-ненавистныхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и съ соотечественниками, то вамъ отвѣчаютъ:

— Да вѣдь это все въ Парижѣ. Тутъ искусственная жизнь, подогрѣтое республиканство, а вы возьмите-ка провинцію, что тамъ дѣлается...

Ну вотъ мы и возьмемъ провинцію, покажемъ одинъ уголокъ ея. Какъ разъ дѣло происходило въ самый горячій моментъ, прошлаго года, въ августѣ, во время выборовъ въ палату. Парижъ побурлилъ въ газетахъ и на сходкахъ, узнавъ, что выборы назначаются не въ тотъ срокъ, какого ожидали. Всѣ кричали, что правительство хочетъ эскамотировать выборы, что оно, запутавшись въ алжирскихъ дѣлахъ, надѣется на скорую побѣду надъ арабами, и тогда, подъ вліяніемъ патріотическаго возбужденія, избиратели пошлютъ опять въ палату представителей большинство того

Digitized by Google

же самаго оттѣнка. Не особенно была довольна и провинція. Но во многихъ мѣстностяхъ, на сѣверѣ въ особенности, гдѣ нѣтъ страстнаго темперамента, дѣло обошлось очень спокойно. Вотъ въ одной-то изъ такихъ мѣстностей и проживалъ я цѣлыхъ шесть недѣль...

Это—по нашему—большое приморское село, еще недавно рыбацкая деревня, а теперь морское купанье, куда съ каждымъ годомъ все больше и больше пріѣзжаетъ именно парижанъ, такъ какъ тутъ можно еще жить дешево. Находится эта приморская община въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города Кана, столицы Нижней Нормандіи. Населеніе—рыбаки, земледѣльцы—народъ кряжистый, довольно холодный, скопидомный и сутяжный съ стародавнихъ временъ. Въ двухъ верстахъ отъ нашего морскаго купанья лежитъ большое мѣстечко «La Délivrande». Самое имя показываетъ, что это какой-нибудь погостъ, выражаясь по нашему, т. е. церковь, получившая извѣстность. Такъ оно и есть. Кто читалъ романъ Флобера «Bouvard et Pécuchet», знакомъ съ этой Деливрандой. Стоитъ тамъ красивая и богатая церковь, прославившаяся «чудотворной» статуей Богородицы, якобы врачующей въ разныхъ недугахъ и, въ особенности, помогающей дѣторожденію. Давно уже ходятъ туда богомольцы по нѣскольку разъ въ годъ; этимъ, разумѣется, воспользовались монахи. Вы найдете тамъ два большихъ женскихъ монастыря съ учебными заведеніями, куда отдаютъ своихъ дочерей богатые и родовитые люди. Тутъ помѣщается и миссіонерская община, тоже съ большими средствами: словомъ крупный клерикальный центръ. И мѣстечко смотритъ порядочнымъ городкомъ. Вы найдете и хорошіе отели, и магазины, и кафе, и аптеку. Казалось, гдѣ бы удобнѣе производить антиреспубликанскую пропаганду, какъ не въ такомъ гнѣздѣ чернаго и сѣраго люда? Когда я пожилъ недѣлю-другую въ этой приморской деревнѣ и познакомился немножко съ мѣстными жителями, изъ разговоровъ съ помощникомъ мэра, или съ адъюнктомъ, какъ называютъ ихъ,—я узналъ, что на предыдущихъ выборахъ жители Люка (такъ называется это купанье) вмѣстѣ съ другими общинами, въ томъ числѣ и съ Деливрандой, выбрали консервативнаго или, по просту

Digitized by Google

говоря, легитимистскаго депутата изъ дворянчиковъ, конно-заводчика и вице-президента какого-то мѣстнаго скаковаго общества.

Адъюнктъ мэра, мой пріятель—типическая личность. Каждый день по нѣскольку разъ, съ ранняго утра до сумерекъ, онъ производитъ на берегу, подъ навѣсомъ, на высокомъ каменномъ столѣ, аукціонъ морской рыбы. Онъ самъ былъ когда-то мореходомъ, отправлялся въ море, два раза въ годъ, къ берегамъ Шотландіи и Ирландіи за ловлей сельдей и рыбы макрò, бывалъ и въ южныхъ моряхъ, когда служилъ еще во флотѣ. Адъюнктъ не надѣялся на то, чтобы Люкъ высказалъ себя за республиканскаго депутата, но я былъ удивленъ, узнавши отъ него, что Деливранда уже сплошь республиканская, несмотря на то, что тамъ два женскихъ монастыря, миссіонерскій центральный домъ и множество всякаго пришлаго клерикальнаго люда.

Наступилъ день выборовъ. Дѣлается это очень тихо; особенно тихо прошла вся процедура въ нашемъ мѣстечкѣ. Выбираютъ обыкновенно въ воскресенье. Съ утра открыты были двери одного изъ училищъ (тамъ ихъ два, отдѣльно для дѣвочекъ и для мальчиковъ). Въ школьной залѣ за столомъ сидятъ мэръ, его помощникъ и еще два ассистента. На улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа, дежурили два молодыхъ крестьянина, раздававшихъ избирательные бюллетени тѣмъ, кто идетъ вотировать. Вотъ и все. Въ Деливрандѣ было гораздо оживленнѣе. Тамъ нашли мы даже (насъ отправилось цѣлое русское общество) порядочную толпу народа около мэріи.

Безъ всякой агитаціи, только путемъ наклеиванія афишъ и обращенія къ своимъ избирателямъ, республиканскій кандидатъ былъ выбранъ. Ни у насъ, ни въ Деливрандѣ не состоялось даже ни одной большой сходки. Кандидатъ явился только наканунѣ и обращался къ болѣе вліятельнымъ избирателямъ на частномъ сходбищѣ.

Такъ, вѣроятно, произошло и во множествѣ другихъ коммунъ Франціи. Какъ бы ни былъ нормандскій рыбакъ и огородникъ равнодушенъ или скептиченъ, онъ все-таки своимъ здравымъ смысломъ разсудилъ, что демократическіе порядки менѣе раззорительны, проще, не подвергнутъ его такимъ случайностямъ, какъ личная

Digitized by Google

фантазія какого-нибудь Наполеона III или Генриха V. Онъ читаетъ газеты и знаетъ, что въ послѣдніе годы государственное хозяйство пошло замѣчательно хорошо. Каждый мѣсяцъ дѣлается экономія въ нѣсколько милліоновъ, эта экономія идетъ на сокращеніе податей. И вотъ въ деревушкахъ и мѣстечкахъ, гдѣ до сихъ поръ еще много или очень равнодушныхъ избирателей, или наклонныхъ къ консерватизму, республика полегоньку, но прочно. пускаетъ корни.

Въ это время Парижъ, конечно, бурлилъ, но и то не во всѣхъ округахъ. Еслибы парижанинъ зналъ получше провинцію, деревню, онъ бы, конечно, поуспокоился, не вдавался бы ни въ безплодную непримиримость, ни въ излишній страхъ реакціи.

Я вернулся въ Парижъ тотчасъ послѣ выборовъ. Все еще было переполнено скандалами въ Бельвильскомъ округѣ, гдѣ такъ называемый «тайный диктаторъ Франціи» потерпѣлъ несомнѣнное пораженіе. Да, надо сказать правду, французы не могутъ еще отдѣлаться отъ культа выдающихся людей. Только одна республика, продолжительной практикой демократическаго строя, освободитъ французовъ отъ этого традиціоннаго расположенія не къ единовластію собственно, а къ личному обаянію. Теперь на долгій періодъ Гамбетта будетъ первымъ человѣкомъ, но уже совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ до выборовъ въ августѣ. Охотники до обобщеній вывели такой общій политическій фактъ для Франціи и спеціально для Парижа: выдающійся человѣкъ, какъ только онъ потеряетъ свою популярность въ крайней партіи, какъ только онъ перестанетъ быть идоломъ для того радикальнаго округа, который его впервые выдвинулъ,—пріобрѣтаетъ неизмѣримо больше шансовъ противъ прежняго: сдѣлаться вожакомъ огромнаго большинства въ представительствѣ и вообще во всей странѣ. Нельзя не сказать, что это наблюденіе довольно вѣрно, по крайней мѣрѣ, для Гамбетты. Онъ давно уже, болѣе пяти лѣтъ, производилъ давленіе на внутреннюю и внѣшнюю политику Франціи, но ни въ палатѣ, ни въ разныхъ слояхъ общества, ни въ разномысленныхъ оттѣнкахъ политическихъ партій онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ послѣ своего скандальнаго пораженія. Поговаривали и въ

Digitized by Google

началѣ прошлаго года, что ему бы слѣдовало быть первымъ министромъ, а не довольствоваться почетнымъ, но менѣе вліятельнымъ мѣстомъ президента палаты; но все-таки къ власти его не призывалъ президентъ республики. Многіе были убѣждены даже, что Греви никогда не согласится на это. Тутъ же, когда человѣкъ едва-едва прошелъ въ палату, когда ему грозила даже не только перебаллотировка, но кассація его выбора, имѣя за собою какихъ-нибудь ничтожныхъ девять тысячъ голосовъ въ томъ округѣ, который вытянулъ его, онъ черезъ нѣсколько недѣль становится, какъ-то самъ собою, первымъ кандидатомъ на мѣсто перваго министра въ новую сессію. И умѣренные республиканцы, и даже монархисты, и радикалы разныхъ оттѣнковъ, и масса буржуа, крестьянства, рабочихъ по всей Франціи соединяются въ одномъ чувствѣ довѣрія къ Гамбеттѣ—какихъ-нибудь два мѣсяца послѣ того, какъ онъ произнесъ свою избирательную рѣчь, гдѣ изложилъ программу, показавшуюся всѣмъ, (не только монархистамъ, но и умѣреннымъ республиканцамъ) чѣмъ-то страшнымъ по своему радикализму. И вотъ онъ, какъ вамъ извѣстно, первый министръ. Въ сущности всѣ довольны, и онъ самъ, повидимому, не боится, что парижскіе *непримиримые* заставятъ его скоро слетѣть съ его поста, подготовятъ ему въ томъ или другомъ видѣ повтореніе сцены въ Бельвилѣ.

II.

Греви и Гамбетта. — Нравы президента.—Скромная обстановка высшей власти.—Новый полицейскій префектъ.—Борьба проституціи съ морализмомъ.—Полиція нравовъ и ея подвиги.

Но быть первымъ министромъ — обоюдоострый мечъ. Тутъ не поможетъ одна популярность или тайное обаяніе на страну и на различныя партіи. Отъ такого человѣка, какъ Гамбетта, потребуютъ усиленной иниціативы, что̀ уже и начинается теперь. Въ министерствѣ должна быть руководящая идея, роли слѣдуетъ распредѣлить между настоящими талантами, а не довольствоваться по-

Digitized by Google

лезностями. На дѣлѣ теперь дошло до того, что программы, съ какими власть выступаетъ, оказываются гораздо шире выполненія; люди ниже своей задачи. То же самое было и съ министерствомъ Жюля Ферри. Гамбеттѣ предстоитъ дать рядъ представленій, напоминающихъ спектакли съ тѣми знаменитостями, которыя объѣзжаютъ Америку и Европу, въ родѣ Ристори, Росси, Сарры Бернаръ. Одна звѣзда — и кругомъ посредственности, или же и способные люди, но стоящіе всегда въ хвостѣ этой звѣзды.

Мы не будемъ однако же забѣгать впередъ и предсказывать, какъ долго выдержитъ министерство Гамбетты свою позицію, сумѣетъ ли оно сдѣлать что-нибудь крупное или истощится въ мелкой парламентской вознѣ. Лучше посмотримъ на то, какъ выгодно, сравнительно съ ролью тайнаго диктатора Франціи, положеніе человѣка, носящаго оффиціально званіе главы государства. Съ кѣмъ бы вы ни заговорили — съ крестьяниномъ, съ сельскимъ мэромъ, съ рабочимъ, съ лавочникомъ или съ журналистомъ — почти всѣ вамъ скажутъ одно и то же:

— Нашъ президентъ—честный человѣкъ. У него нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Выйдетъ срокъ его службѣ, онъ уйдетъ преспокойно и будетъ даже очень радъ. C'est un homme qui aime ses aises.

Но не подумайте, чтобы этотъ человѣкъ, любящій покладливую жизнь, «съ прохладцей»,—какъ говорятъ въ Москвѣ,—чтобы онъ игралъ всегда пассивную роль, былъ пѣшкой въ рукахъ своихъ первыхъ министровъ. Далеко нѣтъ. Это — натура крѣпкая, жилистая, здоровая, уравновѣшенная. Жюль Греви родомъ изъ гористой мѣстности юго-восточной Франціи. Никто ему не дастъ семидесяти лѣтъ; до сихъ поръ онъ охотникъ, биллiардный игрокъ, страстный деревенскій хозяинъ и любитель природы. Совершенная правда, что онъ не любитъ ни волноваться, ни много писать, въ особенности, писемъ; не отличается большой аккуратностью, ни той постоянной нервной юркостью, какая замѣчалась, напр., во французскихъ общественныхъ дѣятеляхъ въ родѣ Тьера или Эмиля Жирардена. Президентъ республики имѣетъ даже репутацію человѣка лѣниваго, хотя его карьера говоритъ, что онъ постоянно работалъ и соста-

Digitized by Google

вилъ себѣ хорошія средства адвокатской практикой. Онъ не суетъ носа въ то, что̀ можетъ пойти безъ него, но имѣетъ свои взгляды, симпатіи; очень твёрдъ въ извѣстныхъ политическихъ принципахъ и не сталъ бы ни подъ какимъ видомъ держать около себя перваго министра, съ которымъ онъ, въ данную минуту, не спѣлся.

Въ прошломъ году, до новыхъ выборовъ, газеты и крупныя, и мелкія, и серьезныя, и скандальныя, очень много сплетничали о тайной враждѣ, существующей между Греви и Гамбеттой. Но это были только сплетни. Очень можетъ быть, что Греви считалъ и до сихъ поръ считаетъ Гамбетту рискованнымъ въ своей внутренней политикѣ; вѣроятно, бывшій первый министръ, Жюль Ферри, поддерживалъ въ президентѣ нѣкоторое отдаленіе отъ тайнаго диктатора, но Гамбетта велъ себя съ большимъ тактомъ, можно сказать, съ чисто флорентинской ловкостью. Вездѣ, гдѣ онъ ни говорилъ, на безчисленныхъ банкетахъ и общественныхъ сходкахъ, разливался онъ въ похвалахъ гражданскимъ добродѣтелямъ главы государства, указывалъ на то, какое пріобрѣтеніе сдѣлала Франція въ лицѣ этого честнаго и скромнаго республиканца. Случалось Гамбеттѣ проговариваться, позволять себѣ говорить вещи какъ бы угрожающаго свойства, но это только по внѣшности. На дѣлѣ Гамбетта и Греви вели себя, какъ партнеры въ вистѣ; временно они могутъ и не ладить, даже перекоряться о томъ или другомъ ходѣ, но въ концѣ концовъ между ними есть стачка, и стачка, — что̀ касается Греви, — неизбѣжная въ демократическомъ государствѣ. Греви поджидалъ той минуты, когда министерство Жюля Ферри не отвѣчало больше составу палаты, а Гамбетта изъ баловня парижской рабочей массы превратился, въ глазахъ ея, въ тайнаго реакціонера; тогда президентъ республики нисколько не затруднился поручить ему составить министерство.

Всѣ эти факты понятны и вообще; но вотъ что особенно пріятно видѣть теперь въ Парижѣ. Тамъ, гдѣ не больше двѣнадцати лѣтъ тому назадъ власть была окружена фальшивымъ блескомъ, всѣмъ аппаратомъ низкопоклонства и театральной игры въ цезаря,—теперь она сдѣлалась простымъ отправленіемъ государственнаго организма. Президентъ сидитъ себѣ въ своемъ Елисейскомъ дворцѣ,

Digitized by Google

показываться въ публикѣ не любитъ, на пріемахъ онъ простой смертный, немного даже тяготящійся необходимостью изображать изъ себя главу государства. Пріѣдетъ онъ, уѣдетъ — газеты объ этомъ упомянутъ, какъ упоминаютъ обо всякомъ выдающемся человѣкѣ. Послѣ выборовъ, когда президентъ республики вернулся изъ деревни, это возвращеніе произошло до крайности просто и незамѣтно: ни лишнихъ овацій, ни толпы чиновниковъ въ мундирахъ. Пріѣхали двѣ казенныя кареты; Греви помѣстился въ нихъ съ своимъ семействомъ и двумя приближенными чиновниками, и только. Былъ, кажется, на дебаркадерѣ полицейскій префектъ. И такъ какъ все это происходитъ во Франціи въ штатскомъ платьѣ, то бо́льшей демократической простоты и желать трудно; врядъ-ли есть какая разница, въ этомъ отношеніи, между пріѣздомъ президента французской республики и возвращеніемъ президента въ столицу Соединенныхъ Штатовъ.

Вотъ это-то и бѣситъ всѣхъ реакціонеровъ Парижа и Франціи! Имъ нужны раззолоченныя кареты, панаши и страусовыя перья на холкахъ лошадей, пикёры впереди и эскортъ тѣлохранителей сзади и кругомъ. Они никакъ не могутъ переварить того факта, что столица міра, куда до сихъ поръ приливаетъ весь блескъ, богатство, изящество и умъ Европы, подчинена волѣ демократическаго большинства, что разные короли въ изгнаніи, претенденты, обанкрутившіеся честолюбцы и обезславившіе себя политическіе авантюристы, какъ бы они ни были чистокровны и бѣлокостны, составляютъ только аксесуары того зрѣлища, какое Парижъ даетъ всему человѣчеству. Имъ мало того, что республиканское правительство терпитъ разныя выходки, чванство сословнаго духа, династическихъ притязаній, средневѣковой феодальной гордыни, что никто не мѣшаетъ всѣмъ этимъ состоящимъ не у дѣлъ дамамъ и кавалерамъ, каждый день, и въ Булонскомъ лѣсу, и въ оперѣ, и на балахъ, вездѣ гдѣ только можно показать себя,—производить выставку своихъ претензій, своей дерзкой, вызывающей ретроградности. И не забудьте, что все это конспирируетъ въ разныхъ размѣрахъ, такъ же, какъ и опереточный король Генрихъ V. Ужь если кому возмущаться, то, конечно, истинно строгимъ рес-

Digitized by Google

публиканцамъ; да и менѣе строгіе могутъ съ полнымъ правомъ находить, что до сихъ поръ въ Парижѣ много еще всей этой средневѣковой сутолоки, всего этого, враждебнаго республикѣ, чванства и реакціонерства. Просмотрите вы журналы, занимающіеся новостями, и не одинъ «Фигаро», а десятокъ: цѣлые столбцы въ нихъ наполнены извѣстіями, сплетнями и пересказами всевозможнаго вздора о высокопоставленныхъ и титулованныхъ особахъ обоего пола. Подумаешь, право, что живешь въ меттерниховское время, въ какой-нибудь «священной римской имперіи!» Всѣ эти журналисты только и занимаются, что разными изгнанными вѣнценосцами, перечисляютъ свадьбы, похороны, поѣздки, балы, вечера, охоты и новоселья у титулованныхъ особъ, съ видимой аффектаціей придаютъ значеніе каждому вздору изъ этой праздной и нахально-пустой жизни... Такія замашки, конечно, неприличны республикѣ, но вѣдь надо знать, кто ихъ поддерживаетъ, каковы эти журналисты, вѣстовщики и репортеры. Вѣдь все это питомцы Вильмессановъ и другихъ Скапеновъ и Криспеновъ второй имперіи. Поговорите вы съ парижаниномъ, недовольнымъ теперешними политическими порядками; онъ вамъ будетъ доказывать, что до сихъ поръ хорошее общество, Парижъ изящества, блеска, тонкихъ манеръ и благородныхъ традицій есть Парижъ благорожденный, не желающій поддаваться разрушительнымъ идеямъ вѣка, что онъ собственно только и играетъ роль, а остальное, все это—пошловатая комедія, какой-то маскарадъ лакеевъ, переряженныхъ въ господъ.

Такой парижанинъ, разумѣется, говоритъ вздоръ, желая завѣрить насъ, что Франція все еще въ рукахъ людей стараго режима; но двойственность, противорѣчіе между демократическимъ строемъ государства и жизнью блестящихъ парижскихъ сферъ несомнѣнны. Такъ будетъ еще долго идти; можетъ быть, оно и никогда не прекратится; только впослѣдствіи, какъ и въ Америкѣ, станетъ господствовать одинъ капиталъ, и разжившіеся буржуа до тѣхъ поръ будутъ тѣшить свое тщеславіе, играть въ аристократизмъ, пока это будетъ въ модѣ. А тѣмъ временемъ демократизмъ учрежденій и нравовъ пойдетъ своей параллельной полосой. Какъ тамъ ни претендуй, ни злословь и ни ехидствуй, а все-таки глава государ-

Digitized by Google

ства—простой адвокатъ самаго скромнаго происхожденія; первый министръ и глава дипломатіи — сынъ мелкаго лавочника, а его товарищъ, подъ командой котораго будутъ теперь всѣ титулованные послы и повѣренные въ дѣлахъ (если только они пожелаютъ остаться на службѣ) — тоже не потомокъ эльзасскихъ рыцарей, а журналистъ самаго не аристократическаго вида, смахивающій на нѣмецкаго фермера.

Новые выборы дали и новаго хозяина городу Парижу, — т. е. полицейскаго префекта. Хотя это и случилось какъ бы отдѣльно, но бывшему префекту Андріё нельзя было оставаться на своемъ мѣстѣ по тому же, почему и Жюль Ферри ушелъ съ своего поста. Только полицейскій префектъ споткнулся на чисто парижской зацѣпкѣ, и на ней споткнется еще нѣсколько префектовъ, до тѣхъ поръ, пока республиканцы разныхъ оттѣнковъ, вплоть до радикаловъ, не убѣдятся въ необходимости отмѣнить одинъ видъ полицейскаго надзора.

Это такъ называемая полиція нравовъ. Обыкновенно иностранцы восхищаются тѣмъ, что въ Парижѣ полицейская власть такъ энергически надзираетъ за уличными нравами. Даже англичане начинаютъ жаловаться на полную распущенность, какая существуетъ на улицахъ Лондона, и требуютъ нарушенія вѣковыхъ принциповъ личной свободы, во имя морали. И французскіе республиканцы, играя въ якобинцевъ, думаютъ, что государство имѣетъ право, въ лицѣ полицейскихъ агентовъ, производить насиліе, попирать каждый день основныя гарантіи, предоставленныя каждому гражданину и каждой гражданкѣ французской республики. И вотъ на этомъ-то пунктѣ идетъ постоянно весьма интересная борьба между крайней радикальной прессой Парижа и полицейскими префектами. Андріё, послѣдній префектъ, и вообще-то слишкомъ безцеремонно поступалъ съ парижанами, хотя и попалъ въ палату, какъ республиканецъ чистой воды. Стоитъ только припомнить, какъ онъ дѣйствовалъ на разныхъ, совершенно неопасныхъ и мирныхъ сборищахъ, въ родѣ, напримѣръ, сборища на кладбищѣ Père Lachaise, весной 1880 года, когда толпа собралась туда почтить могилы коммунаровъ, варварски избитыхъ солдатами Тьера и Галифэ. Андріё

Digitized by Google

явился самъ, какъ главнокомандующій, засѣлъ съ утра въ одной изъ аллей кладбища, нагналъ туда цѣлый полкъ сержантовъ; а сама демонстрація оказалась до такой степени чинной и безобидной, что весь этотъ аппаратъ полицейскаго усердія получилъ шутовской колоритъ. Ровно черезъ годъ случилась самая обыкновенная вещь: въ одномъ изъ пассажей большихъ бульваровъ агенты полиціи нравовъ арестовали какую-то даму, которая якобы являлась уже нѣсколько разъ и ходила въ одномъ и томъ же мѣстѣ пассажа... Дама эта была продержана нѣсколько дней подъ арестомъ и съ ней хотѣли обойтись такъ, какъ обходятся въ Парижѣ и у насъ, и вездѣ, гдѣ есть полиція нравовъ... Она оказалась не француженкой по мужу, а бельгійкой. Ее стала защищать радикальная пресса, въ особенности одинъ дешевый ежедневный журналъ. Нашлись у нея и адвокаты. Начался процессъ. Префектъ Андріе выходилъ защищать себя и своихъ чиновниковъ на трибуну палаты и сдѣлалъ это безтактно: вмѣсто того, чтобы оправдывать только себя, онъ началъ приводить негласныя полицейскія дознанія, показывающія будто-бы, что эта дама (ея фамилія госпожа Эденъ) отличалась уже давно самымъ предосудительнымъ поведеніемъ.

Въ журнальныхъ кружкахъ, когда я пріѣхалъ въ Парижъ, въ концѣ нашего мая, все гудѣло «исторіей» съ госпожей Эденъ. Разсказывали вотъ что: эта дама,—дѣйствительно, довольно легкихъ нравовъ, побывавшая и въ актрисахъ,—уговорилась съ редакціей того журнала, который всего сильнѣе нападалъ на префекта, разыграть роль одной изъ женщинъ, являющихся на бульварѣ и въ пассажѣ въ опредѣленные часы. Агенты пошли на эту ловушку, а остальное разыгралось совершенно такъ, какъ желала редакція радикальной газеты. И префектъ слетѣлъ, правда выйдя въ отставку по собственному желанію и по другому, внѣшнему, мотиву—вслѣдствіе столкновенія съ муниципальнымъ совѣтомъ и проэкта преобразованія префектуры, съ которымъ онъ не былъ согласенъ.

Слетѣлъ одинъ префектъ, назначенъ былъ другой, болѣе либеральный, также свѣтскій человѣкъ, какъ и Андріё, ловкій и щеголеватый чиновникъ. Но, желая поддѣлаться подъ якобинское обезьянство, онъ началъ еще усиленнѣе Андріё очищать Па-

Digitized by Google

рижъ. Въ этомъ дѣлѣ есть двѣ стороны: одна почтенная, достойная сочувствія, отвѣчающая требованіямъ и желаніямъ парижскаго честнаго населенія. Очень многіе представители города Парижа, члены муниципальнаго совѣта, обращались и до сихъ поръ обращаются къ префекту полиціи съ просьбой обратить вниманіе на нѣкоторые притоны, на скопленіе по ночамъ въ бойкихъ кварталахъ всякаго подозрительнаго люда: бродягъ и класса падшихъ мужчинъ, названныхъ давно уже альфонсами. Надо замѣтить, что между этими альфонсами и полиціей вообще, а въ особенности полиціей нравовъ, существуетъ непримиримая вражда. Полицейскіе агенты (я самъ въ этомъ убѣдился) гораздо снисходительнѣе относятся къ женщинамъ; у нихъ даже, строго говоря, и нѣтъ никакого особеннаго желанія безпощадно ловить ихъ и отправлять въ кутузку, но къ ихъ возлюбленнымъ агенты имѣютъ родъ остервененія. И не разъ, въ послѣднее время, въ отдаленныхъ кварталахъ шли въ ходъ ножи. У полиціи есть всегда возможность разгонять скопища такого народа, ловить вагабондовъ, ставя агентовъ хоть въ любой кабакъ или любой кафе, какъ это дѣлается и въ Лондонѣ, гдѣ обыкновенно въ подозрительныхъ тавернахъ на берегу Темзы всегда найдете дежурнаго полисмена. Но другая сторона,—относящаяся уже прямо къ полиціи нравовъ, гдѣ дѣло идетъ исключительно о женщинахъ,—остается и безплодной, и возмутительной по своей практикѣ. Нужды нѣтъ, что многіе муниципальные совѣтники, журналисты, депутаты, считающіе себя чистой крови якобинцами, стоятъ за такой произвольный надзоръ. Въ другомъ мѣстѣ я уже разсказывалъ, какъ въ Парижѣ образовалось общество, на половину женское, съ цѣлью добиваться уничтоженія этого надзора. Здѣсь я не стану повторять подробностей; разскажу только то, что я нашелъ по возвращеніи въ Парижъ, въ концѣ августа, когда новый полицейскій префектъ уже поочистилъ бульвары и прилегающія къ нимъ улицы. Господинъ Камескасъ (имя новаго префекта) пожелалъ на первыхъ же порахъ отличиться передъ республиканцами, напрасно воображающими, что полиція нравовъ есть демократическое учрежденіе. Онъ началъ производить совершенныя облавы. Отъ альфонсовъ онъ пообчистилъ и наруж-

Digitized by Google

ные бульвары, гдѣ они даже грабили, и улицу Монмартрскаго предмѣстья; ближайшая ея половина къ большому бульвару полна marchands de vin и café, гдѣ обыкновенно по ночамъ собираются господа альфонсы и дожидаются своихъ подругъ, которыхъ они тутъ же и очищаютъ отъ всей ихъ денежной добычи. Ловля женщинъ, аресты, скандальныя сцены происходили нѣсколько дней сряду... Бульвары, повидимому, пообчистились, но на дѣлѣ вышло только переваливаніе изъ кулька въ рогожку... Съ одного бульвара перекочевали на другой, а недѣли черезъ двѣ все пошло по старому. Такъ оно и будетъ идти всегда. Всѣ эти Андріё, Камескасы и будущіе префекты воображаютъ въ своемъ чиновничьемъ высокомѣріи, что съ общественнымъ организмомъ можно поступать, какъ съ неодушевленнымъ предметомъ, и Парижъ учитъ каждаго изъ этихъ господъ уму-разуму. Префектъ слетитъ; уличные нравы останутся тѣ же. Мнѣ нечего распространяться о томъ, какъ подобная очистка попираетъ всякія гражданскія права личности, не говоря уже о частыхъ ошибкахъ, объ арестованіи вполнѣ безупречныхъ женщинъ. Тутъ для насъ поучительно то, что и въ республикѣ депутаты-чиновники, представители города, считающіе себя демократами, до сихъ поръ являются жертвами своего доктринерства, своихъ дурныхъ якобинскихъ замашекъ.

П. Боборыкинъ.

(До слѣдующаго №).

Digitized by Google

Улыбка и слезы.

Во всѣ вѣка поэтовъ грезы
Вѣщали намъ: «жизнь—тяжкій сонъ;
Рѣкой людскія льются слезы,
Страданью міръ нашъ обреченъ!
Горька, тяжка людская доля,
Какъ рабства жалкая неволя,
Какъ стихъ изгнанника-пѣвца;
Горька, какъ даръ любви постылой,
Какъ слово правды надъ могилой
За правду павшаго бойца.»

Друзья, не вѣрьте! въ заблужденье
Увлекъ васъ жалкій сердца бредъ:
Улыбка—счастья выраженье,
Слеза—тоски тяжелый слѣдъ:
Но гдѣ-жъ тоски примѣты эти?
Капризно плачутъ только дѣти,
Да тѣ, разсудокъ въ комъ угасъ;
А мы... мы молвимъ безъ ошибки:
Вездѣ встрѣчаемъ мы улыбки,
А слезы рѣдки, какъ алмазъ.

Имѣютъ слезы лишь значенье
Въ жилищѣ мертвыхъ: ночь темна,
Пустынно, мрачно; въ отдаленьѣ
Кресты, могилы... Тишина;
Лишь вихрь осенній завываетъ,
Его протяжный дикій свистъ
Страдальцевъ стонъ напоминаетъ...
Упалъ, кружась, съ березы листъ;
Съ куста на кустъ перепорхнули
Ночныя птицы; промелькнули
Двѣ тѣни... вотъ видны опять...
А вѣтеръ стонетъ съ новой силой!—

Digitized by Google

Нѣтъ, то надъ раннею могилой
Въ тоскѣ безумной плачетъ мать.
«Пора, уйдемъ, уйдемъ, родная!»
Рыданьямъ слышится въ отвѣтъ—
«Могила жадная, нѣмая,
Намъ дастъ-ли милаго привѣтъ?
Отвергнутый толпой холодной,
Въ борьбѣ неравной и безплодной
Палъ бѣдный братъ мой!.. мы однѣ!
Помочь намъ люди обѣщали,
Но такъ противенъ видъ печали...
Веселой быть велѣли мнѣ!
Свѣтъ полонъ ищущихъ работы,
Но тѣ, кому нашъ нуженъ трудъ,
Боятся тягостной заботы;
Невѣдомъ міръ имъ нашихъ нуждъ!
Кто сытъ—не любитъ недовольныхъ:
Имъ видъ страданій, слезъ невольныхъ,
Укоромъ можетъ послужить!
А я, сказали мнѣ, имѣю
Даръ чудный, мама, я умѣю
Улыбкой счастіе дарить.
Но мнѣ такъ холодно, такъ больно
Отъ слезъ твоихъ!»—«Дитя мое,
Какъ быть? я слезы лью невольно;
Онъ былъ мнѣ жизнь, онъ былъ мнѣ... все!
Я съ нимъ»... «Ахъ, мама, знаю, знаю!
Но я въ тоскѣ изнемогаю,
Ужели вѣкъ намъ слезы лить?
Пустынно, мрачно... ночь глухая...
Мнѣ страшно!!..»—«Дочь моя родная,
Здѣсь смерть, а мнѣ... такъ сладко жить!»—
«Уйдемъ!..» Идутъ дорогой дальней.
Сквозь тучки блѣдная луна

Digitized by Google

Свой свѣтъ холодный и печальный
Даритъ двумъ спутницамъ: одна
Блѣдна немножко отъ волненій,
Но свѣтлыхъ, радужныхъ видѣній
Предъ ней встаетъ, кружится рой;
Едва за нею поспѣвая,
Тяжелой поступью, другая
Идетъ съ поникшей головой.

И вотъ ночь новая настала:
Опять кладбище, тишина;
Сквозь тьмы густое покрывало
Рождаетъ призраки луна.
И предъ завѣтною могилой
Та-жъ мать въ слезахъ; но прежней, милой
Съ ней спутницы давно ужь нѣтъ!
Спокойной быть ее не просятъ...
Лишь вихри буйные разносятъ
Ея тоски безумный бредъ...

Для міра—тайна эти слезы:
Звучитъ имъ эхо лишь въ отвѣтъ;
Ихъ видятъ ивы, да березы,
Имъ звѣзды шлютъ нѣмой привѣтъ;
Рукой привычною и сильной
Взрывая землю, стражъ могильный
Имъ внемлетъ въ сумракѣ ночей;
Ихъ геній смерти отмѣчаетъ
И въ урну общую слагаетъ
Всѣхъ человѣческихъ скорбей.

Но духъ другой есть шаловливый:
Являясь въ міръ съ разсвѣтомъ дня,
Маня насъ пляской прихотливой,
Надеждой призрачной дразня,
Надъ горемъ міра такъ жестоко,

Digitized by Google

Такъ заразительно-глубоко
Хохочетъ онъ,—что насъ порой
Своимъ весельемъ увлекаетъ
И насъ смѣяться заставляетъ
Въ тяжелый часъ кручины злой.

И вотъ, войдя въ семью любую,
Вездѣ встрѣчаемъ мы привѣтъ;
Бесѣду шумную, живую
Ведетъ съ сосѣдкою сосѣдъ.
Съ веселымъ смѣхомъ въ часъ досуга
Встрѣчаемъ недруга и друга,
Ведемъ съ улыбкой разговоръ;
Съ улыбкой братьевъ провожаемъ
На бой кровавый... и встрѣчаемъ
Съ улыбкой къ смерти приговоръ.

Нѣтъ спору: холодно и жутко
Отъ тѣхъ улыбокъ; лжи печать
На нихъ лежитъ; но этой шуткой
Доволенъ міръ; велитъ онъ лгать.
Онъ горе, слезы ненавидитъ,
Печали искренность гнететъ,
И въ томъ героя только видитъ
Въ глаза кто смерти даже лжетъ.

Друзья, не вѣрьте же поэтамъ:
Безуменъ ихъ и жалокъ бредъ;
Своимъ нытьемъ, по всѣмъ примѣтамъ,
Они наносятъ міру вредъ.
Ну гдѣ же, гдѣ страданья эти,
Гдѣ слезы? Плачутъ только дѣти,
Да развѣ тѣ, кто слабъ умомъ;
А мы... Мы молвимъ безъ ошибки:
На свѣтѣ царствуютъ улыбки,
Съ слезами-жъ міръ нашъ незнакомъ!

С. Г.

Digitized by Google

ФОСТЭНЪ.

Романъ Эдмонда Гонкура.

I.

Надъ фосфорическимъ моремъ, подъ усѣяннымъ звѣздами небомъ, стояла темная ночь.

На выступѣ берега, о который била съ жалобнымъ стономъ волна океана, тянулись по землѣ человѣческіе силуэты—тѣла безъ формъ, лица безъ очертаній. Смутно виднѣлись двѣ женщины: одна изъ нихъ лежала, вытянувшись на спинѣ, закинувъ на голову руки вѣнкомъ и устремивъ глаза на звѣзды; другая помѣстилась, мягко свернувшись, въ упиравшихся въ нее ногахъ первой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ двухъ женщинъ, сидѣли на землѣ, спинами вмѣстѣ, трое мужчинъ, темныя лица которыхъ освѣщались иногда огонькомъ вспыхивавшей сигары.

Морской вѣтеръ приподнималъ по временамъ мягкую одежду неподвижныхъ и какъ бы уснувшихъ женщинъ, и тогда по ихъ формамъ, которыя обрисовывались подъ его мощнымъ дыханіемъ, пробѣгала, мелкой зыбью, легкая ткань ихъ платьевъ. Грандіозный видъ моря и неба, монотонный говоръ лѣнивой волны, прелесть ночи и какая то истома на душѣ прервали разговоръ.

И вдругъ, по поводу одного имени, произнесеннаго кѣмъ-то четверть часа назадъ, въ темнотѣ и безмолвіи, поднялся голосъ женщины, которая лежала на спинѣ, и она начала, какъ будто во снѣ и постепенно припоминая:

— Нѣтъ... между нами еще не было ничего, кромѣ поцѣлуя...

Digitized by Google

поцѣлуя, который, помню, я дала ему, поднявшись на пальцы черезъ ширмы, за которыми одѣвалась... Онъ ѣхалъ на вечеръ въ свое посольство... Эти англичане если дурны, то ужь ни на что не похожи... но если хороши... къ тому же онъ былъ похожъ на свою мать, француженку... Только три мѣсяца спустя послѣ этого, я поѣхала играть въ Брюссель... Онъ велѣлъ приготовить мнѣ комнату въ Отель-де-Фландръ... да, именно въ этомъ... Эта ночь, о! незабвенная ночь... Любовь вѣдь не только въ самомъ возлюбленномъ... Развѣ намъ не случается любить человѣка за ту обстановку, при которой мы его полюбили?... Очень странный былъ этотъ отель... изъ стѣнъ его лилась нѣжная, невыразимо нѣжная музыка... И его поцѣлуи почти щекотали меня, пробѣгая по тѣлу вмѣстѣ съ звучной волной... звучной волной, которая лилась изъ подъ подушки... а вдали неслась буря гармоніи, которая какъ будто поднимала меня на небо... Я чувствовала, что къ его ласкамъ примѣшивалось что-то божественное... Вы, можетъ быть, скажете, что это глупо, только эта первая ночь оставила во мнѣ воспоминаніе такой любви, какую можно себѣ представить у ангеловъ... Да, на другой день, я узнала, что этотъ Отель-де-Фландръ былъ смеженъ съ церковью св. Жака и что органъ помѣщался у той стѣны, гдѣ стояла наша кровать. Словомъ, я не знаю, какъ и почему это случилось, но только вѣрно то, что единственный человѣкъ, котораго я любила настоящей любовью, былъ—онъ!

— Фостэнъ, дорогая моя, не можете ли вы нѣсколько пощадить ревность патрона, сказалъ мужской голосъ, въ которомъ, подъ шутливымъ тономъ, слышалось уязвленное сердце.

— Морской воздухъ совсѣмъ сбилъ васъ съ толку, другъ мой, отвѣчала съ спокойной ироніей женщина. Вы—практическій биржевикъ... Оставайтесь по прежнему настоящимъ парижаниномъ и съ вашимъ умомъ... Мы съ вами вѣдь супруги, — не правда-ли? — а не влюбленные!

И отвернувшись, Фостэнъ взглянула на горизонтъ, гдѣ, надъ слабо свѣтящейся полосой моря, обрывки темныхъ облаковъ расплылись по окраинѣ неба, словно вырѣзанными изъ чернаго дерева,

Digitized by Google

драконами. Возбужденная прелестью ночи, она продолжала прерванныя признанія.

— За этимъ эпизодомъ слѣдовало продолженіе... Вильямъ увезъ меня, черезъ нѣсколько времени, въ какой то замокъ въ Шотландіи... Не знаю, да я никогда и не старалась припомнить, въ какомъ это было графствѣ. Я люблю эти воспоминанія, люблю то одиночество и смутное, близкое къ сомнамбулизму состояніе, въ которомъ я жила въ то время... Полуразрушенный замокъ посреди парка, который облегалъ его съ каждымъ годомъ все ближе и ближе... и дѣлалъ похожимъ на какое то лѣсное жилище... зелень, блѣдная, блѣдная, какая должна быть въ чистилищѣ, когда ее волнуетъ грустный осенній вѣтеръ... О! что за прелестная вещь была въ этомъ замкѣ... Стадо бѣлыхъ павлиновъ, которые разсаживались въ сумерки на крыльцѣ, по лѣстницамъ, на окнахъ... Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, какой эффектъ производили въ сумерки эти неподвижныя бѣлыя птицы на старыхъ камняхъ и на мху по стѣнамъ... Когда вставала луна, амбразуры оконъ, казалось, наполнялись душами умершихъ невѣстъ въ подвѣнечныхъ бѣлыхъ платьяхъ... Удивительно, что я ни въ одной волшебной пьесѣ никогда не встрѣчала этой декораціи... Странное, однако, было это существованіе... Минутами, я была не вполнѣ увѣрена, что дѣйствительно живу... Все-таки это былъ лучшій мѣсяцъ изъ всей моей жизни... Время безъ теченія, дни безъ часовъ...

— И з н а т н ы я ночи! подхватила лежавшая у Фостэнъ въ ногахъ женщина.

Фостэнъ отвѣтила на это, толкнувъ ее слегка ногой, которую та поцѣловала смѣясь въ щиколку, проговоривъ:— Полно, дай намъ немножко побалагурить, сестра!

— И то правда, ты уже такъ давно угощаешь насъ этой музыкой, Жюльетъ! вскричалъ веселый молодой голосъ.

— Я кончила, милый мой! отвѣчала Фостэнъ, нервно вскочивъ на ноги,—и думаю, что пора идти пить чай!

— Скажите пожалуйста! началъ молчавшій до сихъ поръ мужчина, когда окончательно назначенъ вашъ дебютъ въ Федрѣ на

Digitized by Google

французскомъ театрѣ? Нашей газетѣ хотѣлось бы объявить его теперь же.

— Я думаю, мѣсяца черезъ два, самое большее черезъ десять недѣль.

— Нѣтъ ли какихъ нибудь порученій къ Карсонаку? продолжалъ онъ, раскланиваясь.

— Благодарю васъ, никакихъ, отвѣчала Фостэнъ,—мой возлюбленный получитъ мою особу обратно послѣ завтра.

— Прощайте, Бланшронъ, до свиданья, милѣйшій Люзи... да, я возвращаюсь сейчасъ съ ночнымъ поѣздомъ въ Гавръ.

Фостэнъ взяла подъ руку сестру и начала подниматься въ сопровожденіи двухъ друзей въ С.-Адрессъ, по крутому и узкому переулку, къ новенькой, только что отстроенной, каменной дачѣ.

II.

На кругломъ столѣ, между двухъ мѣшковъ конфектъ съ именами Буасье и Сиродена, стояло блюдо куропатокъ съ капустой и салатникъ съ салатомъ, отъ котораго пахло уксусомъ.

Въ будуарѣ, гдѣ былъ поданъ завтракъ, по дивану, который шелъ вокругъ комнаты, валялись принадлежности женскаго туалета, а по угламъ, на этажеркахъ Буля, стояло въ безпорядкѣ множество фарфоровыхъ рѣдкихъ и дорогихъ бездѣлушекъ, въ перемежку съ грошовыми вещицами въ родѣ паяца въ черной головной повязкѣ, изъ дутаго стекла, который безпрестанно терялъ равновѣсіе и падалъ, когда его задѣвала хвостомъ, постоянно кружившаяся, золотая рыбка.

Позади столовыхъ часовъ—прелестнаго художественнаго произведенія прошлаго столѣтія, съ изображеніемъ статуэтки, оживающей отъ страстнаго обожанія Пигмаліона, который стоялъ на колѣняхъ у ея ногъ на бѣлой мраморной дощечкѣ—была заткнута за зеркало визитная карточка одного актера изъ Пале-Рояля: глянцевитый картонъ, представлявшій машинку для чистки гребня, на которой съ точностью и большимъ искусствомъ были переданы выломанные зубья гребешка, вмѣстѣ съ паразитами.

Digitized by Google

Черезъ полуотворенную дверь, виднѣлась, въ подозрительномъ полумракѣ, неубранная еще уборная со скомканными полотенцами и старыми засохшими половинками лимона; мускусный запахъ уборной смѣшивался въ столовой съ запахомъ капусты и папиросныхъ окурковъ.

Три женщины, одна помѣщавшаяся на стулѣ, другая—на табуреткѣ и третья—на скамеечкѣ, тѣснились и жались около сестры Фостэнъ, ѣли куропатку и доставали осторожно, кончиками пальцевъ, то листикъ салата изъ салатника, то конфекты изъ мѣшка. Самая грудистая изъ нихъ, растрепанная, въ разстегнутомъ платьѣ,—чтобы до отвалу наѣсться,—даже сняла корсетъ, который лежалъ тутъ же на стулѣ.

Это была толстая Мумуттъ, бывшая лоретка съ буржуазными стремленіями, которая кончила тѣмъ, что вышла замужъ за капельмейстера какого-то оркестра на бульварѣ дю-Кримъ,—сорокалѣтняя женщина, сохранившая на своемъ заплывшемъ отъ жира лицѣ кроткіе дѣтскіе глаза.

Самая младшая была семнадцати или восемнадцатилѣтняя дѣвочка съ умнымъ и порочнымъ выраженіемъ на хитромъ личикѣ, въ промокшихъ башмакахъ, одѣтая, какъ потаскушка Латинскаго квартала, съ крикливымъ голосомъ и употреблявшая часто въ разговорѣ медицинскіе термины. Она жила пока тѣмъ, что̀ заработывала переводами Дарвина въ газеты и журналы, и называлась ребяческимъ именемъ: Лиллетъ.

Третья—молчаливая, лѣтъ двадцати шести женщина, съ нервно вздрагивающимъ тѣломъ, матово-блѣднымъ лицомъ, которое безпрестанно оживлялось слабымъ румянцемъ загоравшейся крови, съ темными голубыми глазами и пышной прической, изъ подъ которой виднѣлось тонкое очертаніе висковъ и изящныя, точно точеныя, прозрачныя уши. Одѣта она была, какъ одѣвалась постоянно и дома, и въ гостяхъ, въ бѣлый пикэ-капотъ и небольшой, завязанный по дѣтски, на спинѣ, платокъ ярко краснаго китайскаго крепа; туалетъ, при которомъ ярче выдѣлялась ея правильная красота и поверхъ котораго она накинула шубу, выѣхавъ утромъ въ открытой колескѣ. Занимаясь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дресси-

Digitized by Google

ровкой дѣвушекъ высшаго свѣта, Жозефина была теперь на содержаньѣ у одного богатаго лошадинаго торговца въ Елисейскихъ поляхъ.

Кругомъ стола ходила взадъ и впередъ, опираясь по временамъ фамильярно колѣномъ на табуретъ, беременная горничная съ изможденнымъ лицомъ, напоминавшимъ фигуры средневѣковаго періода послѣ смертельныхъ голодовъ. Щеки были нарумянены украденными у барыни бѣлилами, поперегъ лица шла широкая царапина. Въ едва державшемся на затылкѣ чепчикѣ и волоча ноги въ алжирскихъ туфляхъ, она бранилась и хлопала дверьми каждый разъ, когда получала какое нибудь приказаніе или слышала, ежеминутно призывавшій ее въ переднюю, звонокъ.

— А что пьеса все еще держится? спросила, не переставая ѣсть, толстуха.

— Да, да, отвѣчала хозяйка дома.

— Мы продолжаемъ собирать около пяти тысячъ... мнѣ сказалъ вчера... новый режиссеръ... я поймалъ его за кулисами, пропѣлъ тонкій голосокъ семилѣтняго мальчика, полузакрытаго кружевною мантильей изъ Шантильи.

Лежа на диванѣ внизъ головой и скрестивъ поднятыя ноги, онъ обтачивалъ микроскопической пилочкой ногти. Прямой воротничекъ, платокъ, поддѣтый между рубашкой и жилетомъ, все, начиная съ чистыхъ подошвъ ботинокъ и кончая прямымъ проборомъ посреди головы, отзывалось въ этомъ ребенкѣ затхлостью и черствостью стараго фата. Маленькій старичекъ былъ уже вполнѣ посвященъ въ жизнь этого мира, принимая участіе въ разговорахъ, выслушивая признанія и присутствуя при обсужденіи всевозможныхъ дѣлъ. Несчастнаго ребенка возили съ собой, какъ красивое животное, ужинать въ рестораны, забывали тамъ, и трактирный лакей отвозилъ его подъ утро полусоннымъ къ матери.

— Я тебѣ скажу, Мумуттъ, продолжала мать,—что съ электрическимъ свѣтомъ въ моментъ отравленія въ четвертомъ актѣ... мы обезпечены на сто представленій.

— А когда пойдетъ та, что возобновляютъ въ Шатлэ?

— На будущей недѣлѣ... такимъ образомъ, онъ будетъ мнѣ

Digitized by Google

долженъ 700 франковъ.. .Да, онъ любезно даетъ мнѣ по 500 за новыя пьесы и по 200 за возобновленныя... Только что ни говори, а жизнь съ этимъ Макавеемъ вовсе не забавна... Въ сущности, милочки, мое назначеніе было выйти замужъ за какого нибудь Ларюетта и держать въ провинціи табль-дотъ для комедіантовъ... Знаете, меня беретъ желаніе уѣхать въ Туринъ, сказала она и, вскочивъ съ мѣста, отбѣжала на средину будуара, сдѣлала быстрый полуоборотъ къ пріятельницамъ и, потрясая надъ головой вилкой съ кускомъ куропатки, вскричала: —тамъ я, можетъ быть, зацѣпила бы короля!

— Краснѣй или убирайся вонъ, Лиллетъ, заключила она.

— Я предпочитаю покраснѣть, отвѣчала Лиллетъ, съ многообѣщающимъ откровеннымъ нахальствомъ.

Сестра Фостэнъ сѣла опять на прежнее мѣсто и меланхолически провела себѣ, четыре или пять разъ, рукой по шеѣ: «Какая скверная и зловѣщая штука у Мумуттъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я держу руку... да, это шишка сорокалѣтняго возраста и иногда мнѣ кажется, что она ростетъ у меня десятью годами раньше, чѣмъ слѣдуетъ... Неряха, развѣ ты не слышишь, что звонятъ?

— Сударыня... Докторъ Гомбургскихъ минеральныхъ водъ, доложила горничная, пріотворивъ дверь уборной.

— Скажи ему: шишъ Германіи, отвѣчала хозяйка дома, сдѣлавъ соотвѣтствующій жестъ руками.

— А! Рагашъ? обратилась сестра Фостэнъ къ господину, который шелъ за горничной, сгибая ноги и какъ бы требуя, жестами, молчанія всѣхъ четырехъ странъ свѣта.

— Рагашъ, Рагашъ, Рагашъ! раздались, какъ эхо. на три разные тона, восклицанія трехъ женщинъ.

Рагашъ былъ сорокалѣтній мужчина съ хроническимъ желудочнымъ катарромъ, который отпускалъ шуточки, искажая при этомъ лицо гримасами, разрѣшался съ неимовѣрными усиліями парадоксами, не всегда удачными каламбурами, безсмысленными остротами, и передразнивалъ актеровъ. Въ домѣ сестры Фостэнъ его прозвали la gastrite de Bobèche.

— Шшъ... шшъ... шшъ... прошипѣлъ онъ, входя въ буду-

Digitized by Google

аръ, какъ на сцену театра. Въ нашей столицѣ разнесся слухъ, что нѣкто, именуемый Понсаромъ, преслѣдуетъ въ настоящее время Титанію... Что за художественное произведеніе выйдетъ изъ этого союза, дѣти мои... Будемъ покровительствовать тайнѣ и станемъ говорить piano pianissimo... Шшъ...

Вдругъ Рагашъ поднялъ брови, скруглилъ ротъ нулемъ, приложилъ палецъ къ губамъ и обратился съ умоляющимъ видомъ къ толстухѣ съ голой грудью: «О! миленькія, маленькія, а также и вы, большія и толстыя женщины... Мумуттъ... Мумуттъ... хоть одинъ фельетонъ въ двѣсти пятьдесятъ строчекъ... ни одной больше... и только одинъ... написать на твоемъ бѣломъ, трепещущемъ пюпитрѣ... Говори, приказывай!.. Что для этого нужно сдѣлать?.. Хочешь, чтобы я попралъ ногами принципы 89 года... Здѣсь же на вашихъ глазахъ... говори... Нѣтъ, ты не хочешь... Мумуттъ, Мумуттъ... ты отвергаешь мою страсть... Ну, такъ наплевать! продолжалъ онъ, дѣлая видъ, что высморкался и облилъ полъ слезами.—Плоть наша была и есть немощна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы набиты всякими добродѣтельными стремленіями... У меня былъ наставникомъ аббатъ Пуальу... и я не посылалъ его говорить тебѣ: «Мой девизъ Марковскій и католицизмъ», передразнилъ онъ.

— Послушай, бѣсноватый изъ Виши! оставь насъ въ покоѣ, ты перевернулъ намъ мозги! Когда ты кончишь свои, годныя для провинціальныхъ буржуа, плоскости? крикнула Рагашу ненавидѣвшая его Лиллетъ.

— Молчи ты; молчи, воспитанница пансіона «Самопроизвольнаго Зарожденія».

— Сударыня... Сударыня... Поставщикъ аранжуесской спаржи на парижскій рынокъ.

— Гдѣ же я могла съ нимъ познакомиться? прошептала сестра Фостэнъ, роясь въ воспоминаніяхъ своихъ давнишнихъ путешествій. Ну, теперь шишъ Испаніи.

— О! Испанія! подхватилъ Рагашъ, закативъ подъ лобъ глаза,— царство солнца, поэзіи, Сида и рыгающихъ красавицъ!

Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Карсонакъ, хозяинъ дома и

Digitized by Google

извѣстный авторъ: «Преступленія Пюидарьё», застегивая надѣтое сверхъ фрака пальто.

Толстый мужчина съ большимъ животомъ, сѣдыми, выстриженными подъ гребенку волосами, крашеными закрученными усами и сонными глазами, которые сверкали какъ сталь изъ подъ сморщенныхъ нависшихъ вѣкъ, когда ему удавалось сказать что нибудь злое—таковъ былъ Карсонакъ, типъ человѣка, съ жиру бѣсившагося

— А! Вы завтракаете здѣсь, почему же не въ столовой, Бонь-Амъ?

— Здѣсь какъ-то удобнѣе! Неправда-ли, милочки, что мы здѣсь какъ будто больше у себя? отвѣчала хозяйка дома.

— Конечно, я понимаю... Кромѣ того, здѣсь у васъ подъ рукой уборная, въ случаѣ разстройства желудка или нервнаго припадка... вслѣдствіе дружескихъ объясненій... О! моя милая! спрячь себя, спрячь скорѣе, сгримасничалъ Карсонакъ, обращаясь къ снявшей корсетъ гостьѣ:—какъ бы ты была натуральна на сценѣ въ роли Гаргамель!

И обратившись къ другой пріятельницѣ своей любовницы, продолжалъ:

— Знаешь ли ты, подобіе безпечной Сарры, что человѣкъ, который любитъ тебя по высокой цѣнѣ, кажется, скоро попадется въ лапы Провансалки, и я очень радъ, что могу, первый, сообщить новость.

Жозефина, къ которой онъ подошелъ, не отвѣчая ни слова, тихо изгибая шею, подняла голову до уровня его руки и укусила его, сквозь пальто, своими бѣлыми зубами.

— Что за идіотство, вѣдь мнѣ больно!

Молодая женщина улыбнулась своими глубокими глазами, закурила большую сигару, соскользнула со стула на полъ и, распустивъ широко кругомъ свой бѣлый капотъ, оставалась неподвижна, и только изрѣдка сладострастно вздрагивала, какъ насытившаяся пантера.

— Кстати, Бонь-Амъ, кажется, во французскомъ театрѣ дѣла очень плохи; увѣряютъ, что тамъ приготовляются крупные фіаско...

Digitized by Google

— Надоѣлъ... ты знаешь, я не люблю, когда ты этого касаешься, отвѣчала, подчеркивая свои слова, Бонь-Амъ.

— А ты зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ Карсонакъ Рагаша, котораго какъ бы не замѣчалъ до сихъ поръ.

— За бенуаромъ на возобновленіе твоей пьесы.

— Не могу тебѣ ничего предложить, кромѣ стула на сквозномъ вѣтру...

Рагашъ отошелъ спокойно къ Бонь-Амъ и началъ ей шептать что-то въ спину; пріятельницы ея слышали, какъ она ему отвѣчала: «Не обращай вниманія, онъ сегодня не въ духѣ, но если ты будешь вести себя хорошо, совсѣмъ хорошо относительно пьесы, то я устрою, чтобы онъ взялъ тебя сотрудникомъ для слѣдующей; а ты знаешь, милый мой, что если онъ разъ напишетъ съ кѣмъ нибудь, такъ потомъ уже ни съ кѣмъ, кромѣ него, не хочетъ работать... Не хочешь ли выпить чего нибудь?»

Рагашъ воткнулъ штопоръ въ настоенный водкой абрикосъ и, кусая его, воскликнулъ: «Stupendum, какъ выражались въ древности; мнѣ представляется, что я кусаю тунику мадмуазель Дюшенуа.»

— Непонятно, замѣтилъ грубо Карсонакъ.

Рагашъ все также безстрастно и спокойно, какъ оселъ, уткнувшій морду въ ведро, отступалъ спиной къ двери, подражая въ то же время, жестами, игрѣ китайцевъ на треугольникѣ и, обратясь къ Карсонаку, проговорилъ вмѣсто прощанья:

— Скажи, высокоименитый Карсонакъ, приходило ли тебѣ когда нибудь въ голову, каковы должны быть угрызенія совѣсти у дворника?—Имѣй въ виду для одной изъ твоихъ пьесъ, что ночью каждый звонокъ будитъ его совѣсть.

На смѣну Рагаша явился длинный, бѣлокурый, болѣзненный малый съ длиннымъ черепомъ мистика; онъ вошелъ, прижимая къ груди засаленную шляпу, и, подавая всѣмъ свою, точно мертвую, руку, очень напоминалъ рабскую фигуру сына Діафорюса.

— Право, тебѣ слѣдовало бы заняться просушкой твоихъ рукъ, Планшмоль... сказалъ грубо Карсонакъ, отбросивъ рѣзкимъ

Digitized by Google

движеніемъ пальцы, которые было взялъ:—у тебя тамъ ужасная мокрота, и ты всѣхъ ею надѣляешь.

Планшмоль отошелъ испуганно отъ Карсонака и, ища убѣжища около дамъ, сѣлъ подлѣ Бонь-Амъ. Пріятельницы ея слышали, какъ она говорила: «Теперь вѣдь вы съ нимъ закадычные друзья? Ну вотъ, если ты сдѣлаешь, что онъ напишетъ такой фельетонъ, какъ мы желаемъ, я устрою тебя писать съ нимъ пьесу, а ты знаешь, милый мой, что если онъ разъ напишетъ съ кѣмъ нибудь»...

— Сударь, тотъ молодой человѣкъ, что приходилъ уже три раза...

— Просите.

— Господинъ Грежлю, доложила горничная.

Близорукій дебютантъ, надѣленный двойной робостью дебютантовъ и людей близорукихъ, вошелъ въ комнату и совсѣмъ растерялся, увидѣвъ «великаго человѣка» и слишкомъ непринужденныя позы четырехъ женщинъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, началъ Карсонакъ, не предлагая ему сѣсть:—всѣ идеи, которыя мнѣ предлагаютъ для пьесы, я нахожу всегда сначала отвратительными. Проходитъ мѣсяца три или четыре, мнѣ вспоминается предложенная идея, и странное дѣло, тогда я нахожу ее превосходной... Но я забылъ, кто мнѣ подалъ эту мысль, и положительно увѣренъ, что она принадлежитъ мнѣ самому. Теперь вы предупреждены.

Пораженный молодой человѣкъ началъ искать дверь.

— Сюда, молодой человѣкъ, сюда, вы идете въ дамскую уборную.

— Послушай, Лиллетъ, продолжалъ, помолчавъ немного, Карсонакъ,—когда я дѣлаю тебѣ честь и поручаю отвести къ твоему отцу серьезныхъ шестидесятилѣтнихъ старичковъ, то буду тебѣ весьма благодаренъ, если ты будешь садиться въ каретѣ на подушки, а не на колѣни къ этимъ старцамъ.

— О! будьте покойны, когда мнѣ вздумается садиться на колѣни къ мужчинамъ, то, конечно, ужь не къ такимъ, какъ вы, подписчикамъ на «Совѣты истощеннымъ мужчинамъ».

— Недурно, дѣвочка, отвѣчалъ Карсонакъ, почти развеселив-

Digitized by Google

шись отъ злой шутки, которая напоминала ему его собственную манеру.

— Послушай, Планшмоль, прервалъ онъ разговоръ, который тотъ велъ шепотомъ съ его любовницей,—не заставлялъ ли ты опять говорить тѣнь Мюрже въ твоемъ ночномъ столѣ, и не сказалъ ли онъ тебѣ какой-нибудь новой замогильной шуточки?

— Да, да, есть одна, только я не могу ее сказать при дамахъ.

— Очень благодаренъ; кстати, она должна быть дѣйствительно съ того свѣта, если эти дамы не могутъ ее слушать.

Планшмоль подошелъ къ Карсонаку и шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо.

— Фофанъ... да вѣдь отецъ-то этой сальности—я.

— Сударь, прежній лакей проситъ аттестатъ, который вы ему обѣщали, сказала горничная.

— Возьми на каминѣ и отдай ему.

— Развѣ вы ему отказали? за что? проговорилъ, глупо вмѣшиваясь въ разговоръ, Планшмоль.

— Отличный малый, отвѣчалъ злымъ тономъ Карсонакъ:— только онъ служилъ сначала у Рикора... и, отворяя дверь, позволялъ себѣ раскланиваться съ пріятельницами Бонь-Амъ.

Голубые глаза Бонь-Амъ на секунду позеленѣли, губы беззвучно зашевелились; она машинально выпила нѣсколько капель оставшагося въ стаканѣ вина и размазывала его по клеенкѣ пальцемъ, на которомъ блестѣло античное кольцо съ сальнымъ сюжетомъ.

Вызыватель тѣни Мюрже ушелъ, и Карсонакъ, стоя у камина, укутывалъ шею бѣлымъ фуляромъ.

— Что съ тобой, Бонь-Амъ? не выдержалъ онъ наконецъ, замѣтивъ сосредоточенность своей любовницы.

— Ничего... о! рѣшительно ничего... только такъ странно... я вспомнила сейчасъ одну глупость... про которую совсѣмъ было забыла... Сказать тебѣ, другъ мой?

Любовница Карсонака начала растроганнымъ голосомъ свой разсказъ, переходя изъ тона въ тонъ.

— Странный сонъ мнѣ приснился сегодня. Я видѣла, будто была въ саду, въ такомъ саду, которые видятся только во снѣ.

Digitized by Google

Вдругъ вижу: ко мнѣ подходитъ бѣлая тѣнь, въ которой я сейчасъ же узнала Розъ-Шери. Въ одну секунду она очутилась около меня и говоритъ: мы были съ тобой друзьями на землѣ, зачѣмъ же ты бѣжишь отъ меня теперь? Здѣсь люди очень счастливы, и скоро, скоро ты также придешь сюда... Позади ея, я увидѣла еще двѣ или три дорогія мнѣ тѣни, и онѣ также говорили со мной... Потомъ я проснулась, и мнѣ было скорѣе весело, чѣмъ скучно... Этотъ сонъ былъ такъ отчетливъ, что я подумала: вѣрно Господь допустилъ Розъ-Шери предупредить меня, чтобы я успѣла приготовиться... Смотри, закутайся хорошенько, сегодня сѣверо-восточный вѣтеръ... а у тебя было воспаленье въ груди, два года тому назадъ...

Лицо Карсонака сдѣлалось серьезно; онъ долго натягивалъ перчатки, потомъ снялъ ихъ, спряталъ въ карманъ, хотѣлъ было выйти, вернулся опять къ камину, наконецъ рѣшился и подошелъ къ двери, отворилъ ее, заперъ, потомъ опять отворилъ и, выйдя, перегнулся на одной ногѣ и просунулъ голову въ комнату.

— Ты не видѣла меня позади Розъ-Шери? спросилъ онъ.

Та отвѣчала, головой, далеко не положительнымъ *нѣтъ*, и какъ только затихли шаги ея сожителя, разразилась рѣзкимъ хохотомъ, прерывая его отрывистыми фразами.

— Смѣйтесь же со мной, милочки... Теперь онъ будетъ *шалѣть* цѣлую недѣлю... скверная гадина... а еще боится смерти... О! что это за человѣкъ... Представить себѣ нельзя, какую отвратительную стряпню онъ меня заставляетъ дѣлать изъ моего тѣла, ради успѣха своихъ предпріятій... Нечего сказать... Эти господа говорятъ, что платятъ намъ деньги... Да, эти деньги наши, по праву; они постоянно торгуютъ нашей красотой и молодостью. Понадобится ли субсидія или разрѣшеніе цензуры, какая-нибудь льгота, крестъ, что бы то ни было!.. Сейчасъ шлютъ насъ ко всѣмъ властямъ, министрамъ, къ секретарямъ, къ лакеямъ. Вѣрите ли, что безъ Flamme de Punch одинъ не возобновилъ бы на десять лѣтъ своей привилегіи, а другой безъ Cachalot не заручился бы сотрудничествомъ его превосходительства... О! сколько я вынесла, благодаря ему, старыхъ развратныхъ министровъ, золотушныхъ писате-

Digitized by Google

лей, безсмысленныхъ фельетонистовъ... Теперь вдругъ ему понадобился орденъ Почетнаго Легіона. Со сколькими еще придется знаться!..

Она встала и стремительно ходила изъ угла въ уголъ. Въ вырывавшихся у нея признаніяхъ слышалась та глубокая ненависть, которая часто встрѣчается между парами, соединенными общимъ преступленіемъ, или, какъ выражается простой народъ, повѣнчанными съ трупомъ, то есть, между людьми, которые, живя подъ одной кровлей, готовы каждую минуту, какъ скованные попарно каторжники, разорвать другъ друга.

Мало по малу, гнѣвная буря, исказившая черты любовницы Карсонака, стихла. По лицу ея разлилась томность. Мягко опустившись на диванъ, она уткнула голову въ подушки и, подмигнувъ подернувшимися поволокой глазами, продолжала:

— Зато, милочки, каждый разъ, какъ онъ навяжетъ мнѣ любовника, ради своихъ коммерческихъ предпріятій... я, чтобы отомстить ему, беру другаго сама... совсѣмъ, совсѣмъ по моему вкусу.

— О! да! какого нибудь офицера, прошептала, икнувъ, Мумуттъ, забывая въ эту минуту и мужа, и свое званіе замужней женщины:— вотъ прелестные люди... У нихъ всегда водится шоколадъ, бисквиты, вышитыя туфли и халатъ съ клапаномъ на спинѣ.

— Кто тебѣ говоритъ про офицеровъ, перебила съ презрѣніемъ сестра Фостэнъ:—это хорошо въ то время, когда мы засушиваемъ на память въ книгахъ листки, собранные въ Альпійскихъ долинахъ... Нѣтъ, офицеры слишкомъ невинны... имъ недостаетъ разврата.

И страшный профессоръ скептицизма, молодая еще женщина съ голубыми глазами и свѣтлыми, какъ спѣлый колосъ, волосами начала развивать циничныя, ужасныя, отвратительныя подробности, плевала изъ своихъ розовыхъ губъ грязью на все то, чего влюбленные не видятъ въ любви, когда дѣйствительно любятъ.

— Сударыня, какой-то полякъ... крупье, изъ Монако.

— Теперь въ послѣдній разъ ш и ш ъ Польшѣ и Италіи.

— Да еще переписчикъ, что переписываетъ вамъ молитвы, велѣлъ вамъ передать маленькій пакетикъ.

Digitized by Google

— Да, это молитвы, которыя я особенно люблю... изъ моихъ толстыхъ книгъ и которыя я могу теперь брать съ собой на воды, проговорила нѣсколько сконфуженная любовница Карсонака и проворно спрятала пакетъ.

— Какъ! ты вѣришь въ то, что̀ тамъ? спросила насмѣшливо Лиллетъ своимъ тонкимъ голоскомъ, шаловливо указывая на потолокъ.

— Ахъ ты гадина, подскочила, какъ бы сбираясь ее ударить, Бонь-Амъ:—какая бы я ни была... но я запрещаю тебѣ шутить этими вещами, несчастная... Не получишь стараго бархатнаго платья, что̀ я тебѣ обѣщала.

Въ передней раздался очень сильный звонокъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ! конца не будетъ сегодня этимъ гостямъ, выбранилась, выходя изъ себя, «неряха», рѣшившаяся наконецъ отворить дверь.

— Это я знаю, звонокъ сестры, когда она предается всяческимъ треволненіямъ, прошептала Бонь-Амъ, и въ голосѣ ея слышался чуть замѣтный оттѣнокъ страха. Вслѣдъ за этимъ, вошла очень изящно одѣтая, вся въ черномъ, Фостэнъ. Взглянувъ на трехъ женщинъ, съ которыми поздоровалась, такъ сказать, только движеніемъ рѣсницъ, она сказала просто, обращаясь къ сестрѣ:—Я за тобой!

Съ появленіемъ Фостэнъ наступило неловкое молчаніе; вообще не робкая, но какъ бы укрощенная ея отрывистымъ и повелительнымъ тономъ, Бонь-Амъ доставала съ притворно испуганными жестами свою шляпу.

Фостэнъ облокотилась на каминъ и подставила разсѣянно подошву къ рѣшеткѣ безъ огня.

— А! это твой корсажъ отъ мадамъ Гродесъ, тетушка, сказалъ, проснувшись, мальчикъ:— скажи мнѣ, тетя, скажи, что ты для меня надѣла... твой стеклярусный жилетъ! и онъ опустилъ съ дивана свою головку съ заблестѣвшими глазами. Тетка не удостоила племянника отвѣтомъ.

— Я пить хочу, сказала вдругъ Фостэнъ.

— Хочешь шампанскаго? крикнула ей изъ уборной сестра.

Digitized by Google

— Нѣтъ!

— Чего же ты хочешь?

Взглядъ Фостэнъ скользнулъ по раскупореннымъ бутылкамъ, потомъ перешелъ безсознательно на окно, выходившее на набережную Megisserie, и вдругъ остановился на чемъ то. Подойдя къ столу, она выбрала изъ множества стакановъ всѣхъ эпохъ одинъ, венеціанскаго стекла съ молочной спиралью, и подала его горничной:—Видишь, тамъ разнощикъ, поди купи мнѣ стаканъ коко и принеси внизъ... въ карету.

— Вотъ и я готова, вскричала сестра Фостенъ.

Фостенъ вышла вмѣстѣ съ ней.

— Ты сходишь завтра со мной? спросила Жозефина, останавливая за рукавъ Бонь-Амъ, когда та проходила мимо.

— Невозможно, душа моя, завтра хоронятъ старика режиссера, и мнѣ неловко не пойти помолиться за эту старую клячу.

III.

На лѣстницѣ, которая вела также и въ театръ, Фостэнъ съ сестрой должны были посторониться передъ толпой фигурантовъ, которые спускались съ шумомъ послѣ репетиціи, въ подбитыхъ гвоздями башмакахъ, перескакивая по нѣсколько ступеней и поправляя свои куртки.

— Погоди минутку, я сейчасъ! сказала Бонь-Амъ и, войдя въ дворницкую, вступила въ разговоръ съ грумомъ, который лѣниво чистилъ сапогъ подлѣ большой собаки, участвовавшей въ послѣдней пьесѣ.

— Куда ты меня везешь? спросила Бонь-Амъ сестру, когда та отдавала горничной стаканъ.

— Сама не знаю, прикажи Раво ѣхать на бульваръ.

Карета покатилась.

— И это весь разговоръ, которымъ ты меня угощаешь? спросила черезъ нѣсколько минутъ любовница Карсонака.

— Какъ все скучно... все... и какъ все... вѣчно одна и та же пѣсня, вздохнула Фостэнъ, нервно вытягиваясь:—Сегодня я

Digitized by Google

встала... съ намѣреніемъ дѣлать... не то, что́ всякій день... почемъ я знаю что?.. Поѣхать куда нибудь... Но скажи, гдѣ это «куда нибудь»... Ты не находишь, что сегодня... посмотри... всѣ выставки магазиновъ какія то сѣрыя... ужасно глупы всѣ эти фантазіи, выходящія изъ ежедневной программы... Неужели у тебя не бываетъ никогда этого необузданнаго желанія, жажды чего нибудь неожиданнаго, чего ты не знаешь и чего ждешь... И откинувшись на спинку кареты, Фостэнъ продекламировала стихи Мюссэ:

Que ne l'étouffais tu cette flamme brûlante
Que ton sein palpitant ne pouvait contenir.
. . . . . .

— Что же это карета остановилась? спросила она, выглянувъ въ окно, и сестра увидѣла, какъ она отворила дверцу, выскочила на мостовую и проскользнула, не смотря на крикъ кучеровъ, на средину загроможденной улицы, подняла что-то въ грязи подъ ногами лошадей и вернулась, обтирая свою находку кружевнымъ платкомъ.

— Да,—сказала она, садясь подлѣ сестры,—это подкова; онѣ приносятъ счастье... это уже третья.

И скучавшая до этой минуты Фостэнъ, вдругъ, мгновенно вся преобразилась. Каждый жестъ ея былъ объятіемъ, каждое слово звучало лаской, полились безконечно дружескія изліянія; тихимъ ласкамъ не было конца.

— Скажи, Марія, дорогая моя, ты не сердишься, что я увезла тебя отъ твоихъ пріятельницъ?.. Но ты мнѣ такъ необходима... у меня въ жизни бываютъ такія минуты... Еслибы не было тебя...

— Скажи прямо, что я твой честный развратъ!

— Это все далекое прошлое... помнишь ты кондитера въ улицѣ Монтескье... того, что́ выдумалъ для пьесы, въ которой Арнель ѣлъ горстями земляникy, дѣлать ее изъ сахара, и такъ хорошо подражалъ... Ты и тогда уже была храбрѣе меня... ты всегда ходила мѣнять деньги, которыя мы заработывали пѣніемъ... А когда дома бывало голодно, опять-таки ты пѣла... и ободряла насъ такъ, что

Digitized by Google

и мы начинали пѣть!.. А помнишь, какъ мы жили, когда остались сиротами... Нѣтъ Марія, такое прошлое, пережитое вмѣстѣ, нельзя сбросить съ себя, какъ грязное бѣлье.

— Да, я была дѣйствительно смѣла и не особенно покладлива... а между тѣмъ шла вѣчно за тобой, какъ баранъ... Почему?.. Можетъ быть, потому, что у тебя талантъ, а у меня его нѣтъ! Отсутствіе таланта, но умѣнье вести дѣла, вотъ мой удѣлъ, весело вскричала сестра Фостэнъ:—и я выказала это умѣнье! Помнишь, какъ я отказалась отъ театра наканунѣ дебюта? Какъ бы я провалилась, Боже мой!.. А тутъ я взялась за дѣло иначе... и теперь, благодаря Провидѣнію, имѣю въ обществѣ положеніе,—что-то въ родѣ сбившейся съ пути честной женщины, заключила она, упершись руками въ бока, въ позѣ г. Бертэнъ на портретѣ Ингра.

Кучеръ остановился у Мадлэнъ, ожидая приказаній.

— А помнишь еще, Марія, вѣдь ты же, всегда ты, придумывала игры и изобрѣтала забавы, которыя намъ такъ нравились, продолжала Фостэнъ.

— Потому, что въ тѣ первобытныя времена насъ легко было забавлять. Съ тѣхъ поръ...

— Послушай, Марія, будь милая, напряги немножко воображеніе сегодня... придумай, что бы намъ сдѣлать... необыкновенное.

— По части невинныхъ дневныхъ удовольствій въ Парижѣ, я ничего больше не знаю, какъ прокатиться вокругъ озера, спуститься въ котелъ Инвалидовъ, подняться на Вандомскую колонну и сдѣлать визитъ обезьянамъ въ ботаническомъ саду... Если же ты желаешь по другой части... говори, приказывай... въ этомъ родѣ твоя сестра, можетъ быть, предложитъ тебѣ нѣчто необыкновенное.

— Какъ ты думаешь, неужели у древнихъ не случалось ничего болѣе непредвидѣннаго въ ихъ обыденной жизни? вырвалось съ глубокимъ унынiемъ у Фостэнъ, и она вся какъ-то опустилась. У сестры глаза запрыгали на секунду, точно въ пляскѣ св. Витта, какъ бы говоря: «очень мнѣ нужно историческое обозрѣніе», и она вдругъ рѣзко прервала задумчивость сестры вопросомъ: Скажи по-

Digitized by Google

жалуйста, Жюльета, у васъ, кажется, не ладится на французскомъ театрѣ?

— Нѣтъ; репетицій, можно сказать, совсѣмъ не было, разъ собрались у меня, да тѣмъ и кончилось, отвѣчала Жюльета, точно проснувшись—правда, я далеко еще не овладѣла ролью... особенно, какъ мнѣ хотѣлось бы ее сыграть... О! отлично, великолѣпно, превосходно!... я нашла, какъ провести день... Раво, Раво... въ Батиньоль, 37 № въ улицѣ Леви.

— Въ Батиньоль... къ кому это?

— Угадай!

— Къ гадальщику, по двадцати франковъ за сеансъ?

— Нѣтъ... откажись лучше... Ни за что не отгадаешь.

Веселое личико Фостэнъ вдругъ затуманилось, подъ усиліемъ мозговой работы; на полузакрытые глаза спустилась тѣнь; на лбу, напоминавшемъ мягкій дѣтскій лобъ ребенка во время урока, выпуклости надъ бровями какъ-будто вспухли отъ напряженнаго вниманія; по вискамъ и по щекамъ выступили, точно отъ холоднаго дыханія, едва замѣтно поблѣднѣвшія пятна; полуоткрытыя неопредѣленной улыбкой губы беззвучно повторяли слова, которыя она произносила про себя.

Два или три раза, Фостэнъ ничего не отвѣтила на вопросы сестры.

— Ну, Жюльетъ, вотъ 37 №.

Онѣ вышли изъ кареты.

— Тебѣ, можетъ быть, придется долго ждать, мой бѣдный Раво, сказала Фостэнъ кучеру.

— Что это! въ этихъ странахъ дворниковъ не полагается, замѣтила сестра.

— О! мнѣ подробно объяснили, какъ найти того, кого мнѣ нужно.

Поднявшись на лѣстницу, молодыя женщины очутились на большой площадкѣ, и Фостэнъ, отсчитавъ шесть дверей по лѣвой рукѣ, остановилась и постучала.

Тяжелые шаги приблизились къ двери, которая отворилась на три или четыре сантиметра, и въ узкомъ отверзтіи показался тон-

Digitized by Google

кій горбатый носъ, напоминавшій тупую сторону виноградиаго ножа, и длинные сѣдые волосы, прикрытые бархатной, шитой золотомъ, феской.

— Вы, вѣроятно, ошиблись, проговорилъ старикъ, пугливо оглядываясь назадъ и посылая къ комнату энергическіе ш ш ш...

— Нѣтъ. Вы, вѣрно, г. Атаназіадисъ, и вотъ записочка, которую мнѣ далъ къ вамъ, вмѣстѣ съ вашимъ адресомъ, одинъ изъ нашихъ общихъ друзей, сказала Фостэнъ, передавая ему карточку одного изъ извѣстныхъ академиковъ.

— О! въ такомъ случаѣ, милости просимъ, отвѣчалъ старикъ, взглянувъ на карточку: — только проскользните поскорѣе въ дверь... ради моихъ маленькихъ друзей.

Двѣ гостьи вошли въ высокую комнату, которая, вѣроятно, служила когда-то мастерской какому-нибудь бѣдному фотографу, и гдѣ летало на свободѣ множество прелестныхъ и рѣдкихъ птичекъ.

— Смотри, сколько пичужекъ... и какія миленькія, замѣтила сестра и, проведя сейчасъ-же рукой по платью, прибавила: — жаль только, что эти грязнухи сейчасъ насъ перепачкаютъ.

Спальня-мастерская, которая, не смотря на птицъ, была такъ-же чиста, какъ комната какой-нибудь старой дѣвы, не имѣла никакихъ украшеній, кромѣ трехъ алебастровыхъ барельефовъ Парѳенона, замѣнявшихъ зеркало надъ каминомъ, въ который была проведена труба маленькой печки, бросавшей красный отблескъ на натертый кирпичный полъ.

Вдоль стѣны, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пола, шла полка, наполненная книгами въ итальянскихъ бѣлыхъ пергаментныхъ переплетахъ. Въ углу, въ полуотворенномъ шкафу, стояли банки съ плававшими въ маслѣ консервами и салатникъ, переполненный яицами.

Въ комнатѣ было только одно соломенное кресло, но въ углубленіи, замѣнявшемъ альковъ, на доскѣ, лежавшей на подставкахъ, былъ разостланъ тонкій тюфякъ, покрытый турецкимъ ковромъ, гдѣ, вѣроятно, старикъ спалъ ночью не раздѣваясь. Въ комнатѣ пахло птицами и восточнымъ куреньемъ.

— Чѣмъ могу вамъ служить, сударыня? спросилъ хозяинъ, усадивъ молодыхъ женщинъ на кровать.

Digitized by Google

— Вотъ въ чемъ дѣло, начала Фостэнъ. Г. Сентъ-Бёвъ сказалъ мнѣ, что, кромѣ Федры Расина, существуетъ еще другая... и что вы можете дать мнѣ о ней понятіе... какъ грекъ... и человѣкъ хорошо знакомый съ древне-греческимъ языкомъ... Чего мнѣ хочется... я право сама хорошенько не знаю... между тѣмъ, мнѣ очень хотѣлось бы слышать эту Федру въ оригиналѣ... можетъ быть, это дастъ мнѣ идею... Словомъ, мнѣ хотѣлось бы вернуться отъ васъ... какъ будто проведя два часа въ Греціи Перикла... и со звуками этого языка въ ушахъ.

Старикъ притащилъ свое кресло къ полкѣ съ книгами, подобралъ кругомъ своего сухаго и длиннаго туловища полы бумажнаго халата, подъ которымъ обрисовалось нѣсколько, надѣтыхъ одинъ на другой, фланелевыхъ жилетовъ и длинные шерстяные чулки, всталъ на кресло и, указывая на стоявшую по срединѣ полки книгу, произнесъ съ благоговѣніемъ, какъ монастырскій ризничій, показывающій святыню: «вотъ это великій Гомеръ, милостивыя государыни». Потомъ взялъ стоявшій рядомъ томъ, опустился на полъ, обтеръ книгу осторожно локтемъ и, положивъ ее на маленькій столикъ, который придвинулъ къ себѣ, медленно открылъ книгу и разгладилъ листы своими старыми ладонями.

Укрѣпивъ очки на носу и нагнувшись на минуту надъ книгой Атаназіадисъ поднялъ голову и, устремивъ кверху восторженный взглядъ, началъ:

«Ипполитъ».

«Дѣйствіе происходитъ въ Трезенѣ, передъ дворцомъ, у входа въ который стоятъ двѣ статуи, одна Діаны, другая Венеры».

И онъ прочелъ два первые стиха греческой трагедіи:

Πολλη μεν εν βροτοισι κουκ ανωνυμος
Θεα κεκλημαι Κυπρις ουρανου τ'εσω.

— Извините, мосье Атаназіадисъ, прервала Фостэнъ,—что если бы вы взяли вашу книгу... моя карета у крыльца... я увезла бы васъ... вы отобѣдаете со мной и съ сестрой... я не велю никого принимать... и такимъ образомъ у насъ будетъ свободенъ цѣлый вечеръ.

— О! еслибы я могъ... Зная, что это доставитъ вамъ удо-

Digitized by Google

вольствіе, я былъ бы очень радъ, отвѣчалъ старикъ,—но, съ ноября до конца мая, я плѣнникъ въ этой комнатѣ... поэтому, вы понимаете, какъ мнѣ пріятно видѣть около себя этихъ птичекъ... Въ продолженіе всего этого долгаго времени, мнѣ положительно запрещено выходить... ваша зима убьетъ меня.

Фостэнъ замѣтила тогда, что всѣ щели между стеклами были заклеены бумагой.

Старикъ началъ опять читать, прерывая древне-греческій языкъ французскими фразами: «вотъ это вашъ Расинъ оставилъ безъ вниманья... этого вамъ Расинъ вовсе не перевелъ... это мѣсто переведено вашимъ Расиномъ очень плохо».

— Тебѣ скучно, милая Марія? спросила тихо Фостэнъ сестру.

— Нѣтъ, я люблю изрѣдка эти китайскія головоломки... Кромѣ того, онъ очень потѣшный, твой Атаназіадисъ.

Стемнѣло. Старикъ зажегъ лампочку и продолжалъ читать, но при каждой перемѣнѣ говорившаго лица въ діалогѣ, глаза его постоянно обращались на маленькіе стѣнные часы, висѣвшіе надъ головою гостей.

— Не мѣшаемъ ли мы вамъ, мосье Атаназіадисъ? спросила Фостэнъ, замѣтивъ этотъ маневръ.

— Нѣтъ, нѣтъ... только у меня сохранились привычки моей родины... я обѣдаю раньше парижскаго большаго свѣта.

— А! такъ вамъ приносятъ въ этотъ часъ обѣдъ... прекрасно, проговорила Фостэнъ съ самовластіемъ женщины, намѣренной удовлетворить свою прихоть до конца. Обѣдайте, мосье Атаназіадисъ, обѣдайте, какъ будто бы насъ не было... мы будемъ продолжать послѣ.

— Да... только мнѣ, видите ли... не приносятъ обѣда... я его самъ готовлю... О! у меня очень несложная стряпня... я принадлежу къ школѣ Корнаро... яица, сушеная рыба, черныя оливки... посмотрите, вотъ моя провизія, на всю зимовку.

Фостэнъ встала, подошла къ шкафу и начала съ дѣтскимъ любопытствомъ вынимать поочередно банки и, повертѣвъ ихъ съ минуту передъ свѣтомъ, ставила обратно на прежнее мѣсто.

— О! какія крошечныя рыбки и сухія какъ спички!

Digitized by Google

— Да, они называются т ц и р о... ихъ ѣдятъ, запивая р а к и.

— И никогда, никогда мяса?.. Это очень странно, мосье Атаназіадисъ... А! анчоусы... примемъ къ свѣдѣнію... И вы кушаете каждый день по два выпускныхъ яйца... Это должно ужасно надоѣсть наконецъ.

Говоря это и осматриваясь кругомъ, Фостэнъ подобрала шлейфъ, подняла впереди юбку, заколола ее булавками, «какъ судомойка», и окончивъ свои приготовленія, весело проговорила въ сторону: «Итакъ рѣшено, что сегодня мы займемся вашей стряпней... Вы, вѣроятно, не имѣете понятія объ яичницѣ съ анчоусами?.. Я дѣлаю ее, какъ никто, и сегодня вы попробуете ее, сдѣланную моими бѣлыми ручками... Марія, передай сковороду, которую я тамъ вижу... А вы подложите скорѣе угля, мосье Атаназіадисъ!

— О! сударыня... вы меня совсѣмъ конфузите, бормоталъ ошеломленный Атаназіадисъ.

— Перестань, сдѣлай одолженіе, мой старый Паликаръ, у насъ съ сестрой, когда мы явились на свѣтъ, не было повара въ нашей царской колыбели, отвѣчала любовница Карсонака, по свойственной ей привычкѣ становиться сейчасъ со всѣми на короткую ногу.

— Ну, я разбиваю... положимъ, три яйца... Замѣтьте, мосье Атаназіадисъ, какъ я крошу анчоусы... не слишкомъ мелко и не слишкомъ крупно... я передаю вамъ мой секретъ... нужно ихъ чуть-чуть поджарить на огнѣ... положить вамъ немножко тмину?.. ну, пожалуй, положимъ крошечку.

— Ахъ, сударыни, сударыни, продолжалъ стонать Атаназіадисъ.

— Проваливай, мой старый Паликаръ, ты только намъ мѣшаешь, замѣтила сестра.

— Теперь смотрите, мосье Атаназіадисъ... вы увидите, какъ я ее перевертываю... разъ, два, три... готово!.. и посмотрите, какъ она подрумянилась снизу и какая мягкая сверху?.. Теперь давай накрывать на столъ, Марія.

И посреди веселаго щебетанья птичекъ, которыя не спали еще въ этотъ вечеръ отъ необычнаго движенія и шума, сестры принялись съ ловкостью театральныхъ субретокъ прислуживать старику,

Digitized by Google

который отнѣкивался теперь уже очень слабо, увлекшись молодымъ и симпатичнымъ весельемъ этихъ двухъ женщинъ, которыхъ случай свелъ, на нѣсколько часовъ, съ его преклонной старостью.

— Ну, что, хорошо ли, мосье Атаназіадисъ?.. довольны ли вы вашей кухаркой? болтала Фостэнъ съ оживленнымъ дѣтской радостью лицомъ. Теперь вторая перемѣна... оливки... О! какія вкусныя, попробуй Марія, и она сжевала сама двѣ или три.

— Нѣтъ, благодарю, я вѣдь плотоядная.

— Баринъ откушалъ... теперь убрать со стола; и граціозно порхая кругомъ, Фостэнъ собрала въ одну минуту все, что тамъ стояло.

— Теперь, сказалъ Атаназіадисъ, принимаясь опять за Эврипида, въ томъ улыбающемся изнеможеніи, которое вызываетъ у стариковъ удовольствіе:—теперь я постараюсь передать вамъ всѣ мои познанія въ древне-греческомъ языкѣ.

— А кучеръ-то твой, Жюльетъ?

— Я совсѣмъ забыла... сдѣлай одолженіе, спустись... вели ему ѣхать обѣдать въ первый попавшійся трактиръ и вернуться опять сюда.

Когда сестра пришла назадъ, Фостэнъ сидѣла, уткнувшись локтями въ раздвинутыя колѣни, сжавъ ладонями свое прекрасное подвижное лицо и, такъ сказать, впивая звуки, лившіеся съ устъ старика. По временамъ она вставала и, сдѣлавъ знакъ Атаназіадису, чтобы онъ продолжалъ, начинала ходить по комнатѣ, жестикулировала какой нибудь стихъ, понятый по какому нибудь слову изъ французскаго перевода, и садилась опять на мѣсто.

Дойдя до посмертнаго обвиненія Федрой ея пасынка, Атаназіадисъ началъ умно и толково выяснять молодымъ женщинамъ эту роковую личность, совсѣмъ иначе великую, иначе человѣчную и иначе естественную въ своемъ женскомъ гнѣвѣ, чѣмъ театрально-симпатичная женщина, выведенная поэтомъ Людовика XIV. И комментаторъ далъ, своими объясненіями, современной актрисѣ идею новыхъ оттѣнковъ для помолодѣвшей, обновленной и исторически понятой ею роли. Чтеніе пьесы кончилось. Было уже восемь часовъ.

Digitized by Google

Фостенъ встала, завернула тихонько въ бумажку нѣсколько золотыхъ и, преобразившись вдругъ въ важную даму, обратилась къ старику: «Мы отняли у васъ много часовъ, господинъ профессоръ... Позвольте васъ просить принять это слабое вознагражденіе за потерянное время».

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ,—во-первыхъ, вы накормили меня обѣдомъ... потомъ, я знаю васъ... я часто видѣлъ вашу игру... лѣтомъ... въ тѣ мѣсяцы, когда мнѣ позволено выходить... и всѣ греки, какъ современные, такъ и древніе, должны быть вамъ признательны за то, что вы способствуете вашимъ талантомъ воскрешенію ихъ великихъ историческихъ личностей. Нѣтъ, нѣтъ.

Старикъ проговорилъ это своимъ пѣвучимъ, немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ, которому его манера выговаривать букву *с* вмѣсто *ш*, придавала что-то кроткое и дѣтское.

— Хорошо, я согласна съ вами, мосье Атаназіадисъ... я сама нахожу, что удовольствіе сегодняшняго вечера не должно оплачиваться деньгами... но я была бы рада сдѣлать вамъ что нибудь пріятное... я бы хотѣла, чтобы вы пожелали чего нибудь такого, чего другіе не могли бы вамъ сдѣлать.

— Если ужь вы такъ добры къ старику... я вамъ признаюсь, что есть одно произведеніе моей родины, котораго я никакъ не могу достать... и я былъ бы счастливъ, еслибы могъ попробовать его еще разъ, до смерти... это гиметскаго меду... можетъ быть, вы черезъ посольство...

— Конечно, я очень хороша съ греческимъ посланникомъ и въ первой же посылкѣ, которая придетъ въ посольство, будетъ кувшинъ меда, самаго лучшаго, какой производятъ пчелы вашего отечества... Еще разъ прощайте и благодарю васъ, мосье Атаназіадисъ.

— Право, онъ очень симпатиченъ, этотъ бѣдный старикъ, сказала Фостэнъ, садясь въ карету, подлѣ сестры. Въ сущности, вечеръ не пропалъ даромъ, прибавила она; мнѣ кажется, какъ будто надъ моей ролью разорвался какой то покровъ!

Помолчавъ нѣсколько минутъ, Фостэнъ, лица которой было не видно въ темнотѣ, проговорила, роняя фразу за фразой:

Digitized by Google

— Только эта роль... роль, за которую самыя страстныя женщины прошлаго... брались съ трепетомъ... чтобы сыграть ее... нужно чтобы на сердцѣ не было такъ холодно, какъ у меня... нужно было бы любить страстно, безумно... сердцемъ, головой, всѣмъ существомъ.

Жюльетъ, хочешь я тебѣ найду субъекта... ну да, по просту говоря, любовника.

Фостэнъ продолжала, не слушая:

— Понимаешь ты? Разстаться, любя такъ, какъ онъ меня любилъ... потому что онъ любилъ меня до безумія... разстаться съ обѣщаніемъ, что черезъ два мѣсяца онъ броситъ карьеру, семью, отечество, все, чтобы жить подлѣ меня... И ничего, ничего... никакого извѣстія... съ того дня, какъ мы сказали другъ другу: до свиданья... въ нѣсколько лѣтъ, ни слова отвѣта ни на одно изъ моихъ писемъ...

— Развѣ ты продолжаешь ему писать?

— Да, въ тѣ дни, когда мнѣ бываетъ невыносимо грустно.

— О! Жюльетъ, тогда ты навѣрно проломила своей меланхоліей дно почтоваго ящика.

Не отвѣчая сестрѣ, въ глубокомъ молчаніи, Фостэнъ катилась по темнымъ улицамъ, только по ея печальному лицу волновался черный вуаль шляпы.

— Ты ужинаешь у меня? спросила любовница Карсонака, когда карета остановилась у подъѣзда ея дома.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поѣду къ тебѣ!

— Нѣтъ... оставь Марія... оставь меня сегодня одну... съ ней...

IV.

Создать роль, то есть, вдохнуть душу, дать жизнь физіономіи, движеніямъ, голосу лица книжнаго, такъ сказать, бумажному трупу— все это тяжелый трудъ!

Начинается онъ съ перваго серьезнаго чтенія—чтенія, имѣвшаго замѣчательный характеръ у Фостэнъ: оно казалось совершенно

Digitized by Google

механическимъ процессомъ, такъ какъ смыслъ того, что она читала, какъ будто не проникалъ до ея мозга.

Потомъ начиналось настоящее ученье, вслѣдъ за которымъ, сейчасъ же, являлось уныніе и свойственная всѣмъ великимъ талантамъ неувѣренность, заставляющая ихъ говорить себѣ: «Нѣтъ! никогда, никогда мнѣ не сыграть этой роли»!

Послушайте, что говорила моему пріятелю, въ минуту такого унынія, одна изъ нашихъ лучшихъ артистокъ:

«Создать каждую новую роль мнѣ кажется такъ же трудно, какъ перевернуть землю. На меня нападаетъ такой безпредѣльный ужасъ, что я жду и надѣюсь, не случится ли землетрясеніе или потопъ, которые избавили бы меня отъ этого мученья. Я проклинаю автора, себя, весь свѣтъ, и дѣлаюсь совсѣмъ безсмысленнымъ созданіемъ, пока лучъ свѣта не разгонитъ наконецъ этого хаоса».

А Фостэнъ приходилось еще бороться съ упрямой и неблагодарной памятью и даже бояться, что она измѣнитъ ей, между тѣмъ какъ роль Федры состоитъ изъ 700 стиховъ.

Но не смотря ни на что, роль начинала захватывать ее, овладѣвала ея мыслью, и она приступала почти безсознательно къ творчеству, работая всего охотнѣе въ постели, такъ какъ тамъ ей легче было сосредоточивать все свое вниманіе.

Тогда весь процесъ, совершающійся въ воображеніи автора: появленіе, посреди хаоса, зародыша неопредѣлившагося еще лица, его постепенное развитіе, конечное очертаніе живаго человѣка, наконецъ, его жизнь,—весь этотъ процессъ артистка *переживала* больше чѣмъ умомъ, она ощущала его всѣмъ своимъ существомъ. И въ этомъ дорогомъ и тайномъ наслажденіи, которое чувствуетъ артистъ быть не самимъ собою, а другимъ лицомъ, она дѣйствительно утрачивала свою индивидуальность. Новая, созданная ея умственнымъ трудомъ, женщина вселялась въ ея тѣло, захватывала ея жизнь, изгоняла ее саму.

Здѣсь я опять не могу удержаться, чтобы не привести отрывка изъ вышеприведеннаго письма, относительно этой двойственной жизни.

«Съ того дня, какъ роль довѣрена мнѣ, мы начинаемъ жить

Digitized by Google

вмѣстѣ. Я могла бы даже прибавить, что она овладѣваетъ мной и живетъ в о м н ѣ. Она беретъ у меня, конечно, больше, чѣмъ я ей даю. Поэтому, мнѣ часто случается принимать совсѣмъ безсознательно, дома, или гдѣ бы то ни было, тонъ, выраженіе лица и манеры, которыя я хочу придать ей. Подчиняясь ей вполнѣ, мое веселое расположеніе духа не можетъ противостоять моему другому, страшному или грустному *я*, точно такъ же, какъ мои мрачныя мысли не могутъ спорить съ тѣмъ *я*, которое подсмѣивается и хохочетъ въ моихъ ушахъ. Я высказалась, только не знаю, понятно ли? Въ этихъ случаяхъ меня д в ѣ. Вотъ весь секретъ моей работы. Я придумываю и переживаю роль. Дѣлаясь достояніемъ публики, она отжита».

Замѣчательно еще, что трагики и трагическія актрисы, артисты, играющіе въ комедіяхъ и современныхъ драмахъ, не имѣютъ возможности прибѣгать къ помощи современныхъ образцовъ. Гнѣвъ Ахиллеса такъ-же, какъ любовь Федры, не встрѣчаются ни на улицѣ, ни въ нашихъ гостиныхъ. Слѣдовательно, воображеніе этихъ артистовъ должно витать въ высшей, можно сказать, сверхъестественной сферѣ, и только по какому-то необъяснимому наитію они находятъ чувства, далеко превосходящія общечеловѣческія чувства, и придаютъ имъ требуемую реальность. И кто же ихъ находитъ? Женщины, такія же необразованныя, какъ Фостэнъ, глубокія невѣжды въ исторіи тѣхъ эпохъ, которыя онѣ представляютъ, женщины не имѣющія понятія о тѣхъ героиняхъ и великихъ царицахъ, которыхъ онѣ воплощаютъ, женщины, говорящія своимъ друзьямъ, которые помогаютъ имъ повторять роль: «разскажи пожалуйста, кто такой былъ этотъ мосье Тезей», и даже не слушаютъ объясненій, всецѣло отдавшись изученію роли. И между тѣмъ, подобныя женщины, воспроизводятъ эти образы такъ реально, съ такими звуками голоса, манерами и жестами, какихъ никогда не представить себѣ ни ученымъ, ни скульпторамъ и живописцамъ, воспитаннымъ на древности. Если вамъ случается иногда говорить съ людьми компетентными въ этомъ дѣлѣ, и вы спросите ихъ, какимъ образомъ совершается это чудо,—всѣ отвѣтятъ одно и то же: «инстинктъ, инстинктъ»! — И дѣйствительно,

Digitized by Google

это единственное объясненіе странной сомнамбулической способности видѣть великое прошлое.

И у артистки, которая уже успѣла немного познакомиться съ своею ролью, когда она начинала говорить ее себѣ, неожиданно и совершенно естественно являлись красивые, широкіе жесты античной статуи, которые она такъ же, какъ и игру физіономіи, не изучала передъ зеркаломъ, будучи убѣждена, что настоящій артистъ не нуждается въ провѣркѣ и самъ чувствуетъ вѣрность своей игры; зеркало, по выраженію одной великой артистки, оставившей театръ,— это рессурсъ низко-стоящихъ актеровъ и актрисъ, которые прибѣгаютъ ко всѣмъ извѣстнымъ исскуственнымъ средствамъ выражать чувства—и никогда не достигаютъ цѣли. Во всякомъ случаѣ, и передать удачно душевныя движенія пантомимой—дѣло нетрудное. Вкусъ и искусство необходимы главнымъ образомъ въ выборѣ, съуживаньѣ и урѣзываньѣ жестикуляціи, которую нужно постоянно стушевывать, умѣрять, сдерживать какъ разъ въ мѣру, какъ это проповѣдуютъ старинныя руководства театральнаго искусства, совѣтуя играть «спрятавъ руки въ карманы». Сдержанность—вотъ безусловно-необходимое условіе сценическаго совершенства, задавшагося цѣлью вывести на подмостки такое лицо, драматичность котораго выдѣлялась бы изъ полутѣни, какъ на картинахъ великихъ художниковъ, только въ извѣстныхъ, ярко освѣщенныхъ мѣстахъ.

Но, можетъ быть, еще большую трудность, чѣмъ жесты, представляетъ гармонія голоса актера съ чувствомъ, выраженнымъ авторомъ, достиженіе должной звучности и вѣрной вокализаціи даннаго драматическаго момента.

Все это требуетъ большаго труда и усилій, безконечнаго повторенія стиха или полустишія, которые Фостэнъ декламировала по сотнѣ разъ на всевозможные лады, то ускоряя звукъ, то задерживая его и модулируя, изъ тона въ тонъ, мягкимъ разбитымъ голосомъ.

Одинъ разъ на бѣгахъ, куда Фостэнъ, чтобы не быть одной, взяла къ себѣ въ карету Люзи, она повторяла постоянно одну фразу: «Онъ, моя радость, моя честь, моя слава» изъ Лазарины Скриба, которую должна была сказать на слѣдующій день въ

Digitized by Google

Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, повторяла ее цѣлыхъ полтора часа, пока, наконецъ, не напала на тотъ тонъ, котораго требовало ея ухо.

V.

— Слушай... Оба, отецъ и сынъ — очень еще молодой человѣкъ, — сбирались ѣхать на вечеръ, какъ дѣлали постоянно, къ одной старинной пріятельницѣ ихъ семейства... Сыну въ этотъ день нездоровилось, и онъ отказался выходить изъ дома.

Разсказъ безпрестанно прерывался стукомъ двери, въ которую входилъ конторщикъ, чтобы сказать на ухо нѣсколько словъ разсказчику или подать письмо, которое тотъ подписывалъ, стоя у камина.

— Итакъ, я уже сказалъ тебѣ, что сынъ остался дома... На лѣстницѣ отецъ видитъ, что забылъ взять носовой платокъ... онъ поднимается опять наверхъ и посылаетъ за нимъ сына въ спальню, а самъ садится у камина, въ кресло молодаго человѣка... Нечаянно, а отчасти, можетъ быть, изъ любопытства посмотрѣть, чѣмъ сынъ занимается, оставшись одинъ, онъ взглянулъ на столикъ, у котораго тотъ писалъ... и видитъ тарифъ «общества гробовщиковъ» и тарифъ еще другаго такого же общества, съ картинками похоронной процессіи для каждаго класса и потомъ, между двумя брошюрками, извлеченный изъ обоихъ тарифовъ, проэктъ похоронъ перваго класса, гдѣ должный высокому финансовому положенію покойника декорумъ былъ соединенъ съ благоразумной экономіей... У отца не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло шло о его собственныхъ похоронахъ и что ими-то занималось, въ минуты досуга, его предусмотрительное чадо... Сынъ возвращается съ платкомъ... О! будь это обыкновенный отецъ... но нѣтъ, этотъ не говоритъ ни слова... уходитъ, улыбаясь... отправляется на вечеръ и тамъ разсказываетъ этотъ случай нѣкоторымъ изъ друзей... очень остроумно и съ смѣшными подробностями.

— Чортъ возьми! вотъ это настоящій героизмъ домашней жизни, безъ всякой рисовки, и примѣровъ котораго мы немного ви-

Digitized by Google

димъ въ древности, замѣтилъ, выпустивъ клубъ табачнаго дыма, слушатель этого разсказа.

— Зато, это былъ настоящій биржевикъ, возразилъ Бланшронъ; у него былъ тотъ основательный и спокойный скептицизмъ, въ которомъ заключается вся наша сила.

И помолчавъ немного, биржевикъ, медленно выговаривая слово за словомъ, прибавилъ:

И какъ подумаешь, что человѣка съ такимъ изумительнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, убило, какъ зайца, дробиной за ухомъ, извѣстіе о замужствѣ дѣвчонки, которая была у него на содержаньѣ?!..

Проговоривъ это, Бланшронъ глубоко задумался.

Бланшронъ, занимавшійся спекуляціями внѣ биржи, былъ одной изъ тѣхъ энергическихъ натуръ, съ массивными чертами, настойчивымъ видомъ и крѣпкимъ здоровьемъ человѣка, вышедшаго изъ народа, который носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то жесткой повелительности, отличающей всѣхъ большихъ и малыхъ денежныхъ воротилъ не-еврейскаго происхожденія. Въ его желтокрасный цвѣтъ лица начиналъ уже закрадываться тотъ подложный оттѣнокъ золота, который представляетъ такой интересный предметъ для наблюденія, при синеватомъ свѣтѣ газа, на лицахъ людей, собирающихся на бульварѣ, на такъ называемой малой биржѣ. По темпераменту, Бланшронъ принадлежалъ къ категоріи игроковъ на повышеніе, то есть уповалъ самымъ наглымъ образомъ на провидѣніе котировки и имѣлъ счастливую способность вѣрить и надѣяться на успѣхъ и благопріятное устройство всѣхъ дѣлъ на землѣ—и это въ то время, когда во Франціи все удавалось. Одѣваясь въ широкое платье англійскаго фермера, биржевикъ хвасталъ своимъ презрѣніемъ къ искусству и литературѣ, распространяя его также и на людей этихъ профессій. Во всей его, лишенной внѣшняго блеска, жизни было только одно развлеченіе, пожиравшее двѣсти тысячъ франковъ, что онъ заработывалъ—эта любовница.

Биржевой заяцъ Люзи представлялъ самую рѣзкую противоположность съ Бланшрономъ. Красивый, изящный человѣкъ, бѣгав

Digitized by Google

шій за лоретками и натершійся около художниковъ, писателей и музыкантовъ, малый съ инстинктами лаззарони, но къ которому дѣла шли въ руки сами, какъ будто ихъ влекла къ нему вѣявшая отъ него прелесть, владѣлецъ яхты на Средиземномъ морѣ, на которой онъ исчезалъ съ биржи на три мѣсяца, въ теченіе которыхъ онъ два раза избѣгъ, по какой-то особенно счастливой случайности, страшныхъ легендарныхъ катастрофъ. Умный, хитрый, искусный Люзи не имѣлъ ни тонкаго чутья Бланшрона, ни его удивительной стойкости въ дѣлахъ, и довольствовался тѣмъ, что скромно держался въ сферѣ операцій своего пріятеля.

Бланшронъ, ходившій задумчиво по кабинету, съ короткой пѣнковой трубкой въ зубахъ, тяжело ступая и широко разставляя ноги, какъ матросъ на корабельной палубѣ, прервалъ вдругъ молчаніе:—Увѣряю тебя, что у меня, чортъ возьми, не меньше характера, чѣмъ у этого каналья отца... относительно всякихъ сантиментальныхъ штукъ, физическихъ страданій и бѣдственныхъ ликвидацій... Мнѣ знаешь, наплевать на все... скажи же мнѣ, почему я, который—ты самъ видѣлъ,—давалъ въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ рѣзать и кромсать свое мясо, какъ будто бы это меня не касалось... почему, скажи, одно какое нибудь слово, одинъ жестъ этой чертовской женщины мнѣ больнѣе ножа хирурга!?... Да, милый мой, я при моей грубой натурѣ,—такъ какъ меня, конечно, нельзя назвать нервнымъ субъектомъ, прибавилъ онъ съ высокомѣрнымъ смѣхомъ—я глубоко страдаю, слыша только, какъ Жульета тихонько отворяетъ дверь, возвращаясь домой... Ея манера браться за ручку двери, походка, въ которой никто ни замѣчаетъ перемѣны... все это полно для меня самыхъ болѣзненныхъ ощущеній... О! эта Федра! она пробудила въ ней всякія молодыя, нѣжныя, поэтическія чувства, посреди которыхъ моя прозаическая особа...

И продолжая ходить по комнатѣ, Бланшронъ мѣшалъ свои горькія сѣтованія съ отрывистыми приказаніями, которыя бросалъ за дверь.

— Что тамъ дѣлается?.. Два су преміи на завтра?.. Готовы ли шестьдесятъ тысячъ для Тампліе?.. Что? Вы говорите, дѣлаютъ по 70—75... Купите мнѣ на девяносто тысячъ, да живо!.. Вы, возь-

Digitized by Google

мите купленныя на конецъ мѣсяца и продайте съ потерей одного!

— Что-жъ мнѣ до завтра, что ли, ждать отвѣта, сорвалъ онъ злость на конторщикѣ и, обращаясь къ Люзи, продолжалъ:

— Нѣтъ, ты не можешь себѣ представить, милый мой, какую кутерьму поднимаетъ въ башкѣ актрисы какая нибудь роль... Она никогда не питала ко мнѣ страстныхъ чувствъ, это дѣло рѣшеное... да она и не пыталась скрывать этого... но въ сущности, все-таки она принадлежала мнѣ, она была моя... отчасти по привычкѣ, въ силу многихъ лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ, наконецъ за ту власть, которую женщинамъ вообще пріятно имѣть надъ мужчиной... да еще надъ такой скотской натурой, какъ моя. Но женщина, у которой просыпается умершая любовь, это чортъ знаетъ что... Я чувствую, какъ она съ каждымъ днемъ отдаляется, отнимаетъ себя... какъ будто уходитъ изъ моихъ объятій... Еслибъ еще дѣло стояло за деньгами... Еслибъ ей было нужно еще больше... ну, я постарался бы заработать и заработалъ бы... но что же мнѣ дѣлать противъ призрака, который вдругъ всталъ въ ея сердцѣ... противъ этого Вильяма Рень, про котораго она не знаетъ даже, живъ ли онъ?

— Полно, милый мой, отвѣчалъ Люзи,—потерпи еще мѣсяцъ, и когда Федра пройдетъ, трагическая актриса опять войдетъ въ свою буржуазную колею, и ты увидишь опять свою прежнюю Жюльетъ. А пока, она вѣдь все-таки живетъ съ тобой?

— Да, живетъ, это правда, отвѣчалъ Бланшронъ серьезно, но ея любовь ко мнѣ, это, видишь ли, любовь честной женщины, которая не любитъ своего мужа, а это безсмысленно, и не удовлетворяетъ меня.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

Памяти князя Александра Иларіоновича Васильчикова.

Честный общественный дѣятель, весьма умный и многосторонне-образованный публицистъ—вотъ какіе эпитеты соединяются съ именемъ князя Александра Иларіоновича Васильчикова. Извѣстіе объ его смерти не могло не вызвать мысли, что Россія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, одного изъ любившихъ ее горячо своихъ сыновей, одного изъ самыхъ полезныхъ дѣятелей, которыхъ можно поставить въ примѣръ всѣмъ прочимъ, и въ особенности лицамъ того сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. «Смотрите, вотъ примѣръ для васъ!» мнѣ кажется, эти слова—лучшая эпитафія умершему, такъ какъ въ нихъ выражается признаніе заслугъ его.

Сынъ извѣстнаго генерала, отличившагося въ отечественную войну 1812 года, возвышеннаго императоромъ Николаемъ Павловичемъ до званія предсѣдателя Государственнаго Совѣта и возведеннаго въ княжеское достоинство, Александръ Иларіоновичъ, послѣ домашняго воспитанія, слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ и затѣмъ вступилъ въ гражданскую службу. Она, при тогдашней формалистикѣ, не могла вызвать его къ какой либо видной дѣятельности. Образъ его мыслей не согласовался съ общимъ направленіемъ той сферы, гдѣ ему пришлось вращаться. Онъ былъ перемѣщенъ на Кавказъ и тамъ-то, въ Пятигорскѣ, сблизился съ поэтомъ Лермонтовымъ и въ качествѣ секунданта былъ свидѣтелемъ его смерти послѣ роковой дуэли. Но не смотря на эту близость къ поэту, князь Васильчиковъ по своему чувству справедливости никогда не старался оправдывать его и всегда находилъ, что причина преждевременной смерти

Digitized by Google

нашего поэта лежала въ немъ самомъ, въ его характерѣ, надъ которымъ воспитаніе мало поработало *).

Какъ общественный дѣятель, князь Васильчиковъ является тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, которому онъ не могъ не сочувствовать, какъ человѣкъ развитый, нравственный и хорошо образованный. Онъ сразу понялъ, въ какое отношеніе должно стать помѣстное дворянство къ освобожденному крестьянству, чтобы вышло добро для тѣхъ и другихъ. Явиться честнымъ руководителемъ народа, не привыкшаго еще къ свободѣ, совѣтникомъ, безкорыстнымъ другомъ, довести его до убѣжденія, что дѣло помѣщика и крестьянина одно и то же дѣло, которое легко можетъ пострадать отъ ихъ взаимнаго недовѣрія и враждебности—вотъ что нужно было сдѣлать дворянству, чтобы не пострадали его интересы и чтобы освобожденный народъ къ обоюдной пользѣ призналъ его за своихъ доброжелателей, руководителей, и охотно бы вступилъ съ нимъ въ связь нравственную и экономическую. Дворянству легко было стать во главѣ народа и общими силами поддержать какъ свое, такъ и народное хозяйство. Тогда мы не видѣли бы тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, какія намъ приходится переживать въ настоящее время. Къ сожалѣнію, большинство дворянства не поняло своего значенія,

---

*) Лермонтовъ всегда устремлялъ свои язвительныя насмѣшки на тѣхъ лицъ, которыя давали ему слабый отпоръ, и часто опрометчиво оскорблялъ ихъ, не думая потомъ брать назадъ свои слова. То же случилось и въ послѣднемъ столкновеніи его съ Мартыновымъ, котораго онъ постоянно язвилъ сарказмами; не находя въ немъ достаточно силы, чтобы отвѣчать тѣмъ же, онъ позволилъ себѣ зайти слишкомъ далеко: сталъ унижать своего слабаго противника въ присутствіи особы, которою тотъ очень интересовался. Мартыновъ былъ наконецъ выведенъ изъ терпѣнія и обратился къ поэту съ упреками, въ отвѣтъ на которые тотъ новыми шутками почти заставилъ его вызвать себя на дуэль. Она была, такъ сказать, навязана Мартынову, хотя вызовъ и послѣдовалъ съ его стороны. Разстроить ее не было никакой возможности. Когда Лермонтову, хорошему стрѣлку, былъ сдѣланъ со стороны секунданта намекъ, что онъ, конечно, не намѣренъ убивать своего противника, то онъ и здѣсь отнесся къ нему съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, со словами „стану я стрѣлять въ такаго д.....“ не думая, что были сочтены его собственныя минуты.

Такъ разсказывалъ князь Васильчиковъ объ этой несчастной катастрофѣ и мы записываемъ его слова, какъ разсказъ свидѣтеля смерти нашего поэта.

Digitized by Google

не съумѣло обсудить своего новаго положенія, чтобы опредѣлить, какое отношеніе къ свободному крестьянству можетъ и должно назваться правильнымъ и разумнымъ. Въ этомъ состояла его огромная и, можетъ быть, неисправимая ошибка. Оно въ большинствѣ враждебно отнеслось къ новому сословію, только что начинавшему жить человѣческою жизнью. Поддавшись чувству самосохраненія, это большинство не хотѣло или не умѣло понять, гдѣ и въ чемъ отнынѣ живая его сила. Оно не выяснило своей настоящей связи съ крестьянствомъ и не спасло себя отъ раззоренія, да и крестьянамъ не послужило добрымъ примѣромъ. Конечно, главною виною всему былъ недостатокъ въ большинствѣ дворянства надлежащаго образованія, которое не развило въ немъ ни правильныхъ политическихъ и экономическихъ понятій, ни высшихъ нравственныхъ стремленій.

Совсѣмъ не такъ посмотрѣло на задачу помѣстнаго дворянства развитое и образованное меньшинство его, къ которому принадлежалъ и князь Александръ Иларіоновичъ вмѣстѣ съ братомъ, также уже покойнымъ, Викторомъ Иларіоновичемъ.

Владѣя значительными помѣстьями въ Новгородской губерніи, онъ не затруднился сдѣлать естественный переходъ отъ рабовладѣльца къ землевладѣльцу и стать къ освобожденному народу въ настоящія правильныя отношенія, основанныя на честномъ, свободномъ трудѣ. Онъ вѣрно разсчиталъ выгоду относиться *по-сосѣдски* къ сотнямъ сосѣдей-земледѣльцевъ, и первый подалъ имъ примѣръ такого отношенія, вовсе не думая жертвовать своими интересами. Напротивъ, онъ даже не хотѣлъ и наводить ихъ на мысль, будто онъ склоненъ имъ благодѣтельствовать. Смотря на дѣло прямо и честно, безъ всякой задней мысли, онъ угадалъ, что только взаимныя выгоды могутъ крѣпко связать новаго помѣщика съ окружающимъ крестьянствомъ. Съ этой мыслью онъ не затруднился перейти къ новымъ экономическимъ условіямъ, завести новое хозяйство и забыть всѣ прежнія помѣщичьи привычки. И скоро онъ убѣдился, что свободный трудъ крестьянина производительнѣе крѣпостническаго и можетъ послужить къ выгодѣ самого помѣщика, съ однимъ только условіемъ, чтобы помѣщикъ имѣлъ ясное понятіе о свободномъ трудѣ, не вдавался бы въ кулачество и не думалъ исключительно только о своемъ карманѣ. Но, съ другой стороны, всту-

Digitized by Google

пая съ своими бывшими крестьянами въ отношенія, основанныя на свободномъ договорѣ, князь Васильчиковъ не хотѣлъ сойти съ той высоты, на которой долженъ стоять помѣщикъ въ глазахъ народа. Онъ съумѣлъ показать, что помѣщикъ и при свободныхъ отношеніяхъ къ нему народа можетъ имѣть важное для него значеніе, но не физическою силою, не дворянскою спѣсью, не угрозами, наводящими страхъ, не полицейскою властью, какъ было прежде, а какъ образованный и нравственный человѣкъ, понимающій общіе интересы сельскаго хозяйства, и въ то же время сознающій свою обязанность давать хорошіе примѣры людямъ темнымъ, которые на каждомъ шагу могутъ сдѣлаться жертвами обмана корыстныхъ людей, быть ихъ честнымъ руководителемъ, совѣтникомъ, помощникомъ, и опять таки не изъ желанія прослыть ихъ благодѣтелемъ, а находя въ этомъ и свою прямую выгоду. Онъ вѣрно понималъ, что гораздо выгоднѣе для него имѣть вокругъ себя зажиточныхъ или богатыхъ крестьянъ, чѣмъ раззоренныхъ и нищенствующихъ, грамотныхъ и чему нибудь обученыхъ, чѣмъ дикихъ. И онъ не давалъ имъ раззоряться и поддерживалъ ихъ хозяйства, какъ только могъ. Крестьянинъ смѣло шелъ къ нему за хлѣбомъ и сѣменами, когда не хватало своихъ, зная, что его не прижмутъ, пользуясь его нуждою, что отъ него не потребуютъ тотчасъ же и платы; а только запишутъ по условленной заработной цѣнѣ; а онъ въ свое время безъ тягости отработаетъ на княжескомъ полѣ, и отработаетъ скоро и прилежно, потому что долженъ дорожить временемъ для собственныхъ работъ. Вотъ простое средство пріучить къ прилежной работѣ человѣка, живущаго свободнымъ трудомъ. Получая отъ князя своевременную помощь, крестьянинъ всегда легко отплачивалъ ему трудомъ, по цѣнности равносильнымъ долгу, и не могъ не чувствовать, что не такую плату заплатилъ бы онъ другому помѣщику или землевладѣльцу. Случалось, что приходила къ нему бѣдная вдова просить хлѣба, не имѣя возможности отработать за него, такъ какъ на рукахъ у нея нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей. Князь въ этомъ случаѣ гласно отказывалъ просящей; но въ своемъ семействѣ тотчасъ же устраивалъ денежную подписку въ ея пользу и, собравъ нѣсколько рублей, отсылалъ ей. Такимъ образомъ, вдова не оставалась безъ хлѣба. Въ этомъ поступкѣ нельзя не видѣть близ-

Digitized by Google

каго знакомства съ крестьянскимъ нравомъ. Распространись только слухъ, что на барскомъ дворѣ выдается хлѣбъ даромъ, стоитъ только сослаться на то, что нечего ѣсть, и у многихъ явилось бы желаніе воспользоваться даровымъ хлѣбомъ, и тогда не было бы отбоя отъ просящихъ. Нечего говорить, какъ это способствовало бы развитію лѣни, попрошайству, обману и изворотливости совѣсти. Совсѣмъ другое слѣдствіе вытекало изъ увѣренности, что за хлѣбъ платится только трудомъ, а кто не можетъ предъявить труда, тотъ услышитъ отказъ въ своей просьбѣ.

Желая улучшить земледѣліе, князь Васильчиковъ выписывалъ изъ-за границы не только усовершенствованныя земледѣльческія орудія, но и работниковъ-земледѣльцевъ, чтобы показать крестьянамъ, какихъ плодовъ можно ожидать отъ улучшенной обработки земли, вѣрно понимая, что попытки улучшенія въ такомъ дѣлѣ, какъ земледѣліе, можетъ дѣлать только богатый землевладѣлецъ. Онъ легко вынесетъ и неудачи, между тѣмъ какъ удача будетъ имѣть хорошее вліяніе на мелкихъ земледѣльцевъ и можетъ послужить имъ хорошимъ примѣромъ къ усовершенствованію собственнаго ихъ хозяйства. И не ошибся онъ въ своихъ разсчетахъ. Его примѣръ многимъ послужилъ къ пользѣ.

Заботясь объ экономической поддержкѣ крестьянъ, князь Васильчиковъ думалъ, что всѣ найдутъ свою выгоду и въ народномъ образованіи, и что прямая польза помѣщика—поднять умственный и нравственнный уровень крестьянства. Средства для этого онъ справедливо видѣлъ въ школѣ, и полагалъ, что забота о распространеніи хорошихъ школъ должна лежать на помѣщикѣ. Онъ не ограничился устройствомъ и содержаніемъ школы для дѣтей своихъ бывшихъ крестьянъ, но даже завелъ школу нѣмецкую для своихъ выписныхъ работниковъ-нѣмцевъ, поселившихся на его землѣ съ семействами.

Вотъ что мы разумѣли подъ именемъ «высоты», на какой явился князь Васильчиковъ, какъ новый помѣщикъ, посреди освобожденнаго, но бѣднаго и темнаго народа. И народъ хорошо понялъ его и также прямо и честно отнесся къ нему, безъ всякихъ попытокъ какъ нибудь поживиться на его счетъ. Не нужно было дѣлать такихъ попытокъ, если и безъ того было

Digitized by Google

видно, что къ крестьянамъ лежитъ сердце помѣщика, что онъ заботится о нихъ не ради только своихъ выгодъ, а умѣетъ находить общія выгоды и хлопотать о нихъ. И зато, какое завидное довѣріе они оказывали ему и какъ охотно шли къ нему на бесѣду, за совѣтомъ; а на земскихъ собраніяхъ всегда вставали за княземъ Васильчиковымъ, какъ скоро онъ подавалъ свой голосъ. Своимъ примѣромъ онъ показалъ, чѣмъ можетъ быть помѣщикъ, понявшій свое новое значеніе среди народа, и какая нравственная связь можетъ соединить его съ народомъ. Въ лѣтописяхъ новгородскаго земства записано много хорошихъ фактовъ, связанныхъ съ его именемъ, какъ напр., ссудо-сберегательныя товарищества, земская учительская семинарія и др. Онъ самъ основалъ одно изъ товариществъ, для поддержанія его участвовалъ собственнымъ вкладомъ и направлялъ его дѣла. О немъ можно сказать, что, устроивъ мелкій кредитъ въ крестьянствѣ, онъ научилъ бѣдныхъ людей помогать другъ другу и относиться осторожно къ общественной собственности, что имѣло уже и воспитательное значеніе въ крестьянской средѣ. Если новгородское земство во многомъ было примѣромъ для прочихъ, то, можетъ быть, потому, что князь Васильчиковъ съ немногими сотрудниками честно и усердно послужилъ ему. Крестьяне на похоронахъ его показали, какъ они цѣнили его заслугу.

Конечно, не безъ борьбы, не безъ затраты силъ давался каждый успѣхъ. Противъ него не маленькія силы выставлялись своекорыстіемъ, близорукостью, завистью, личными или сословными интересами многихъ, которые, по недомыслію, создавъ себѣ какіе-то страшные призраки, составили партію мнимыхъ «охранителей». Имъ, почти семь лѣтъ тому назадъ, князь Васильчиковъ сдѣлалъ такую характеристику: «преисполненные благихъ намѣреній къ поддержанію власти и порядка, всѣ эти лица одной и той же школы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, работали усердно, неутомимо (конечно безсознательно) *надъ потрясеніемъ всякой власти*, и гдѣ только послѣдовало нѣкоторое сближеніе между сословіями, бросались между ними, чтобы ихъ разъединить, какъ будто опасаясь, чтобы первое дѣйствіе ихъ соглашенія не было — заговоръ противъ нихъ. Дворянство и, разумѣется, только лучшая, образованнѣйшая и меньшая его часть,

Digitized by Google

нашло нить, посредствомъ которой могло сойтись съ крестьянствомъ, возстановить желаемое вліяніе образованныхъ классовъ на грубыя массы народа, и главными проводниками между ними были народныя школы, ссудо-сберегательныя товарищества, рабочія артели; но дворяне дѣйствовали и могли дѣйствовать на этомъ поприщѣ только однолично, въ качествѣ мѣстныхъ жителей, сельскихъ обывателей, пользуясь личнымъ своимъ вліяніемъ и своимъ вѣсомъ, всегда склоняющимся на сторону людей богатыхъ и просвѣщенныхъ, если они сами его не подрываютъ... Но имъ и въ томъ старались помѣшать недальновидные «охранители».—Не нужно говорить, что къ этому меньшинству принадлежалъ самъ князь Васильчиковъ. Съ сердечной болью онъ смотрѣлъ на разъединеніе помѣстнаго дворянства и крестьянства, и хорошо видѣлъ причину тѣхъ противорѣчій, въ которыя были поставлены какъ правительство, такъ и образованные помѣщики, принужденные дѣйствовать несогласно съ своими интересами.

«Не ограниченіе помѣщичьей власти, писалъ онъ, не стѣсненіе ихъ самодѣятельности удаляютъ образованныхъ людей отъ сельскаго быта; это неправда и клевета на нашихъ дворянъ, тѣмъ болѣе грубая, что они же и занимаютъ почти исключительно всѣ должности мѣстнаго самоуправленія. Что заставляетъ ихъ убѣгать изъ селеній и переѣзжать въ города или даже въ чужіе края, это—забота объ умственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей, которое, при отсутствіи медицинскихъ и педагогическихъ средствъ въ Россіи, совершенно недоступно не только бѣдному, но и среднему классу сельскихъ жителей, такъ что по мѣрѣ того, какъ возвышаются учебныя требованія, усиливается и эмиграція тѣхъ семействъ помѣстнаго дворянства, которыя и составляютъ *культурный слой*, вызывающій нынѣ (въ 1874 г.) особыя заботы администраціи и нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ. Какъ только отецъ семейства приживаетъ дѣтей, жизнь въ провинціи становится для него невыносимою; при малѣйшемъ припадкѣ дѣтскихъ болѣзней, онъ долженъ посылать за докторомъ, иногда за сто верстъ, и платить ему за визитъ 25 руб. или держать домашняго медика и тратить на него 1,200 руб. въ годъ. Когда сыновья подростаютъ, то представляется первый вопросъ—подготовленіе ихъ въ гим-

Digitized by Google

назію, и если для этого требуются хотя-бы самыя элементарныя познанія древнихъ языковъ, то родителямъ не остается болѣе возможности жить въ своихъ деревняхъ и заниматься хозяйствомъ; они по неволѣ переселяются въ губернскій городъ или въ столицы, нанимаютъ управляющаго для надзора за хозяйствомъ и затрачиваютъ по меньшей мѣрѣ столько же, какъ за доктора, на заочное управленіе и свое городское прожитіе. Счастливѣйшіе изъ нихъ запасаются при этомъ какой-либо штатной должностью въ городѣ, въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ; но изъ сельско-хозяйственнаго быта, изъ мѣстнаго управленія они по неволѣ выходятъ на все время, покуда продолжается воспитаніе дѣтей, т. е., обыкновенно въ самый мужественный возрастъ человѣческой жизни. Это, по крайней мѣрѣ, относится до всѣхъ семействъ средняго состоянія, имѣющихъ примѣрно не болѣе нѣсколькихъ тысячъ рублей годоваго дохода; для нихъ воспитаніе дѣтей по существующей программѣ равносильно принудительному выселенію изъ своихъ помѣстьевъ и затратѣ половины своихъ доходовъ на эту одну статью своего семейнаго бюджета.»

Изъ всего этого князь Васильчиковъ выводилъ, что система обученія, принятая въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ заведеніяхъ, не вполнѣ согласовалась съ видами правительства объ усиленіи помѣстнаго элемента на мѣстахъ жительства въ провинціи, и что такъ называемый «культурный слой» черезъ это еще болѣе отчуждался отъ самой почвы, которую онъ долженъ оплодотворить. «Можетъ случиться, прибавлялъ онъ, что этотъ слой, достигнувъ наивысшей культуры, превратится въ воздушный слой, въ паръ и дымъ, очень высоко парящій, но не имѣющій подъ собою никакой почвы».

Эти слова заслуживаютъ вниманія каждаго мыслящаго русскаго человѣка. Послѣ того понятно, что не могъ не задумываться князь Васильчиковъ и надъ воспитаніемъ и образованіемъ современнаго ему молодаго поколѣнія. Въ открытомъ письмѣ къ одному высокопоставленному лицу, напечатанномъ въ Берлинѣ въ 1875 г., онъ вызвалъ состраданіе ко многимъ тысячамъ семействъ, которыхъ новая система воспитанія, проводимая такъ настойчиво и безоглядно, поставила, по его словамъ, внезапно въ безвыходное положеніе.

Digitized by Google

«Ни вы, ни я, князь Васильчиковъ,—писалъ онъ,—не можемъ судить по себѣ объ этомъ положеніи: мы съ вами принадлежимъ къ тому разряду счастливцевъ, которые могутъ выдержать безъ разстройства всякія испытанія, преодолѣть всякія трудности и пожертвовать большими суммами для воспитанія нашихъ дѣтей, не причиняя себѣ никакихъ стѣсненій. Но насъ немного, тысячи полторы или двѣ въ Россіи; для всѣхъ же прочихъ, для людей не только бѣднаго, но и средняго состоянія, для всего провинціальнаго дворянства, для бо́льшей части купечества и всѣхъ разночинцевъ, задача, предложенная для воспитанія, неразрѣшима и невыносима».

Готовый даже сдѣлать уступку и согласиться, что классическое воспитаніе лучше реальнаго, князь остроумно прибавляетъ: «еслибы подъ предлогомъ, что пшеница составляетъ лучшее питательное средство, чѣмъ рожь, приказано было всему населенію питаться бѣлымъ хлѣбомъ вмѣсто чернаго, то согласитесь, что это было бы безразсудно: классическое образованіе въ томъ видѣ, какъ оно требуется въ настоящее время, такъ же недоступно для среднихъ классовъ въ Россіи, какъ улучшенная пшеница и мясная порція для простонародья».

Весьма основательно покойный князь доказывалъ причины неуспѣха новой системы образованія, указывая на тѣ капитальныя ошибки, которыя были сдѣланы въ самомъ началѣ. Онъ припоминалъ то время тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда онъ самъ воспитывался, когда въ самыхъ высшихъ сферахъ классическое и вообще высшее образованіе состояло въ опалѣ, когда наконецъ стали смотрѣть подозрительно на усилія графа Уварова къ водворенію классическаго образованія и поднятію уровня университетскаго преподаванія, когда съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ слѣдили за порывами молодыхъ людей знатныхъ фамилій ко вступленію въ университеты и старались обратить дѣтей сановниковъ на путь истины,—т. е. въ юнкерскую школу, въ пажескій и кадетскіе корпуса,—когда даже въ военной службѣ высшее научное образованіе считалось прихотью, и военная академія, наравнѣ съ университетами, признавалась въ кругу консерваторовъ того времени разсадникомъ вольнодумцевъ. Въ то же время, ничего не было сдѣлано и для спеціальнаго подготовленія педагоговъ, филологовъ, преподава-

Digitized by Google

телей; филологія же въ особенности находилась въ полнѣйшемъ пренебреженіи. «Въ мое время, замѣчаетъ князь Васильчиковъ, разсказывали, какъ о чудѣ Петербургскаго университета, что въ одинъ изъ предшествовавшихъ выпусковъ два студента-филолога переводили безъ затрудненія à livre ouvert съ греческаго языка на латинскій, но, къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой не посвятили себя скромному званію преподавателей древнихъ языковъ, и ихъ блистательные успѣхи не оплодотворили тощей почвы русской филологіи».

«И вотъ, продолжаетъ кн. Васильчиковъ, по выходѣ изъ этого долгаго періода опалы классицизма вдругъ пробудилось очень разумное, совершенно справедливое желаніе возвратить ему мѣсто, безспорно подобающее въ общемъ кругѣ человѣческихъ знаній, и вообще возвысить уровень гимназическаго и университетскаго образованія, согласно требованіямъ педагогики, принятой въ другихъ странахъ высшей культуры. Требованіе это, повторяемъ, было такъ естественно, такъ благоразумно, что прекословія быть не могло. Но съ чего же надо было начать? Какъ приступить къ дѣлу? Этотъ вопросъ такъ простъ, что мы не будемъ доказывать, что для преподаванія нужны преподаватели, для обученія—нужно подготовлять учителей, для проведенія новой системы—имѣть людей согласныхъ съ главными ея основаніями, сознающихъ ея пользу и удобоисполнимость. Но ничего этого не было: изъ одной крайности бросились въ другую и поворотили всю учащуюся молодежь по командѣ на-лѣво-кругомъ, не замѣчая, что при такой внезапной перемѣнѣ фронта, офицеры, т. е. профессоры, директоры гимназій и весь учебный штабъ, остались за фронтомъ, сзади полка, вмѣсто того, чтобы быть впереди». Если все это такъ быстро и безъ всякой подготовки сдѣлалось, замѣчаетъ князь Васильчиковъ, то, значитъ, имѣлись высшія побужденія, передовыя или заднія мысли, государственныя или политическія соображенія, которыя заставили пожертвовать послѣдовательностью и постепенностью, въ виду какой либо угрожающей опасности, пожертвовать настоящимъ поколѣніемъ нашихъ сыновъ, чтобы спасти грядущія поколѣнія, спасти отечество! Князь догадывается, что побудительною причиною было опасеніе анти-соціальныхъ ученій, но въ то же время считаетъ для себя нераз-

Digitized by Google

ѣшимою загадкою, какую связь можно измыслить между введе-іемъ классическаго образованія и противодѣйствіемъ соціализму. Намъ, напротивъ, сдается, замѣчаетъ онъ, что никакое другое ченіе не затемняетъ въ такой степени, какъ исторія древняго міра, равственныя, общественныя и религіозныя понятія учащейся мо-одежи... Общее впечатлѣніе древней исторіи, окончательное нрав-ченіе, вытекающеее изъ исторіи греко-римской гражданствен-ности, едва ли можетъ имѣть благопріятное дѣйствіе на развитіе въ ношествѣ чувства уваженія къ старшимъ, довѣрія къ автори-етамъ... Главное поученіе, которое невольно, помимо всякихъ ченыхъ комментаріевъ, истекаетъ изъ изученія классической ревности, есть то, что высшая культура совпадала въ Греціи и Римѣ съ высшимъ развратомъ, развивалась одновременно и овмѣстно съ стѣсненіями народныхъ правъ, порождала самыя вирѣпыя радикальныя предложенія о раздѣлѣ земель и кормле-іе неимущихъ на счетъ казны; наконецъ, что эта пресловутая ивилизація привела могущественныя государства въ такое без-силіе, что они пали подъ ударами разбойничьихъ шаекъ». Не трицая, что изъ всего этого можно вывести много полезныхъ равоученій, князь Васильчиковъ утверждалъ, что съ точки зрѣнія охранительной политики, воспитанія въ духѣ дисциплины, повиновенія, классическая литература не только не внушаетъ уваженія къ учебнымъ и гражданскимъ авторитетамъ, но подры-ваетъ напротивъ всякое чувство довѣрія къ нимъ и вселяетъ въ незрѣлые умы учениковъ противоположное чувство сомнѣнія въ благости науки и учрежденій, породившихъ такое смутное и непрочное положеніе, т. е., именно то чувство, которое, разви-ваясь и усиливаясь, принимаетъ характеръ безусловнаго скепти-цизма. Въ примѣръ онъ приводилъ цѣлое поколѣніе француз-скаго юношества XVIII ст., которое воспитано было на рим-скихъ образцахъ и всѣ свои кровавые подвиги въ революціи 1789 г. совершило подъ знаменемъ римскихъ героевъ, древней ивилизаціи, въ костюмахъ консуловъ и трибуновъ.

Отвергая мысль, будто государственные люди могли вѣрить въ спасительную силу классицизма, князь Васильчиковъ пред-полагаетъ другую причину, почему за него такъ ухватилась извѣстная партія. Счастливая комбинація высшей власти и высшаго образованія въ Англіи, развившаяся тамъ исторически,

Digitized by Google

плѣнила многихъ и въ Россіи, говоритъ онъ; принимая программу англійскаго воспитанія за исходное положеніе для упроченія аристократическаго элемента, возмечтали тѣмъ же путемъ возстановить у насъ преобладаніе крупнаго землевладѣнія, такъ называемаго культурнаго слоя, централизируя высшее просвѣщеніе въ тѣхъ классахъ, которые имѣютъ наиболѣе независимости и наиболѣе досуга для исполненія государственной и общественной службы. Этотъ умыселъ легко поддерживался англоманіей, укоренившейся съ нѣкотораго времени въ великосвѣтскомъ обществѣ; но князь Васильчиковъ справедливо утверждалъ, что *гимнастика тѣла*, называемая по-англійски *спортомъ*, и другая *гимнастика ума*, именуемая *классицизмомъ*, недостаточны для того, чтобы создать у насъ твердый слой аристократическаго общества. Въ Англіи высшій классъ управлялъ отечествомъ, объясняетъ князь Васильчиковъ, аристократы занимали должности безвозмездно, а иногда даже съ большими расходами, слѣдовательно въ высшемъ образованіи имъ была существенная потребность. Въ другихъ странахъ, какъ и у насъ, управленіе заключается въ составѣ организованной бюрократіи, которая наполняется не только изъ высшаго, но и изъ средняго класса, слѣдовательно ограничить высшее образованіе однимъ высшимъ классомъ, значитъ въ корнѣ измѣнить самое управленіе. Гдѣ и къ чему можетъ примѣнить свои классическія знанія русскій столбовой дворянинъ? спрашивалъ покойный князь; эти свѣдѣнія еще могутъ пригодиться медику, правовѣду, филологу; но всѣ эти профессіи замѣщаются не крупными собственниками, а среднимъ людомъ, служащимъ изъ жалованья и гонорара. Богатые люди, выходя изъ высшихъ школъ, теряютъ немедленно практику, поддерживающую пріобрѣтенныя знанія; для военной службы, которой они большею частью посвящаютъ себя, требуется не филологія, а математика; для управленія имѣніями—техническія, реальныя науки, а не латинскій и греческій языки. По мнѣнію князя Васильчикова, вводимая система образованія не могла имѣть другаго исхода, какъ устраненіе отъ высшаго образованія большей части дѣтей провинціальнаго мелкаго дворянства, сельскихъ священниковъ, купцовъ, промышленниковъ и друг., несимѣющихъ ни возможности найти учителей въ уѣздахъ, ни средствъ для переѣзда и проживанія въ губернскихъ и столичныхъ городахъ.

Digitized by Google

Князь Васильчиковъ осуждаетъ, что, не вникнувъ въ дѣйствительные и, къ сожалѣнію, очень многочисленные недостатки нашего воспитанія, не хотѣли изслѣдовать настоящихъ нуждъ и пользъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, но прямо заключили по высокой культурѣ Англіи и Германіи, что намъ надо позаимствовать всецѣло изъ этихъ странъ уставы и программы обученія, потому что ничего лучшаго придумать нельзя. Этотъ пріемъ онъ называлъ и фальшивымъ, и неосторожнымъ.

Выборъ времени для повышенія требованій, для обязательнаго введенія классическихъ языковъ, князь Васильчиковъ называетъ самымъ неудачнымъ; надо было, говоритъ онъ, дать отсрочку лѣтъ на десять; но и кромѣ того онъ сомнѣвается, была ли эта потребность дѣйствительною: нужно ли было, посреди общей безграмотности народныхъ массъ и полуграмотности среднихъ классовъ, избрать именно этотъ предметъ для усиленія культурныхъ нашихъ средствъ; съ того ли слѣдовало начать, если скудныя средства нашего бюджета не позволили обнять всѣхъ инстанцій школъ и всѣхъ отраслей науки? По взгляду князя, въ Россіи высшія школы стояли несравненно выше, чѣмъ средняя, а главный недостатокъ среднихъ школъ онъ видѣлъ не въ объемѣ преподаванія, а въ поверхностности обученія: преподавался латинскій языкъ во всѣхъ гимназіяхъ, и никто его не зналъ; высшая математика проходилась во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но рѣдкій офицеръ по выходѣ изъ училища помнилъ уравненія или логарифмы. Углубить обученіе, утвердить знанія—вотъ что требовалось для среднихъ школъ. Между армейскимъ офицеромъ, воспитанникомъ кадетскаго корпуса, или священникомъ, выпущеннымъ изъ семинаріи, и студентомъ или кандидатомъ университета было слишкомъ большое разстояніе; ихъ надо было уравнять, прежде чѣмъ поднимать еще выше одного, оставляя другихъ еще дальше, позади и ниже. Умноженіе гимназій, учительскихъ школъ, всякихъ среднихъ училищъ, и общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, вотъ та настоятельная, существенная потребность, которую надо было удовлетворить, предоставляя земству учрежденіе народныхъ школъ и поощряя его начинанія руководствомъ и содѣйствіемъ. Но вышло иначе, и въ этомъ князь Васильчиковъ видитъ полнѣйшее доказательство того, что въ высшихъ сферахъ не имѣ-

Digitized by Google

лось ни малѣйшаго понятія о положеніи и ходѣ дѣлъ въ провинціи, въ сельскомъ быту. Отъ этого, по взгляду князя, произошла страшная ошибка и вредъ (намѣренный или нѣтъ, никто пока сказать не можетъ), когда стали переводить высшій надзоръ надъ народными школами съ земскихъ учрежденій, которыя все-таки нѣсколько подвинули это дѣло, на дворянство, которое оставило его, послѣ семидесятилѣтняго періода своего управленія, по словамъ князя, въ томъ далеко не блестящемъ положеніи, въ какомъ мы его застали въ 1861 году. Вышло, что ту часть дворянства, которая занималась народнымъ образованіемъ и ему сочувствовала, и которая вездѣ была въ меньшинствѣ—подчинили той части того же благороднаго сословія, которая если и интересовалась имъ, то меньше, чѣмъ чинами, крестами и концессіями. Меньшинство было подавлено большинствомъ, личная иниціатива—корпоративной сонливостью и безпечностью. Князь Васильчиковъ видѣлъ страшное зло въ томъ ложномъ положеніи, въ какое невольно стали и родители, и учащіяся ихъ дѣти отъ неправильной постановки нашей школы. Пятнадцатилѣтній мальчикъ, говоритъ онъ, если онъ не тупъ отъ природы, непремѣнно обнаружитъ или особенную любовь къ поэзіи, словесности, художествамъ, или способность къ вычисленіямъ, техническимъ познаніямъ, реальнымъ наукамъ. Вотъ въ этотъ-то моментъ его и берутъ, чтобы сказать ему отъ имени начальства, что если онъ хочетъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, то онъ не долженъ слѣдовать влеченію своихъ вкусовъ и наклонностей, что реальное образованіе не приведетъ его къ высшимъ степенямъ просвѣщенія, что онъ можетъ, пожалуй, идти и по этому проселочному пути просвѣщенія, но что главный трактъ, ведущій къ высшимъ школамъ, для него закрытъ, если по Божьему промыслу онъ отъ рожденія не одаренъ тѣми спеціальными способностями, которыя требуются утвержденными программами и уставами.

Вотъ этого-то права сортировать нашихъ дѣтей, по предвзятымъ соображеніямъ очень небольшаго кружка педагоговъ, князь Васильчиковъ не хотѣлъ признавать ни за кѣмъ. Его говоритъ онъ, не признаетъ и въ Россіи никто, кромѣ той группы людей, которыхъ успѣли убѣдить не въ пользѣ классицизма, а въ необходимости затруднить доступъ въ универси-

Digitized by Google

теты, и въ общей массѣ образованныхъ сословій непремѣнно найдется 90 семействъ изъ 100, въ которыхъ настоящая система воспитанія составляетъ предметъ обыденныхъ и очень горькихъ сѣтованій и жалобъ, такъ что дѣти воспитываются въ средѣ, совершенно враждебной ихъ воспитанію, и, возвращаясь изъ школы въ семейства, постоянно слышатъ отзывы, осуждающіе учебную нашу организацію. Здѣсь родители и старшіе члены семействъ подрываютъ сами авторитетъ преподавателей, и такимъ образомъ подавляютъ одной рукой то образованіе, которое даютъ другою. Это дѣйствительно было страшнымъ, неизмѣримымъ зломъ въ нашемъ воспитаніи, тою неисправимою педагогическою ошибкою, которая пагубно отозвалась на всемъ поколѣніи. Зло не ослабилось и запрещеніемъ прекратить журнальную полемику по этому предмету.

«Наша пресса, замѣчаетъ князь Васильчиковъ, дѣйствительно отнеслась къ этому вопросу слишкомъ запальчиво и пристрастно, не подумавъ, что педагогическія словопренія отзываются во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ правъ или виноватъ, вредно на незрѣлыхъ умахъ воспитанниковъ. Но потому-то именно, прибавляетъ онъ, и нельзя вводить въ народное просвѣщеніе новыхъ началъ и системъ, не испытавъ предварительно почвы, на которой сѣмена будутъ сѣяться, не убѣдясь въ воспріимчивости общества, которое хотятъ просвѣтить. Съ самаго перваго дня, какъ воздвигнуто это знамя классицизма, можно было убѣдиться, что русское общество къ такому крутому повороту не подготовлено, и что изъ числа литераторовъ, педагоговъ, наставниковъ, т. е. тѣхъ людей, которые должны были проводить эту мѣру, одна половина вовсе ей не сочувствовала, а изъ другой три четвертыхъ части покорялись повелѣніямъ правительства не по убѣжденію, а по насущной нуждѣ, для сохраненія своихъ мѣстъ и содержаній... Навязывать насильно цѣлому поколѣнію свою систему и требовать, чтобы оно изъ предосторожности притаило свои возраженія, изъ опасенія возмутить дѣтей, не касалось бы самаго вопроса, интересующаго всѣхъ и каждаго, обвинять прессу въ томъ, что она служила вѣрнымъ отголоскомъ мнѣній огромнѣйшаго большинства отцовъ и матерей — это несправедливо». Такъ оправдывалъ князь Васильчиковъ родителей, на которыхъ взваливали всю вину въ неуспѣ-

Digitized by Google

хѣ воспитанія. Для начала исправленія всего дѣла, онъ желалъ на первый разъ только одного: чтобы лица, заправлявшія народнымъ просвѣщеніемъ, допустили, что они могутъ ошибаться, такъ какъ все раздраженіе происходило именно отъ того, что уставы были поставлены на степень догмата, какъ непогрѣшимость римскаго папы.

Князь Васильчиковъ, горячо ратуя за правильное воспитаніе молодаго поколѣнія, не былъ собственно противникомъ настоящаго классицизма. «Потому именно, что мы имъ дорожимъ, писалъ онъ, мы и опасаемся, чтобы струна, черезъ мѣру натянутая, внезапно не оборвалась, чтобы за фанатизмомъ классицизма не послѣдовала реакція реализма». Онъ осуждалъ только этотъ фанатизмъ, справедливо говоря, что противъ него возмущается чувство, очень сильное во всѣхъ слояхъ русскаго общества — *чувство родительской любви:* она возмущается тѣмъ, что видитъ невозможность воспитывать дѣтей по заданнымъ программамъ, во-первыхъ, по недостатку средствъ, т. е. самихъ преподавателей и наставниковъ, во-вторыхъ — потому что напряженія, требуемыя отъ учениковъ, превосходятъ физическія силы всѣхъ дѣтей, не одаренныхъ отъ природы желѣзнымъ тѣлосложеніемъ... Отъ чуткаго сознанія родителей не могло скрыться, что все это искусственное зданіе не прочно, не долговѣчно, это сознаніе приходитъ внутрь семейной жизни, гдѣ оно еще вреднѣе вліяетъ на дѣтей, и на нашихъ глазахъ подростаетъ поколѣніе, настроенное самими родителями на осужденіе и порицаніе... Противъ голоса отцовъ и матерей трудно спорить какой бы то ни было власти. Петръ Великій, при всемъ своемъ могуществѣ, не могъ ввести въ силу законъ объ единонаслѣдіи; чувство родительской любви и семейной связи пересилило всемогущаго преобразователя. «То же чувство возстаетъ и теперь, продолжаетъ князь Васильчиковъ, противъ порядковъ, заимствованныхъ изъ тѣхъ же странъ. Не политическія или соціальныя мнѣнія протестуютъ противъ этой исключительности, а совершенно естественныя и простыя чувства любви и состраданія къ дѣтямъ, изнемогающимъ душою и тѣломъ отъ непосильной строгости и сложности учебныхъ уставовъ.»

Окончательное желаніе князя Васильчикова выразилось въ слѣдующихъ словахъ: «Высшія школы могутъ и должны быть

Digitized by Google

очень взыскательны при окончательномъ выпускѣ студентовъ и строго разборчивы въ присужденіи ученыхъ степеней, начиная отъ дѣйствительныхъ студентовъ до докторовъ. Но онѣ не имѣютъ права заграждать къ себѣ доступъ молодымъ людямъ, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, подъ предлогомъ, что они учились не по программѣ, офиціально утвержденной; не имѣютъ права запирать двери своихъ аудиторій передъ учениками, изучавшими глубже, основательнѣе одинъ предметъ, чѣмъ другой, потому что это значитъ насиловать самую природу человѣческую, отрицать Божію волю, которая надѣляетъ людей различными способностями, и скажемъ болѣе—это значитъ предрѣшать властью судьбу человѣка, потому что любовь къ наукѣ, иниціатива образованія пробуждаются въ большей части молодыхъ людей именно въ тотъ моментъ, когда они получаютъ полную свободу ученія и свободный выборъ той отрасли человѣческихъ знаній, которая соотвѣтствуетъ ихъ способностямъ, вкусамъ и складу ума. Устройте же какъ можно лучше и полнѣе подготовительное среднее образованіе — классическія, реальныя, военныя, духовныя училища — *это ваше дѣло*. Предоставьте лучшимъ ученикамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній равный доступъ въ высшія школы—*это наше право*».

Мы съ намѣреніемъ представили такъ подробно взглядъ нашего лучшаго и, къ сожалѣнію, покойнаго публициста на самое больное мѣсто нашего общественнаго организма, такъ какъ сами не разъ бесѣдовали съ нимъ объ этомъ вопросѣ и не могли не замѣтить, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу это дѣло. Притомъ же здѣсь онъ является вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ, мнѣній, желаній и чувствъ того большинства, преимущественно провинціальнаго міра, съ которымъ онъ былъ такъ хорошо знакомъ. Много думалъ онъ также и о сельской школѣ, и вѣрилъ въ ея силу, если только она будетъ поставлена правильно, безъ всякой задней мысли задержать ходъ ея. Вопросъ о ней онъ разработывалъ въ своей первой по времени, извѣстной книгѣ «О самоуправленіи», напечатанной въ 1870 г. *). Къ этому во-

*) Нѣсколько ранѣе эти главы о народной школѣ были читаны въ бывшемъ цетербургскомъ педагогическомъ обществѣ, при огромномъ стеченіи публики, которая выразила свое сочувствіе отсутствовавшему автору громкими одобреніями.

Digitized by Google

просу, какъ и ко всѣмъ другимъ, онъ подступилъ съ обычною своею осторожностью и внимательностью. Онъ хотѣлъ его выяснить себѣ на примѣрахъ другихъ народовъ, для чего изучалъ развитіе народныхъ школъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ, гдѣ народное образованіе, а съ нимъ вмѣстѣ и широкая промышленность, какъ необходимое его слѣдствіе, стоитъ неизмѣримо выше нашего. Одно поверхностное сравненіе скорѣе можетъ подавить всякую надежду стать и намъ на ту же высоту, на какой стоятъ они, чѣмъ внушить смѣлую мысль сдѣлать большой шагъ впередъ, чтобы догнать ихъ. Внимательное же изученіе предмета, напротивъ, ободрило душу горячаго патріота, приведя его къ тѣмъ выводамъ, каніе, такъ сказать, сами напросились въ трудѣ князя Васильчикова. Дѣло въ томъ, что онъ всегда разсматриваетъ вопросъ въ связи съ прошедшимъ, которымъ и выясняетъ настоящее, а изученіе прошедшаго по отношенію къ народной школѣ привело его къ мысли, что «тѣ результаты, которые нынѣ добыты нашими старшими братьями, достигнуты ими не вѣковѣчными усиліями, а въ теченіе послѣднихъ 20 или 30 лѣтъ, и что поэтому старшинство ихъ передъ нами измѣряется не вѣками и поколѣніями, а только четвертью столѣтія». Если же это такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что мы можемъ скоро догнать нашихъ старшихъ братьевъ, сдѣлавъ общее дружное усиліе. Тутъ безнадежность была бы не кстати. Не смущаетъ добросовѣстнаго изслѣдователя и обыкновенный аргументъ, будто намъ мѣшаетъ двигаться впередъ по пути народнаго образованія *бѣдность* нашей страны и разстройство нашихъ финансовъ и народнаго хозяйства. То же самое прошедшее здѣсь еще болѣе помогаетъ автору удержаться на высотѣ своей надежды. Въ первой четверти настоящаго столѣтія, когда началось образовательное движеніе въ Западной Европѣ, финансовое ея положеніе и народное хозяйство были не въ лучшемъ положеніи, въ какомъ теперь находимся мы. Германія и, особенно Пруссія, изнывала подъ бременемъ наполеоновскаго разгрома и тяжелыхъ усилій своего освобожденія; точно такъ, какъ и Россія, она въ самые тяжкіе дни испытаній приступила къ соціальному преобразованію,—отмѣнѣ крѣпостнаго права, и въ этотъ-то самый моментъ, при полномъ разстройствѣ всего экономическаго быта, государ-

Digitized by Google

ственнаго, земскаго и частнаго, выступила твердой ногой на поприще всенароднаго образованія, на которомъ, не далѣе, какъ черезъ 20—30 лѣтъ, стояла на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ народовъ европейскаго материка. Это, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, замѣчаетъ князь Васильчиковъ, что дѣло народнаго образованія можетъ быть начато и съ скромными средствами, что отъ государственной казны не требуется громадныхъ пожертвованій и что училищные сборы и налоги не истощаютъ производительныхъ силъ страны и народа.

Но представляя Пруссію въ примѣръ быстраго развитія народной школы, князь Васильчиковъ, какъ врагъ всякихъ стѣсненій и насилій, не желаетъ, чтобы мы взяли себѣ въ образецъ обязательную ея школу; его болѣе привлекаетъ свободная сѣверо-американская школа, хотя, относясь критически и къ ней, находитъ не все для насъ пригоднымъ.

«Общихъ правилъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ странъ нѣтъ и быть не можетъ, говоритъ онъ; не въ системѣ, а въ духѣ народа и въ матеріальныхъ его средствахъ заключается тайна его преуспѣяній на поприщѣ цивилизаціи. Когда потребность какого либо соціальнаго улучшенія еще только пробуждается, и пока она еще не взошла на степень всенароднаго сознанія, намъ кажется, лучше дѣйствовать посредствомъ побужденій, поощреній, вспомоществованій, чѣмъ посредствомъ прямаго принужденія, и далѣе, когда уже большинство жителей, масса народа проникласъ убѣжденіемъ въ пользѣ и нуждѣ предпринимаемаго дѣла, тогда и наступаетъ необходимость сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ, чтобы сломить противодѣйствіе немногихъ отсталыхъ людей, кружковъ и обществъ, придерживающихся старыхъ порядковъ по апатіи и закоснѣлости. Если Германія съ своими Schulpficht и Schulgeld достигла всенародной образованности послѣ цѣлаго столѣтія напряженныхъ усилій, то Америка, при вольномъ и безплатномъ обученіи, прошла тотъ же путь въ послѣднія 30 лѣтъ».

По взгляду князя Васильчикова, наши мѣстныя условія, территоріальныя и климатическія, ставятъ насъ, въ отношеніи народныхъ школъ, гораздо ближе къ Америкѣ, чѣмъ къ Германіи. Для будущей организаціи начальнаго образованія въ Россіи, онъ рекомендуетъ «американскую систему неприкосновеннаго фонда

Digitized by Google

для народныхъ школъ», образуемаго отъ доходовъ и продажи государственныхъ имуществъ. При этомъ онъ высказываетъ замѣчательно-вѣрный педагогическій взглядъ, не допускающій въ школу политики ни съ которой стороны,—взглядъ, который слѣдовало бы усвоить всѣмъ, имѣющимъ какое либо прикосновеніе къ школѣ, и безъ котораго школа вѣчно будетъ колебаться и мутить юное поколѣніе. «Прочное, незыблемое устройство народнаго просвѣщенія, говоритъ князь Васильчиковъ, обезпеченіе учителей и училищъ на будущее время, огражденіе ихъ отъ произвола земскихъ и правительственныхъ властей, отъ измѣнчивыхъ, случайныхъ частныхъ взглядовъ мѣстныхъ собраній и мѣстныхъ начальниковъ,—таковы должны быть, по нашему разумѣнію, главныя основанія учебной организаціи, и такъ какъ недостатокъ денежныхъ средствъ бываетъ большею частью причиной, а иногда и предлогомъ бездѣйствія населенія, то ассигнованіе особаго фонда, исключительно предназначеннаго для народныхъ школъ, должно имѣть во всякомъ случаѣ вліяніе на ихъ развитіе. Это развитіе пойдетъ, можетъ быть, такъ же туго, какъ и доходность отведенныхъ земель; но, говоря вообще, культура нравственная и земледѣльческая идутъ ровнымъ шагомъ, и тамъ, гдѣ пробуждается первая, возникаетъ и вторая; гдѣ мѣстное населеніе начинаетъ заботиться объ ученіи, тамъ оно приступаетъ и къ воздѣлыванію пустопорожнихъ земель, возвышая ихъ цѣнность по мѣрѣ возростающаго запроса на продукты производительности прежнихъ пустыхъ земель»... Какъ судъ, такъ и школа, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ кн. Васильчиковъ, должны быть поставлены внѣ круга политическихъ партій и внѣ зависимости отъ правительственныхъ и земскихъ властей. Если отъ случайнаго состава собранія или митинга, или отъ произвольнаго распоряженія начальника будетъ зависѣть самое существованіе училища, то эта шаткость будетъ подрывать кредитъ самаго образованія. Чтобы поддержать самостоятельность школы и не дать ей возможности стать въ зависимость отъ личныхъ воззрѣній, американцы обезпечили содержаніе училищъ неприкосновенными фондами, связали ихъ устройство съ щедрыми пособіями отъ правительства, наконецъ обусловили дарственные акты на казенныя земли заведеніемъ народныхъ школъ, земледѣльческихъ и техническихъ училищъ и университетовъ.

Digitized by Google

Князь Васильчиковъ питаетъ надежду, что и мы обратимся къ этому источнику, такъ какъ мы начинаемъ приходить къ тому же сознанію, изъ котораго выходятъ американцы въ своей образовательной и хозяйственной политикѣ,—къ сознанію, что казенная администрація есть худшій изъ всѣхъ способовъ хозяйственнаго управленія, и что матерьяльное благосостояніе страны и народа прямо зависитъ отъ уровня его образованія. Соображенія понимающаго дѣло публициста, и черезъ десять слишкомъ лѣтъ, не потеряли своего вѣскаго значенія и заслуживаютъ полнаго вниманія тѣхъ, кто безъ хитрости и притворства думаетъ о прочныхъ основахъ народнаго просвѣщенія.

По его вычисленію, «для того, чтобы подвинуть дѣло народнаго просвѣщенія, чтобы стать на ту степень образованія, на которой стояли въ началѣ настоящаго столѣтія прочіе европейскіе народы, для того, чтобы перейти наконецъ отъ заявленій къ начинаніямъ, отъ сочувствія къ содѣйствію, отъ безплодныхъ сѣтованій о невѣжествѣ русскаго народа къ его обученію, намъ нужно найти 12.000,000 рублей. Найдемъ ли мы ихъ: вотъ вопросъ». Хотя его вычисленія крайне умѣренны и, можетъ быть, выводимая имъ цифра окажется недостаточною, но тѣмъ не менѣе замѣчаніе, сдѣланное имъ въ отвѣтъ на предложенный вопросъ, остается во всей своей силѣ:

«Уже довольно лѣтъ и вѣковъ прошло въ притворномъ оплакиваніи варварства русскаго народа, въ изъявленіяхъ притворнаго сочувствія къ народному образованію и въ обманчивыхъ указаніяхъ, будто бы на этотъ предметъ высшей пользы, крайней нужды, нѣтъ средствъ... Несравненно труднѣе найти людей, искренно проникнутыхъ духомъ цивилизаціи, признающихъ образованіе народныхъ массъ высшимъ благомъ страны и высшимъ долгомъ правительства, предпочитающихъ временныя уклоненія и увлеченія общественнаго мнѣнія непробудному застою невѣжества, людей довольно настойчивыхъ, чтобы заявить высшимъ властямъ, что народное образованіе есть вопросъ жизни или смерти для народовъ нашего вѣка и что величіе современныхъ державъ зависитъ еще болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ... Люди приказные, не находя своихъ выгодъ въ сокращеніи расходовъ, отстаиваютъ съ неодолимымъ упорствомъ громадныя ихъ смѣты... Ихъ послѣдовательнымъ и

Digitized by Google

непрерывнымъ усиліямъ, наконецъ, удалось вселить убѣжденіе и провести черезъ всѣ слои русскаго общества смутное и горькое сознаніе, что Россія—страна въ 100 тысячъ квадр. миль и 70 мильон. жителей, содержащая армію въ 1 мильонъ и тратящая на нее 130 мил., великая держава, собирающая и покоряющая всѣ окольныя земли и племена,—что Россія, говоримъ, слишкомъ бѣдна, чтобы содержать народныя школы, слишкомъ груба, чтобы выучиться читать и писать... Искреннее содѣйствіе начальному образованію должно быть оказано не уставами, не чувствами, не рѣчами, а деньгами, и нужныя суммы найдутся, если только захотимъ ихъ искать въ сокращеніи излишнихъ расходовъ».

Мы подробно коснулись только взглядовъ князя Васильчикова въ связи съ нашимъ школьнымъ вопросомъ, такъ какъ намъ самимъ наиболѣе близокъ этотъ вопросъ; но онъ, какъ публицистъ, посвящалъ свои труды изслѣдованію другихъ живыхъ и вмѣстѣ коренныхъ вопросовъ русской жизни, которые и въ настоящее время насъ преслѣдуютъ и требуютъ неотложнаго разрѣшенія. И всѣ они сливаются въ одномъ вопросѣ о *народѣ*, въ широкомъ значеніи этого слова: земля, трудъ, знаніе, хозяйство, школа, народное здравіе и проч., все это у него составляетъ нераздѣльныя части одного цѣлаго; одинъ вопросъ цѣпляется за другой, одинъ выясняетъ другой, какъ это является и въ самой жизни. И къ каждому вопросу онъ подступалъ во всеоружіи, уяснивъ его себѣ историческимъ изученіемъ, какъ онъ ставился и разрѣшался исторіей у другихъ образованныхъ народовъ, и среди какихъ условій онъ является въ русской жизни. Съ нимъ можно во многомъ не соглашаться, но нельзя не признать за нимъ той рѣдкой добросовѣстности, съ какою онъ относился къ каждой задачѣ, безъ всякой задней или предвзятой мысли. Онъ думалъ, повидимому, только объ одномъ—найти вѣрную и прямую дорогу, которая бы вывела насъ изъ темнаго лабиринта на свѣтъ божій, въ лучшія условія жизни. Но въ то же время онъ не былъ исключительно идеалистомъ и теоретикомъ; онъ хорошо зналъ практическую жизнь и всегда стоялъ на настоящей дѣйствительной почвѣ, что̀ доказалъ веденіемъ своего сельскаго хозяйства и своимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. Поэтому литературные его труды еще долго бу-

Digitized by Google

дутъ имѣть значеніе; ихъ нельзя обойти никому, кто бы вздумалъ заняться тѣми вопросами, которыхъ касался онъ.

Задумываясь объ общественномъ воспитаніи и образованіи, князь Васильчиковъ проявилъ такія же заботы и въ своей собственной семейной жизни. Для болѣе полной характеристики покойнаго князя, воспользуемся свидѣтельствомъ лица, которое имѣло возможность хорошо оцѣнить его въ семейной обстановкѣ его жизни. «Если ставить князя въ примѣръ другимъ, пишетъ намъ это лицо, то нельзя обойти молчаніемъ характеристики его, какъ отца. Александръ Иларіоновичъ овдовѣлъ въ 1862 г. и съ тѣхъ поръ всей душой предался воспитанію своихъ дѣтей, изъ которыхъ младшая дочь только родилась, сыну было два года, а старшей дочери не болѣе пяти лѣтъ. Въ такомъ возрастѣ они нуждались въ попеченіяхъ матери, и князь замѣнилъ ее. Онъ не баловалъ дѣтей, но никогда не былъ съ ними и суровъ; напротивъ, постоянно выказывалъ къ нимъ нѣжность, никогда не говорилъ при нихъ ничего лишняго, большую часть времени проводилъ въ семьѣ, и всегда былъ радъ, если можно было провести вечеръ среди дѣтей, игралъ съ ними въ крокетъ, бралъ съ собою на охоту съ борзыми. Въ тѣсной семейной жизни съ чужими неизбѣжны столкновенія, если одно лицо не держится пассивно относительно другаго: такія случайныя столкновенія князь умѣлъ тщательно скрывать отъ дѣтей, и не стыдился сознаться, если по размышленіи считалъ себя неправымъ». Онъ оставилъ жизнь тогда, когда окончилъ воспитаніе своихъ дѣтей, не забывъ отнестись съ искренней признательностью къ тѣмъ, кто честно раздѣлялъ съ нимъ воспитательные его труды. Здѣсь мы не имѣемъ права вдаваться въ подробности частныхъ его отношеній, но только замѣтимъ: они таковы, что ихъ тоже можно бы было поставить въ примѣръ многимъ. Скажемъ въ заключеніе, что князь Ал. Ил. Васильчиковъ недаромъ прожилъ свою жизнь, хотя и не попалъ на ту дорогу, гдѣ бы могъ назваться государственнымъ человѣкомъ; онъ нашелъ себѣ другую, гдѣ приличнѣе названіе *лучшаго земскаго человѣка*, и притомъ въ то время, когда идеалъ такого человѣка у насъ еще не успѣлъ выработаться.

В. Стоюнинъ.

Digitized by Google

БАККАЛАВРЪ.

Романъ **Жюля Валлеса.**

I.

Жакъ Венгтра.

Оконченъ курсъ коллегіи! Я баккалавръ! Я образованный человѣкъ!

— Вы достаточно вооружены для житейской борьбы, сказалъ мнѣ на прощаніе профессоръ. — Кто выходитъ побѣдителемъ изъ школы, передъ тѣмъ открыта широкая карьера!

Какая карьера? Недавно заѣзжалъ къ отцу старый его пріятель и разсказывалъ, что одинъ изъ ихъ общихъ школьныхъ товарищей, когда-то первый ученикъ, проголодавши трое сутокъ, бросился съ высоты нѣсколькихъ саженей въ каменоломную карьеру и разбилъ себѣ голову. Надѣюсь, не о такой карьерѣ держалъ ко мнѣ рѣчь почтенный преподаватель; онъ разумѣлъ, что я теперь вступаю въ жизнь и долженъ бодро стать на перепутьѣ, какъ Геркулесъ...

Какъ Геркулесъ... или Гераклъ! Я довольно твердъ въ миѳологіи. Это хорошо, въ жизни пригодится.

Лошади были уже готовы, когда пришелъ инспекторъ пожелать счастливаго пути одному изъ своихъ милыхъ alumni. Онъ сказалъ alumni... Что такое alumni?..

— Alumn-us, alumn-i,—подтолкнулъ меня незамѣтно локтемъ г. Рибаль, преподаватель третьяго класса.

Digitized by Google

— Ахъ, да... alumnus—ученикъ... такъ. Что-же, пожалуй, коль на древнихъ языкахъ—такъ на древнихъ; онъ мертвою латынью, я его мертвою гречью: благодарю, мой дорогой наставникъ.

Я сдѣлалъ трагическій жестъ и поскользнулся; инспекторъ хотѣлъ поддержать и тоже чуть не полетѣлъ. Онъ оправился первый и заговорилъ о моемъ образованіи:

— Мой юный другъ, съ такимъ багажемъ...

Носильщикъ думаетъ, что рѣчь идетъ о чемоданахъ.

— А съ вами идетъ еще что нибудь? освѣдомляется онъ.

Со мною жиденькій чемоданчикъ, но... зато со мною-же мое образованіе, знанья мои и дипломъ баккалавра.

Распрощались. Дилижансъ двинулся, и я на пути... пока на шоссейномъ еще. Тѣмъ не менѣе я имѣю право вытянуть ноги и руки, какъ мнѣ хочется, имѣю право хохотать и плакать, зѣвать, кричать, прыгать... дѣлать, что вздумается. Самъ себѣ господинъ, хочу-молчу, хочу-говорю и говорю не то, что велятъ, а что въ голову придетъ. Я на своихъ ногахъ, я выпрыгнулъ изъ колыбели... семнадцать лѣтъ меня держали въ ней спеленутымъ и поднимали лишь затѣмъ, чтобы выстегать...

Не вѣрится даже! Такъ все и кажется, что вотъ-вотъ экипажъ остановится, явятся папенька съ маменькою и водворятъ раба Божія въ колыбельку... Или вдругъ отворится дверца, войдетъ профессоръ, торговецъ мертвыми языками, и заведетъ обычную канитель о герундіяхъ...

Никого... карета быстро несется по гладкому шоссе... Я свободенъ! свободенъ! свободенъ!.. Грудь дышетъ широко, легко; гордость бьетъ въ носъ, какъ крѣпкая горчица... по ногамъ мурашки бѣгаютъ, въ головѣ какая-то лучезарность. Сижу, согнувшись. Матушка сейчасъ сказала бы, что я сижу крючкомъ, похожъ на горбатаго, что у меня дурацкіе глаза... панталоны вздернулись, жилетъ разстегнутъ, запонки выскочили... что я шутъ-шутомъ! Правда... и запонки, и жилетъ... рука сжимаетъ обнаженную грудь, силится сдержать прыгающее въ ней сердце... Не удержать его ничѣмъ; оно бьется, какъ дитя, готовое появиться на свѣтъ, въ утробѣ матери...

Digitized by Google

Digitized by Google

непрочесное руно молодаго барана,—весь видъ дикаго человѣка и застѣнчивость институтки, застѣнчивость, дѣлающая меня неуклюжимъ, неловкимъ и жалкимъ. Посмотритъ на меня пристально или заговоритъ со мною кто нибудь постарше меня или побогаче, или послабѣе, словомъ, кто-бы ни было изъ такихъ, съ кѣмъ нельзя подраться, кому нельзя заткнуть ротъ кулакомъ... и я робѣю, какъ дитя, конфужусь, какъ дѣвочка... Моя добрая матушка такъ усердно толковала о моемъ безобразіи, о моей феноменальной неловкости, что я теряюсь ежеминутно и не знаю, куда дѣвать свою крупную, несчастную особу; апломба никакого, мнѣ кажется, что я плоше всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ. Увѣренъ я только въ одномъ,—что я не трусъ.

Въ дорогѣ капиталы остались не тронутыми; я сытъ провизіей, заботливо положенной матерью. Поѣлъ я фундаментально и захотѣлось пить; пробрался въ буфетъ, за спиною пассажировъ стащилъ графинъ и налилъ свой кожаный стаканъ, купленный мною, когда я собирался сдѣлаться морякомъ, искателемъ приключеній, открывателемъ острововъ. Много нужно было энергіи, чтобы ухватить графинъ и своровать воду. Пью и захлебываюсь, давлюсь... горло сжимаетъ, сердце схватываетъ, словно тисками... я сознаю свое униженіе...

Парижъ, 5 часовъ утра.

Пріѣхали. Тишина какая! Какъ все блѣдно въ унылomъ свѣтѣ ранняго утра; Парижъ спитъ, на улицахъ пусто, какъ въ оврагахъ. Холодно, тоскливо... на побѣлѣвшемъ небѣ жалко мигаетъ и меркнетъ послѣдняя звѣздочка. Мрачно кругомъ и на сердцѣ мрачно. Страшно... Я похожъ на Робинзона, выкинутаго бурей на пустынный островъ; только передъ нимъ зеленѣли деревья, пестрѣли золотистые плоды, а здѣсь... точно слѣпые, стоятъ громады домовъ, ни движенья, ни звука привѣтнаго. Перебраниваются носильщики, тяжело шлепаютъ о каменный помостъ выкидываемые изъ вагона чемоданы... Вотъ шлепнулся и мой.

Да, мнѣ первымъ дѣломъ надо сыскать господина съ сорока франками, пріятеля г. Андре. Обращаюсь къ тому изъ рабочихъ,

Digitized by Google

который мнѣ показался наиболѣе «простымъ малымъ», показываю письмо и справляюсь о г. Трюше.

— Г. Трюше? Вотъ его контора, только самого нѣтъ, уѣхалъ въ Орлеанъ.

— Уѣхалъ!.. А вернется онъ къ вечеру?

— Вернется черезъ нѣсколько дней. На линіи сдѣлалась покража, онъ поѣхалъ на слѣдствіе.

Г. Трюше уѣхалъ! Вернется... черезъ нѣсколько дней! Что-же это надѣлала маменька? Не грѣхъ-ли?.. Вѣдь могла-же она предвидѣть, что г. Трюше можетъ уѣхать, должна была знать, что на желѣзныхъ дорогахъ случаются кражи... не ея ли обязанность предохранить меня отъ возможности остаться съ однимъ франкомъ въ карманѣ на мостовой громаднаго, незнакомаго города!

— Вашъ чемоданъ? спрашиваетъ одинъ изъ служащихъ.

— Мой.

— Не угодно-ли приказать взять отсюда. Мѣсто нужно, сейчасъ другой поѣздъ.

Взять... куда? Не могу же я навьючить его на спину и путешествовать по городу... О! меня душатъ слезы бѣшенства... горло сжимаетъ, точно его тисками вывертываютъ.

— Что-же вы?... Чемоданъ-то? пристаетъ багажный смотритель, швыряя ногою мои пожитки.

— Послушайте... мой голосъ дрожитъ и обрывается.—Видите-ли... г. Трюше... у меня письмо... отъ г. Андре... управляетъ конторою дилижансовъ въ Нантѣ...

Смотритель смягчается.

— А, господинъ Андре? Знаю... Такъ вамъ нужна квартира? Тутъ недалеко, въ улицѣ Des Ecus есть недорогіе нумера.

Какъ добродушно онъ говоритъ «недорогіе»; такъ и чувствуется, что онъ насквозь видитъ мой карманъ.

— За полтора франка можно имѣть приличную комнатку.

Полтора франка!.. Набираюсь храбрости и забираю чемоданъ...

— А нельзя-ли, спохватываюсь я,—здѣсь оставить... у васъ? Я бы зашелъ послѣ?

— Пожалуй, можно. Я сюда задвину, въ уголъ. Эге! Да ещ

Digitized by Google

и не смѣшаютъ съ другими, прибавилъ онъ, разглядывая адресъ.— Вы аккуратны.

Матушка собственноручно пристроила на крышкѣ надпись:

Этотъ чемоданъ перешелъ по наслѣдству къ г-ну Венгтрà, Жаку-Жозефу-Атаназу, родившемуся въ день св. Варнавы въ Пюи, въ департаментѣ Верхней Луары, — сыну г. Венгтрà, Луи-Пьера-Антуана, преподавателя въ шестомъ классѣ Нантской коллегіи. Отправленъ въ Парижъ 1-го марта, съ дилижансомъ Лафитъ и Гальяръ. Въ случаѣ несчастья возвратить въ городъ Нантъ, въ департаментъ Нижней Луары, на имя г. Венгтрà отца, на Ришбургской набережной № 2, во второмъ этажѣ въ домѣ г. Жана Поссье, прозваннаго Гро-Вантузъ.

Просятъ сохранить.

Расписано крестомъ, совершенно какъ на могильной плитѣ деревенскаго кладбища. Носильщики осматриваютъ меня съ головы до ногъ. Я бормочу и лгу:

— Ахъ, это все бабушка... знаете, добрыя, деревенскія старушки...

Я боюсь показаться смѣшнымъ и сваливаю эпитафію на деревенскую бабушку.

— Отсюда вижу, добродушно посмѣивается носильщикъ. — Старушища... голова закутана чернымъ порыжѣлымъ платкомъ, юбка вѣчно подоткнута... хлопотунья...

Digitized by Google

Еслибы онъ видѣлъ желтую шляпку съ райскими птицами, любимое украшеніе мамаши!.. Я отрекся отъ матери!

Чемоданъ въ уголъ задвинули, я поклонился и вышелъ.

Вотъ и Парижъ! Что-то ждетъ меня въ немъ? Какова-то будетъ жизнь, начатая при такихъ обстоятельствахъ? Вышелъ я со двора и пошелъ, куда глаза глядятъ. Мимо скачутъ возы мясниковъ; ноздри лошадей раздуваются, пышутъ огнемъ: у насъ въ провинціи говорятъ, будто на бойняхъ ихъ поятъ кровью. гремятъ телѣжки молочниковъ; рабочіе спѣшатъ къ своему дѣлу въ рукахъ у нихъ инструменты, изъ-за блузы торчатъ краюш хлѣба; кое-гдѣ отворяются ставни лавокъ; погромыхивая тяжелы ключами, причетники поднимаются на церковныя паперти...

Парижъ просыпается. Парижъ проснулся. До восьми часовъ прослонялся по улицамъ.

II.

Матусенъ.

А дальше что? Теперь куда? Одно средство—разыскать стараго товарища Матусена. Если не перемѣнилъ квартиры—я спасенъ.

Съѣхалъ! Съѣхалъ мѣсяцъ тому назадъ и неизвѣстно куда.

— Уѣхалъ съ какими-то поэтами, объяснилъ мнѣ дворникъ, неодобрительно покачивая головою.—Напрасно онъ съ ними связывается. Одѣты плохо, сами лохматые... навѣрно поэты.

Что-же? Очень можетъ быть, даже весьма вѣроятно, что поэты.

Въ послѣднее время Матусенъ ухаживалъ за племянницею одной торговки зеленью. У этой племянницы былъ, помнится мнѣ, еще дядюшка, нѣкогда бравшій приступомъ Бастилію; въ память этого великаго событія онъ постоянно пребывалъ въ кабачкѣ, на углу площади, носящей завѣтное имя, и уходилъ оттуда вечеромъ, пошатываясь и понося «вдову Капета». Быть можетъ, мнѣ удастся разыскать этого дядюшку за обычною чарочкою, и онъ наведетъ меня на слѣдъ моего пріятеля.

Увы! Ни дядюшки, ни кабачка... и домъ-то сломанъ, строится

Digitized by Google

новый. На углу пріютился гадальщикъ, предлагаетъ предсказать будущее по картамъ.

— Что стоитъ?

— Малое гаданье—два су.

Подсовываетъ колоду картъ. Изъ суевѣрія выдергиваю одну, хочу знать, что меня ожидаетъ. Моему примѣру слѣдуютъ еще трое: кухарка и два каменьщика. Забираетъ онъ насъ четверыхъ, какъ сержантъ рекрутовъ, и ведетъ въ мерзкій, вонючій кабачекъ.

— Червонный тузъ, вызываетъ гадальщикъ брезгливо.

— У меня червонный тузъ.

— Вамъ какое, большое или малое гаданье? спрашиваетъ онъ, отводя меня въ сторону.

По всему чувствую, что спроси я малое, онъ непремѣнно предскажетъ самоубійство, больницу, поэзію... всѣ несчастья и бѣды...

— Большое.

— Еще пятнадцать сантимовъ.

Отдаю деньги.

— И стаканчикомъ винца угостите?

Обуяла трусость; потребуй онъ бутылку, графинъ, я велѣлъ бы подать.

— За ваше здоровье! Знахарь выпилъ, утеръ губы ладонью и началъ пророкать:

— Повидимому, вы бѣдны, одѣты плохо, особенно привлекательною внѣшностью не одарены. На вашемъ пути стоитъ недоброжелательная особа; она мѣшаетъ расположеннымъ къ вамъ людямъ помочь вамъ. Но всѣ ея козни, неожиданно для васъ, будутъ разрушены третьимъ лицомъ, черезъ которое вы можете получить большой интересъ. Вамъ полезно было бы узнать имя этой благодѣтельной особы. Это очень просто, стоитъ только раскинуть «гаданье маговъ». Всего пять су... За пять су узнаете все.

Пяти су я не могу израсходовать даже за то, чтобы все узнать. Гадальщикъ спѣшитъ меня спровадить.

— До сорока лѣтъ вы будете чорта за хвостъ ловить. Вздумаете жениться, поздно будетъ. Особа, за которую станете сва-

Digitized by Google

таться, найдетъ васъ старымъ и безобразнымъ, вамъ откажутъ отъ дома...

Онъ чуть не насильно выталкиваетъ меня за дверь и вызываетъ десятку трефъ.

Необходимо разыскать возлюбленную Матусена. Въ лицо я ее отлично помню, къ сожалѣнію, не знаю имени; мой пріятель звалъ ее Торшонетой,—имя, имъ самимъ сочиненное. Направляюсь въ улицу Старыхъ-Августиновъ высматривать торговокъ зеленью; ихъ тамъ двѣ или три. Я рѣшилъ караулить у лавочекъ, не пройдетъ-ли Торшонета; не могу же я въ самомъ дѣлѣ подойти къ торговкамъ и спросить:

«Нѣтъ-ли у кого изъ васъ молоденькой племянницы, которую обожатели-студенты прозвали Торшонетой? Не любитъ-ли ваша племянница моего пріятеля Матусена? Нѣтъ-ли у васъ родственника, напивающагося ежедневно на площади Бастиліи?»

Мнѣ остается только ходить по тротуару мимо лавочекъ и всматриваться въ проходящихъ женщинъ. Нѣсколько часовъ сряду я имѣлъ глупость разсчитывать на случайную встрѣчу съ Торшонетой и сновать взадъ и впередъ по одной улицѣ до того, что за мною начали подозрительно присматривать городовые. Какъ разъ тутъ-же, между овощными лавочками, былъ магазинъ часовщика, со множествомъ часовъ въ окнѣ. Случись въ эту ночь кража, подозрѣніе навѣрное пало-бы на меня, меня могли бы не только притащить къ суду, но и обвинить, пожалуй.

Въ часъ завтрака движеніе усилилось, и мнѣ поминутно казалось, что я узнаю возлюбленную Матусена. Я бросался въ погоню. На меня показывали пальцами, надо мною хохотали дѣвушки, стоявшія въ дверяхъ мастерскихъ и молочныхъ. Я краснѣлъ до ушей и убѣгалъ въ сосѣднія улицы; попадалъ въ темные, зловонные переулки. Тамъ женщины съ багровыми лицами, въ яркихъ платьяхъ, съ хриплыми голосами, дѣлали мнѣ какіе-то знаки, дергали за рукава, звали съ собою въ грязные корридоры. Я вырывался, бѣжалъ подъ градомъ невозможныхъ словъ и возвращался въ улицу Старыхъ-Августиновъ, измученный, умирающій отъ голода и усталости.

Digitized by Google

Одни принимали меня за вора, другіе за сыщика.

— Переодѣтый! разслышалъ я слова одного рабочаго.

— Молодъ слишкомъ, возражалъ другой.

— Эко дѣло-то! А сынъ тетки Шаветъ старше что-ли, а попалъ же въ сыщики.

Жарко было. Солнце накаляло мостовую и разогрѣло всю дрянь, осѣвшую у водосточныхъ трубъ и въ водосточныхъ канавкахъ. Отъ овощныхъ лавченокъ пахло гнилью, изъ оконъ подвальныхъ кухмистерскихъ вырывался смрадъ пригорѣлаго сала. Тошно дѣлалось; въ кровь истертыя ноги отказывались служить, мутилось въ глазахъ и голова горѣла, какъ въ лихорадкѣ. Я бѣжалъ изъ этой ужасной улицы, бѣжалъ туда, гдѣ воздухъ чище, гдѣ дышать свободнѣе; добрался кое какъ до скамейки бульвара и упалъ въ изнеможеніи. Мимо сновала пестрая, равнодушная толпа. Въ провинціи изъ десяти прохожихъ пятеро знаютъ васъ и всю вашу родословную; здѣсь вы можете умереть на этой скамейкѣ, мимо пройдутъ сотни, тысячи людей, и никто вниманія не обратитъ, не замѣтитъ даже! Толпа спѣшитъ, смѣняется ежеминутно, лица мелькаютъ и исчезаютъ, на смѣну имъ новыя, новыя безъ конца... Я сидѣлъ, какъ потерянный, и былъ похожъ на ребенка, брошеннаго на площади.

Между тѣмъ голодъ беретъ свое, приходится приниматься за оставшіеся у меня су. А потомъ что? Когда ихъ истрачу и не найду Матусена? Гдѣ ночевать? А желудокъ не даетъ покоя, голова кружится, по тѣлу пробѣгаетъ мучительная дрожь.

Э, не умирать же въ самомъ дѣлѣ. Захожу въ булочную, покупаю маленькій хлѣбецъ въ одинъ су и пожираю его, какъ собака; захожу къ виноторговцу и требую рюмку вина. Чудная, живительная влага! По жиламъ точно огонь пробѣжалъ, голова мгновенно освѣжилась, на душѣ тепло, легко стало, явилась бодрость. Въ жизни никогда не испыталъ я ничего подобнаго. За минуту передъ этимъ, я готовъ былъ дотащиться до станціи и вернуться домой во что бы ни стало, еслибы для покупки билета пришлось даже заложить мой наслѣдственный чемоданъ съ его эпитафіей. Подъ вліяніемъ усталости и голода, я способенъ былъ

Digitized by Google

рѣшиться и на эту подлость. Довольно было одной рюмки вина, и я поднялъ голову, бодро вмѣшался въ непрерывный потокъ парижскаго люда.

Два часа. Водяные пузыри на ногахъ лопнули, кожа сходитъ, а Торшонеты нѣтъ какъ нѣтъ! Въ одной изъ улицъ я примѣтилъ домъ съ надписью: «шесть су за ночлегъ». Неужели придется въ него идти,—въ общество этихъ женщинъ, ихъ содержателей, какихъ-то темныхъ личностей, жуликовъ? Отъ этого притона такъ и вѣетъ развратомъ и преступленіемъ... Придется-ли? Неминуемо придется, и еще радъ будешь!.. Сегодня переночую за шесть су, а завтра и шести су не будетъ... Завтра я окажусь бродягою!..

Еще рюмку. Двумя су меньше въ карманѣ, на тысячу франковъ больше смѣлости въ душѣ.

— Другую рюмку, возглашаю я, принимая видъ записнаго кутилы. Нарочно налегъ на «другую», воображая, что торговецъ обязанъ помнить мою физіономію, такъ какъ я выпилъ у него часъ тому назадъ. Выкидываю серебряную монету въ десять су.

— Пятьдесятъ сантимовъ... Вотъ шесть су.

Онъ подалъ мнѣ сдачу.

— Какъ же это? Съ меня за одну рюмку.

— Вы сами сказали другую, слѣдовательно...

— Ахъ... да... да... я сказалъ...

Мнѣ стыдно объяснить, что имѣлъ въ виду ту... давишнюю, конфужусь, краснѣю, спѣшно подбираю свои мѣдяки и слышу, какъ торговецъ говоритъ женѣ:

— Ишь гусь! хотѣлъ надуть на рюмку...

Нѣтъ Матусена, нѣтъ возможности разыскать его. Толкнуться развѣ къ кому нибудь другому? Чуть-ли Ройяни не пріѣхалъ слушать юридическіе курсы; поплетусь къ юридической школѣ и стану поджидать его у входа. Рѣшено. Дорогу знаю.

Вотъ и добрался. Начинается та-же исторія, что съ зеленщицами; бѣгу за всякимъ, кто нѣсколько смахиваетъ на Ройяни, подскакиваю къ старикамъ—пугаются, къ молодымъ—становятся въ оборонительную позицію, заговариваю—оказываются совсѣмъ незнакомые люди. Меня страшно стѣсняетъ мое зимнее пальто.

Digitized by Google

Въ дорогѣ ночью холодно было, и оно сослужило свою службу; а теперь, въ эту жару, оно становится несноснымъ. На станціи оставить побоялся, къ тому же франтовство одолѣло: матушка всегда говорила, что очень идетъ къ мужчинѣ, когда у него перекинуто черезъ руку верхнее платье, что это придаетъ видъ порядочности, такъ какъ крестьяне и рабочіе, вообще простой народъ, не носятъ никакихъ пардесю. Я перекинулъ пальто черезъ руку съ ловкостью настоящаго джентельмена, и вышло безобразіе. Желтое, изъ толстой матеріи, плотно подбитое ватою, мое пальто не укладывается на рукѣ, топырится, торчитъ коломъ, рѣжетъ глаза своимъ страннымъ цвѣтомъ. Въ улицѣ Старыхъ-Августиновъ и на бульварахъ на него никто не обращалъ вниманія; оно было на мнѣ надѣто; теперь я таскаю его на рукѣ, и всѣ думаютъ, что продаю. Молодежь презрительно отвертывается, старьевщики подходятъ, щупаютъ матерію, осматриваютъ пуговицы, подкладку и отходятъ прочь, не спросивши даже о цѣнѣ. Всѣ руки мнѣ оттянуло это тяжелое пальто. Я опять измученъ, опять голоденъ, какъ волкъ... и ни Матусена, ни Ройяни!.. Никого, никого..

Пускаюсь, наконецъ, по аудиторіямъ; всѣ смотрятъ, какъ на чудище... Залы опустѣли, разошлись студенты и профессора. Ни на лѣстницахъ, ни на дворѣ нѣтъ ни души, одинъ я съ моимъ желтымъ пальто. Вотъ вышелъ швейцаръ запирать подъѣздъ, пріостановился и пристально всматривается въ меня. Добрякъ, кажется. Много видалъ онъ на своемъ вѣку бѣдняковъ, несчастныхъ и робкихъ, не разъ слыхалъ о неудачно начавшихъ и плохо кончившихъ. Его развѣ спросить?—Смѣлости не хватило. Я отвернулся и прошелъ мимо, беззаботно насвистывая, какъ человѣкъ, прогуливающійся ради собственнаго удовольствія и захватившій съ собою желтое пальто, потому что ему нравится этотъ цвѣтъ. Тяжелая дверь заскрипѣла, одна половинка затворилась, громыхнулъ наложенный крючекъ... скрипитъ другая, захлопнулась, заперта... Наконецъ! Я остался на мостовой, ночую на улицѣ или за послѣдніе шесть су въ мерзкомъ притонѣ! Злость надрываетъ сердце, злость на этотъ мрачный, запертой домъ, злость на себя... По-

Digitized by Google

чему я не подошелъ къ старику швейцару? Онъ же показался мнѣ такимъ добрякомъ. Трусъ я, дрянь... вотъ почему!

О, еслибы онъ вышелъ!.. А, вотъ онъ. Подбадриваюсь, подхожу и спрашиваю... что спрашиваю? Самъ не знаю, конфужусь, путаюсь... какая-то чепуха выходитъ. Старикъ разспрашиваетъ, даетъ мнѣ оправиться; наконецъ дѣло разъяснилось,—я ищу студента Ройяни.

— Надо спросить у секретаря, господина Ребуля. Списки въ его канцеляріи.

Онъ ведетъ меня въ домъ и указываетъ квартиру секретаря. Дверь отворяетъ самъ г. Ребуль, щедушный, блѣдный, съ дребезжащимъ голосомъ, точно придавленный.

— Что вамъ? Канцелярія заперта... Кто это... кто тамъ въ углу?!

Въ углу коломъ торчитъ мое желтое пальто и въ потемкахъ кажется притаившимся, присѣвшимъ человѣкомъ. Г. Ребуль въ ужасѣ захлопываетъ дверь, слышенъ трескъ мебели, секретарь баррикадируется. Внизу поджидаетъ швейцаръ.

— Дѣлать нечего, говоритъ онъ,—сами заглянемъ въ списки, пока я буду убирать комнаты. Сдѣлайте видъ, что вы изъ здѣшнихъ служителей и идите за мною.

Я дѣлаю видъ, что изъ здѣшнихъ служителей, складываю свои пожитки—желтое пальто и шапку—въ уголъ, засучиваю рукава... не достаетъ только швабры. Входимъ въ канцелярію, открываемъ списки... буква Р.

— Ро... Ро... Ройяни, Бенуа... Онъ... онъ самый... улица Вожираръ № 4.

Швейцаръ захлопываетъ книгу и наскоро суетъ ее на мѣсто.

Я разсыпаюсь въ благодарностяхъ.

— Не стоитъ, не за что. Теперь уходите скорѣе... а то, пожалуй, сойдетъ г. Ребуль, увидитъ опять ваше пальто, заоретъ, весь домъ подыметъ на ноги!

Digitized by Google

III.

Отель Лиссабонъ.

Улица Вожираръ № 4—отель Лиссабонъ. Спрашиваю г. Ройяни.

— Дома нѣтъ. Онъ вамъ нуженъ? Вы изъ Нанта? бойко спрашиваетъ болтливая привратница.

— Нѣтъ, не изъ Нанта... въ школѣ вмѣстѣ учились.

— А... Вы были въ Нантѣ?.. И г. Матусена знаете?

— Матусена!.. Конечно...

Разсказываю всю исторію моихъ поисковъ.

— И чуденъ только этотъ г. Матусенъ! Онъ на верху живетъ, рядомъ съ г. Ройяни. Тотъ за него и поручился... понимаете, этотъ Матусенъ голъ, какъ соколъ... извѣстно—писатель...

Повидимому, всѣ парижскіе дворники одного мнѣнія о писателяхъ.

— А Матусенъ дома?

— И его нѣтъ. Только къ обѣду непремѣнно явится. Вотъ увидите, какъ обѣденный звонокъ, такъ и онъ тутъ съ своею тамбурмажорскою палкою и въ садовничьей шляпѣ.

Черезъ минуту дѣйствительно входитъ на лѣстницу господинъ въ неизмѣримой шляпѣ; изъ-за полей сверху не видно человѣка.

— Кого я вижу!

— Матусенъ!

— Венгтрà!..

Мы кинулись другъ другу въ объятія, да такъ и остались. Первому опустить руки неловко, можетъ показаться, что недостаточно радъ свиданію съ пріятелемъ. Обнялись и стоимъ, обхвативши другъ друга, точно боремся. Матусенъ лучше меня знаетъ обычаи, ему виднѣе, сколько времени должны продолжаться настоящія дружескія объятія; онъ всѣ порядки знаетъ. Мнѣ сдается, что и довольно бы, пора выпустить, а онъ все прижимаетъ, все крѣпче прижимаетъ.

Отпустилъ наконецъ, начались разспросы. Я разсказываю свою погоню за Торшонетой.

— Торшонета—фю-фю... нѣтъ никакой Торшонеты. Теперь я люблю Анжелину. Пойдемъ, познакомлю.

Digitized by Google

Происходитъ представленіе.

— Вотъ мой искреннѣйшій другъ Венгтра. Я тебѣ часто говорилъ о немъ. Онъ къ намъ, раздѣлить веселую трапезу. Да? Вѣдь ты раздѣлишь веселую трапезу?

Онъ запѣлъ студенческую пѣсню, пріостановился и крикнулъ:

— Эй, подхватывай, хоръ!..

Хоръ подхватилъ, т. е. я и Анжелина.

Настоящая палка эта Анжелина, длинная, худая, востроносая, съ тонкими губами.

— А знаешь, проговорила она, когда кончилось пѣнье,—булочникъ приходилъ, отказался носить хлѣбъ, если не расплатимся по счету.

— А Ройяни?

— Ройяни ушелъ, понесъ панталоны закладывать.

Матусенъ почесалъ переносицу.

— Такъ-то, братъ, нужда одолѣваетъ.

Братъ?—Ахъ, да... это я братъ! Не сообразилъ сразу, непривычка,—никогда не было брата.

— Впрочемъ, вотъ что, обратился онъ ко мнѣ другимъ тономъ,—ты вѣдь свѣженькій, только что приплылъ, слѣдовательно при деньгахъ. Свѣженькіе всегда при деньгахъ.

Я выкладываю свои капиталы. Взглядъ Анжелины выражаетъ глубокое презрѣніе.

— А это? Матусенъ бросается на мое желтое пальто.—Это въ стирку.

Презрѣніе Анжелины изъ глубокаго превращается въ глубочайшее.

— Во всякомъ случаѣ, продать можно. Хочешь, продадимъ? Ты, можетъ быть, дорожишь этою желтизною?

— Нисколько...

И совралъ. Бѣдное, старое пальто! Некрасиво оно, много мнѣ непріятностей сегодня надѣлало, но я привыкъ къ нему. Жарко въ немъ было, тяжело таскать на рукѣ, но оно грѣло меня въ ночной холодъ... А сколько въ жизни еще холодныхъ ночей будетъ! Придетъ зима, имъ можно въ постели укрыться. Оно вѣрою и

Digitized by Google

правдою служило моему отцу, профессору, отъ него мнѣ досталось. Надъ нимъ посмѣивались школьники, но это былъ безобидный, дѣтскій смѣхъ... А теперь эта память отца, почти святыня, пойдетъ старьевщику... Мрачнымъ облакомъ пронеслись эти думы въ моей головѣ, я отогналъ ихъ мгновенно: плохо, если я съ такими нѣжностями начну свою карьеру!

— Эй!.. Псс!.. Эй! Старьевщикъ!

Вошелъ торгашъ, далъ сорокъ су и унесъ мою святыню. Итого, съ остававшимися у меня, сорокъ восемь су. Мансарда ожила: хлѣбъ, бутылка вина, котлеты подъ соусомъ—вотъ что дадутъ сорокъ восемь су. Я самъ пойду за обѣдомъ, прикажу положить побольше соусу, огурчиковъ, мальчику дамъ на водку два су, даже три дамъ... кутить, такъ кутить.

И славно мы пообѣдали! Послѣдній кусокъ огурца пустили на жеребій; затѣмъ денегъ хватило еще на большой хлѣбъ, даже на кофе. Веселье, смѣхъ и пѣсни...

Наконецъ Анжелина замѣтила, что пора позаботиться о моемъ логовищѣ на ночь. Переговорили съ привратницею, сообщили ей о предстоящей получкѣ отъ Трюше; она не прочь бы пріютить меня, даже съ кредитомъ на полъ-недѣли, еслибы только было гдѣ. Все занято до послѣдней каморки. Къ счастью, она припомнила, что у ея знакомыхъ, Рифо, есть свободная комнатка. Эти Рифо содержатъ нумера въ улицѣ Дофинъ, рядомъ съ кафе Конти. Съ рекомендательнымъ посланіемъ нашей привратницы мы отправились въ улицу Дофинъ. Насъ впустили, не смотря на поздній часъ, и провели въ свободную комнату. Помѣщеніе не роскошное: лѣстница съ полусгнившими ступенями, вмѣсто перилъ грязная, лоснящаяся саломъ веревка, тесовыя перегородки, продавленный стулъ, трехногій столъ, низенькая кровать, жиденькое, покрытое слоемъ пыли одѣяло, рамы не сходятся, разбитое стекло дребезжитъ отъ вѣтра... Тѣсно, грязно... самъ Матусенъ морщится, даже ему жутко. Сходя съ лѣстницы, онъ оступился и едва не переломалъ реберъ.

— Упалъ? спрашиваю я сверху.

— Нѣтъ...

Никогда не сознается, что упалъ; я его давно знаю.

Digitized by Google

Итакъ, я дома! Скверно тутъ, зато я имѣю право отворить эту дверь кому захочу, и захлопнуть передъ носомъ того, кого не желаю впустить *къ себѣ*, я вправѣ столкнуть съ лѣстницы всякаго, кто-бы вздумалъ пойти противъ моего желанія или сдѣлать мнѣ дерзость. Если тотъ окажется сильнѣе меня, что̀ очень возможно, онъ все-таки слетитъ внизъ, хотя, быть можетъ, и вмѣстѣ со мною.

Я дома! Положимъ, въ какой-то звѣриной клѣткѣ... а все-таки дома! Такъ и хочется заорать во все горло, заревѣть по звѣриному: я дома! я у себя!

Два часа я упиваюсь этимъ сознаніемъ; наконецъ, протягиваюсь на жесткой кровати и смотрю на голубое небо... И небо тѣсно становится для моихъ мечтаній, для моихъ надеждъ; ни сомнѣніямъ, ни страхамъ мѣста нѣтъ. Сердце, какъ вырвавшаяся на свободу птичка, несется безъ удержу въ необозримое пространство. Наступаетъ дремота... сны золотые... Я уснулъ, не раздѣваясь, и проспалъ всю ночь, какъ солдатъ на бивуакѣ. Поутру всталъ бодрый, счастливый и довольный. Съ яркаго неба лились потоки горячихъ солнечныхъ лучей и золотыми полосами пестрили мое выцвѣтшее одѣяло; гдѣ-то невдалекѣ раздавалось пѣнье женщины, подъ окномъ щебетали птички. Дышалось легко; хорошо мнѣ было.

Кто-то далъ маленькой Рифо красныхъ фіалокъ; она увидала, что моя дверь отворена, и крикнула снизу:

— Новый жилецъ, хочешь фіялку?

Какъ радъ я былъ этому милому цвѣтку; онъ напоминалъ мнѣ родину, деревню, мое дѣтство. Наконецъ г. Трюше вернулся и передалъ мнѣ деньги. Я тотчасъ же уплатилъ г-жѣ Рифо шесть франковъ, мѣсячную цѣну квартиры, остальныя отдалъ Анжелинѣ на общее хозяйство. Въ первый же день, изъ этой общей кассы взяты еще шесть франковъ на театръ. Мы хорошо пообѣдали и пошли въ Портъ-Сенъ-Мартенъ смотрѣть драму Фердинанда Дюге—«Нищета». Дорогой выпили, Матусенъ въ ударѣ.

Выходитъ на сцену герой, актеръ Мюнье, съ пистолетомъ въ рукахъ и восклицаетъ: «Честно жить или сдѣлаться убійцею? Что

Digitized by Google

выбрать—мѣщанскую жизнь или эшафотъ?»—Эшафотъ, эшафотъ!—оретъ Матусенъ на весь театръ.

Отъ сорока франковъ осталось одно воспоминаніе; зато десять дней весело пожили; даже некогда было задуматься о томъ, что будетъ, когда уйдетъ послѣдній сантимъ. И вотъ на оба «дома»,—на отель Лиссабонъ и отель Рифо,—состоитъ въ наличности пятдесятъ сантимовъ.

Забрался я на скрипучую лѣстницу, заперъ свою конуру и жую купленную дорогой витушку. Обѣдъ былъ слишкомъ голоденъ. Только восемь часовъ. Длиненъ покажется вечеръ въ этой трущобѣ; но мнѣ необходимо побыть одному, собраться съ мыслями, съ самимъ собою подумать. Голова трещитъ отъ постоянной болтовни и безтолковщины. Со дня пріѣзда, я точно въ какомъ-то чаду; къ вечеру стоитъ въ ушахъ нескладный гулъ, языкъ болитъ отъ разговоровъ, жжетъ нёбо и горло отъ куренья. Въ эту минуту стаканъ воды изъ моего тусклаго графина пріятнѣе чернаго кофе отеля Лиссабонъ. Мысль освѣжается, мнѣ все становится яснымъ.

Завтра нищета. Матусенъ говоритъ, что это пустяки.—Развѣ не въ нищетѣ живутъ Шанаръ, Родольфъ, Марсель? А имъ не плохо живется: они не каждый день обѣдаютъ, а беззаботны и веселы, любятъ, пишутъ стихи и смѣются надъ мѣщанскою пошлостью. Нельзя впрочемъ, сказать, чтобы и я хотя разъ пообѣдалъ по настоящему. Бѣдная матушка! Она предсказывала, что я пожалѣю о ея стряпнѣ! Очень можетъ статься... Я писалъ матушкѣ, сообщилъ ей, что устроился въ отелѣ Рифо, въ чистенькой комнаткѣ и познакомился съ людьми, могущими быть мнѣ полезными (!). Это про Матусена, Анжелину и Ройяни. На самомъ дѣлѣ преполезные люди: во-первыхъ, помогли спустить желтое пальто, а затѣмъ могутъ сообщить адресы всѣхъ ссудныхъ кассъ подъ залогъ движимости.

Отъ матушки получился отвѣтъ. Изъ письма выпалъ красный листокъ—почтовый талонъ на полученіе сорока франковъ. Въ приписке сказано: «отецъ будетъ тебѣ высылать сорокъ франковъ ежемѣсячно». Ежемѣсячно! Не ожидалъ... не мечталъ... я думалъ, что деньги г. Трюше разъ навсегда. Сорокъ франковъ!!. На эти

Digitized by Google

деньги можно все имѣть... комнату, хлѣбъ до сыта, котлеты съ огуречнымъ соусомъ... даже можно бывать въ театрѣ!

Со страхомъ и трепетомъ я предъявилъ мой талонъ на почтѣ. Такъ и казалось, что вотъ—вотъ схватятъ, потащатъ, куда тамъ слѣдуетъ, начнутъ допрашивать: «Откуда взялъ? Укралъ? Поддѣлалъ?..» Ничуть не бывало, отсчитали восемь новенькихъ, блестящихъ пятифранковиковъ. Я унесъ ихъ въ свою каморку и цѣлый день посвятилъ обсужденію и составленію бюджета:

Приходъ ежемѣсячно. . . . . 40 фр.

Расходы необходимые:

Табакъ	4	фр.	50	с.
Газета	1	»	50	»
Въ библіотеку	3	»	—	»
Освѣщеніе	1	»	50	»
Стирка	1	»	—	»
Мыло.	—	»	20	»
Ремонтъ (иголки, нитки и пр.)	—	»	10	»
Квартира.	6	»	—	»
Итого. .	17	фр.	80	с.

Остатокъ: 22 фр. 20 с.

Содержаніе:

Въ полдень: полъ-порціи мяса .	20	с.	
два хлѣба. . . .	10	»	
Обѣдъ: полъ-порціи мяса . . .	20	»	
овощи	10	»	
два хлѣба.	10	»	
Итого ежедневно. .	10	с.	70×30=21 фр. въ мѣс.

Остатокъ на непредвидѣнные расходы . 1 фр. 20 с.

Долго я провѣрялъ этотъ разсчетъ, переписывалъ, пересчитывалъ, обсуждалъ каждую статью, и въ результатѣ нашелъ возможнымъ исключить изъ бюджета необходимыхъ расходовъ, по статьѣ ремонта, 5 сантимовъ. Такимъ образомъ, на непредвидѣнные расходы отчисляется 1 фр. 25 сант. На непредвидѣнные расходы, во всякомъ случаѣ, необходимо ассигновать извѣстную сумму.

Digitized by Google

Мало-ли что можетъ случиться. Итакъ довольство полное, даже съ избыткомъ одного франка двадцати пяти сантимовъ.

Я задыхаюсь отъ восторга! Мнѣ воздуха нужно, мнѣ нужно взглянуть на лежащій передо мною Парижъ. Высовываю голову въ окно и разбиваю стекло; забылъ отворить. Хорошо, что въ бюджетъ внесена статья непредвидѣнныхъ расходовъ. Я размѣнялъ свои капиталы на мелочь, разложилъ по статьямъ, подѣлалъ свертки и на нихъ надписи: «табакъ, мыло, завтракъ» и т. д. Необходимъ строгій порядокъ, не слѣдуетъ допускать отступленій.

Направляюсь въ библіотеку Барбедоръ, у него самый большой выборъ романовъ и драмъ.

— Я бы желалъ абонироваться.

— Три франка въ мѣсяцъ.

— Получите три франка.

— Нужно еще внести залогъ—пять франковъ.

— Залогъ!.. О немъ-то я и не подумалъ!.. Бормочу что-то и ухожу... Какъ быть? Идти домой и взять изъ другихъ свертковъ? Нѣтъ, это путь скользкій... Лучше ждать и понемногу откладывать капиталъ, нужный для залога.

Какъ ни тяжело было, а за неимѣніемъ ста су пришлось отказаться отъ книгъ, тогда какъ располагающій залогомъ въ сто су имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую библіотеку. Правда, на пищу и удовольствія у меня остается лишнихъ три франка, не считая экономіи въ освѣщеніи, но зато мнѣ поздно придется познакомиться съ современною литературою.

IV.

Будущее.

Теперь вопросъ, за что приняться?

У Матусена я познакомился съ однимъ журналистомъ, пойду къ нему и попрошу помѣстить ученикомъ въ типографію его журнала. Онъ хохочетъ...

— Какъ... васъ работникомъ?

Digitized by Google

— Конечно... и это нисколько не помѣшаетъ мнѣ служить дѣлу революціи. Напротивъ, у меня будетъ обезпеченный кусокъ хлѣба, а съ нимъ и возможность говорить, писать, дѣйствовать.

— Когда-то еще этотъ обезпеченный кусокъ будетъ, а пока вамъ придется быть на побѣгушкахъ у всей типографіи,—въ семнадцать-то лѣтъ, съ наружностью двадцатилѣтняго. Это просто сумашествіе... вамъ тоже скажетъ хозяинъ типографіи. Хотите, пойдемъ къ нему.

Мы пошли, и онъ оказался правымъ. Никто вѣрить не хотѣлъ, что я не шучу.

— Объ этомъ надо было ранѣе думать, лѣтъ въ двѣнадцать,— отвѣтилъ хозяинъ.

— Въ двѣнадцать я былъ закабаленъ въ школѣ. Меня латынью начиняли.

— Тѣмъ болѣе я васъ не возьму. Въ такое тревожное время для насъ не подходятъ люди, прыгающіе изъ школъ въ мастерскія. Они другихъ портятъ. Къ тому же, это всегда признакъ или дурнаго характера, или дурнаго поведенія. Я, конечно, не о васъ говорю; васъ рекомендуетъ нашъ сотрудникъ, мнѣ лично вы кажетесь прекраснымъ молодымъ человѣкомъ... Позвольте дать вамъ добрый совѣтъ,—оставайтесь въ своей средѣ и поступайте какъ всѣ.

Онъ поклонился и вышелъ.

— Вотъ видите, обратился ко мнѣ журналистъ.—Поздно задумали, милѣйшій... Съ усами, съ дипломомъ баккалавра... можно, пожалуй, со временемъ попасть въ кучера, а въ работники никогда. Прощайте, я вынужденъ васъ оставить. До свиданья.

Растерянный и пристыженный, я остался одинъ среди улицы. Меня, впрочемъ, не легко сбить съ идеи. Я началъ бродить вокругъ типографій почти такъ же, какъ искалъ Торшонету, и добился-таки разговора съ двумя хозяевами. Одинъ принялъ меня за нищаго попрошайку, другой за поэта, желающаго пробыть дня четыре рабочимъ, чтобы уподобиться Жильберу или Магю.

Эту затѣю пришлось бросить. За какое же взяться ремесло? Въ столяры идти или въ башмачники? Ни моему журналисту, ни

Digitized by Google

Матусену, никому изъ его компаніи я не сказалъ ни слова и сталъ шляться по мелкимъ кабачкамъ, куда заходятъ рабочіе; заводилъ тамъ знакомства, угощалъ, разспрашивалъ, разстроилъ свой бюджетъ и добился только полнаго разочарованія.

Одинъ добрякъ рабочій, худой, блѣдный, сѣдой, выслушалъ меня до конца и съ горькой усмѣшкой сказалъ:

— Посмотрите на меня... я состарѣлся прежде времени. Никогда въ жизни не былъ ни лѣнтяемъ, ни пьяницею, работалъ, рукъ не складывая... и вотъ въ 52 года едва на хлѣбъ вырабатываю... пропалъ бы безъ помощи сына; эти башмаки онъ мнѣ купилъ. А самъ женатъ, дѣтишки... у нихъ отнимаю...

Въ его голосѣ звучала тоска, у меня навернулись слезы.

— Вы добрый малый, заговорилъ онъ опять. — Но дѣло не въ томъ, чтобы меня жалѣть и плакать. Вытрите глаза, юноша, и разъ навсегда отдумайте быть рабочимъ. Вы опоздали, ничего не добьетесь... Самое образованіе ваше будетъ помѣхою; вы не сойдетесь съ грубымъ, невѣжественнымъ рабочимъ людомъ... и этотъ народъ не сойдется съ вами. Вы не были уличнымъ мальчишкою и всегда будете казаться баріномъ... Во всякомъ случаѣ повѣрьте мнѣ: къ старости блуза рабочаго превращается въ лохмотья... а рабочій кончаетъ или въ богадѣльнѣ, или на хлѣбахъ у дѣтей...

— Бываетъ и иной конецъ, на баррикадѣ!

— Такъ вы хотите сдѣлаться рабочимъ, чтобы умереть на баррикадѣ, когда слишкомъ тяжело покажется жить?.. Полноте! Надо помириться съ положеніемъ бѣдняка сюртучника и жить такъ, какъ живутъ всѣ, волею или неволею, залѣзшіе въ сюртуки. Вы, можетъ быть, свалитесь отъ непосильнаго труда, какъ тѣ школьные надзиратели и учителя, о которыхъ вы говорите... Ну, свалитесь и прощайте. Устоите,—вы и въ сюртукѣ можете быть защитникомъ блузы. Этимъ не слѣдуетъ пренебрегать, молодой человѣкъ! Не мудрствуйте не по лѣтамъ, не думайте о себѣ только да объ обезпеченномъ кускѣ хлѣба... Это похоже на эгоизмъ, пріятель:.. нельзя такъ много думать о брюхѣ, когда на сердцѣ и вправду то, о чемъ вы говорили...

Digitized by Google

Онъ замолчалъ, пожалъ мнѣ руку и вышелъ. Я болѣе встрѣчалъ его. Живъ-ли бѣдняга, или умеръ?.. Вѣроятно, умер быть можетъ, на другой-же день... Его слова рѣшили мою участ я бросилъ мечты стать рабочимъ и присоединился къ толпѣ бѣ ныхъ баккалавровъ.

. . . . . .

Я протосковалъ цѣлую недѣлю; но... ярко свѣтитъ осенн солнышко, деревья Люксамбурга точно бронзою и золотомъ одѣт товарищи беззаботны и веселы... а мнѣ семнадцать лѣтъ! Ве нулся смѣхъ, вернулись и мечты... Мы споримъ о чемъ попал шумимъ, рѣшаемъ мировые вопросы, ѣдимъ сомнительный супъ попиваемъ вино въ четыре су!

Въ четыре су винишко!
Винцо въ четыре су!..

— Славное это винцо! похваливаетъ Матусенъ, прищелкива языкомъ.

Онъ находилъ его, быть можетъ, прескверным, но, по свое роли коновода, считалъ обязанностью поддерживать въ кружк беззаботность и прославлять голодовку, клоповники и дешевое вино

Во всякомъ случаѣ вино въ четыре су можно было пить... I какъ славно пилось и жилось въ то время! Никогда не забуд низенькой комнаты, въ родѣ сарая, въ улицѣ Пепиньеръ, въ Монру жѣ; это былъ нашъ «кафе Прокопъ». Вдоль стѣны, рядкомъ стоя ли боченки, изъ кранов лилось кислое вино, изъ юныхъ сердец выливались задушевные стихи; о завтрашнемъ днѣ ни заботы ни помысла, точно у всѣхъ милліоны въ карманахъ; за четыр су мы имѣли съ избыткомъ здоровья, надеждъ и счастья! Да, я былъ счастливъ въ этомъ сараѣ, за голымъ столомъ, сидя на пустомъ боченкѣ. На возвратномъ пути, подъ вліяніемъ вечерней тишины, въ душу закрадывалось меланхолическое настроеніе; спа дали маски завзятыхъ кутилъ, мы превращались въ самихъ себя, мечты о будущемъ смѣнялись воспоминаніемъ прошлаго.

Черезъ десять минутъ по выходѣ изъ кабачка, еще раздавались крики; черезъ четверть часа смолкала даже пѣсня, слышался говоръ, тихій, вполголоса, говорили о родинѣ. Шли по двое,

Digitized by Google

трое, вспоминали школьную жизнь, коллегію. Всѣ были просты, какъ дѣти, почти серьезны, какъ взрослые; не было тутъ ни поповъ, ни артистовъ, ни студентовъ,—были только земляки.

Хороши были эти возвращенія изъ кабачка, гдѣ продавалось вино въ четыре су. Разъ, — это было въ ту недѣлю, когда я и Бійяни завѣдывали общею кассою, — мы съ нимъ подурачились, соблазнились и выпили по рюмкѣ хорошаго муската. Я и теперь, какъ вспомню, губы облизываю. Долго насъ упрекали за эти двѣ рюмки: пить дорогое вино считалось позоромъ, измѣною принципамъ! И мы измѣнили... Если всѣ измѣны оставляютъ такой пріятный вкусъ во рту и такое легкое чувство на сердцѣ, то вѣрить рѣшительно никому не слѣдуетъ. Во всю мою жизнь въ Парижѣ та рюмка муската была единственнымъ моимъ дурачествомъ, единственною роскошью... Нѣтъ, впрочемъ,—я и еще роскошествовалъ, купилъ герань, розанъ и комъ земли съ маргаритками. Всякій разъ, когда я могъ утянуть у кружка три су,—не воруя, конечно (довольно было муската),—я бѣжалъ на цвѣточный рынокъ купить цвѣтокъ роднаго края; почти крадучись, прижимая его къ груди и прикрывая рукою отъ посторонняго глаза, несъ я его въ свою конурку... Мнѣ такъ хотѣлось... такъ необходимо было въ этой парижской грязи, хотя изрѣдка, вздохнуть ароматомъ родины, освѣжиться воспоминаніями ранняго дѣтства!

Надо мною стряслась бѣда: отобрали мою комнатку въ отелѣ Рифо. Домъ передѣлали, уничтожили старую лѣстницу, а мое убѣжище, мой маленькій рай, превратили въ чердакъ... Надо было искать другую квартиру.

Квартиры съ каждымъ днемъ дорожаютъ; дешевле десяти франковъ нѣтъ возможности найти. Я по очереди обошелъ всѣ меблированныя комнаты улицы Дофинъ. Вездѣ смрадъ или шумъ; я искалъ тишины и всюду попадалъ на сосѣдство крикливыхъ дѣтей или пьяницъ. Наконецъ мнѣ посчастливилось найти комнатку по душѣ, небольшую, но свѣтлую. Въ тишинѣ и одиночествѣ я могъ до-сыта любоваться голубымъ небомъ, дышать чистымъ воздухомъ. Къ сожалѣнію, въ мою конурку нельзя было пройти иначе, какъ черезъ кофейную, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ. Это вы-

Digitized by Google

нуждало меня возвращаться домой ранѣе, чѣмъ бы хотѣлось п
кидать нашу компанію въ самый разгаръ споровъ. Лишеніе бы
такъ велико, что раза два или три я предпочелъ совсѣмъ не пр
ходить, а прошататься до утра по бульварамъ. Утомительно
скучно, и къ тому же вызывало неудовольствіе хозяйки, кос
взгляды; въ нихъ ясно виденъ былъ укоръ: «вотъ есть, молъ, у т
бя деньги на ночныя похожденія, а на уплату въ срокъ нѣтъ»
Хозяйка злилась и въ отместку выкидывала мои букеты на крышу

Жаль, ея мужъ былъ славный малый, очень жаль... еслиб
онъ былъ такимъ, какъ жена, я бы его избилъ; за каждый выки
нутый цвѣтокъ онъ расплатился бы со мною синяками и шиш
ками.

Наша жизнь разцвѣтетъ! и т. д.

Моя жизнь не разцвѣтала, а мои цвѣты гнили въ водосточ
номъ жолобѣ.

Какъ ни мала была моя десяти-франковая квартира, а я вы
нужденъ былъ и ею подѣлиться. Матусенъ познакомился гдѣ-т
съ однимъ отставнымъ кирасиромъ, ожидавшимъ присылки
денегъ. Это ожиданіе было, кажется, его профессіей; ожидаемыми
капиталами онъ обѣщалъ подѣлиться съ нами со всѣми. — Мату
сену далъ слово издать его «Исторію молодежи», очень его заинте
ресовавшую.—Эта книга огнемъ написана!—говорилъ онъ.

Кирасиръ окончательно обворожилъ Матусена тѣмъ, что сооб
щилъ ему нѣкоторыя подробности по военной спеціальности, раз
ныя техническія выраженія, придававшія живость описанію аттаки
на баррикаду. Воинъ этотъ, какъ и подобаетъ настоящему воину,
былъ человѣкъ бивачный и неприхотливый, ѣлъ и пилъ у насъ,
что Богъ послалъ. Разъ у него не оказалось квартиры, между
тѣмъ нельзя же было ему не имѣть опредѣленнаго мѣста жи
тельства, — необходимъ былъ адресъ для высылки денегъ.

— Понимаешь, обратился ко мнѣ Матусенъ: — кромѣ тебя
некуда. Всѣ наши живутъ съ женщинами... нельзя же втроемъ
У меня Анжелина... будь ты на моемъ мѣстѣ...

Слуга покорный! Его Анжелина чистѣйшая щепка. Такимъ
образомъ на меня, какъ на единственнаго холостяка, пала обязан

Digitized by Google

ость выручить кружокъ. Отказать — не хватило духа. Началось вописуемое мученье! Денно и нощно торчитъ передъ глазами про-ивная, длинная фигура... Чтобы объяснить хозяевамъ наше сожи-льство, кирасиръ назвался моимъ братомъ. То-то бы порадова-ась маменька, еслибы узнала, что по Парижу шагаетъ ея сы-окъ, неизвѣстный моему родителю!

Ужасное сожительство! Этотъ долговязый путается во все, травляетъ всю мою жизнь. Задумаюсь, лѣзетъ съ вопросами: «о омъ»? суется съ совѣтами, мѣшаетъ спать своими разговорами, ага ступить нельзя, не наткнувшись на его безконечныя ноги... ядъ его трубки заражаетъ воздухъ... а потомъ его плѣшь, ратительная плѣшь, круглая, блестящая, какъ тонзура патера, къ блинъ какой, налѣпленный на голову. Ночью этотъ вѣчно еркающій передъ глазами блинъ приводитъ меня въ отчаянье; оводитъ до ужаса... я начинаю чувствовать неудержимое стремле-ie схватить что нибудь и разбить его въ дребезги... Въ одинъ екрасный день мой мучитель исчезъ наконецъ; съ нимъ вмѣстѣ счезли мои ботинки. Дѣлать нечего, дождался ночи и пропутеше-твовалъ въ отель Лиссабонъ въ однихъ чулкахъ... какъ пили-римъ, идущій по обѣту босикомъ на богомолье...

Въ теченіе всего моего дѣтства, меня били постоянно, били сердно и добили до того, что кожа и кости загрубѣли; но сердце, ажется, не загрубѣло. Тѣмъ не менѣе, всякое побоище состав-яетъ для меня дикое наслажденіе; кулаки сами собою сжимаются, ежеминутно готовъ крикнуть:

«А! вы не знаете, — меня десять лѣтъ пороли... Я бы не ылся, быть можетъ; но... еслибы я вздумалъ орать слишкомъ ромко, отбиваться, то мой папаша, учитель, лишился бы мѣста... рочь! Я вырвался изъ подъ родительскихъ колотушекъ и изобью якаго, кто осмѣлится затѣять со мною ссору... Въ моихъ жи-ахъ течетъ крестьянская кровь, въ меня десять лѣтъ вколачивали здраженье, я десять лѣтъ терпѣлъ! Я не золъ, но теперь изъ ня наружу просятся засѣвшія во мнѣ колотушки. Прочь, говорю вамъ! Берегитесь... я имѣю надъ вами слишкомъ большія пре-мущества!»

Digitized by Google

Насколько я не обузданъ съ тѣми, кто затронетъ мою гордость, мои болячки, кто дерзнетъ стать надо мною въ положеніе моего отца,—настолько же я смиренъ и податливъ съ товарищами. Я добровольно призналъ превосходство Матусена, нисколько не увлекаясь имъ и втихомолку подтрунивая надъ нимъ. Я читалъ, что необходимо единодушіе, организація тѣснаго кружка, и подчиняюсь Матусену, стою въ положеніи Портоса въ «Мушкатерахъ», чуть не Баптиста въ «Vie de Bôheme»... я подчиняюсь потому, что я новичекъ, ничего еще не видалъ, неловокъ и несвѣдущъ, какъ только что выпущенный изъ долгаго заключенія, какъ изувѣченный, расправляющій мускулы. Слѣдомъ за Матусеномъ и за другими, я принималъ участіе въ побоищахъ между студентами и прикащиками. На нихъ, повидимому, надо нападать, такъ какъ они буржуа и реакціонеры; — я и нападаю; на эти бои расходую энергію и горжусь славою Геркулеса нашей шайки.

Я ничего не дѣлаю. Въ этой лѣни виновато мое воспитаніе; мнѣ необходимо еще проболтаться нѣкоторое время, прежде чѣмъ я въ состояніи буду приняться за дѣло; забитая голова требуетъ отдыха. У меня, впрочемъ, все-таки есть занятіе: я даю уроки сыну нашего портье, пять разъ въ недѣлю, по десяти су за урокъ. Такимъ образомъ, кромѣ ежемѣсячныхъ сорока франковъ, получаю еще два съ половиною франка въ недѣлю и не трачу ни одного су болѣе.

V.

Зеленый сюртукъ.

Одинъ изъ товарищей завелъ меня разъ въ молочную, славившуюся между студентами не столько превосходствомъ своихъ продуктовъ, сколько красотою хозяйской дочки. Стройная, живая брюнеточка съ лицомъ еврейскаго типа была на самомъ дѣлѣ восхитительна. Ни въ обществѣ учительскихъ женъ и дочерей, ни въ обществѣ гризетокъ я никогда не испытывалъ такого чувства, какое волновало меня подъ пристальнымъ взглядомъ ея бойкихъ, смѣющихся глазъ. А она все смотритъ на меня; изъ за веселой улыбки сверкаютъ ослѣпительные, ровные зубки... смотритъ, не

Digitized by Google

отводя глазъ. Это начинаетъ льстить мнѣ; я, кажется, не на шутку ей нравлюсь... Она еще улыбнулась, смѣется и вдругъ разражается неудержимымъ хохотомъ.

— Извините... едва можетъ она выговорить.—Прошу... извините... Но вы такой смѣшной въ этомъ зеленомъ сюртукѣ и желтомъ жилетѣ!..

Она хохочетъ... хохочетъ до слезъ, до упаду! А я... я верчусь на своемъ стулѣ, какъ посаженный на колъ, при послѣднихъ содроганіяхъ... безсмысленно вожу глазами изъ стороны въ сторону, не смѣю ни на что, ни на кого взглянуть... Наконецъ она успокоилась, подошла ко мнѣ и подняла со стула, какъ снимаютъ манекенъ.

— Вы не очень сердитесь? Вы простите... я рѣшительно не могла удержаться. Ну, давайте руку, говоритъ она весело, захватывая мои пальцы. — Давайте руку въ доказательство, что не сердитесь.

Я не могу еще опомниться, слова выговорить, отвѣчаю знаками, чтобы выразить чувства добродушной маріонетки, деревяннымъ движеніемъ протягиваю руку, утвердительно киваю головою, какъ поганецъ Голо въ кукольномъ театрѣ на пряничной ярмаркѣ...

Вотъ такъ сюртукъ!.. вотъ такъ жилетъ!.. Новенькіе съ иголочки, только въ это утро присланные матушкою изъ Нанта. Я обновилъ ихъ, въ полной увѣренности отличиться настоящимъ франтомъ. Во всемъ виновато мое дрянное, крошечное зеркало. Еслибы я только могъ взглянуть на себя, я конечно разобралъ бы, что красиво и что некрасиво... и не былъ бы такимъ посмѣшищемъ. Мнѣ остается одно — бѣжать топиться или сейчасъ же покинуть навсегда Францію! Еслибы надо мною посмѣялся мужчина, я далъ бы ему пощечину, вызвалъ бы на дуэль. Но никто изъ присутствовавшихъ меня ничѣмъ не оскорбилъ; по крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ... т. е. не могъ замѣтить, такъ какъ ровно никого и ничего не видалъ въ то время.

Одно изъ двухъ теперь: или утопиться, или бѣжать изъ Франціи. Нѣтъ, топиться глупо, лучше распрощаться съ родиною... И

Digitized by Google

тоже скверно: могутъ подумать, что я бѣгу отъ солдатчины, могутъ заподозрить въ такой подлости. Гадость это! На этомъ я и уснулъ. Меня разбудилъ посыльный.

— Письмо господину Венгтрà...

Письмо! Ко мнѣ! Не вѣрю, протираю глаза,—носыльнаго нѣтъ, письмо у меня въ рукахъ.

Любезный господинъ Венгтрà!

Мнѣ такъ стыдно, такъ совѣстно!.. Я невольно оскорбила васъ, совсѣмъ того не желая, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока вы сами мнѣ не скажете, что извиняете смѣхъ легкомысленной дѣвочки. Докажите, что не сердитесь, приходите сегодня въ 5 часовъ. Мы одни съ мамашею, нахлѣбниковъ еще нѣтъ, и мнѣ легче будетъ передъ вами каяться. Вы у насъ пообѣдаете на мировую.

Александрина Мутонъ.

Она была прелестна. Въ настоящую минуту я бы очень пожалѣлъ, еслибы матушка не прислала мнѣ желтаго жилета и зеленаго сюртука. Я люблю ее. Какъ это случилось, я и самъ не знаю. Я знаю только, что весь тотъ вечеръ мы пробыли вмѣстѣ, не разлучаясь; я не разъигрывалъ изъ себя ни поэта, ни кутилу, ни даже республиканца (простите, великія тѣни!), я не напускалъ на себя ни геройскаго вида, ни мрачнаго, ни всякаго инаго, напускаемаго на себя семнадцати-лѣтнимъ юношею въ присутствіи хорошенькой женщины. Я просто говорилъ ей о себѣ, о моемъ положеніи, о матери и о дѣтствѣ; порою смѣшилъ, инымъ смѣхомъ, хорошимъ и добрымъ; разъ вызвалъ жемчужную слезку на ея чудныхъ глазахъ.

— О, я очень виновата передъ вами,—сказала она и пожала мнѣ руку.

Этою рукою я поднимаю тяжести, по плечу здоровенному носильщику, но моя рука, какъ листъ, дрожала въ ея маленькой ручкѣ, отъ нѣжнаго пожатія. Наши глаза встрѣтились и сказали другъ другу то, чего не рѣшались выговорить губы, чѣмъ полны были сердца. Я сталъ бывать каждый вечеръ, сталъ приходить пить кофе, потомъ обѣдать; наконецъ перетащилъ свой че-

Digitized by Google

моданъ. Этого желала Александрина. Счастливо жилось мнѣ въ квартирѣ старика Мутона; точно сонъ, катилась жизнь, убаюканная любовью, занятая политикой. Мать моей возлюбленной надѣялась, конечно, что я женюсь на ея дочери; отецъ вѣрилъ, повидимому, въ мою будущность. Они рекомендовали меня въ качествѣ учителя французскаго языка одному русскому. За тридцать франковъ въ мѣсяцъ мы не особенно много занимаемся ученіемъ, зато черезъ каждые два дня я сочиняю для него страстныя посланія къ одной актрисѣ, въ которую онъ влюбленъ по уши. Съ моими сорока франками это составляетъ семьдесятъ!.. Изъ нихъ пятьдесятъ я плачу Мутону, и онъ очень доволенъ. Мнѣ остается двадцать на стирку бѣлья, на табакъ и на мои прихоти; надо сказать, что изъ тѣхъ же двадцати франковъ я отношу сорокъ су каждое воскресенье моему бывшему ученику, сыну дворника. Его отецъ умеръ, и безъ меня и стараго дяди, переплетчика, мальчуганъ попалъ бы въ пріютъ для нищихъ дѣтей.

Я заработываю хлѣбъ, я любимъ и ожидаю политическаго переворота.

VI.

Политика.

Я люблю страждущихъ и обездоленныхъ. Не смотря на мою одичалость и лѣнь, я готовъ для нихъ работать головою, читать, мыслить и помнить. Насъ цѣлый кружекъ «передовыхъ». Въ частностяхъ мы расходимся, но въ главныхъ принципахъ всѣ стоимъ за-одно.

93 годъ признанъ неоспоримо величайшимъ міровымъ событіемъ, конвентъ—героическою поэмою, дѣятели того времени—гигантами. Такія положенія внѣ споровъ, за частности мы готовы порою передраться.

Разъ я назвалъ Робеспьера школьною пѣшкою, а Руссо—торжественнымъ канительщикомъ, и чуть не перессорился со всѣмъ кружкомъ. О Робеспьерѣ до времени промолчали, но за торжественнаго канительщика всѣ до единаго накинулись на меня.

— Что вы этимъ хотите сказать? Такія прозвища требуютъ

Digitized by Google

объясненія, доказательства... Что значитъ канительщикъ? Почему торжественный?..

И доказать, и объяснить удовлетворительно было трудно, и я отдѣлался отъ нихъ не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, уступокъ. Не люблю я этого Руссо; нѣтъ у него смѣха, все натянуто, плаксиво, языкъ дѣланный, риторическій, нѣтъ въ немъ ни одной фразы, вылившейся прямо изъ сердца; такъ и разитъ педантизмомъ и школою. Чтобы не поссориться въ крѣпкую, я пошелъ на уступки, но очень неохотно, — противенъ мнѣ ихъ Руссо. Я предпочитаю Вольтера.

— Вольтеръ? кричитъ Матусенъ. — «Эта геніальная обезьяна!» повторяетъ онъ извѣстный стихъ Гюго. Поднимается настоящая буря. Я ее пережидаю и къ вящему неудовольствію всей компаніи настаиваю на своемъ: я не поклонникъ крупныхъ произведеній Вольтера, люблю его сказки, люблю его веселье, его хохотъ и сарказмъ, безпощадную насмѣшку надо всѣмъ...

— Такъ ты скептикъ? восклицаетъ Матусенъ, складывая руки a la Наполеонъ и отступая на два шага.

Насчетъ Русссо я уступилъ, а въ этомъ ни за что, пусть останусь скептикомъ.

— И послѣ этого ты воображаешь себя революціонеромъ!

— Ровно ничего я не воображаю. Я знаю, что Руссо скученъ, Вольтеръ тоже скученъ, когда напускаетъ на себя торжественность и важность. И того, и другаго я не терплю, а болѣе всего не терплю скуки. Если для того, чтобы быть революціонеромъ, необходимо сначала одурѣть отъ всякой скучищи,—прощайте, я подаю въ отставку изъ революціонеровъ...

— А тебѣ бы хотѣлось революцію-то сдѣлать ради увеселенія! перебиваетъ меня Матусенъ и обводитъ глазами всѣхъ присутствующихъ, какъ бы указывая, дочего низко я упалъ.

Я побитъ и бормочу какія-то объясненія. Меня выручаетъ самое мое затрудненіе. Изъ боязни, какъ бы я не оправился и не нашелъ какихъ-нибудь возраженій, Матусенъ спѣшитъ самъ выгородить меня:

— Я знаю, это онъ только такъ сболтнулъ, заявляетъ нашъ

Digitized by Google

коноводъ. — Онъ неспособенъ смотрѣть на великое дѣло народа, какъ на забаву, онъ не можетъ легкомысленно отнестись къ знамени, которое высоко несли наши отцы...

— Дѣло въ томъ, мой милѣйшій, обращается онъ ко мнѣ снисходительнымъ тономъ и съ покровительственною улыбкою,— тебя увлекаетъ твоя страсть къ противорѣчію, и ты подчасъ попадаешься на этомъ... Вотъ что!

Вообще находятъ, что во мнѣ нѣтъ энтузіазма.

. . . . . .

Во мнѣ-то нѣтъ энтузіазма!...

Отель Лиссабонъ покончилъ свое существованіе. Его пріобрѣлъ трактирщикъ и весь перестроилъ; мелкіе нумера и меблированныя комнаты уничтожены. Нашъ кружокъ разбрелся въ разныя стороны. Ройяни сошелся съ дочерью трактирщика и живетъ съ нею, какъ настоящій буржуа, на углу улицы Мадамъ. Вотъ что сдѣлалось изъ Ройяни! Впрочемъ и не удивительно: онъ всегда мечталъ быть со временемъ, по окончаніи курса, нотаріусомъ; въ прошломъ году онъ былъ крикуномъ и лохматымъ, нынче живетъ по буржуазному, остригся, и гладко причесанъ. Сдѣлавшись нотаріусомъ, навѣрное оплѣшивѣетъ, чтобы заслужить довѣріе и привлечь практику къ своей конторѣ.

Матусенъ пристроился къ наслѣдникамъ одного филантропа-благотворителя, раздававшаго супъ на улицѣ. Для прославленія имени покойника, родственники задумали издать книжку съ описаніемъ всѣхъ его дѣяній, и поручили это дѣло Матусену. Онъ живетъ теперь у нихъ и въ память дорогаго покойника по три раза въ день наливается супомъ, морщится, а все-таки наливается и отрощаетъ уже брюшко; яркихъ костюмовъ не носитъ; обзавелся общечеловѣческою шляпою и тоже пересталъ быть лохматымъ, хотя не остригся, а лишь причесался. Анжелина его бросила и, кажется, обманула. Онъ всѣхъ увѣряетъ, что его сожительница уѣхала въ деревню къ теткѣ; а злые языки говорятъ, что эта тетка—съ усами и испаньолкою. Новая прическа Матусена показалась Анжелинѣ подлостью, а новый костюмъ измѣною. Но все это неправда; Матусенъ не измѣнникъ. Хотя онъ и ѣстъ усердно супъ въ па-

Digitized by Google

мять благотворителя и самъ одѣвается чѣмъ-то въ родѣ филантропа, тѣмъ не менѣе въ душѣ онъ остается «передовымъ» и въ свое время покажетъ себя.

Въ квартирѣ дяди Мутона далеко не всѣ раздѣляютъ наши мнѣнія, и только благодаря исключительности положенія, созданнаго для меня любовью, мы имѣемъ возможность шумѣть и ревѣть во все горло марсельезу. Но тогда поднимаются голоса недовольныхъ; старикъ Мутонъ бранится, жильцы сердятся. Разъ вечеромъ мы набушевали, передрались, и насъ отправили въ участокъ. Дорогой наслѣдники «супнаго филантропа» повстрѣчали насъ, увидали между нами Матусена и отказали ему. Онъ, говорятъ, отомстилъ: забрался потихоньку въ кухню и опоганилъ ихъ супъ... Какъ и чѣмъ? Онъ никому не сказалъ...

Collège de France.

Съ тѣхъ поръ, какъ Матусенъ развязался съ наслѣдниками, отъ нашего шума стонъ стоитъ на весь кварталъ.

Въ особенности же мы подвизаемся по четвергамъ, на лекціяхъ Мишле. Некрасивъ, очень некрасивъ нашъ храмъ науки, затисканный въ дрянную, жалкую улицу, биткомъ набитую меблированными комнатами и темными лавчонками букинистовъ. Некрасивъ снаружи, мраченъ внутри. Матусенъ, по обыкновенію, не соглашается съ этимъ.

— По твоему все некрасиво! восклицаетъ онъ.—Тебѣ бы хотѣлось, кажется, чтобы на брюквѣ разцвѣтали розы.

— Было бы недурно. А еще лучше, еслибы Мишле былъ иногда не такъ туманенъ.

— Такъ нашъ зоилъ и имъ недоволенъ! возразилъ Матусенъ глухимъ голосомъ, съ презрительною улыбкою.

Ничего этотъ Матусенъ не понимаетъ; еслибы не кружокъ, его просто слѣдовало бы отдуть. Понятно, я доволенъ! Еще бы? Мишле изъ нашихъ, это вѣрно, и его слѣдуетъ поддерживать. Все это я отлично знаю и не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ исколотилъ одного реакціонера, осмѣлившагося сказать то же, что я говорю, съ тою только разницею, что онъ былъ въ восторгѣ отъ скучныхъ лекцій, а я скорблю душею; я бы вполнѣ предпо-

Digitized by Google

челъ, чтобы онѣ были не такъ возвышенны и болѣе понятны, и думаю, что со мною многіе соглашались. Я готовъ пари держать, что изъ пяти человѣкъ, аплодировавшихъ этимъ лекціямъ, четверо не понимали въ нихъ ни одного слова. Съ аплодисментами выходили постоянные курьезы; никто никогда не зналъ, что̀ нужно дѣлать, и всѣ ждали условнаго сигнала. Были тамъ два молодца, одинъ лохматый и длинноволосый, другой совсѣмъ безволосый; на нихъ-то двоихъ всѣ, бывало, и смотрятъ, что̀ дѣлать: аплодировать, смѣяться или выражать негодованіе. Раза два-три я выражалъ негодованіе, не дождавшись сигнала,—вышло совсѣмъ невпопадъ; сосѣди вообразили, что я продѣлываю это слѣдомъ за длинноволосымъ или за плѣшивымъ, и подхватили; вышла чепуха. Теперь на меня злятся. Наученный горькимъ опытомъ, я съ тѣхъ поръ не суюсь впередъ; наоборотъ, иногда запаздываю, и опять дрянь выходитъ. Всѣ смолкли, раздается мой одинокій хохотъ, точно я смѣюсь надъ аудиторіей. Мнѣ хочется поддержать собственное достоинство, показать, что я не простой подголосокъ, а выражаю личныя мои чувства,—я продолжаю смѣяться и слегка вскрикивать.

— Да замолчите вы тамъ!.. раздается со всѣхъ сторонъ.— Вотъ глупъ-то!.. Экое животное!..

Почему Мишле, отъ времени до времени, точно перестаетъ быть самимъ собою?

Я читалъ его сочиненія и зачитывался... и кто же не зачитывался ими! Я слушалъ его лекціи и порою заслушивался; его страстная, живая рѣчь, словно огнемъ, пробѣгала въ мозгу слушателей, ослѣпляла, какъ яркій солнечный лучъ, отраженный блестящею поверхностью. Кому удалось слышать такія лекціи, тотъ вѣкъ ихъ не забудетъ, тотъ не забудетъ фигуру учителя, его тонкое, изящное, какъ античная камея, лицо, то спокойное, будто мраморный бюстъ, то подвижное, какъ физіономія нервной женщины, его вдохновенный взглядъ... а этотъ голосъ звучный, отчетливый... Зато, въ иное время, и даже часто, слишкомъ часто, въ его фразѣ слышалась дѣланность, искусственная возбужденность,

Digitized by Google

стремленіе сыпать искры, искры, безъ конца; а съ ними вмѣстѣ, и вмѣсто нихъ, поднималось цѣлое облако пепла...

Поклонники профессора безразлично восторгались тѣмъ и другимъ, ослѣплялись сами и его ослѣпляли, лгали передъ собою и передъ нимъ, криводушничали изъ-за какого-то принципа. Нечестно это по моему, іезуитствомъ отзывается,—такъ и нечего было возмущаться іезуитами. Нѣкоторые журналы подхватили неловкія выраженія, перепечатали отрывки изъ лекцій и осмѣяли ихъ. Профессоръ началъ протестовать, сталъ доказывать невѣрность цитатъ, сталъ просто вывертываться. Для чего? Грустно это. Чѣмъ тратить краснорѣчіе и иронію на безплодную полемику съ врагами, не лучше ли было бы спокойно продолжать свое дѣло, говорить о вещахъ, намъ неизвѣстныхъ, передавать намъ идеи,—не всегда вѣрныя, пожалуй; но... я бы ушелъ домой съ запасомъ знанія, съ вопросами въ головѣ, и въ тиши своей каморки поработалъ бы надъ ними своимъ умомъ.

— Между нами, господа, есть іезуиты, заявилъ онъ разъ въ аудиторіи.—Они приходятъ подслушивать мои бесѣды съ вами и искажаютъ ихъ.

— Гдѣ, гдѣ іезуиты? загремѣли голоса. Подозрительные взгляды останавливаются на всякомъ безбородомъ лицѣ, на всякой фигурѣ, смахивающей чѣмъ нибудь на семинариста.

— Вотъ... этотъ?..

— На третьей скамейкѣ.

— Тотъ, большой?

— Да... кто-то говорилъ сейчасъ, что встрѣчалъ его съ попами...

На третьей лавкѣ дѣйствительно сидитъ молодой человѣкъ въ очкахъ и что-то записываетъ, не обращая вниманія на шумъ.

— Смотрите... записываетъ...

Не онъ одинъ записывалъ, конечно; самые отчаянные мишелисты тоже записывали. Но въ аудиторіи господствуетъ подозрительность.

— Долой записывальщиковъ! Обыскать!.. Потребовать студенческую карточку!.. Карточку!.. Пусть покажетъ...

Карточки у него нѣтъ, у меня тоже... да и кто же носитъ ее

Digitized by Google

съ собою? Ни одна душа, и все таки ревутъ, требуютъ карточку у господина въ очкахъ и длинномъ сюртукѣ. Сначала онъ не понимаетъ даже, въ чемъ дѣло, думаетъ, что рѣчь идетъ о другомъ. Наконецъ ему растолковали; онъ всталъ и отвѣтилъ:

— Я Эмиль Оливье. Я братъ Аристида Оливье, недавно убитаго въ Монпелье на республиканской дуэли...

И однакоже, по внѣшности, онъ былъ въ то время отмѣнно похожъ на іезуита.

VII.

Школы.

Разъ утромъ разнесся слухъ, что курсы Мишле закрыты.

— Слышали новость? Курсы-то закрыты... Уже въ Монитерѣ объявлено.

Отель Мутонъ узналъ изъ первыхъ и заволновался, за нимъ зашумѣли маленькія кофейныя и сосѣднія молочныя. Всѣ знаютъ, что нашъ отель республиканскій; наши гривы и наши голоса хорошо извѣстны на протяженіи пятнадцати домовъ и трехъ маленькихъ переулковъ; мы успѣли составить себѣ популярность нашими спорами и криками.

Прибѣгаютъ къ намъ.

— Что дѣлать? Что говоритъ Матусенъ?

— Вы какъ, Венгтра?

— Что дѣлать? Протестовать, чортъ возьми? Матусенъ, садись и пиши протестъ; потомъ всею толпою пойдемъ къ Collège de France и заставимъ подписывать всѣхъ, кто явится къ запертой аудиторіи.

— А потомъ куда же протестъ?

— Въ палату!—Эта мысль пришла мнѣ экспромтомъ.

— Да! да... въ палату!..—раздаются шумныя одобренія.

— Помогай, обращается ко мнѣ Матусенъ, хватая перо и бумагу.

— Готово?.. Что долго? кричатъ задніе ряды.

— Нѣтъ, что-то не ладится, негладко выходитъ.

Digitized by Google

Нетерпѣніе возростаетъ. Наконецъ я хватаю перо и однимъ почеркомъ пишу ровно четыре строчки:

«Нижеподписавшіеся, во имя свободы мысли и слова, протестуютъ противъ закрытія курсовъ гражданина Мишле, протестъ этотъ вручаютъ представителямъ народа и поручаютъ имъ его защиту съ трибуны».

— Припишите: передъ лицомъ націи.

— Пожалуй.

— Граждане! Вотъ нашъ протестъ!

Водворяется тишина, Матусенъ громогласно читаетъ.

— Отлично!.. Великолѣпно!.. Да здравствуютъ школы!.. Въ палату! Въ палату!..

Находятся каллиграфы и переписываютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; первый подаютъ гражданамъ Матусену и Венгтра; мы подписываемъ рядомъ, крупными буквами, за нами спѣшатъ другіе.

Захвативши письменныя принадлежности, толпа направляется къ Collège de France. Матусенъ впереди всѣхъ, изъ себя выходитъ, надсаживается, кричитъ и жестикулируетъ; онъ настоящій вожакъ этой толпы студентовъ, молодыхъ и старыхъ, прибывающихъ со всѣхъ сторонъ. Протесты быстро покрываются подписями; рѣшено представить палатѣ въ среду.

— Граждане! Угодно въ среду?

— Да, да, въ среду!..

Среда.

Сегодня манифестація. Мы на площади Пантеона. Отель Мутонъ цѣлымъ часомъ опередилъ другихъ. Еще никого нѣтъ. Сумрачно, тучки заволакиваютъ солнце. Собираются не дружно. Всякій издали высматриваетъ, есть-ли народъ, одни изъ скромности, другіе изъ робости, всѣ изъ боязни, съ одной стороны, оказаться слишкомъ на виду, съ другой—остаться совсѣмъ незамѣченными у своихъ. Наконецъ собралось человѣкъ пятьдесятъ; тронулись въ путь. Мы идемъ молча,—было отдано распоряженіе не кричать. Безъ криковъ и безъ знаменъ прогулка становится скучноватою. Знаменъ тоже не велѣно было брать, къ тому же ихъ и въ наличности не

Digitized by Google

имѣлось; пришлось бы дѣлать новыя, покупать матерію, отдавать шить.

Вдругъ сверху падаетъ капля, другая... Неужели дождь!

— Дождь, кажется, говорю я Матусену.

— Какой тамъ дождь!.. Брызнулъ кто-нибудь сверху, отвѣчаетъ онъ громко, наклоняется ко мнѣ и шепотомъ на ухо сообщаетъ свои опасенія.

Скоро отрицаніе дождя становится невозможнымъ, на улицѣ появляются раскрытые зонты. Первый изъ нихъ заставилъ поблѣднѣть Матусена. Мы перекидываемся грустнымъ взглядомъ и поднимаемъ воротники сюртуковъ. А дождь все льетъ и льетъ. Городовые привѣтливо улыбаются, сторонятся съ дороги и смиренехонько отходятъ въ сторону подъ крыши подъѣздовъ, какъ бы [illegible] послѣдовать благому примѣру.

Промокшіе до костей добрались мы до зданія палаты. Часовой вызвалъ караулъ, солдаты взялись за оружіе. Въ палатѣ встревожены происходящимъ на площади; тамъ уже все извѣстно; къ тому же мы сами просили вызвать республиканскихъ депутатовъ. Никто не выходитъ. Дождь такъ и льетъ. Представители народа готовы при случаѣ жертвовать жизнью, но не здоровьемъ.

Въ толпѣ кто-то крикнулъ: «Вотъ Кремье!... Кремье идетъ!»

Дѣйствительно, подъ руку съ худощавымъ молодымъ человѣкомъ, перебирается черезъ площадь адвокатъ Кремье; молодой, говорятъ, тоже депутатъ—Версиньи. Матусенъ идетъ имъ на встрѣчу, разстегиваетъ пальто и достаетъ нашу петицію. Она вся зеленая, пальто промокло, полиняло и выкрасило нашъ документъ нѣжнымъ травянымъ цвѣтомъ; чернила расплылись, нѣтъ возможности ничего разобрать. Матусенъ на память передаетъ его содержаніе. Молодой депутатъ хочетъ, кажется, что-то отвѣтить, шевелитъ носомъ, губами...

— А—тчихъ!.. раздается на всю площадь. Онъ чихнулъ!

— Гражданинъ! обращается Матусенъ къ Кремье.—Я не прошу, чтобы вы меня обняли...

Еще бы! съ него льетъ, какъ съ грецкой губки.

Digitized by Google

— Дайте руку... это рукопожатіе я передамъ всей молодой школѣ!

Снисходительный старикъ жметъ мокрую руку и портитъ сн манжеты.

— Да здравствуетъ республика!

— А—тчихъ! А—тчихъ!..чихаетъ молодой депутатъ.

— А—тчихъ!.. вторятъ ему изъ толпы получившіе насморк

Реакціонные листки порядочно поглумились надъ нашею н счастною прогулкою по грязи, подъ проливнымъ дождемъ, и пр звали ее «манифестаціею дождевыхъ зонтиковъ». Отмеетка нео ходима. Я и Матусенъ поклялись устроить ее въ видѣ новой ман фестаціи. Мы кидаемся по всѣмъ угламъ, хлопочемъ, убѣждаем расшевеливаемъ самолюбія, подзадориваемъ, дѣлаемъ все возможно чтобы опять собрать школы.

На мою долю выпало вести переговоры съ «стариками», бы шими свидѣтелями или дѣятелями прежнихъ знаменитыхъ манифе стацій. Между ними въ особенности поразилъ меня одинъ маленъ кій человѣчекъ размѣрами своего носа и горячимъ участіемъ к нашему дѣлу. Его зовутъ Лепольжъ; говорятъ, что онъ состоял секретаремъ или былъ когда-то секретаремъ Кузена и участвует въ тайныхъ обществахъ; это придаетъ извѣстное обаяніе его некруп ной особѣ. По странной случайности, мы оказались земляками.

— Приди въ мои объятія! воскликнулъ онъ, узнавши об этомъ.

Милый онъ человѣкъ, душевный, только бесѣдовать съ ним несовсѣмъ удобно: едва вы начинаете говорить, какъ онъ дѣлаетъ «тш... тш!..» и указательнымъ пальцемъ зажимаетъ вамъ губы,— привычка, вѣроятно, пріобрѣтенная отъ постоянныхъ сношеній с тайными обществами.

— Приведу чашихъ изъ «Временъ года», таинственно гов ритъ онъ. Я хочу поблагодарить; онъ зажимаетъ мнѣ ротъ пальцемъ

— И изъ «Взаимной помощи...» продолжаетъ онъ.

Хочу шевельнуть губами, не тутъ-то было,—палецъ такъ крѣпк налегъ на губы, что и дохнуть нѣтъ возможности.

Когда я сообщилъ комитету... да, я забылъ сказать, посл

Digitized by Google

удачной прогулки подъ дождемъ, нашъ тѣсный кружекъ принялъ званіе «комитета».—Итакъ, когда я донесъ комитету, что съ ми пойдутъ тайныя общества, эффектъ вышелъ грандіозный.

— Да это уже не протестъ, не манифестація... Это революція!..

Всѣмъ не до шутокъ; слышатся серьезныя рѣчи: «Мнѣ бы хотѣлось обнять мать передъ этимъ днемъ!.. Быть можетъ, суждено разстаться съ жизнью, почти не живши еще!.. Да, кто-то переживетъ эти дни!!»

Наканунѣ великаго дня бѣгу къ Лепольжу, крадучись вдоль стѣнъ; весь объ нихъ перемазался.

— Завтра... извѣстили своихъ? «Времена года»...

— Тш!.. Тш!.. Палецъ зажимаетъ мнѣ ротъ.

— Что отвѣтилъ? нетерпѣливо спрашиваетъ Матусенъ, когда я вернулся.

— Тш!.. Тш!.. у меня невольно поднимается указательный палецъ, но я во время спохватываюсь, не зажимаю рта пріятелю, а только выше поднимаю руку и брови, дѣлая видъ, что мнѣ настрого запрещено говорить. Матусенъ сразу сообразилъ, сразу все понялъ.

— Ладно! вымолвилъ онъ, самодовольно потирая руки.—Ладно! Завтра видно будетъ... и мы покажемъ...

О, Матусенъ рожденъ заговорщикомъ!

VIII.

Отместка.

Площадь Пантеона.

На этотъ разъ площадь полна народомъ. Неудача первой манифестаціи не испортила дѣла, напротивъ... тогда лилъ дождь и все-таки собралось до трехсотъ человѣкъ, теперь ярко свѣтитъ солнце, насъ будетъ двѣ тысячи. Мы покажемъ, каковы школы въ хорошую погоду, безъ дождя. Всѣ-ли въ сборѣ? Матусенъ всходитъ на ступени Пантеона, заслоняетъ рукою глаза отъ солнца, окиды-

Digitized by Google

ваетъ взглядомъ толпу и медленно сходитъ внизъ, точно Грак спускающійся изъ Капитолія. Онъ сейчасъ дастъ сигналъ. А та на верху, на мѣстѣ Матусена, появляется другой человѣкъ, вы кій, блѣдный, съ темными усами и бородкою, и тоже зорко ос триваетъ площадь.

— Делякордъ, полицейскій... шепчетъ около меня чей-голосъ.

— Тише, говорю я инстинктивно.—Говорите тише... его убьют

— Онъ... навѣрное, онъ! шепчетъ тотъ-же юноша. Высок человѣкъ, кажется, замѣтилъ, что его узнали; онъ смотритъ в нашу сторону; по его блѣднымъ губамъ пробѣгаетъ молчалива зловѣщая улыбка. Если это не Делякордъ, то все-таки одинъ и нихъ. Онъ сошелъ внизъ и исчезъ въ одномъ изъ переулковъ. Струсилъ или устыдился?..

— Куда же теперь? раздаются голоса.

— Въ Сорбонну... къ декану... ему предъявить протест отвѣчаютъ вожаки. Толпа валитъ на дворъ Сорбонны, запружает его. Я узнаю Лепольжа, хочу подойти; онъ знаками показываетъ, что бы я не узнавалъ его. Съ нимъ ли «Времена года»? Здѣсь ли «Вза имная помощь»? Захватили-ли они оружіе? Я не выдерживаю, про хожу мимо Лепольжа и незамѣтно спрашиваю его на ухо.

— Тш!.. Рука поднимается, его палецъ лѣзетъ къ моим губамъ.

Это наконецъ несносно... если еще разъ, я укушу...

Въ толпѣ мелькаютъ длинноволосыя головы въ красныхъ шап кахъ? Кто они, начальники, вожаки? Пусть бы сказали... Молод они очень, смотрятъ первокурсниками. Между ними выдается блон динъ, лицо серьезное, сѣрые глаза задумчивы, шапка надѣта прямо не набекрень. Мнѣ нравится этотъ малый; съ нимъ нѣсколько то варищей, тоже, повидимому, теплые ребята. Эта кучка внушаетъ довѣріе. Если дѣло дойдетъ до схватки, на нихъ можно положиться. Дерутся!.. Кашу заварили ученики школы Сенъ-Венсенъ-де-Поль: они нахально заняли большую лѣстницу и вздумали аплодировать... аплодировать въ то время, когда переодѣтые полицейскіе броси лись на красношапошниковъ. Сенъ-Венсентисты орутъ:

Digitized by Google

— Браво!.. Браво!.. Обработывай красноголовыхъ!

Блондинъ съ однимъ лишь товарищемъ бросается на толпу крикуновъ, аплодирующихъ захвату красноголовыхъ. Кулаки сами собою сжимаются, я кидаюсь слѣдомъ за ними. Дальше я ничего хорошенько не помню... Свалка, одни кидаются на лѣстницу, другіе летятъ кверху ногами внизъ... крики, кулаки поднимаются и опускаются... Нѣтъ возможности ничего разобрать...

. . . . . .

Толпа бѣжитъ въ разсыпную! Мимо меня проносятся во всѣ ноги.

— Куда? Что такое?..

— Арестуютъ... арестуютъ... кричатъ бѣглецы.

— Утекайте, милѣйшій, запыхавшимся голосомъ говоритъ одинъ знакомый.

— Полицейскіе хватаютъ безъ разбора... насъ окружаютъ. Утекайте скорѣе.

Не побѣгу я, не осрамлюсь... Нарочно иду въ ту улицу, которая, по словамъ бѣглецовъ, уже окружена. Тамъ ни души!

— Гдѣ же окружаютъ? Гдѣ хватаютъ?

Я иду въ одну сторону — ничего, въ другую... разспрашиваю встрѣчныхъ, они не видали-ли?

— Чего не видали-ли? отвѣчаютъ мнѣ вопросомъ.

— Да нашу манифестацію... аресты?..

— Какую манифестацію?..

Никто ничего ровно не видалъ. Возвращаюсь къ своему дому, чтобы разыскать бѣглецовъ узнать отъ нихъ что нибудь. Оказывается, что дѣйствительно являлась полиція и арестовывала, только не въ той сторонѣ, гдѣ я былъ.

— Да, вонъ... вонъ, смотрите, идутъ...

— Много ихъ?

— Полицейскихъ? Пропасть. Вотъ они, смотрите!

Между арестованными я узнаю товарищей и хочу броситься къ нимъ. Меня удерживаютъ.

— Что вы дѣлаете?

— Хочу освободить братьевъ!

— Ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ! тихо говоритъ мнѣ

Digitized by Google

Александрина, хватая меня за полу сюртука. — Вотъ, господи Венигрѣ, прибавляетъ она вслухъ, — не угодно-ли полюбоватьс какъ достается освободителямъ братьевъ.

Она показала мнѣ какой-то комокъ лохмотьевъ и тряпокъ; ко мокъ этотъ устремлялся тоже братьевъ освобождать, въ этомъ ком было заключено то, что уцѣлѣло отъ Шампіоне, одного изъ х хлѣбниковъ. Самъ онъ уже не въ силахъ былъ говорить, его гру ную повѣсть повѣдали товарищи: — во время арестовъ Шампі подлетѣлъ къ бригадье, командовавшему полицейскими.

— Какъ вы осмѣливаетесь? Понимаете-ли вы, что дѣлае крикнулъ онъ.

— Отлично понимаю, отвѣтилъ бригадиръ и, обернувшись своимъ подчиненнымъ, прибавилъ: — Ну-ка, распорядитесь съ ни

И распорядились... такъ распорядились, что образа человѣ ческаго не оставили; ни шевельнуться, ни говорить бѣдняга не м жетъ, только мычитъ на всѣ мои вопросы. Кое-какъ я добил наконецъ, отъ него, что они кричали передъ квартирою Миш что ошиблись, квартира оказалась не его, а какого-то неизвѣстн господина; когда все это разъяснилось, то подъ окна профессо направилась разрозненная толпа, усталая, раздосадованная неу чами, и овація вышла вялою, недружною.

Матусенъ арестованъ и съ нимъ человѣкъ десятокъ наших Всѣхъ захвачено человѣкъ семьдесятъ, кажется. Ихъ отправи въ полицію. Изъ нихъ отпустили шестьдесятъ девять и остави одного Матусена. Его, очевидно, боятся. Впрочемъ, подержавъ, о пустили и Матусена.

Къ намъ присоединилась новая группа: компанія, бывшая дворѣ Сорбонны, подъ предводительствомъ блондина съ задумчивы лицомъ. Въ полицейскомъ участкѣ они сошлись съ Матусеном меня замѣтили еще въ то время, когда я вмѣстѣ съ ними и бе ихъ зова бросился на негодяевъ Сенъ-Венсентистовъ, аплодирова шихъ съ лѣстницы.

Digitized by Google

IX.

У Ренуля.

Мы быстро подружились съ вожакомъ въ красномъ беретѣ и ь его кружкомъ. Вожака звали Ренуль.

Я былъ пораженъ, когда пришелъ къ нему въ первый разъ; ъ встрѣтилъ меня въ халатѣ съ кистями и съ табакеркою въ укѣ. Ренуль носилъ халатъ, нюхалъ табакъ и жилъ съ подругою. оложимъ, у меня тоже была Александрина, но огромная разница ь томъ, что я живу въ меблированныхъ комнатахъ, а Ренуль ь своею сожительницею въ собственной квартирѣ, чистенькой и ютной, держитъ столъ дома, на улицѣ носитъ красный беретъ, себя благодушествуетъ. Что значитъ эта двойственность? Во всяомъ случаѣ у него хорошо; дешевенькая мебель вычищена, блетитъ, какъ новенькая, на окнахъ бѣлыя занавѣски, на постели ювенькое, щеголеватое одѣяло; все смотритъ весело и привѣтно. о сихъ поръ я жилъ (даже и въ отелѣ Мутона) въ безобразныхъ юнурахъ съ десчатыми кроватями, дрянными стульями, грязными толами, съ плесенью въ углахъ. Всѣ эти десятифранковыя манарды отвратительны зимою и невыносимы лѣтомъ, когда солнце раскаляетъ крыши; окна выходятъ на дворъ, въ нихъ врывается ухонный смрадъ, запахъ жаренаго лука и подгорѣлаго сала. У Ренуля подъ окнами зеленѣютъ деревья, въ ихъ вѣтвяхъ прыгаютъ щебечутъ птички, пахнетъ весною... Хорошо у него; только зачѣмъ онъ нюхаетъ табакъ и ходитъ въ халатѣ? Не идетъ это къ семнадцатилѣтнему республиканцу. Мадамъ Ренуль мила и привѣтлива; она иногда недовольна нашимъ шумомъ и криками. Но нельзя же вѣчно спорить и орать, разыгрывать Дантоновъ и народныхъ трибуновъ. Отдавъ должную дань 93 году и его великимъ принципамъ, мы превращаемся опять въ восемнадцатилѣтнихъ беззаботныхъ и веселыхъ ребятъ, пьемъ кофе, болтаемъ, смѣемся, куримъ и въ жмурки играемъ. Каждый мѣсяцъ мать присылаетъ Ренулю, между другою провизіею, запасъ кофе; мы его мелемъ по очереди. Ароматъ настоящаго, привознаго мокко утишаетъ демократическіе

Digitized by Google

порывы, дѣлаетъ насъ снисходительными къ существующимъ по рядкамъ или, по крайней мѣрѣ, водворяетъ временное перемиріе.. въ чашки подкладывается сахаръ..

Отношенія прочно установились; каждый вечеръ мы собираемс спорить и молоть кофе. Ораторы влѣзаютъ на стулья, какъ н трибуну.

— Не на этотъ... не на этотъ! ужасается хозяйка. — Вот табуретъ... его уже весь испачкали, а этотъ еще чистъ...

Она указываетъ на хромоногій табуретъ; ораторъ рискует ежеминутно слетѣть съ него и тоже сдѣлаться хромымъ.

Разъ, между споромъ о великихъ принципахъ и игрою в жмурки, прозвучали слова:

— *Необходимо основать журналъ.*

— Послушайте,—возглашаетъ Матусенъ.—Что же мы, нако нецъ, дѣлаемъ? Мы въ это время мололи кофе...

— Неужели у насъ здѣсь ничего нѣтъ?

— Гдѣ это?

— Здѣсь... вотъ здѣсь! онъ энергично колотитъ себя в грудь.

— Для журнала необходимо имѣть кое-что и здѣсь, говорю я показывая на карманъ.

— Буржуа!!

Всѣ накидываются на меня: у меня только карманъ въ голо вѣ, одни матеріальные интересы, изъ за нихъ я вселяю раздоръ.. я служитель золотаго тельца...

— Я не о себѣ говорю, начинаю я оправдываться.—Мо трудъ, мое перо въ распоряженіи великаго дѣла... Но вы забы ваете другіе расходы, типографію, во-первыхъ. Даромъ что-л вамъ станутъ печатать типографщики? Типографщикъ нашихъ дней... знаете-ли какъ его зовутъ? (Я заимствую сравненіе Шекспира). Имя ему—Шейлокъ! Да, Шейлокъ-торгашъ, скряга жидъ и кровопійца! Вотъ что такое типографщикъ нашего вре мени...

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда! Матусенъ кидается на табуретъ

Digitized by Google

Табуретъ летитъ вверхъ ногами; не слушая протестовъ хозяйки, ораторъ вскакиваетъ на чистенькій стулъ и гремитъ съ нею:

— Не правда! Есть другое имя: впередъ!.. есть другой девизъ: во имя долга! При общемъ неодобреніи, я слѣзаю съ своего стула сконфуженный, моя популярность подорвана; всѣ косятся, отвертываются отъ служителя золотаго тельца. Ренуль разливаетъ кофе, на мою долю достается менѣе полчашки.

— Не найдется-ли еще кофейку? спрашиваю я тихонько, скромненько.

— Нѣтъ, отрывисто и коротко говоритъ Ренуль.

Опала полная, со всѣхъ сторонъ; мнѣ страшно хочется кофе.

— Да... конечно, иду я на уступки.—Конечно, во имя долга... Я, собственно, ничего не говорю противъ этого. Я просто не сообразилъ и ошибся. Главное дѣло въ томъ, чтобы начать, смѣло идти впередъ...

Лица смягчаются, мнѣ жмутъ руки.

— Дай-ка чашку, въ кофейникѣ, кажется, осталось немного.

Примиреніе состоялось, мнѣ возвращено общее сочувствіе и налито еще полчашки кофе. О типографіяхъ болѣе помина не было, ни о типографіяхъ, ни о бумагѣ, ни о залогѣ. Я, само собою разумѣется, прикусилъ языкъ и пилъ свой кофе. Рѣшено издавать журналъ, основать свой собственный органъ, и конецъ дѣлу.

Теперь вопросъ въ томъ, какъ распредѣлить работу каждому по его склонности и вкусу.

— Я напишу,—раздается голосъ, словно изъ подъ-пола,—философію исторіи. Всѣ оглядываются: кто сказалъ, откуда прозвучалъ этотъ голосъ?

Шампіоне!

Шампіоне—мыслитель!.. До избіенія въ день манифестаціи, онъ былъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что въ трое сутокъ стаптывалъ любые башмаки до того, что они съ ногъ соскакивали; теперь онъ берется за «Философію исторіи». Что же это за философія такая? Что онъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ? Не хочетъ-ли онъ написать трактатъ о взаимномъ соотношеніи между потопомъ, калифами, крестовыми походами и Луи-Филиппомъ?..

Digitized by Google

— Гражданинъ, говоритъ предсѣдательствующій въ этотъ вечеръ Ренуль,—мы, конечно, ничего не возражаемъ... Вы, Матусенъ, не возражаете? Венгтрà, Рокъ? Никто не проситъ слова? Никто не возражаетъ. Но... вы сказали: философію исторіи. Такъ ли мы поняли? Вы, быть можетъ, хотѣли сказать: исторію философіи?

— Нѣтъ, не исторію... а философію исторіи. Кажется, ясно.

— Конечно, конечно. Не можете-ли все-таки изложить редакціонному комитету (одобрительный шопотъ присутствующихъ)— вашъ взглядъ на этотъ предметъ. Не угодно-ли занять трибуну...

— На табуретъ, на табуретъ, указываетъ хозяйка.

Шампіоне, точно на лыжахъ, подъѣзжаетъ на стоптанныхъ башмакахъ къ указанному мѣсту, хочетъ взобраться на табуретъ; онъ качается, башмаки сваливаются: Говорить съ трибуны нѣтъ возможности.

— Все равно, безъ трибуны... я такъ изложу, смѣло заявляетъ Шампіоне и начинаетъ излагать.

Излагалъ онъ пространно и долго, очень долго. Мы слушали съ отмѣннымъ вниманіемъ и ровнехонько ничего не поняли. Что до меня касается, то признаюсь, я до сихъ поръ не могу составить себѣ опредѣленнаго понятія о философіи исторіи; мнѣ она постоянно представляется чѣмъ-то въ родѣ косолапаго малаго, растерявшаго башмаки у трехногаго табурета.

— А ты, Венгтрà? обратились ко мнѣ, когда онъ кончилъ.— Ты за что возмешься?

— Я... я напишу «Республиканскія могилы».

Мнѣ еще ранѣе приходила въ голову эта мысль; при изданіи журнала она могла осуществиться.

— Шутникъ, право, этотъ Венгтрà, выдумаетъ же!..

Смѣются, шутникомъ называютъ. Чтобы доказать, что я совсѣмъ не шучу и не шуточно смотрю на это дѣло, я сталъ ходить по кладбищамъ, разыскивать памятники и могильныя плиты, пытался писать... выходилъ наборъ фразъ, повтореніе однихъ и тѣхъ же избитыхъ, изношенныхъ общихъ мѣстъ. Очевидно, я не рожденъ писателемъ; въ этомъ я убѣдился, перечитывая свои чер-

Digitized by Google

овыя рукописи. Да и мнѣ-ли было писать о могилахъ республиканцевъ, когда я забывалъ о нихъ черезъ двѣ минуты по приходѣ на кладбище и увлекался совсѣмъ не тѣмъ, за чѣмъ пришелъ... И засмотрѣлся разъ на дочь сторожа, поливавшую цвѣты подъ своимъ окномъ; въ другой разъ чуть не расплакался при видѣ крошечной дѣвочки въ черномъ платьѣ,—она зарывала свою куклу рядомъ съ могилою, гдѣ лежала ея мама... Чуть не расплакался, когда тутъ-же рядомъ были могилы прошлаго столѣтія, имѣвшія право, во имя принципа и преданія, требовать цѣлыхъ потоковъ слезныхъ. Я засмотрѣлся на сиротку въ траурѣ, на ея отца, убитаго горемъ, и забылъ свое знамя... я заслушался воя собаки, по своему оплакивавшей только что похороненнаго друга—хозяина... Мнѣ-ли было писать, я способенъ прописать всѣ эти глупости!

Въ концѣ концовъ, никакого журнала у насъ, конечно, не составилось. Еслибы нашлась и типографія, все равно ничего бы изъ этого не вышло. Всѣ хотѣли писать передовыя статьи, печататься крупнымъ шрифтомъ, никто не соглашался попасть въ дальнія колонки... Такъ бы и были у насъ одни premiers-Paris, А черезъ два—три дня всѣ переругались бы и передрались. Потолковали—потолковали о журналѣ и послѣ кофе принялись играть въ жмурки. Я, впрочемъ, очень доволенъ, только осрамился бы съ своими статьями по кладбищенской части.

X.

Комитетъ молодыхъ.

Журнала нѣтъ, зато у насъ есть комитетъ. Вотъ какъ это произошло. Вечеромъ, у Ренуля, противъ каждаго изъ насъ оказались пришпиленными къ скатерти бумажки, а на нихъ написано: «Въ полночь, безъ женщинъ». Откуда явилась эта повѣстка, никто не зналъ. Входитъ Лизета Ренуль; отъ нея необходимо скрыть. Мы наскоро проглатываемъ бумажки, Шампіоне второпяхъ пода-

Digitized by Google

вился булавкою, проткнулъ себѣ языкъ и не можетъ говорить, на весь вечеръ обреченъ молчанію.

..Къ двѣнадцати часамъ Ренуль спровадилъ Лизету спать, молча взялъ лампу, провелъ насъ въ свой маленькій кабинетикъ и сталъ у стола. Всѣ находятся въ напряженномъ ожиданіи.

— Граждане, раздается негромкій, сосредоточенный голосъ Матусена, — я рѣшился созвать васъ... я, граждане, нахожу это собраніе необходимымъ для успѣха революціи...

— Да, да, конечно, слышатся одобренія.

— Во имя республики, единой и нераздѣльной, я предлагаю вамъ учредить тайный комитетъ... я предлагаю теперь же дать ему соотвѣтствующее названіе.

Всеобщее молчаніе. Черезъ минуту кто-то возглашаетъ:

— Комитетъ молодыхъ...

— Да, да... отлично, отлично... мы—комитетъ молодыхъ.

— Молчанье! говоритъ Матусенъ тономъ стараго монтаньяра.—Мы комитетъ молодыхъ, но это мы одни знаемъ, и ни одна душа въ мірѣ не должна знать о существованіи нашего комитета! Мы заявимъ о себѣ лишь въ тотъ день, когда настанетъ пора развернуть наше знамя передъ лицомъ французскаго народа... Крупными кровавыми буквами мы напишемъ это имя на черномъ, старомъ лоскутѣ...

— Зачѣмъ же на лоскутѣ?

Меня заставляютъ молчать. Съ простотою и скромностью временъ античныхъ, Матусенъ продолжаетъ:

— Я кончилъ, я исполнилъ свой долгъ. Комитетъ молодыхъ учрежденъ. Теперь отъ васъ зависитъ выбрать президента, который станетъ во главѣ, первый пойдетъ на встрѣчу опасности и смерти, умретъ въ минуту опасности!..

— На завтра выборы... на завтра, кричатъ голоса.

Суббота, полночь.

Избирательные бюллетени отобраны и сочтены.

«Венгтра, Венгтра, Венгтра»... три бюллетеня съ моимъ именемъ; это большинство, насъ пятеро. Меня приглашаютъ занять кресло. Взволнованный, очень блѣдный, я обхожу столъ.

Digitized by Google

— Граждане! Я знаю, къ чему обязываетъ меня честь, кото-ой вы меня удостоили. Президентъ «комитета молодыхъ» долженъ гать во главѣ, первый пойти на встрѣчу опасности и смерти... умереть въ минуту опасности... а потомъ сдѣлаться достойнымъ, остойнымъ... достойнымъ...

Сбился, ничего не выходитъ, точно въ колоколъ звоню:

— Достойнымъ, достойнымъ... А теперь я взываю: на караулъ!..

— Ку-ку, ку-ку! Всѣ оглядываются; надъ часами изъ дверцы ыскочила маленькая птичка и кукуетъ. Она меня выручила.

— Тамъ на верху раздается крикъ ночной птицы! Но что-то удетъ, когда галльскій жаворонокъ, жаворонокъ нашихъ отцовъ, ысоко взовьется къ небу и своимъ крыломъ осѣнитъ головы,— ыть можетъ, разможенные,—комитета молодыхъ!...

Я гордо поднимаю голову, какъ будто ее уже осѣнило крыло алльскаго жаворонка.

Нашъ комитетъ иногда собирается въ очередныя засѣданія и остоянно въ экстренныя. Собранія бываютъ у Рока; у него боль-ая комната въ глубинѣ сада; для насъ это очень удобно, можно ройти никѣмъ незамѣченнымъ черезъ темный корридоръ, заткан-ый паутиною.

Я странный человѣкъ; мнѣ все очень скоро надоѣдаетъ. Въ ва мѣсяца мнѣ до того прискучили эти сборища, хожденія по тем-ому корридору съ паутиною, что я просто не зналъ, какъ изба-иться отъ должности заговорщика.

Подъ часъ я готовъ былъ разразиться громкимъ хохотомъ въ ицо моимъ пріятелямъ, забывая, что на насъ смотритъ исторія. то все Матусенъ увѣряетъ, что она смотритъ на насъ.

Конецъ ноября 51 года.

Плохи дѣла общественныя, плохи и мои личныя. Я лишился рока у русскаго барина, его актриса уѣхала ко всѣмъ чертямъ... нъ помчался за нею слѣдомъ. Я сижу опять на сорока франкахъ, ъ истасканномъ платьѣ. Плохо. На политическомъ горизонтѣ рачно. Въ одно прекрасное утро республику придушатъ, прежде ѣмъ она успѣетъ глаза протереть съ просонья. Симптомы тревожны,

Digitized by Google

отечество въ опасности. Очевидно, Наполеонъ замышляетъ что-то... въ воздухѣ чувствуется близость катастрофы.

Я не смѣюсь болѣе надъ комитетомъ молодыхъ, не до смѣха.

Что палата дѣлаетъ? Что дѣлаютъ монтаньяры? Ровно тоже, что нашъ комитетъ: говорятъ, говорятъ безъ конца звонкія фразы, воображаютъ, что словоизверженіемъ можно бороться противъ оружія... Плохіе тутъ разговоры, когда въ корридорахъ палаты гремятъ шпоры и побрякиваютъ сабли... а на улицѣ снѣгъ заметаетъ шаги.

Всѣмъ не до смѣха, всѣмъ тяжело дышется, всѣ ждутъ чего-то... Что-то насъ ждетъ? Что-то будетъ?..

XI.

2. Декабря.

— Венгтра!

Ломятся ко мнѣ въ дверь.

— Венгтра! Венгтра!.. въ этомъ крикѣ слышится ужасъ.

Я вскакиваю съ постели и отпираю. Входитъ Рокъ, на немъ лица нѣтъ.

— Государственный переворотъ!..

Я едва устоялъ на ногахъ.

— Вывѣшены объявленія... Палата распущена, республиканскіе депутаты арестованы...

— Скорѣе къ Ренулю... всѣ, всѣ къ Ренулю...

Я лечу подъ крышу и вытаскиваю старый пистолетъ, припасенный на случай боя. Въ меня вцѣпляется Александрина,—я забылъ о ней. Я вырываюсь.

— Если меня ранятъ, ты будешь ходить за мною?

— Не ранятъ... Никто и не подумаетъ драться!

Никто не подумаетъ драться!.. Такъ бы и надавалъ ей пощечинъ! Въ глубинѣ души я самъ опасаюсь этого, опасаюсь всеобщаго равнодушія. Въ нашемъ домѣ все тихо, жильцы спокойны, точно ничего не произошло; ни негодованія, ни возбужденія... На улицахъ тоже тишина, лишь кое-гдѣ виднѣются жиденькія группы,

Digitized by Google

соберутся, постоятъ и расходятся въ разныя стороны, каждый къ своему дѣлу. Дождичекъ накрапываетъ, подъ ногами мѣсится грязь. На углахъ, въ сумрачномъ туманѣ, ярко вырѣзываются бѣлыя афиши. Что же ихъ не срываютъ? Что не топчутъ въ грязь? Прохожіе останавливаются и, заложивши руки въ карманы, прехладнокровно прочитываютъ прокламаціи Наполеона. Вотъ еслибы хотя на одинъ су поднялась цѣна на хлѣбъ, тогда другое дѣло!.. Правъ ли бѣдный людъ? Никто не подумаетъ драться... Что-же это? Конецъ республики...

Десять часовъ.

Мы у Ренуля.

— Всѣ въ сборѣ?

Кажется, всѣ; подошло нѣсколько человѣкъ пріятелей, къ двѣнадцати кое-кто еще обѣщалъ прійти. А до тѣхъ поръ? До двѣнадцати? Надо дѣйствовать, не терять минуты, а они обѣщаютъ подойти... Вошелъ высокій, толстый брюнетъ; онъ много старше насъ, его братъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ 48 года. Всѣ обращаются къ нему съ вопросами.

— Граждане, говоритъ онъ, — я пришелъ сообщить вамъ приказъ о сопротивленіи...

Рѣшено не трогаться и выжидать, утомить войска!

И его слушаютъ, не вышвыриваютъ на улицу. Меня душитъ злость...

— Проще было бы, я думаю, прямо заявить, что все кончено, все потеряно и спокойно разойтись по домамъ... Вамъ этого хочется?

Слышатся выраженія негодованія.

— Нѣтъ, не этого? Въ такомъ случаѣ не ждать нужно, а протестовать, не сидѣть тутъ, сложа руки, не тратить времени даромъ... дѣйствовать надо! Сейчасъ, сію минуту... умоляю васъ во имя республики!

— Что же вы думали бы дѣлать?

— Все, все возможное... бѣжать на улицу, кричать, заложить баррикады, звать къ оружію, поднять народъ...

Меня прерываютъ. Высокій брюнетъ спрашиваетъ, кого желаютъ

Digitized by Google

слушать: меня или распоряженія, отданнаго депутатами, съ которыми успѣли переговорить?

— Надо повиноваться комитетамъ, рѣшаетъ сборище.

Входитъ другой, говоритъ то же самое: «утомить войска»!

— Къ вечеру будетъ сдѣлано дальнѣйшее распоряженіе, добавляетъ онъ.

Всѣ обращаются ко мнѣ съ вопросомъ: убѣдился-ли я наконецъ?

— Еще бы! Какъ нельзя лучше убѣдился, что все потеряно... что мы ребятишки... Еслибы мы были людьми, то баррикада была бы уже готова...

— И мы остались бы на ней одни, пытается возразить Ренуль, склоняющійся, впрочемъ, къ моему мнѣнію.

— А если всѣ и каждый будетъ говорить то же, то ровно ничего и никогда быть не можетъ... Кто разсчитываетъ утомлять войско, пусть тотъ ходитъ за нимъ съ запасными чулками въ карманѣ... Намъ не чулки нужны, нужны бойцы...

Я задыхаюсь отъ бѣшенства... дѣло доходитъ до руготни...

. . . . . .

3 декабря.

Мы бѣгаемъ съ 11 часовъ утра вчерашняго дня, ищемъ опасности и сознаемъ свое полное безсиліе, полное пораженіе. Наконецъ-то отдано распоряженіе начать сопротивленіе. Кое-гдѣ, тамъ и сямъ раздались выстрѣлы, мелькнулъ красный платокъ, навязанный на палку, и только. Александрина была права, сюртуки взялись за оружіе, блузы и не подумали! Въ отвѣтъ на зовъ присоединиться къ намъ, одинъ рабочій сказалъ мнѣ ужасныя слова:

— Юный буржуа! Кто изъ вашихъ, папенька или дядюшка, разстрѣливали и ссылали насъ въ іюнѣ?

Они не забыли 48 года, они смѣялись, когда отправляли въ тюрьму эту палату ссылавшихъ и разстрѣливавшихъ; ни одинъ рабочій не шевельнулъ пальцемъ. А толстый брюнетъ продолжаетъ повторять: «надо утомить войско!..»

4 декабря, вечеромъ.

Мы ихъ не утомили, а я упалъ отъ усталости и уснулъ тя-

Digitized by Google

желымъ сномъ. Меня душитъ кошмаръ. Я вскакиваю и открываю окно: вдали слышны выстрѣлы... Что это? Дерутся?.. Нѣтъ, это,— говорятъ,—разстрѣливаютъ въ префектурѣ!.. Я задыхаюсь въ комнатѣ и, едва волоча ноги, ползу на улицу. Весь домъ спитъ, улицы пусты, ни души. Выстрѣлы смолкли, въ невозмутимой тишинѣ ночи изрѣдка раздаются мѣрные, твердые шаги патрулей... Все кончено... ждать болѣе нечего, не раздается ни крика, ни возгласа, республика умерла.

Возвращаясь домой, прохожу мимо неплотно притворенной двери; за нею виденъ свѣтъ, слышенъ отрывистый счетъ запоздалыхъ игроковъ въ пикетъ.

— Четырнадцать королей!... говоритъ одинъ голосъ.

— Считай лучше тринадцать королей и одинъ императоръ, шутя, поправляетъ другой.

Веселый смѣхъ...

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Сонеты. (Изъ I. ЛОРМА).

Христосъ.

За проповѣдь евангельской любви
Они его распять постановили
И кроткаго Учителя убили:—
Спасалъ онъ міръ, купавшійся въ крови!

Съ тѣхъ поръ давно народы и цари
Передъ Христомъ колѣна преклонили;
А многіе—Его законамъ подчинили
Дѣянія и помыслы свои.

Но часто нынѣ стали забывать
О братствѣ чистое, святое слово:
Насилье можетъ нагло ликовать,
И дѣти рода жалкаго людскаго
Напрасно ждутъ цѣлителя опять,—
Чтобъ зло навѣкъ согналъ съ лица земнаго!

Прометей.

Сомнѣній роковая мгла
Владѣетъ бѣдною землею,—
Суровой тяжестью легла
Надъ человѣческой душою!

Digitized by Google

Судьба однажды родила
Бойца за людъ, объятый тьмою,
И что-же? голая скала—
Награда славному герою!

Въ преданьяхъ—коршунъ или орелъ,
А просто—рядъ безумныхъ золъ—
Пьютъ кровь изъ сердца Прометея;
Но, презирая этотъ гнетъ,
Страдалецъ все еще живетъ.
Онъ—вѣчной истины идея!

Мысль.

Наша мысль съ орломъ могучимъ сходна,
Что парить надъ бѣдной землею—
Далеко отъ зависти холодной,
Къ солнцу близокъ гордою мечтою!

Нѣтъ нужды тамъ горькой, безъисходной,
Ни вражды со злобою тупою;
Только съ тучкой ясною, свободной—
Грезой неба—встрѣтишься порою!

Но зато, когда среди лазури
Наступаютъ бѣшеныя бури,—
Птичій царь теряетъ даже силы:
Такъ ума великія стремленья
Часто въ мигъ жестокаго сомнѣнья
Насъ, людей, доводятъ до могилы!

Весна.

Мрачный сѣятель злой непогоды—
Зимнихъ тучъ безпросвѣтный навѣсъ

Digitized by Google

Съ небосклона внезапно исчезъ,—
И повѣяло духомъ свободы.

Изъ-подъ льда вырываются воды;
Одѣвается зеленью лѣсъ;
Смотритъ весело солнце съ небесъ
На чарующій праздникъ природы!

Теплой, яркою, пышной весною
Пробуждается все ото сна
Тоже—съ нашею жизнью земною:
Въ часъ печали—угрюма, темна,
Но зато какъ ликуетъ порою
Подъ улыбкою счастья она!

Горы.

Храбро вы, красавцы-исполины,
Горизонтъ нашъ узкій побѣдили,—
Взорамъ даль обширную открыли:
Нивы, рощи, воды и долины!

Право, скучны гладкія равнины:
Зависть, ложь, насилье ихъ плѣнили,
Горы-жъ... Горы эти не пустили
Зла къ себѣ на стройныя вершины!

Поднимаясь гордо, великаны
Прикоснулись до небесъ главами,—
Ихъ ласкаютъ тучи да туманы,
И они бесѣдуютъ съ орлами,
Узнавая про земныя страны,
Про героевъ съ пылкими сердцами!..

С. Бердяевъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Взглядъ на недавнее прошлое.—Завѣты шестидесятыхъ годовъ и реакція.—Программа новаго правительства и первые шаги по приведенію ея въ исполненіе.—Голосъ русской общественной совѣсти.—Заботы о народѣ и о народномъ благѣ.—Теорія и практика способовъ разрѣшенія «центральной русской задачи».—«Свѣдущіе» люди и ихъ оцѣнка.—Попытки къ «истребленію хищенія».—Нѣчто о колоритѣ картины современной русской дѣйствительности.—Поиски «правды» и «порядка».—

Слѣдуя общепринятому обычаю и собственному нашему побужденію, мы считаемъ необходимымъ начать нашъ обзоръ внутренней русской жизни не за послѣдніе лишь дни, а за весь минувшій ея періодъ, считая съ роковаго 1-го марта.

За этотъ промежутокъ времени мы пережили очень много тяжелаго, среди мучительныхъ сомнѣній по самымъ существеннымъ надеждамъ и упованіямъ, въ которыхъ воспитала насъ предшествовавшая эпоха преобразованія...

Исторія въ своемъ теченіи разрѣшается иногда, на глазъ современника, такими неожиданностями, имѣющими роковое, рѣшающее значеніе, что совершенно спутываетъ и парализуетъ сложившіеся виды и разсчеты, возлагаемые на завтрашній день.

Такою именно трагическою неожиданностью явилось 1-е марта,—и намъ теперь предстоитъ указать на то вліяніе, которое имѣла эта катастрофа на ходъ русскаго прогресса, на сложившіеся въ насъ самихъ надежды и разсчеты по отношенію къ завтрашнему дню. Другими словами: намъ нужно выяснить, въ какой степени утрачены или сохранены вѣхи нашего внутренняго преуспѣянія, намѣченныя исторіей и столь ощутительно рисовавшіяся глазу

Digitized by Google

до помянутой катастрофы? въ какой степени, идя на встрѣчу завтрашнему дню, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что онъ дастъ намъ вёдро?

Положеніе даннаго момента представляется намъ въ такомъ видѣ, по-скольку мы въ состояніи правильно судить о немъ съ точки зрѣнія очевидцевъ, слишкомъ еще близко стоящихъ къ событіямъ для всесторонней ихъ оцѣнки.

У современнаго зрѣлаго поколѣнія, составляющаго господствующее ядро населенія — людей пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ — неизгладимыми бороздами залегли въ душѣ два громадной важности факта — два одинаково памятныхъ, но различныхъ по впечатлѣніямъ, дня: *19-е февраля* и *1-е марта* — освобожденіе крестьянъ и трагическая смерть Царя-Освободителя! Эти два событія стоятъ, какъ исполинскія грани, замыкающія собою съ начала и конца цѣлое двадцатилѣтіе, столь богатое въ русской жизни великими дѣлами и не малыми ошибками.

Въ сознаніи и памяти современниковъ эти двѣ историческія грани составляютъ какъ бы двѣ основныя точки, изъ которыхъ исходятъ линіи кругозора всего пережитаго, переиспытаннаго и передуманнаго. Конечно, мы не станемъ входить здѣсь ни въ оцѣнку всей этой эпохи, ни въ подробное изслѣдованіе ея значенія въ русской жизни. Насъ можетъ занимать въ настоящую минуту только одинъ «довлѣющій дневи» вопросъ, самъ собою напрашивающійся при взглядѣ на русскую современность. Спрашивается, въ какой мѣрѣ современность эта стоитъ на высотѣ идеаловъ, продиктованныхъ и завѣщанныхъ русскому общественному сознанію свѣтлымъ 19-мъ февраля?... Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ воздѣйствіе реакціи на поступательный ходъ прогрессивныхъ началъ преобразовательной эпохи.

Опасенія, что реакція найдетъ въ катастрофѣ 1-го марта внушительныя данныя для запугиванія и, отсюда, для обращенія къ попятному движенію, охватили на первыхъ порахъ, какъ извѣстно, почти всѣхъ русскихъ мыслящихъ людей прогрессивнаго оттѣнка. И дѣйствительно, тяжелыя условія необходимой «усиленной охраны», вызванной печальными событіями и не могшей, конечно, не стѣснить свободу общественной жизни, шумный и страстный азартъ реакціонеровъ печати, въ хорѣ кото-

Digitized by Google

рыхъ такъ часто слышатся разнузданные «трихинные голоса» (по выраженію сатирика), общее уныніе и духовная придавленность, явившаяся естественнымъ результатомъ постигшаго Россію бѣдствія,—все это должно было укрѣпить опасенія, о которыхъ здѣсь говорится. По крайней мѣрѣ, такъ именно отнеслась къ положенію вещей извѣстная часть общества и печати.

Теперь мы уже знаемъ и имѣемъ на то ощутительныя доказательства, что опасенія эти были напрасны и безосновательны. Конечно, возможны болѣе или менѣе длинные промежутки застоя и нерѣшительности, возможно, что реакція отпразднуетъ еще цѣлый рядъ побѣдъ; но, вникнувъ въ положеніе дѣла,—ни мысль, ни чувства наши не могутъ допустить возврата назадъ и уничтоженія плодотворныхъ началъ жизни, вложенныхъ въ русскую почву 19-мъ февраля. Мыслимо-ли, чтобы общество, воспитанное въ освободительныхъ завѣтахъ, въ принципахъ человѣчности и прогресса въ теченіе преобразовательной эпохи, могло вдругъ одичать и остановиться въ своемъ развитіи на точкѣ замерзанія? Мыслимо-ли остановить эмансипирующее движеніе въ народѣ, порожденное крестьянской реформой, разъ навсегда уравнявшей права всѣхъ русскихъ гражданъ предъ закономъ и освятившей человѣческую личность? Мы полагаемъ, что по самой натурѣ вещей, ничто подобное немыслимо и—противорѣчило бы нашей вѣрѣ въ русскій народъ и въ его великую будущность. Факты не замедлили оправдать эту увѣренность. Не смотря на страшное потрясеніе, произведенное 1-мъ марта, наше новое правительство, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности, поспѣшило заявить торжественнымъ актомъ, что оно останется вѣрнымъ тому преобразовательному пути, на который вступила Россія подъ руководствомъ императора Александра II. «Да ободрятся пораженные смущеніемъ и ужасомъ сердца всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, любящихъ отечество!»—обращается Высочайшій манифестъ отъ 29-го апрѣля къ Россіи, призывая ее служить Государю и Государству «вѣрой и правдой» къ искорененію крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, «къ истребленію неправды и хищенія, *къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи покойнымъ Императоромъ*».

Слова эти, высказанныя съ высоты Престола, твердо намѣ-

Digitized by Google

чали основанія программы, которой правительство намѣрено было слѣдовать. Тѣ-же основныя начала были выражены и развиты во всѣхъ публичныхъ заявленіяхъ нашихъ главныхъ правительственныхъ органовъ. Циркулярная нота министра иностранныхъ дѣлъ къ нашимъ представителямъ за границею категорически указывала на твердое намѣреніе правительства посвятить себя «дѣлу внутренняго государственнаго развитія, *тѣсно связанному съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными*». Еще обстоятельнѣе и подробнѣе развита была эта программа въ циркулярѣ къ начальникамъ губерній новаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева.

Ссылаясь на Высочайшій манифестъ 29-го апрѣля, предначертавшій «путь, которымъ правительство, при содѣйствіи всей земли, намѣрено слѣдовать къ единой высокой цѣли — величію и благу Россіи», графъ Н. П. Игнатьевъ выражалъ ободрительную увѣренность, что «настоящія затрудненія исчезнутъ вскорѣ, *при дружныхъ усиліяхъ правительства и общества*».

Обращаясь собственно къ обществу, онъ между прочимъ говоритъ: «да будетъ оно (дворянство) увѣрено, какъ и все русское земство и городскія сословія, что дарованныя имъ права останутся, согласно Высочайшей волѣ, *въ полной неприкосновенности* и что цѣль правительства—стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, *къ осуществленію на самомъ дѣлѣ всего того, что было положено въ основу дарованныхъ Монархомъ учрежденій*. Наконецъ и крестьянство, оставаясь всегда вѣрнымъ престолу, должно не внимать вреднымъ слухамъ и пребывать въ полной увѣренности, что ему не только *сохранятся дарованныя свобода и права*, но что правительсто озабочено возможнымъ *облегченіемъ лежащихъ на немъ тягостей и улучшеніемъ его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта*».

Рядомъ съ этимъ, ставя въ святой долгъ для всѣхъ и каждаго, въ особенности ближайшихъ слугъ государевыхъ—«нравственную чистоту, вѣру въ свое дѣло и преданное служеніе»,—циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ давалъ ручательство, что *хищеніе* будетъ «пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, гдѣ бы оно ни обнаружилось», а виновники его понесутъ заслуженную кару. Въ заключеніе, правительство, словами графа Игнатьева, обѣщало принять безотлагательныя мѣры для установленія

Digitized by Google

«*правильныхъ способовъ*, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній».

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на повторительное заявленіе, высказанное и въ цитированномъ здѣсь циркулярѣ, что, въ особенности, предметомъ заботъ и попеченій правительства будетъ «*водвореніе порядка и правды* въ дѣйствіяхъ учрежденій, дарованныхъ Россіи милостью почивающаго въ Бозѣ Государя Императора».

Такимъ образомъ, въ русскомъ обществѣ и народѣ была утверждена самою правительственною властью увѣренность въ незыблемости тѣхъ жизненныхъ основъ нашего внутренняго развитія, которыя были положены въ учрежденія преобразовательной эпохи. Мало того, сознавая, что названныя учрежденія въ большей или меньшей степени отклонились или могли отклониться отъ своего первоначальнаго идеала, благодаря различнымъ, искажающимъ ихъ духъ вліяніямъ,—законодатель ставитъ главнѣйшей своей задачей возстановленіе въ нихъ «порядка и правды». Все это, разумѣется, должно было произвести успокоивающее дѣйствіе на смущенное и потрясенное общество. Оставалось съ доброй вѣрой ждать приведенія въ исполненіе такъ широко и доброжелательно начертанной правительствомъ программы внутренней государственной дѣятельности. И дѣйствительно, вскорѣ за словомъ послѣдовало и дѣло.

Здѣсь мы должны отмѣтить одну чрезвычайно важную черту, характеризующую переживаемый нынѣ Россіей историческій моментъ. Черта эта обусловливается тѣмъ всеобъемлющимъ, могущественнымъ факторомъ, который вступилъ въ силу съ 19-го февраля и произвелъ коренную перестановку въ главныхъ задачахъ и цѣляхъ какъ правительственной дѣятельности, такъ и общественной мысли. Благодаря этой перестановкѣ, въ настоящее время принципъ—«все для народа и посредствомъ народа»—дѣлается непреложнымъ и обязательнымъ для всякой общественной и правительственной программы. Крестьянская реформа тѣмъ именно велика и плодотворна, что она разъ на всегда вывела народъ изъ забвенія и игнорированія его духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ, что она освятила его права на участіе въ благахъ общаго гражданскаго и экономическаго пре-

Digitized by Google

успѣянія. Даже болѣе: народу, т. е., трудовой массѣ, которая оплачиваетъ государственные расходы и успѣхи русской цивилизаціи, и интеллектуальный ростъ нашей общественной мысли,—19-е февраля дало священное право на преимущественныя заботы о его благѣ со стороны правящаго слоя. Въ настоящее время, въ Россіи всѣ «вверху стоящіе», по выраженію поэта, проникнуты сознаніемъ, что они и вся предшествовавшая исторія русская находятся, такъ сказать, въ долгу у народа, и что теперь насталъ срокъ безотлагательной уплаты этого долга. Сознаніе это, раздѣляемое—одними искренно и горячо, другими смутно и инстинктивно, третьими, наконецъ, лицемѣрно и притворно,—составляетъ въ настоящее время, безъ преувеличенія, главный устой нашей общественной совѣсти. Это можно видѣть изъ того, что въ современной русской журналистикѣ нѣтъ органа, который бы не проповѣдывалъ этого сознанія, который бы не ратовалъ за интересы и блага народа. Въ этомъ пунктѣ сходятся рѣшительно всѣ «направленія» и партіи, хотя, конечно, въ исходныхъ пунктахъ своихъ и цѣляхъ, они различаются весьма существенно, не говоря уже о томъ, что многіе «народолюбцы», по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказались-бы отшлифованными выразителями наиболѣе хищническихъ теорій и привычекъ.

Все цитированное нами изъ правительственной программы, заявленной послѣ 1-го марта, ясно свидѣтельствуетъ, что сказанный долгъ народу чутко сознается и нынѣшними представителями власти въ Россіи. Ясно видно, что правительство наше твердо намѣрено слѣдовать той исторической миссіи, которую взялъ на себя императоръ Александръ II съ момента осуществленія крестьянской реформы. Если же это такъ, то излишне говорить, что общество, не взирая на временныя стѣсненія и остановки, можетъ спокойно идти на встрѣчу будущему, въ чаяніи осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій и надеждъ.

Какъ извѣстно, важнѣйшими актами правительственной дѣятельности послѣ 1-го марта явились мѣры къ разностороннему улучшенію быта крестьянъ. По своему смыслу и значенію, мѣры эти клонились именно къ водворенію того порядка и той правды, въ которыхъ ощутительно стали нуждаться различныя учрежденія, касающіяся крестьянскаго благосостоянія и устройства. Первымъ дѣйствіемъ на этомъ пути явились работы по

Digitized by Google

урегулированію и уменьшенію выкупныхъ платежей за земельные надѣлы. За ними послѣдовали еще болѣе важныя попытки въ томъ же духѣ и направленіи, выразившіяся въ «совѣщаніи» о питейномъ и переселенческомъ вопросахъ.

Какъ извѣстно, разработкѣ этихъ вопросовъ было посвящено очень много и времени, и стараній правительства и общества. Самое поднятіе ихъ ясно указывало, въ чемъ полагаетъ свою главную задачу новое правительство. Нужно ли говорить, что такіе вопросы, какъ переселенческій, выкупной и питейный, давно и настойчиво требуютъ разрѣшенія, касаясь самыхъ насущныхъ нуждъ народа?

Крестьянская реформа 61-го года, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, нуждалась въ необходимыхъ поправкахъ и дополненіяхъ, которыя съ теченіемъ времени все ощутительнѣе вызывались и указывались практикой. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, по отношенію къ крестьянскому устройству не было сдѣлано никакихъ измѣненій и улучшеній. Въ послѣднее время особенно настойчиво стало заявлять о себѣ безземелье и малоземелье многихъ крестьянъ, что произошло какъ отъ увеличенія численности населенія, такъ и отъ другихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на крайнее раздробленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Съ равномѣрной силой сталъ повсемѣстно выдвигаться и другой, близко касающійся народнаго благосостоянія, вопросъ—вѣковой и безъисходный вопросъ о народномъ пьянствѣ, въ связи съ правилами питейной продажи. Отовсюду посыпались нерѣдко преувеличенныя жалобы, что крестьяне повсемѣстно нищаютъ и пропиваются. Цифры недоимокъ, съ каждымъ годомъ увеличивающіяся, являлись какъ бы краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ. Еще болѣе говорили въ томъ же смыслѣ такъ часто повторяющіеся факты народныхъ голодовокъ и совершенной необезпеченности крестьянина во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужда да бѣда постучатся къ нему въ дверь, не говоря уже о его совершенной беззащитности противъ опустошительныхъ заразъ и болѣзней, противъ скотскихъ падежей и т. под. напастей, обездоливающихъ и обезсиливающихъ нашу «деревню». Но откинувъ въ сторону тенденціозныя преувеличенія этихъ бѣдствій со стороны реакціонной печати, люди, привѣтствовавшіе освобожденіе крестьянъ и

Digitized by Google

видѣвшіе въ немъ источникъ быстраго и всесторонняго развитія народнаго благосостоянія, теперь съ смущеніемъ должны были сознаться, что среди освобожденнаго крестьянства дѣйствительно замѣчаются признаки обѣднѣнія и, мѣстами, даже полнаго хозяйственнаго разстройства. Въ этомъ убѣждали ихъ неотразимые факты и цифры, доказывавшіе, напр., уменьшеніе количества запашекъ, убыль домашняго скота и проч. Становилось яснымъ до очевидности, что въ самой реформѣ осталась нѣкоторая недоговоренность и неполнота, что начатое великое дѣло «улучшенія крестьянскаго быта» не должно останавливаться на первыхъ своихъ шагахъ и требуетъ постояннаго и всесторонняго развитія.

Эта-то именно задача—дополненій и исправленій въ крестьянскомъ устройствѣ, на новыхъ началахъ—и выпала на долю настоящаго царствованія! По крайней мѣрѣ, задачу эту само правительство приняло и поставило на первомъ планѣ, какъ это можно видѣть изъ его дѣйствій.

Въ настоящее время нельзя еще судить, въ какой степени успѣшно будетъ выполнена эта трудная и сложная задача, потому что начатыя по этому предмету обширныя работы находятся еще пока на ходу и далеки отъ окончанія. Въ данную минуту мы стоимъ только у начала этого великаго дѣла и едва можемъ охватить взоромъ всю его громадность и всѣ его подробности. Довольно указать хотя бы на одну податную реформу, которая естественнымъ ходомъ вещей становится на очереди послѣ перваго же приступа къ крестьянскому переустройству. Но тѣмъ не менѣе, самая готовность идти на встрѣчу этимъ жизненнымъ запросамъ русской дѣйствительности можетъ служить ручательствомъ, что мы въ данную минуту стоимъ на вѣрномъ пути и смотримъ прямо въ глаза предъявленной намъ исторіею задачѣ.

Недавно одинъ серьезный публицистъ чрезвычайно вѣрно замѣтилъ, что крестьянская реформа есть «центральная задача» современной русской жизни, что ее нельзя ни отсрочить, ни отстранить, ни заговорить никакими доводами и софизмами. Съ этимъ, конечно, согласится всякій, кто вникаетъ въ требованія времени и живетъ не одними личными, но и общественными интересами. Въ то же время, въ общественномъ мнѣніи выра-

Digitized by Google

батывается ясное пониманіе сущности этой реформы и тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ она должна быть рѣшена. Въ этомъ случаѣ, двадцатилѣтній опытъ не остался безплоднымъ. Общественная мысль настолько созрѣла и укрѣпилась изученіемъ разнообразныхъ явленій народной жизни и результатовъ воздѣйствія на нее послѣднихъ преобразованій, что является вполнѣ компетентной истолкователыницей того, что требуется теперь для экономическаго и нравственнаго улучшенія народнаго быта. Въ литературѣ довольно опредѣленно намѣчена уже, ея коллективными силами, та программа и тотъ методъ, по которымъ должна разрѣшиться въ *теоріи* крестьянская реформа. Вотъ основныя черты этой теоріи.

Администрація, сама по себѣ, безъ содѣйствія творческихъ силъ общества, не въ состояніи помочь народу во всѣхъ его жизненныхъ требованіяхъ и нуждахъ. Въ этомъ краснорѣчиво убѣждаетъ опытъ множества, такъ называемыхъ, канцелярскихъ реформъ, вошедшихъ, можно сказать, въ притчу по своей непримѣнимости, непрактичности и безрезультатности въ лучшихъ случаяхъ. Само крестьянство, при низкомъ уровнѣ его умственнаго развитія и патріархальности культуры, точно также лишено возможности вполнѣ обнять и разрѣшить свои общіе капитальные вопросы, безъ содѣйствія интеллигентныхъ силъ страны. Но наши интеллигентныя силы пребываютъ въ данную минуту въ разбродѣ и не имѣютъ надлежащаго поприща для активной дѣятельности. Представляющія ихъ, только отчасти, городскія и земскія общественныя учрежденія, по многимъ причинамъ, далеко не отвѣчаютъ своему назначенію, и весьма нерѣдко представляютъ печальное зрѣлище апатіи, себялюбія и внутренней безурядицы. Кто не знаетъ, что подъ видомъ «излюбленныхъ людей» въ нашихъ земствахъ и думахъ засѣдаютъ въ большинствѣ далеко не лучшія и не интеллигентнѣйшія общественныя силы? Слѣдовательно, ждать и требовать отъ нихъ, въ настоящемъ ихъ составѣ, серьезнаго содѣйствія народу было бы чистой иллюзіей.

Остается обратиться къ живымъ творческимъ силамъ народа и общества—найти истинныхъ выразителей и истолкователей народной думы, умудренной опытомъ и освященной наукой. Эти силы, безъ сомнѣнія, есть, и при желаніи и умѣніи вызвать

Digitized by Google

ихъ къ активной жизни, сплотить въ правильную, способную къ дальнѣйшему развитію организацію, мы могли бы создать ту *истинно-интеллигентную среду*, которая вполнѣ выражала бы коллективный разумъ страны и была бы компетентной для разрѣшенія, подъ руководствомъ правительства, трудной крестьянской реформы въ ея цѣломъ и подробностяхъ.

Такова теорія рѣшенія современной *центральной задачи* русской жизни.

Въ общихъ чертахъ ее исповѣдуютъ представители интеллигенціи не одного лишь либеральнаго, столь дурно аттестуемаго нынѣ направленія. Московскіе «славянофилы», петербургскіе государственники, съ ихъ лейпцигскими пророками *), крайніе и умѣренные либералы одинаково исповѣдуютъ эту теорію и расходятся только въ ея частностяхъ и въ заключительныхъ выводахъ. Словомъ, мы хотимъ сказать, что въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе, не смотря на спутанность и черезполосность его теченія, неощутительно для себя самого, высказывается весьма опредѣленно и единодушно. И въ этомъ нельзя не замѣтить, съ одной стороны, извѣстную зрѣлость общественной мысли, а, съ другой—органическую законность предъявляемыхъ этой мыслью вопросовъ и требованій, возвышающихся надъ современнымъ уровнемъ общественной самодѣятельности.

Въ какой же степени указанная теорія и помянутое сейчасъ требованіе признаются жизненными и необходимыми по отношенію къ задачамъ государственной жизни?—Разработка всѣхъ вышеисчисленныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу ознаменовалась у насъ, какъ извѣстно, однимъ характеристическимъ нововведеніемъ. Для рѣшенія выкупнаго, питейнаго и переселенческаго вопросовъ, были призваны, по выбору правительства, «свѣдущіе люди», въ качествѣ экспертовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, и имъ была предоставлена возможность довольно широкаго обсужденія предлежавшей задачи. «Совѣщанію свѣдущихъ людей» была придана достаточная гласность, такъ что печать и общество могли шагъ за шагомъ слѣдить за ихъ работами.

Нужно сказать, что это нововведеніе произвело первоначально весьма хорошее впечатлѣніе, и люди, исповѣдующіе

*) См. лейпцигскую брошюру «О состояніи Россіи».

Digitized by Google

вышеочерченную нами теорію общественной самодѣятельности, истолковали призывъ экспертовъ въ смыслѣ приближенія къ осуществленію этой теоріи. Впрочемъ, впослѣдствіи явились нѣкоторыя разочарованія, и теперь уже можно сказать утвердительно, что «свѣдущіе люди» удовлетворили весьма немногихъ. Прежде всего было выражено сомнѣніе относительно ихъ компетентности, какъ *представителей общества*. Точно-ли, можно было ихъ назвать такими представителями? Затѣмъ, показалось страннымъ и то обстоятельство, что имъ приходилось являться одинаково «свѣдущими» по совершенно различнымъ вопросамъ. Спрашивалось: всегда-ли «свѣдущій» человѣкъ по питейному, напр., вопросу, можетъ быть одинаково свѣдущъ и по вопросу переселенческому?

Окончательные результаты «совѣщанія» еще менѣе удовлетворили строгихъ критиковъ. Впрочемъ, въ оправданіе «свѣдущихъ людей,» были указаны тѣ предѣлы, въ объемѣ которыхъ они только и могли давать свои мнѣнія и предложенія, не переступая за эту заповѣдную черту. Такъ, питейную реформу они обсуждали подъ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы изыскиваемыя ими мѣры улучшенія продажи питей и сокращенія народнаго пьянства не сопровождались «ущербомъ» для финансоваго бюджета... Были и другія, не менѣе серьезныя, ограниченія. Здѣсь мы не станемъ входить въ разборъ и оцѣнку ни дѣйствій правительства, ни занятій «свѣдущихъ людей» по указаннымъ вопросамъ, въ связи съ сущностью послѣднихъ и съ требованіями общественной мысли. Наше намѣреніе заключается только въ томъ, чтобы по возможности вѣрно очертить ходъ современной русской государственной дѣятельности, ея направленія и задачи, поскольку они выразились въ программѣ правительства и въ первыхъ работахъ по ея осуществленію.

Мы видѣли, что высказанная графомъ Игнатьевымъ мысль о «водвореніи правды и порядка» въ учрежденіяхъ, касающихся главной силы государства, т. е. господствующей крестьянской массы его населенія,—что мысль эта не осталась мертвой буквой, а, такъ или иначе, воплотилась въ практическое дѣло. Въ какой же степени это дѣло увѣнчается успѣхомъ, покажетъ, конечно, будущее...

Одновременно и другія части программы, заявленной пра-

Digitized by Google

вительствомъ, не были оставлены безъ исполненія. Можно указать на облегчительныя измѣненія, введенныя въ систему народнаго образованія; на рядъ мѣръ къ сокращенію государственныхъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, и проч. Нельзя не указать также и на то, что̀ сдѣлано по части истребленія «хищничества». Зло это, унаслѣдованное отъ стараго режима и искони позорившее нашу бюрократію, приняло въ послѣднее время такіе постыдные размѣры, которые не могли не вызвать серьезнаго отпора со стороны защитниковъ права и общественной нравственности. Знаменитое расхищеніе уфимскихъ земель явилось апогеемъ этого разнузданнаго злоупотребленія властью, и, по чести нашихъ дней, должно сказать, что въ настоящее время приняты всѣ мѣры, чтобы положить предѣлъ этому печальному явленію и обуздать расходившихся охотниковъ на казенный сундукъ и на государственныя имущества.

Въ концѣ прошлаго года, въ сенатѣ происходилъ весьма поучительный въ этомъ смыслѣ процессъ логишинскихъ мѣщанъ съ бывшимъ минскимъ губернаторомъ Токаревымъ. Процессъ этотъ имѣлъ большее общественное значеніе. Онъ обнаружилъ цѣлый рядъ злоупотребленій властью со стороны административныхъ лицъ въ сѣверозападномъ краю, пользовавшихся исключительнымъ положеніемъ этого края для своихъ корыстныхъ цѣлей. Губернаторъ Токаревъ и ему подобные представители административной власти въ этомъ краю, путемъ произвола и насилія, отчуждали въ казну, подъ прикрытіемъ законно совершенно беззаконнымъ образомъ, земли у цѣлыхъ поселеній, и потомъ пріобрѣтали эти земли въ собственность за безцѣнокъ, на льготныхъ основаніяхъ, съ раскладкой платежа на десятки лѣтъ!! Такимъ образомъ Токаревъ, при дружескомъ содѣйствіи ген.-лейтенанта Лошкарева, обобралъ и обезземелилъ цѣлую волость, и принялъ всѣ мѣры,—нерѣдко отличавшіяся крайней жестокостью,—чтобы справедливая жалоба обобранныхъ не дошла по назначенію. Но, какъ показалъ этотъ процессъ, дѣло губернатора не выгорѣло, и наглое «хищеніе», прикрывавшееся важнымъ административнымъ постомъ, властью связями,—не ушло отъ справедливаго суда, а жертвы его не остались беззащитными...

Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода дѣла, судимыя гласно, без

Digitized by Google

всякихъ недомолвокъ и поблажекъ, поднимутъ высоко авторитетъ правительства и произведутъ достодолжное нравственное впечатлѣніе на тѣхъ личностей, которыя обращаютъ власть и законъ въ орудіе стяжанія и мздоимства.

Такова, въ общихъ чертахъ, картина нашей «внутренней политики» въ данный моментъ, съ котораго мы начинаемъ нашу журнальную дѣятельность.

Всматриваясь ближе въ эту картину, мы не увидимъ въ ней ничего яркаго и широкаго,—общій фонъ ея заволакиваетъ пасмурная атмосфера, полная печальныхъ тѣней... Чувствуется какая-то придавленность, вялость и тоскливость общаго жизненнаго тона. Русскій человѣкъ какъ-бы усталъ жить, извѣрился въ жизнь. Тотъ ликующій, праздничный духовный строй, который онъ испыталъ, напр., въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, одушевляемый самой свѣтлой вѣрой въ будущее, изсякъ какъ бы навсегда, и теперь о немъ не можетъ быть даже и помину.

Несомнѣнно, что это унылое настроеніе объясняется отчасти послѣдними печальными событіями; но за всѣмъ тѣмъ не малую роль играетъ здѣсь господствующее въ обществѣ недовольство, пищей для котораго служитъ множество неблагопріятно-сложившихся условій... Недовольство самими собой и всѣмъ окружающимъ—это современная хроническая болѣзнь русскихъ людей; но оно же представляетъ собою и залогъ нашего общественнаго выздоровленія. Ясно, что общество не мирится на насущномъ, столь далекомъ отъ совѣршенства, жизненномъ строѣ и мучительно алчетъ водворенія среди себя и настоящаго «порядка», и болѣе полной «правды».

Мы знаемъ, что въ этомъ же заключается и стремленіе верховной власти, что и она ставитъ себѣ основной задачей утвердить повсемѣстно въ русской землѣ ту же правду и тотъ же порядокъ. Остается пожелать, чтобы въ этомъ случаѣ стремленія власти и общества совпали воедино, и чтобы въ совокупномъ ихъ усиліи былъ найденъ возможно скорѣе истинный, широкій и вполнѣ надежный путь для достиженія этой великой цѣли...

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Истекшій годъ былъ для Западной Европы, по преимуществу, годомъ усиленной внутренней работы. Всѣ внѣшніе вопросы, всѣ тѣ злобы дня, которыми почти исключительно жила Европа за послѣднія 10—12 лѣтъ, хотя и не сошли со сцены, но какъ-то ступевались, отодвинулись на задній планъ и утратили свой прежній преобладающій характеръ, уступивъ мѣсто болѣе существеннымъ для каждаго государства домашнимъ дѣламъ. Народы запада словно старались наверстать время, потраченное на кровопролитныхъ войнахъ, въ которыхъ или сами участвовали, или были заинтересованными свидѣтелями, и на безконечныхъ дипломатическихъ пререканіяхъ, отвлекавшихъ вниманіе отъ насущныхъ домашнихъ вопросовъ и задерживавшихъ нормальный ходъ внутренняго развитія. И дѣйствительно, только теперь, когда пришлось какъ бы сводить счеты за все пережитое, стало ясно во что обошлось Европѣ преобладаніе внѣшней политической жизни, эта безплодная погоня за пресловутымъ европейскимъ концертомъ, это безразсчетное соревнованіе въ расточительствѣ на военные расходы,—словомъ, вся эта система вооруженнаго мира, доведеннаго нынѣ до своего апогея. Народы, какъ и отдѣльныя личности, не могутъ безнаказанно на продолжительное время обставить свою жизнь ненормальными, анти-гигіеническими условіями. Послѣднія непремѣнно отзовутся на экономическомъ и нравственно-политическомъ строѣ и только усилятъ развитіе внутреннихъ болѣзней, своевременное лѣченіе которыхъ было упущено за недосугомъ изъ-за постороннихъ, внѣшнихъ заботъ, ради погони за внѣшнимъ могуществомъ. Минувшая эпоха безпрерывныхъ внѣшнихъ замѣшательствъ и жизни, такъ сказать, внѣ дома оставила болѣе или менѣе тяжелые слѣды на всѣхъ европейскихъ государствахъ. Стоитъ, для примѣра, указать хотя бы на Германію, на ея пошатнувшееся народное хозяйство, на ея ретроградное движеніе на поприщѣ политической свободы и самодѣятельности, на помраченіе въ народѣ нравственныхъ идеаловъ, на всеобщее одичаніе нравовъ, на которое по справедливости жалуются сами же нѣмцы.—Одна только Франція счастливо избѣгла всеобщей печальной участи. Перенесенное ею тяжелое испытаніе послужило для нея искупленіемъ отъ грѣховъ наполеоновскаго режима. Она вышла изъ него съ обновленной силой и стала богаче и свобод

Digitized by Google

нѣй, чѣмъ когда либо. Правда, Франція менѣе другихъ принимала участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ; она все время старательно уклонялась отъ дѣятельной внѣшней политики, а въ началѣ минувшаго десятилѣтія и вовсе даже не играла никакой роли въ европейскомъ ареопагѣ. Этимъ она сберегла свои силы для самой себя и снова стала первенствующей среди остальныхъ государствъ Европы, если не по внѣшнему блеску эфемернаго могущества, то по своей внутренней политической силѣ и по высокому развитію народнаго богатства и промышленности.

Эта преобладающая внѣшне-политическая жизнь оставила трудно изгладимый слѣдъ и на Англіи, и въ истекшемъ году ей пришлось расплачиваться за промахи прошлаго или, вѣрнѣе, за легкомысленный недосмотръ серьезныхъ патологическихъ явленій у себя дома. Лордъ Биконсфильдъ, потратившій свои силы и способности исключительно лишь на внѣшнія дѣла, на неустанную погоню за внѣшнимъ престижемъ, оставилъ тяжелое наслѣдство своему преемнику, Гладстону. Изъ-за своей задорной политики, изъ-за неугомоннаго вмѣшательства въ чужія дѣла и затѣянныхъ имъ безконечныхъ и безславныхъ войнъ въ далекихъ колоніяхъ Азіи и Африки, онъ совершенно упустилъ изъ виду многіе изъ наиболѣе насущныхъ внутреннихъ вопросовъ и не досмотрѣлъ явныхъ симптомовъ начавшагося въ его правленіе глухаго броженія въ Ирландіи. Броженіе это, предоставленное самому себѣ, быстро разрослось и приняло вскорѣ такіе размѣры, что грозило въ конецъ подорвать авторитетъ Англіи. То, что въ началѣ легко можно было исправить своевременно взятыми мѣрами и своевременно сдѣланными небольшими уступками, превратилось, по небрежности и всегдашней недальновидности англійскихъ консерваторовъ, въ крайне опасный соціально-экономическій кризисъ, съ которымъ до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія, не смотря даже на крупныя уступки и энергическія репрессаліи, не можетъ справиться великобританское правительство.

Весь истекшій годъ прошелъ въ безплодной борьбѣ съ аграрнымъ движеніемъ, охватившимъ Ирландію и олицетвореннымъ въ такъ называемой аграрной лигѣ (landliga), поставившей своей конечной цѣлью осуществить на ирландской почвѣ старый какъ міръ, но вѣчно юный среди сельской меньшой братьи принципъ: земля—тому, кто ее обрабатываетъ. Сама по себѣ аграрная лига—явленіе новое; она возникла всего лишь года два тому назадъ. Но на самомъ дѣлѣ, лига есть лишь но-

Digitized by Google

вая и болѣе прозаическая форма весьма стараго «ирландскаго вопроса», этого вѣчнаго больнаго мѣста Великобританіи.

Въ сущности, ирландскій вопросъ возникъ болѣе 80 лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, а именно, съ 1800 года, когда произошло насильственное сліяніе Ирландіи съ Англіей и подчиненіе первой англійскому парламенту. Тогда усилилось, съ одной стороны, все большее и большее закрѣпощеніе ирландскаго сельскаго населенія англійскими лордами-помѣщиками, а съ другой, началось неустанное, то явное, то пассивное, сопротивленіе ирландцевъ англійскому владычеству. Сопротивленіе это неоднократно превращалось въ серьезныя возмущенія, за которыми неминуемо слѣдовали жестокія репрессаліи и временное пріостановленіе дѣйствія основныхъ конституціонныхъ законовъ. Это повторялось изъ года въ годъ, лишь съ небольшими перерывами, когда на время водворялось хоть относительное спокойствіе въ несчастной странѣ. Такъ было, напримѣръ, послѣ голодныхъ 1845—1846 годовъ. Изнуренный народъ цѣлыхъ 15 лѣтъ пользовался, если не благоденствіемъ, то тишиной и миромъ; но это спокойствіе было скорѣе спокойствіемъ могилы. Страшное бѣдствіе тяжелымъ гнетомъ легло на населеніе и лишило его всякой энергіи. А между тѣмъ лорды-помѣщики по прежнему продолжали свое хищническое хозяйство въ странѣ. Вымогательство арендной платы, изгнаніе фермеровъ съ обработываемыхъ ими участковъ, разрушеніе ихъ жалкихъ жилищъ, все это продолжалось въ прежнихъ размѣрахъ и съ прежней беззастѣнчивостью. Въ конецъ обнищавшему и обездоленному населенію оставалось одно—эмигрировать; и вотъ ирландцы сотнями тысячъ стали переселяться въ Америку, унося съ собой глубокую ненависть къ Англіи и всему англійскому. Тамъ, на новой родинѣ, среди американцевъ, все еще продолжавшихъ смотрѣть на англичанъ, какъ на своихъ прежнихъ угнетателей, ненависть эта возросла и укрѣпилась. Такимъ образомъ, Америка явилась новымъ и наиболѣе крупнымъ факторомъ въ ирландскомъ вопросѣ. Подъ покровомъ полной гражданской свободы и безусловной свободы слова, ирландцы могли въ новой своей родинѣ безконтрольно агитировать, произносить самыя ярыя, самыя зажигательныя рѣчи, собирать значительныя суммы денегъ въ пользу освобожденія Ирландіи и тѣмъ постоянно держать на стражѣ великобританское правительство. Оттого-то такъ и трудно умиротворить Ирландію, требованія которой всегда находятъ сильную поддержку со стороны за-атлантическихъ ирландцевъ; а противъ послѣднихъ Англія не

Digitized by Google

властна. Англійскіе государственные люди, по близорукости, просмотрѣли опасность. Они полагали, что съ выселеніемъ народа ирландскій вопросъ упразднится самъ собой, полагали, что минуетъ опасность, когда въ рукахъ у англичанъ останется Ирландія безъ ирландцевъ. На самомъ же дѣлѣ, наиболѣе опасная Ирландія оказалась не та, что у нихъ подъ бокомъ, а та, которая организовалась по ту сторону Атлантическаго океана.—Послѣ 15 лѣтняго затишья, немедленно же вслѣдъ за американской междоусобной войной, ирландское движеніе началось съизнова и еще съ большей напряженностью, чѣмъ прежде. Но какъ и прежде, движеніе это держалось исключительно политической почвы: въ виду имѣлась политическая самостоятельность Ирландіи и отторженіе ея отъ Англіи; экономическіе же вопросы оставались въ сторонѣ. Ирландскіе вожди рѣшились придать прежней безпорядочной агитаціи болѣе прочную организацію и намѣтить болѣе опредѣленныя цѣли. Возникаетъ такъ называемый союзъ ф е н і е в ъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ грозой Англіи и до сихъ поръ еще, хотя дни его былой силы и миновались, держитъ англичанъ подъ вѣчнымъ страхомъ фенiанскихъ заговоровъ и покушеній, и понуждаетъ ихъ тщательно оберегать свои морскія суда, пристани и общественныя зданія отъ динамитныхъ минъ и адскихъ механизмовъ, по большей части, воображаемыхъ. Организація фенiевъ дѣйствительно была устроена на славу. Ирландія объявлена была республикой и подчинена тайному президенту, который отъ себя назначалъ тайныхъ же вице-президентовъ для 4-хъ ирландскихъ провинцій. Отъ каждаго поступающаго въ общество фенiевъ отбиралась присяга въ вѣрности ирландской республикѣ и въ твердой рѣшимости всѣми средствами вредить Англіи; затѣмъ слѣдовали всѣ атрибуты тайныхъ обществъ: дѣленіе на группы, употребленіе тайнаго шрифта и т. п.

На сколько, однако, была совершенна эта организація, на столько-же сами фенiи оказались несостоятельными, когда пришлось имъ свои замыслы освобожденія Ирландіи осуществить на практикѣ. Это сказалось въ извѣстномъ и въ свое время надѣлавшемъ шуму мартовскомъ возстаніи и въ покушеніи взорвать Клеркенвельскую тюрьму. То и другое потерпѣло полнѣйшее фіаско. Дѣло фенiевъ было подорвано въ самомъ своемъ основаніи, благодаря отчасти враждебному къ нему отношенію ирландскаго духовенства, пользующагося большимъ вліяніемъ на народъ. Оно не могло сочувствовать соціальнымъ и религіознымъ идеямъ, заимствованнымъ фенiями отъ парижской коммуны, а потому всячески тор-

Digitized by Google

мозило фенiанское движенiе среди ирландскаго населенiя. Какъ бы тамъ ни было, но фенiи никогда болѣе не могли поправиться отъ понесеннаго ими пораженiя. Пѣсенка ихъ спѣта.

Вслѣдъ за фенiанствомъ начался перiодъ мирной агитацiи, перiодъ гомъ-рулерскаго (home ruler) движенiя, поставившаго въ основу своей программы слѣдующее положенiе, предложенное Буттомъ на митингѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года: «Единственное спасенiе Ирландiи—въ учрежденiи ирландскаго парламента». Слѣдовательно, объ отторженiи Ирландiи отъ Англiи и объ ирландской республикѣ не было больше и рѣчи; все дѣло сводилось къ большей или меньшей автономiи острова. Самое движенiе происходило на совершенно законной почвѣ, ограничиваясь митингами и агитацiей на выборахъ и въ печати. Это, разумѣется, было большимъ шагомъ впередъ. Вмѣсто туманныхъ и несбыточныхъ мечтанiй фенiевъ, явилась на сцену, хотя и болѣе узкая, но зато болѣе осязательная цѣль. Однако цѣль эта была все таки исключительно политическая, а потому и особенно ненавистная Англiи, которая въ уничтоженiи унiи 1800 года видѣла подрывъ своему могуществу. Встрѣчая дружный отпоръ со стороны англiйскаго правительства и общества, и видя, что осуществленiе идеи ирландскаго правительства не подвигается ни на шагъ, гомъ-рулеры задумали перенести агитацiю въ самый парламентъ и если не прямыми, то хоть косвенными путями добиться своего. Они рѣшились замучить палату общинъ продолжительными засѣданiями и утомительными преniями, а безконечными пустыми запросами и отсрочками не давать хода ни одному законопроекту, ни одному предложенiю, надѣясь въ концѣ истомить членовъ парламента и затѣмъ заставить ихъ пойти на уступки.

Этотъ, не лишенный остроумiя, маневръ и породилъ пресловутую систему обструкцiонизма, испортившую немало крови англичанамъ. Главнымъ поборникомъ и, такъ сказать, основателемъ этой системы явился Чарльзъ Парнелль, который, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сдѣлался въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 года членомъ парламента и немедленно же принялся испытывать терпѣнiе палаты общинъ. Появленiе Парнелля на трибунѣ было событiемъ для ирландскаго движенiя. До сихъ поръ англичане съ полнымъ пренебреженiемъ смотрѣли на ирландскихъ депутатовъ и не иначе относились къ ихъ рѣчамъ и заявленiямъ, какъ съ насмѣшкой; но къ Парнеллю, вполнѣ джентльмену по внѣшнему виду и происхожденiю, да къ тому же богатому землевла-

Digitized by Google

дѣльцу, они не могли не почувствовать уваженія, а выработанный имъ впослѣдствіи крупный ораторскій талантъ, сдѣлалъ изъ него серьезнаго и опаснаго соперника. Онъ мало по малу превратился въ вождя ирландской партіи и далъ солидную организацію избирательнымъ округамъ, какъ въ самой Ирландіи, такъ и среди ирландцевъ, проживающихъ въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи.

Однако, не смотря на организаторскій талантъ Парнелля, не смотря на упорный пятилѣтній обструкціонизмъ, задача ирландцевъ все-таки не подвигалась впередъ, а терпѣніе членовъ палаты общинъ по прежнему оставалось несокрушимымъ. Дѣло въ томъ, что сама по себѣ система обструкціи не была цѣлью, а лишь однимъ изъ орудій движенія; цѣль же по прежнему витала въ политическихъ сферахъ, трудно достижимыхъ, а потому и чуждыхъ дѣйствительнымъ, насущнымъ нуждамъ населенія. Быть можетъ, еще долго продолжалась бы безплодная гомъ-рулерская агитація, еслибы года два тому назадъ не зародилась мысль свести ее изъ области политики въ область соціально-экономическую. Плодотворная мысль эта могла возникнуть лишь изъ нѣдръ того многострадальнаго и обездоленнаго сельскаго населенія, для котораго весь вопросъ заключался не въ большей или меньшей правительственной автономіи Ирландіи, не въ самостоятельномъ ирландскомъ парламентѣ, а въ обезпеченномъ кускѣ хлѣба, въ огражденіи себя отъ безграничнаго произвола лордовъ-помѣщиковъ и ихъ управителей. И дѣйствительно, отцомъ ея явился простой ирландецъ Давиттъ, сынъ бѣднаго фермера изъ графства Майо, который на своихъ плечахъ вынесъ нищету и горькую долю вѣчно голоднаго ирландскаго люда, долгое время высидѣлъ въ тюрьмѣ за участіе въ феніанствѣ и вполнѣ оцѣнилъ безплодность и безцѣльность всей бывшей доселѣ политической борьбы съ Англіей. Пятилѣтнимъ мальчикомъ, со всей своей семьей, былъ онъ выгнанъ помѣщикомъ съ занимаемой ими фермы, долго бездомнымъ изгнанникомъ скитался по Англіи, укрываясь то въ землянкахъ, то подъ заборами, и снискивая себѣ пропитаніе поденными работами на заводахъ, въ шахтахъ, рудникахъ. Такая тяжелая жизнь, полная нравственныхъ и физическихъ страданій, оставила на немъ глубокіе слѣды и закалила его характеръ; проведенныя же имъ 7 лѣтъ въ тюрьмѣ дали ему возможность додуматься до основныхъ причинъ, какъ своихъ собственныхъ страданій, такъ и страданій всего народа. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что никакая здоровая политическая реформа въ Ирландіи немыслима, пока народъ остается въ нищетѣ, пока не

Digitized by Google

измѣнятся условія его существованія, т. е. пока не улучшится его соціально-экономическое положеніе. Главнѣйшая же помѣха этому улучшенію—нынѣшняя система землевладѣнія.

Вся земля находится въ рукахъ немногихъ англійскихъ помѣщиковъ, такъ-называемыхъ, ландъ-лордовъ, которые высасываютъ соки изъ народа. По всей же справедливости, земля должна принадлежать ирландскому народу, который ее обработываетъ. Слѣдовательно, прежде всякихъ реформъ, слѣдуетъ уничтожить крупное землевладѣніе, удалить лордовъ-помѣщиковъ изъ Ирландіи и владѣнія ихъ передать въ собственность сельскаго населенія. Безъ этого, всякое серьезное политическое преобразованіе пошло бы во вредъ самой же Ирландіи. Въ самомъ дѣлѣ, во что обратился бы ирландскій парламентъ, въ которомъ главную роль стали бы играть ненавистные народу ландъ-лорды? Онъ превратился бы только въ новое и несравненно болѣе могущественное орудіе для окончательнаго закрѣпощенія страны въ рукахъ тѣхъ же лордовъ-помѣщиковъ. Учрежденіемъ такого парламента ирландцы собственными-же руками подписали бы себѣ смертный приговоръ. Такимъ образомъ, Давиттъ все дѣло свелъ къ соціально-экономическому вопросу. Какъ только онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, сейчасъ же принялся за осуществленіе своей идеи, и на созванномъ имъ въ апрѣлѣ 1879 г. митингѣ въ Ириштоунѣ, маленькомъ городкѣ графства Майо, положено было первое начало знаменитой *аграрной лиги* (land liga), давшей новый и болѣе цѣлесообразный толчекъ прежнему ирландскому вопросу. Онъ переносился этимъ въ область вполнѣ реальную, и осуществленіе его становилось уже не только желательнымъ, но и возможнымъ, даже въ весьма недалекомъ будущемъ. Ландъ-лига явилась какъ бы нейтральной почвой, на которой могли сойтись и ирландцы, и англичане, и католическая церковь, доселѣ враждебно относившаяся къ ирландскому движенію: ирландцевъ привлекала надежда осуществить наконецъ, давнишнія завѣтныя мечты, и на прочныхъ началахъ обзавестись земельной собственностью; англичанъ не запугивали болѣе стремленія гомъ-рулеровъ къ сепаратизму, а духовенство—атеизмъ феніевъ. Напротивъ того, послѣднее увидало въ началахъ, проповѣдуемыхъ лигой, какъ бы выраженіе соціально-христіанской идеи, и даже подыскало къ нимъ подходящій текстъ изъ посланій ап. Павла. Э имъ и объясняется то горячее участіе, которое приняла ирландская церковь въ аграрномъ движеніи. Разумѣется, Парнелль не замедлилъ присоединиться къ Давитту. Онъ сейчасъ же почуялъ ту силу, какую аграрная лига при-

Digitized by Google

давала прежней безпочвенной агитаціи, и со свойственной ему горячностью, всей душой, предался новому движенію, ставъ вскорѣ однимъ изъ главнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ его вождей.

Въ началѣ программа ландъ-лиги была очень проста. Вся она заключалась въ трехъ основныхъ пунктахъ: Free sale (вольная продажа), Fixity of tenure (прочность аренды) и Frais rents (соразмѣрная арендная плата). Т. е. фермерамъ предоставляется болѣе дѣйствительное право на обработываемую ими землю, съ правомъ ея свободной перепродажи въ другія руки; землевладѣлецъ лишается права произвольно изгонять фермеровъ съ арендуемыхъ ими участковъ, развѣ только при крайне стѣснительныхъ для себя условіяхъ; наконецъ, черезъ посредство судебныхъ учрежденій, установляется опредѣленная и не тяжелая арендная плата. Программа эта стала извѣстна въ народѣ подъ страннымъ названіемъ, программы трехъ F. Вся цѣль этихъ основныхъ положеній клонится къ тому, чтобы мало по малу дать фермерамъ возможность всю обработываемую ими землю пріобрѣсти въ собственность и такимъ образомъ постепенно уничтожить систему крупнаго землевладѣнія. Но для этого необходимо, чтобы лорды-помѣщики согласились на постепенное отчужденіе своей земли; а такъ какъ на такое добровольное согласіе съ ихъ стороны нельзя было разсчитывать, то, слѣдовательно, надо ихъ понуждать къ тому силой. Поэтому, каждый фермеръ, желающій принудить своего помѣщика продать ему обработываемый имъ участокъ земли, обязывается, во-первыхъ, не платить арендной платы, которая признана чрезмѣрно высокой, а во-вторыхъ, не брать въ аренду фермъ, изъ которыхъ были изгнаны прежніе владѣльцы.

Еслибъ правительство во время спохватилось и сдѣлало соотвѣтственныя уступки законнымъ требованіямъ ирландскаго населенія, то дѣло окончилось бы мирной аграрной реформой, которая, успокоивъ Ирландію, надолго устранила бы отъ Англіи опасность безконечныхъ ирландскихъ волненій, подрывающихъ и ея авторитетъ, и прочность ея государственныхъ учрежденій. Но правительство не обратило должнаго вниманія на этотъ странный заговоръ 600,000 фермеровъ противъ коренной англійской системы землевладѣнія, а англійскіе торіи, со свойственной имъ недальновидностью, съ прежнимъ упрямствомъ держались за дорогіе имъ старинные порядки и историческія преданія, усматривая конечную гибель Великобританіи въ каждой попыткѣ перестроить обветшалое зданіе соотвѣтственно требованіямъ времени. На притязанія ирландскихъ фермеровъ гордые помѣщики отвѣчали жестокими ре-

Digitized by Google

прессаліями. Началась открытая война, въ которой ожесточеніе съ той и другой стороны достигло крайнихъ предѣловъ. Пассивное сопротивленіе сельскаго населенія превратилось въ активное и на самыхъ же первыхъ порахъ организовалось въ весьма оригинальную систему, систему бойкотированія. Бойкотировать—значитъ лишить содѣйствія, услугъ, рабочихъ рукъ, словомъ—отлучить отъ всякаго общежитія каждаго, кто чѣмъ либо провинился противъ распоряженій лиги. Слово это происходитъ отъ имени нѣкоего капитана Бойкота, управляющаго въ графствѣ Майо помѣстьями лорда Ирна, своимъ жестокосердіемъ и безчеловѣчнымъ вымогательствомъ возмутившаго противъ себя все мѣстное сельское населеніе. Рабочіе и слуги ушли отъ него, фермеры бросили свои фермы. Всѣ отказались что либо покупать у него или продавать ему, не хотѣли доставлять ему и его семейству необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, отдавать въ наемъ скотъ или подводы, убирать хлѣбъ съ полей и т. д. Несчастный Бойкотъ оказался въ траги-комическомъ положеніи: ему приходилось самому справлять всѣ работы, стряпать себѣ обѣдъ, стирать бѣлье, чистить лошадей, готовить кормъ для скота и пр. Наконецъ, кое-какъ, ему удалось со стороны нанять нѣсколькихъ рабочихъ, чтобъ убрать хоть хлѣбъ, застоявшійся на поляхъ, а правительство, на помощь ему и для усмиренія непокорныхъ фермеровъ, послало отрядъ солдатъ въ 700 человѣкъ. Вышло еще хуже. Населеніе принялось бойкотировать пришлыхъ рабочихъ и солдатъ, не давать имъ пищи, помѣщенія, подводъ; солдаты же, чтобы хоть чѣмъ нибудь прокормить себя, набросились на скотъ самого помѣщика. Произошла новая сумятица. Кончилось все тѣмъ, что солдатъ отозвали назадъ, а Бойкотъ бѣжалъ. Побѣда осталась на сторонѣ фермеровъ. Съ этихъ поръ система бойкотированія стала съ успѣхомъ примѣняться по всей Ирландіи, и ей одинаково подпадали и лорды-помѣщики съ ихъ управляющими, и ослушники фермеры, и солдаты, и полиція.

Новое англійское министерство, ставъ во главѣ управленія, хорошо понимало, что такъ дѣла въ Ирландіи продолжаться не могутъ; но консервативныя партіи и въ особенности палата лордовъ упорно стояли на своемъ и требовали однихъ только энергическихъ репрессалій, упрекая правительство въ слабости и потворствѣ, и на отрѣзъ отказываясь отъ всякихъ съ своей стороны уступокъ. Только послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій, удалось наконецъ Гладстону провести свой извѣстный аграрный билль, который хотя и вышелъ нѣсколько въ искалѣченномъ видѣ изъ палаты лордовъ, но все-таки проторилъ дорогу широкимъ и фундамен-

Digitized by Google

тальнымъ реформамъ. Въ основу этого билля легли всѣ главныя положенія лиги, выраженныя въ программѣ трехъ F; мало того, полагалось даже начало выкупной операціи: а именно, предполагалось создать фондъ изъ государственныхъ суммъ, для обезпеченія фермерамъ выкупа занимаемыхъ ими земельныхъ участковъ. Кромѣ того, открылись третейскіе суды для рѣшенія сдѣлокъ, которыя не могли состояться непосредственно между фермерами и землевладѣльцами. На ряду съ этой капитальной реформой, проведенной для удовлетворенія законныхъ требованій ирландскаго населенія, пущены были въ ходъ и серьезныя репрессивныя мѣры для возстановленія спокойствія въ краѣ и предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ. Почти вся Ирландія была объявлена въ исключительномъ положеніи, аграрная лига объявлена незаконной и распущена, а главные вожди ея арестованы, въ томъ числѣ и Парнелль.

На первыхъ порахъ, казалось, новое положеніе, созданное аграрнымъ биллемъ, и принятыя правительствомъ мѣры для водворенія порядка привели къ благотворнымъ результатамъ. Волненіе въ народѣ какъ будто поулеглось, и фермеры тысячами стали обращаться въ новые спеціальные суды, требуя законной сбавки съ платимой ими аренды. Наплывъ этихъ прошеній былъ до того значителенъ, что возникли опасенія, успѣютъ ли суды справиться съ массой накопившихся у нихъ дѣлъ. Прибѣгли даже къ глубокомысленнымъ вычисленіямъ и сосчитали, что если суды будутъ работать по 12 часовъ въ сутки, то и тогда на пересмотръ всѣхъ 600,000 (столько именно насчитывается фермеровъ въ Ирландіи) прошеній имъ потребуется не менѣе 140 лѣтъ. Догадки эти, какъ и всѣ подобныя имъ полуфантастическія выкладки, конечно, далеки отъ истины, но дѣйствительно, прежняго количества судовъ оказалось мало, и теперь открываются новые. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ рѣшенія судовъ весьма либеральны; въ сложности, сбавки арендной платы равняются 30 проц., а въ иныхъ случаяхъ заходятъ и за 50 проц.

Все это, повидимому, должно было вполнѣ удовлетворить ирландцевъ,—но на дѣлѣ произошло иначе. Стихнувшая на время агитація вспыхнула снова, и еще съ большей силой, чѣмъ прежде. Либеральная реформа Гладстона запоздала. Явись она два года, даже годъ тому назадъ, она внесла бы миръ и спокойствіе въ страну; но теперь страсти разгулялись, ненависть къ ландъ-лордамъ и англичанамъ вообще обострилась до-нельзя, а вмѣстѣ съ тѣмъ возросли и требованія народа. Те-

Digitized by Google

перь программа трехъ F уже устарѣла и никого болѣе не удовлетворяетъ. Вопросъ уже идетъ не о сбавкѣ аредной платы, а объ уничтоженіи всякой вообще платы землевладѣльцамъ, объ окончательномъ изгнаніи «ненавистнаго саксонца». Ирландія должна принадлежать ирландцамъ, а земля тому, кто ее обработываетъ. Самый биллъ объявленъ подлой ловушкой, и «no rents!» (не платить ренты!) стало всеобщимъ паролемъ. На попытки правительства ввести предположенную реформу, агитаторы отвѣчаютъ воззваніемъ къ народу и угрозой измѣнникамъ. «Народная полиція, говорится въ одной изъ прокламацій, на сторожѣ, и всякій, кто хоть что нибудь заплатитъ за землю, будетъ приговоренъ къ смерти». Въ довершеніе бѣдъ, къ аграрной агитаціи снова примѣшалось и прежнее гомъ-рюлерское движеніе, и вмѣстѣ съ криками: no rents! снова стали раздаваться голоса къ пользу уничтоженія уніи 1800 года и созданія ирландскаго парламента. Сама аграрная лига, хотя оффиціально и перестала существовать, но de facto, по прежнему, остается настоящимъ правительствомъ страны, которому ирландцы слѣпо повинуются. Она по всему краю разсылаетъ приказы, и приказы эти исполняются безпрекословно. Она поставила, такъ сказать, внѣ закона всѣхъ землевладѣльцевъ, пытающихся взимать недоимки со своихъ арендаторовъ, и всякаго фермера, добровольно выплачивающаго свою аренду или занимающаго выморочную ферму. Имъ не ждать пощады. За ними охотятся, какъ за дикими звѣрями, стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, поджигаютъ ихъ дома, убиваютъ и калѣчатъ ихъ скотъ. Хроника убійствъ и тайныхъ расправъ, по повелѣнію всесильной лиги, съ каждымъ днемъ обогащается все новыми и новыми фактами...

Въ Англіи общественное мнѣніе возмущено до глубины души. Консерваторы въ одинъ голосъ требуютъ энергической крутой расправы; даже либералы находятъ, что чаша терпѣнія переполнилась, и необходимо во что бы то ни стало подавить эту пассивную революцію. Но какъ бы ни были законны эти желанія, очевидно одно, что власть безсильна совладать съ такимъ сопротивленіемъ. Правительство уже сдѣлало, что могло; дальше ему идти некуда. Главные вожди разсажены по тюрьмамъ, лига закрыта, митинги воспрещены, а между тѣмъ волненіе все ростетъ и ростетъ. Убійцъ предаютъ суду,—присяжные ихъ оправдываютъ; назначаютъ суды безъ присяжныхъ,—не находятъ свидѣтелей противъ обвиняемыхъ. Въ Ирландіи уже и безъ того 50,000 войска, чуть ли не половина всѣхъ наличныхъ въ Англіи войскъ, и болѣе 10,000 полицейскихъ, и все это напрасно. Да, по правдѣ сказать, что можетъ сдѣлать

Digitized by Google

армія противъ всего населенія? Не разстрѣливать же картечью весь народъ поголовно? Быть можетъ, въ старину такъ бы и поступили, но теперь едва ли это возможно. Очевидно, что въ наши дни сумма репрессивныхъ мѣръ значительно поубавилась, сравнительно съ прежними временами. Англійское правительство, дѣйствительно, очутилось въ безвыходномъ положеніи. Мало того, ему угрожаютъ аналогичныя затрудненія въ самой же Англіи. Тамъ аграрныя отношенія держатся на тѣхъ же ненормальныхъ началахъ, которыя собственно и привели къ нынѣшнему движенію въ Ирландіи; въ сущности, начала эти—коренныя англійскія и были только перенесены въ полной своей неприкосновенности въ Ирландію: та же система крупнаго землевладѣнія и то-же фермерское хозяйство. Разница только въ томъ, что въ послѣдней враждебныя отношенія между лордами-землевладѣльцами и ихъ фермерами сильнѣе обострились, вслѣдствіе примѣси національной и религіозной розни, и что въ Англіи фермеры еще не доведены до такого разоренія, какъ по ту сторону канала св. Георгія. Тѣмъ не менѣе, попытка правительства ограничить въ Ирландіи права крупныхъ землевладѣльцевъ не замедлила и въ Англіи съ Шотландіей возбудить среди фермеровъ и сельскихъ рабочихъ агитацію, которая, конечно, не пройдетъ безслѣдно. Тамъ уже успѣлъ образоваться фермерскій союзъ и составилъ для себя положеніе, въ основахъ своихъ совершенно схожее съ программой аграрной лиги. Разумѣется, и Гладстонъ, и наиболѣе передовые изъ англичанъ давно уже сознали, что Англіи не миновать коренной реформы существующихъ поземельныхъ отношеній; но въ данную минуту движеніе въ этомъ духѣ только усугубитъ и безъ того крайне трудное положеніе правительства. Оно, конечно, не откажется отъ продолженія начатой имъ реформы въ Ирландіи,—тому порукой испытанная государственная мудрость и опытность нынѣшняго премьера, но средства его къ умиротворенію края изсякли. Остается одинъ исходъ—раньше срока созвать парламентъ, чтобы окончательно установить путь, котораго слѣдуетъ держаться относительно положенія ирландскихъ дѣлъ. Мѣра эта, кажется, уже приводится въ исполненіе, и парламентъ, долженствовавшій собраться только въ февралѣ, созывается цѣлымъ мѣсяцемъ раньше.

Для Франціи минувшій годъ былъ годомъ окончательнаго утвержденія республики. Послѣ упорной десятилѣтней борьбы, въ одно и то же время, и съ приверженцами имперіализма, и съ монархистами,

Digitized by Google

и съ крайними лѣвыми, коммунарами и непримиримыми, послѣ тяжелыхъ усилій, когда временами казалось, что для республики наступаютъ послѣдніе дни, какъ напримѣръ, въ эпоху президенства маршала Макъ-Магона, въ эпоху республики, управляемой бонапартистами и легитимистами,—ей удалось наконецъ осилить всѣхъ своихъ враговъ и утвердиться на столько прочно въ сознаніи народномъ, что всѣ не республиканскія партіи утратили всякую надежду на успѣхъ, всякій raison d'être. Теперь ей нечего опасаться какихъ бы то ни было затрудненій со стороны всѣхъ этихъ инвалидовъ стараго режима, легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ и т. п.; роль ихъ сыграна. Ей могутъ грозить только раздоры между самими же республиканцами, между умѣренными, республиканскимъ союзомъ и крайними. Но первыя двѣ партіи образуютъ довольно сплоченную массу; послѣдніе же до того скомпрометировали себя своими безтактными выходками и отсутствіемъ серьезно выработанной программы, что утратили почти всякое значеніе. Возникаетъ опасеніе совсѣмъ особаго рода, опасеніе, что палата депутатовъ останется безъ оппозиціи. Это не на шутку начинаетъ тревожить серьезныхъ республиканцевъ. «Такъ какъ, говорятъ они, оппозиція правой стороны утратила всякій смыслъ, въ виду отсутствія въ народѣ какой бы то ни было поддержки монархистскимъ партіямъ, мы рискуемъ остаться совсѣмъ безъ оппозиціи, если интрансигенты, т. е., непримиримые, не смогутъ образовать изъ себя тѣсно сплоченную группу. А мыслимо ли конституціонное правленіе безъ оппозиціи? Она удерживаетъ общественное мнѣніе отъ усыпленія, побуждаетъ министровъ къ энергической неустанной борьбѣ, поддерживаетъ бодрость мысли, духа, иниціативы. Государственные люди, которымъ не противорѣчатъ, похожи на балованныхъ дѣтей или на государей, которымъ льстятъ: никакого толку изъ нихъ не выходитъ». До такой глубокой государственной мудрости можно было додуматься лишь среди народа, стоящаго на высокой степени политическаго развитія.

Такому прочному установленію республики много содѣйствовало послѣднее министерство, Ферри, уступившее нынѣ мѣсто министерству Гамбетты. Правительство Ферри было, въ сущности, первымъ вполнѣ республиканскимъ правительствомъ. Оно вселило въ управленіе духъ чистаго республиканизма, пріучило народныя массы къ республикѣ, примирило съ ней многихъ изъ ея прежнихъ противниковъ, словомъ, создало для нея такое положеніе, съ котораго сбить ее трудно. Одной изъ главнѣйшихъ его заслугъ было освобожденіе палаты изъ рукъ дy-

Digitized by Google

ховенства, что̀ привело его къ открытой борьбѣ съ послѣднимъ. Знаменитые декреты 17—29 марта противъ недозволенныхъ закономъ конгрегацій составляютъ эпоху въ исторіи развитія французскаго народа. Правда, насильственное исполненіе ихъ возмутило доктринеровъ и ожесточило клерикаловъ, которые въ насмѣшку прозвали даже министерство Ферри министерствомъ слесарей, такъ какъ приходилось при помощи послѣднихъ взламывать дверные замки и силою выводить монашескую братію изъ ея келій; но только этимъ путемъ и можно было сломить строптивость католическаго духовенства. Къ тому же это насиліе надъ патерами доказало, какимъ малымъ уваженіемъ пользуются они среди народа и какъ ослабъ духъ клерикализма: во время скандальныхъ сценъ изгнанія недозволенныхъ конгрегацій, народъ оставался или спокоенъ, или даже одобрительно относился къ дѣйствіямъ полиціи. Вторая заслуга прошлаго правительства—очищеніе административныхъ сферъ отъ анти-республиканскихъ элементовъ, накопившихся въ нихъ еще въ эпоху прежняго режима, а также въ предшествовавшій періодъ, когда французской республикой правили ея враги и ненавистники. Какъ на третью заслугу, можно указать на актъ милосердія, оказанный сосланнымъ коммунарамъ. Возвращеніе послѣднихъ на родину было не только дѣломъ человѣколюбія, но и дѣломъ большаго политическаго такта. Этимъ правительство какъ бы свидѣтельствовало о прочности и вѣрѣ въ себя республики, которой не можетъ быть болѣе опасна уцѣлѣвшая кучка коммунаровъ, попавшая теперь далеко не въ тѣ условія, изъ которыхъ она возникла, въ моментъ паденія второй имперіи. Наконецъ, въ управленіе министерства Ферри, благосостояніе Франціи достигло до небывалаго еще доселѣ уровня. Она теперь самая богатая страна въ Европѣ; доходы ея значительно превышаютъ расходы, государственный кредитъ стоитъ прочно, а тяжелыя потери, понесенныя въ годину бѣдствій, давно уже вознаграждены и съ лихвой.

Тѣмъ не менѣе, министерство Ферри должно было сойти со сцены, не докончивши своей задачи, и уступить мѣсто другому. Дѣло въ томъ, что оно, не смотря на свой безусловно республиканскій характеръ, не было достаточно однородно, и между членами его не было необходимой солидарности. Отсюда, оно чувствовало себя не въ силахъ довести до конца начатое и осуществить такія задачи, какъ напримѣръ, сенатскую реформу, немыслимую безъ измѣненія коренныхъ конституціонныхъ законовъ, но необходимость которой ощущалась однако всѣми. Въ послѣднее время особенно стала бросаться въ глаза ненормальность отношеній

Digitized by Google

между палатой депутатовъ, представительницей республиканскихъ воззрѣній народа, и сенатомъ, который въ силу своихъ особенныхъ прерогативъ и несмѣняемости сенаторовъ, въ большинствѣ, сторонниковъ консервативныхъ идей, все время находился въ оппозиціи къ палатѣ депутатовъ и тормозилъ дѣло республики. Надо было положить конецъ такому неестественному порядку вещей и поднять вопросъ о пересмотрѣ конституціи. Такое трудное дѣло было не по плечу министерству Ферри. За него могъ взяться только одинъ человѣкъ—это Леонъ Гамбетта; таково, по крайней мѣрѣ, было убѣжденіе въ народѣ. Репутація Гамбетты, какъ народнаго трибуна, установилась прочно, и давно уже онъ пользуется громадной популярностью во Франціи, которую по всей справедливости заслужилъ. Въ тяжелую эпоху франко-прусской войны, онъ одинъ не потерялъ головы и выказалъ далеко не дюжинный организаторскій талантъ, устроивъ народную оборону, на время серьезно задержавшую движеніе побѣдоносныхъ германскихъ полковъ. Онъ, такъ сказать, вынесъ республику на своихъ плечахъ. Когда же сдѣлался президентомъ палаты, то невольно всѣ взоры стали обращаться на него; онъ сталъ какъ бы средоточіемъ, олицетвореніемъ всей республики. Слово его сдѣлалось закономъ, и de facto онъ дѣйствительно руководилъ всѣми дѣлами. Враги даже упрекали его въ томъ, что онъ, съ своими друзьями, учредилъ нѣчто въ родѣ подпольнаго правительства, которое подкапывается подъ оффиціальное и по своему распоряжается государствомъ. При такихъ условіяхъ, Гамбетта долженъ былъ уступить голосу народа и, хотя бы и противъ желанія своего, взять бразды правленія. Внѣшнимъ же поводомъ къ паденію министерства Ферри послужило всеобщее недовольство ходомъ тунисской компаніи, которая затянулась до нельзя и обнаружила существенные недостатки въ организаціи арміи, а въ особенности въ устройствѣ интендантской части. Французскому обществу пришлось разочароваться въ успѣхахъ, сдѣланныхъ будто бы за послѣднее время французской арміей, и вторично удостовѣриться въ неспособности своихъ генераловъ; досаду свою оно и выместило на кабинетѣ Ферри.

Послѣдній счелъ себя нравственно обязаннымъ выйти въ отставку, и 29-го октября во главѣ управленія сталъ Гамбетта. Франція съ нетерпѣніемъ и давно ждала его появленія во главѣ министерства; на него возлагались самыя широкія надежды; одна ужь программа, осуществленіе которой брало на себя новое министерство, показывала, какое значеніе придавалось Гамбеттѣ. Ему предстояло: довершить дѣло народнаго

Digitized by Google

образованія, установить отношенія между церковью и государствомъ или, вѣрнѣе, совершенно подчинить первую послѣднему; произвести реформу въ системѣ выборовъ, замѣнивъ выборы по округамъ выборами по департаментскимъ спискамъ и тѣмъ парализировать вліяніе крайнихъ, какъ клерикальныхъ, такъ и радикальныхъ партій; наконецъ, приступить къ преобразованію сената, ограничить нѣкоторыя его права и облегчить въ него доступъ республиканцамъ, и тѣмъ увѣнчать зданіе республики. Въ виду такой программы и престижа, какимъ пользуется Гамбетта въ народѣ, французы, при врожденной склонности своей къ внѣшнимъ эффектамъ и къ театральности, стали ожидать отъ него чего-то грандіознаго, необычайнаго, и уже заранѣе окрестили его будущее министерство именемъ grand ministère, окруживъ новое восходящее солнце всѣми свѣтилами науки и политическаго міра. Каково же было всеобщее разочарованіе, когда вновь составленное министерство оказалось на дѣлѣ не только ничѣмъ незамѣчательнымъ, но даже и совсѣмъ заурядным? Ни одного громкаго имени; все люди, сравнительно, молодые, безъ заслугъ и выдающагося прошедшаго, частью даже и никому неизвѣстные. И вотъ со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки на новое правительство; стали придумывать для него забавныя клички; стали обзывать его и «министерствомъ юнцовъ», и «министерствомъ прикащиковъ», и «кабинетомъ лакеевъ», «кабинетомъ посредственностей», «кабинетомъ разочарованій» и т. д. въ томъ же духѣ. Даже люди серьезные, и тѣ на первыхъ порахъ не избѣгли охватившаго всѣхъ разочарованія. Гамбетту упрекали въ нѣкоторой аффектаціи, въ желаніи блеснуть излишней простотой. Ему ставили въ вину, что онъ выступилъ безъ всякаго шума, и что палаты, какъ бы въ угоду ему, не обставили его дебюта подходящей къ случаю mise en scène.

Дѣйствительно, новые министры все люди мало извѣстные; изъ прежнихъ остались только министръ юстиціи, Казо, и министръ почтъ, Кошри. Правда и то, что они все люди, сравнительно, молодые. Если исключить министровъ военнаго и морскаго, Кампенона и Гужара, какъ не могущихъ имѣть, по спеціальности своихъ вѣдомствъ, большаго вліянія на ходъ управленія, то, въ среднемъ, на каждаго министра придется около 45 лѣтъ. Наиболѣе пожилой самъ же премьеръ — Гамбетта: ему минуло 49 лѣтъ; но есть и такіе, которымъ еле перешло за 30: напримѣръ, министру внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо, всего только 34 года. Положимъ, молодость еще не добродѣтель, какъ говоритъ нѣмецкая поговорка, но она и далеко не порокъ. Извѣстному го-

Digitized by Google

сударственному человѣку Англіи, Уильяму Питту, было всего 21 годъ, когда онъ сдѣлался министромъ. Есть даже что-то заманчивое въ томъ, что Гамбетта съ молодыми, свѣжими силами принимается за новое дѣло. Быть можетъ, они не умудрены еще достаточною опытностью; но самъ Гамбетта, хотя и не старый годами, но уже испытанный боецъ, съ пріобрѣтеннымъ имъ навыкомъ въ государственныхъ дѣлахъ, дополнитъ собой недостающую опытность въ его товарищахъ. Въ пользу же новаго министерства говоритъ и его однородный составъ, полная солидарность между его членами и беззавѣтная преданность дѣлу республики.

Можно, пожалуй, опасаться, что министры, по молодости лѣтъ, слишкомъ горячо примутся за дѣло, слишкомъ круто поведутъ предположенныя реформы и тѣмъ скомпрометируютъ не только эти самыя реформы, но и все уже достигнутое стараніями прошлаго правительства. Опасенія эти находятъ, впрочемъ, противовѣсъ въ умѣряющемъ вліяніи прославленнаго и ославленнаго оппортюнизма самого главы кабинета, Гамбетты. Оппортюнизмъ — понятіе новое. Оно, въ видѣ браннаго слова, было брошено радикалами въ лицо, какъ самого Гамбетты и его друзей, такъ и дѣятелей прошлаго министерства. Оно собственно должно означать политику случайностей, политику безъидейную, политику лавочниковъ, идущую отъ одного случая къ другому и цѣпляющуюся за подходящія обстоятельства, словомъ, политику дня, безъ опредѣленныхъ разсчетовъ на будущее. Но если Гамбетта и оппортюнистъ, то совершенно иного закала. Никто не дерзнетъ отрицать въ немъ широкихъ взглядовъ, глубокой политической идеи, болѣе или менѣе полное осуществленіе которой и было задачей всей его жизни. Его оппортюнизмъ, какъ и оппортюнизмъ всѣхъ новыхъ французскихъ республиканцевъ, заключается въ томъ, что они перестали быть доктринерами и перестали вѣрить въ возможность внезаннаго пересозданія общества, внезапной и насильственной реализаціи идеала. Не теряя основную цѣль изъ вида, они соображаются съ обстоятельствами, съ духомъ времени и, разумѣется, пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ сдѣлать лишній шагъ впередъ. Такой широкій оппортюнизмъ есть въ сущности тотъ самый политическій тактъ, который составляетъ, напр., силу англійскаго государственнаго строя и отсутствіе котораго помѣшало Франціи идти спокойно и прогрессивно по пути, проложенному великой революціей конца прошлаго столѣтія. Новые министры заявили себя оппортюнистами на первыхъ же шагахъ. Это сказалось, въ особенности, въ отношеніи ихъ къ церковному вопросу. Во

Digitized by Google

главѣ вѣдомства духовныхъ дѣлъ поставленъ былъ Поль Бэръ, самый ярый противникъ клерикализма, отъ котораго римская церковь могла ждать себѣ самаго худшаго. А между тѣмъ, этотъ столь грозный на трибунѣ врагъ духовенства, оказался весьма разсудительнымъ министромъ. Принимая у себя своихъ подчиненныхъ, Поль Бэръ далъ имъ понять, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, кто и какъ молится, что не дѣло правительства входить въ богословскія пререканія, но что онъ требуетъ одного безпрекословнаго исполненія закона и самъ будетъ твердо стоять на почвѣ конкордата. Казалось бы, для чего такъ дорожить конкордатомъ? не проще ли было-бы прямо и разъ навсегда разрубить узелъ, провозгласивъ отдѣленіе церкви отъ государства, какъ того и требуютъ радикалы? Но новому правительству такая мѣра кажется хотя и вполнѣ разумной, но не своевременной и даже опасной, такъ какъ боятся, и не безъ нѣкотораго основанія, что свободная церковь можетъ причинить больше вреда государству, чѣмъ церковь, содержимая и опекаемая послѣднимъ. Дѣло въ томъ, что знаменитый конкордатъ, заключенный въ 1801 году первымъ консуломъ съ папой Піемъ VII, имѣетъ совершенно особенный характеръ, рѣзко отличающій его отъ подобныхъ же конкордатовъ, заключенныхъ римской куріей съ другими государствами. Церковь ставится имъ въ полную зависимость отъ государства, которому передаетъ и надзоръ за всей римско-католической іерархіей, настолько полный, что ни одинъ епископъ, напр., не имѣетъ права, безъ согласія властей, оставить свою резиденцію. Далѣе, имъ безусловно воспрещается духовенству всякая политика, и власти обязываются арестовывать каждаго священника, который дерзнетъ критиковать съ амвона правительственныя распоряженія. Въ виду такихъ особенностей конкордата, весьма естественно нежеланіе правительства слишкомъ поспѣшно прибѣгать къ разрыву съ церковью. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ органъ Гамбетты, «République Française»,—можно предварительно сдѣлать попытку, не удастся-ли вселить въ духовенство уваженія къ закону строгимъ исполненіемъ буквы конкордата. Если попытка не удастся, то мы всегда вольны порвать узы между гражданскимъ обществомъ и церковью; а если удастся, то у насъ впереди достаточно времени, чтобы какъ слѣдуетъ приготовиться къ рѣшительному шагу и предоставить выполнить слѣдующимъ поколѣніямъ то, чего не въ силахъ было сдѣлать настоящее». При такомъ сдержанномъ отношеніи къ дѣлу, нѣтъ причинъ опасаться, со стороны молодаго министер-

Digitized by Google

ства, ни излишней поспѣшности въ преобразованіяхъ, ни слишкомъ рискованныхъ скачковъ.

Единственно, что еще можетъ возбуждать нѣкоторыя опасенія, это, именно, тѣ качества, которыя и придаютъ особенное значеніе и силу новому правительству,—его однородность и глубокая преданность дѣлу республики, а слѣдовательно и Гамбеттѣ. Гамбетта, безспорно, честолюбивый человѣкъ; да инымъ и не можетъ быть ни одинъ талантливый и выдающійся государственный дѣятель. Поднявшись на высоту и не встрѣчая ни откуда серьезнаго сопротивленія, честолюбивому человѣку не трудно потерять равновѣсіе.

Поддерживаемый друзьями и опираясь на громадное большинство въ палатѣ, Гамбетта легко можетъ, незамѣтно для самого себя, стать въ то самое положеніе относительно Франціи, какое князь Бисмаркъ занимаетъ въ Германіи, т. е., превратиться изъ народнаго трибуна, какимъ онъ считался до сихъ поръ, въ полновластнаго и безконтрольнаго диктатора. Такой исходъ, конечно, возможенъ; но не слѣдуетъ забывать, что времена измѣнились и что дни имперій, а съ ними и государственныхъ переворотовъ, миновались, кажется, безвозвратно. Франція теперь ужь далеко не та, какою она была въ началѣ 50-хъ годовъ, когда, отуманенная безшабашнымъ доктринерствомъ, она предана была въ руки искателя приключеній. Во всякомъ случаѣ французскій народъ, такъ далеко ушедшій на пути политическаго развитія, ничего не имѣетъ общаго съ нѣмецкимъ, для котораго это развитіе только еще начинается; къ тому же и республиканецъ Гамбетта, выросшій на началахъ политической свободы, мало походитъ на закоренѣлаго юнкера и абсолютиста, князя Бисмарка. Наконецъ, во всей своей предшествовавшей дѣятельности, Гамбетта явилъ столько доказательствъ безкорыстія, умѣренности и нелицепріятной преданности дѣлу республики и свободы, да и самой власти достигъ такими строго конституціонными путями, что нѣтъ причинъ сомнѣваться въ искренности и честности его намѣреній. Все прошлое Гамбетты можетъ, такимъ образомъ, служить порукой, что онъ не дастъ увлечь себя тѣмъ узкимъ честолюбіемъ, отъ котораго Франція уже выстрадала столько бѣдствій и столько униженія.

Совсѣмъ иную картину представляетъ намъ Германія. Достигнутое цѣлымъ рядомъ войнъ объединеніе досталось ей цѣной гражданствен-

Digitized by Google

ности и политической самостоятельности народа. Долгое время послѣ прусско-французской войны, нѣмцы, въ упоеніи военной славы, жили однимъ лишь патріотизмомъ; но добытое мечомъ приходилось и удерживать мечомъ. И вотъ все вниманіе обращается на поддержаніе только что достигнутаго внѣшняго могущества; всѣ средства идутъ на усиленіе военныхъ силъ имперіи и на ихъ организацію. Когда-жъ патріотизмъ нѣсколько поостылъ и нѣмцы похладнокровнѣе взглянули на только что пережитое ими и на настоящее свое положеніе, то невеселая картина представилась ихъ взору. Правда, они стали играть чуть не первенствующую роль среди другихъ народовъ, задавать тонъ во внѣшней политикѣ; Германія преобразилась въ великую державу; но дома—полнѣйшее раззореніе и реакція во всѣхъ сферахъ гражданской и государственной жизни. Конституція стала номинальной, и вся власть очутилась въ рукахъ одного лица, имперскаго канцлера князя Бисмарка, энергіи и политическому генію котораго Германія обязана своимъ объединеніемъ, своимъ могуществомъ и своимъ милитаризмомъ. Положеніе, занимаемое имъ въ государственной іерархіи, совершенно исключительное, такъ сказать внѣ-конституціонное. Какъ министръ, онъ лицо отвѣтственное; но на дѣлѣ онъ отвѣтственъ не передъ народомъ, а передъ лицомъ одного государя. По закону онъ обязанъ сообразоваться съ волей народа, но, не будучи передъ нимъ отвѣтственнымъ, онъ обходитъ эту волю, и, опираясь на зависимость отъ одного только императора, онъ, наоборотъ, заставляетъ представителей народа сообразоваться съ своей волей, отождествляя ее съ волей государя. Происходитъ нѣчто совсѣмъ несообразное, и въ конституціонномъ государствѣ является вдругъ министръ и не отвѣтственный, и не смѣняемый. Онъ почти самодержавно руководитъ государственными дѣлами и указываетъ направленіе, по которому, по его мнѣнію, должно идти общество, т. е., какъ разъ наоборотъ тому, что дѣлается въ другихъ конституціонныхъ государствахъ. Отсюда происходитъ, напримѣръ, что въ Германіи избирательное движеніе, которое должно давать тонъ и политическое направленіе парламентской дѣятельности, сводится теперь къ одному,—къ вотированію довѣрія или недовѣрія лично къ имперскому канцлеру. Хотя послѣдній, какъ несмѣняемый министръ, и не обращаетъ особеннаго вниманія на результатъ такого вотированія, но оно заставляетъ его ловко балансировать между отдѣльными партіями,—и эту политическую эквилибристику довелъ онъ въ послѣднее время до художественнаго совершенства.

Digitized by Google

Однако, насколько цѣльно и глубоко продумана его внѣшняя политика, настолько же оказалась неустойчивой его политика внутренняя. Тамъ, задавшись ясно опредѣленной цѣлью, объединеніемъ и могуществомъ имперіи, онъ идетъ къ ней прямо, ни на шагъ не сбиваясь съ дороги; здѣсь же, преслѣдуя то монархическія, то экономическія, то соціалистическія цѣли, онъ бродитъ какъ бы ощупью; не доведя одного дѣла до конца, бросаетъ его и хватается за другое и, въ концѣ концовъ, своими неожиданными политическими прыжками изъ стороны въ сторону, окончательно сбиваетъ съ толку нѣмецкій народъ, который теперь положительно не знаетъ, куда идти за своимъ неугомоннымъ вождемъ, и какъ поспѣть за нимъ. Онъ проводитъ знаменитые майскіе законы, подчиняющіе римскую церковь государству, теперь же чуть не собирается идти въ Каноссу и дѣлаетъ всякія уступки римско-католическому духовенству; онъ подстрекаетъ антисемитское движеніе, а затѣмъ отрекается отъ него. Желая помочь народному хозяйству и спасти его отъ окончательнаго разстройства, онъ беретъ это дѣло на себя и, вообразивъ себя великимъ и непогрѣшимымъ экономистомъ, создаетъ новую политико-экономическую теорію. Теорія эта противорѣчитъ и выводамъ науки, и истиннымъ потребностямъ народа, но онъ на ней настаиваетъ, и въ концѣ концовъ проводитъ. Такъ, онъ уже провелъ таможенную систему, думая сильнымъ повышеніемъ ввозныхъ тарифовъ поднять народную промышленность; но на дѣлѣ онъ только поднялъ, какъ это и предвидѣли, цѣны на продукты первой необходимости и, вмѣсто помощи бѣдному люду, лишь ухудшилъ его положеніе. Теперь, желая побороть соціалистическое движеніе, Бисмаркъ самъ принимается за соціализмъ. Воспользовавшись покушеніями на жизнь императора Вильгельма и прискорбнымъ событіемъ 1-го марта, и сваливъ всю вину на соціалистовъ и соціалъ-демократовъ, онъ проводитъ свой извѣстный законъ о соціалистахъ или, вѣрнѣе, противъ соціалистовъ и вводитъ малое осадное положеніе. Разумѣется, ни аресты, ни обыски, ни изгнанія нимало не ослабили соціализма, а только превратили его изъ явнаго въ тайнаго и, тѣмъ болѣе, опаснаго врага государства. Бисмарку на дѣлѣ пришлось убѣдиться въ той простой и давно всѣмъ извѣстной истинѣ, что полицейское оружіе безсильно противъ идеи. И вотъ, онъ рѣшается самъ превратиться въ соціалиста, чтобы побороть своихъ враговъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, и, ухватившись за идею Лассаля, что государство должно взять на себя эмансипацію труда отъ капитала, онъ принялся комментировать ее по своему. Прикинувшись другомъ

Digitized by Google

рабочихъ и ненавистникомъ буржуазіи (понимая подъ этимъ словомъ либеральную часть городскаго населенія), онъ, чтобъ отвлечь первыхъ отъ соціализма и привлечь на свою сторону, составляетъ проэкты страхованія, при посредствѣ государства, рабочихъ отъ увѣчій и несчастныхъ случаевъ, и призрѣнія престарѣлыхъ, а для покрытія необходимыхъ на то расходовъ, предлагаетъ ввести новые налоги, которые, разумѣется, падутъ и на благодѣтельствуемые имъ рабочіе классы. Бисмарковскій государственный соціализмъ встрѣтилъ отпоръ повсюду. На послѣднихъ выборахъ въ Берлинѣ, вожди соціалъ-демократовъ, Бебель и Либкнехтъ, на предложенную имъ сдѣлку черезъ канцлерскаго повѣреннаго, консерватора Вагнера, и придворнаго проповѣдника, юдофоба Штеккера,—категорически заявили, что ничего общаго не имѣютъ съ правительствомъ, которое пытается совмѣстить соціальныя реформы съ таможеннымъ налогомъ на предметы первой необходимости и съ усиленіемъ воинской повинности. Про умѣренныхъ либераловъ и говорить нечего: они, по натурѣ своей, враги всякаго соціализма, а въ особенности лассалевскаго, какъ наиболѣе серьезнаго и удобоисполнимаго. На сторонѣ смѣлаго новатора оказались лишь тѣ изъ немногихъ консерваторовъ, которые надѣются съ помощью новаго соціализма сокрушить ненавистный имъ либерализмъ и народное представительство. Однако, такая дружная на этотъ разъ оппозиція его планамъ нимало не смущаетъ князя Бисмарка: онъ всегда легко справлялся съ нею, не вѣритъ въ устойчивость нѣмецкой оппозиціи, а потому разсчитываетъ побѣдить ее и теперь.

Да и дѣйствительно, возможна ли серьезная оппозиція со стороны нѣмецкаго народа? она какъ-то не въ характерѣ нѣмцевъ, которые сознаютъ, что не умѣютъ сплачиваться, а всегда идутъ врозь. Нѣмецъ прежде всего старается сохранить самостоятельность и имѣть свое особенное мнѣніе, не похожее на мнѣнія другихъ; такъ что на повѣрку выходитъ, что сколько политикующихъ нѣмцевъ, столько и партій. Этимъ только и объясняется то безконечное разнообразіе политическихъ партій, которое придаетъ такой своеобразный, но въ то же время и неустойчивый характеръ германскому парламенту. Перечислить всѣ политическія группы, изъ которыхъ составляется, напримѣръ, нынѣшній рейхстагъ,—почти невозможно. Да это было бы и трудомъ безполезнымъ, такъ какъ многіе оттѣнки, которыми онѣ другъ отъ друга отличаются, трудно уловимы для непосвященныхъ, а въ особенности для иностранца. Ограничимся лишь переимено-

Digitized by Google

ваніемъ наиболѣе крупныхъ или чѣмъ-либо особенно выдающихся. Для порядка, начнемъ съ партій консервативнаго оттѣнка; это будутъ: свободные консерваторы, германскіе консерваторы, просто консерваторы, нѣмецкіе имперіалисты, христіанскіе соціалисты, государственные соціалисты, клерикалы. Либералы и quasi—либералы распадаются на: просто либераловъ, національ-либераловъ, сецессіонистовъ, или либеральныхъ національ-либераловъ, прогрессистовъ, просто демократовъ, или членовъ народной партіи, соціалъ-демократовъ, просто соціалистовъ. Партіи антиимперскія, или сепаратисты, состоятъ изъ партикуляристовъ, протестующихъ, автономистовъ, поляковъ, датчанъ, гвельфовъ, или ганноверцевъ. Всѣхъ этихъ партій въ сущности столько же, сколько было отдѣльныхъ государствъ въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ; наконецъ, имѣются еще «дикіе», ни къ какимъ опредѣленнымъ партіямъ не принадлежащіе.

Но и это еще далеко не все. Каждая изъ названныхъ партій, въ свою очередь, дѣлится на группы. Такъ, въ числѣ соціалистовъ имѣется еще группа катедеръ-соціалистовъ, или научныхъ соціалистовъ; партія клерикаловъ распадается на чистыхъ консерваторовъ и болѣе или менѣе либераловъ и т. д. Имѣются даже такія несообразныя группы, какъ консервативные либералы, или либеральные консерваторы, въ самомъ названіи которыхъ кроется совершенная безсмыслица. Разумѣется, большинство этихъ многочисленныхъ партій, по крайней спеціальности ихъ отличій, не можетъ имѣть ясно опредѣленныхъ очертаній. Мало того, многія группы дѣлятся на подгруппы не въ силу разлада между ихъ членами въ политическихъ убѣжденіяхъ, а благодаря совершенно постороннимъ причинамъ. Партіи партикуляристовъ и автономистовъ, напримѣръ, могутъ безразлично вербоваться и изъ либераловъ, и изъ консерваторовъ всѣхъ оттѣнковъ; необходимо только, чтобы они враждебно относились къ идеѣ объединенной имперіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ ея видѣ, и составляли въ рейхстагѣ оппозицію всѣмъ обще-германскимъ мѣропріятіямъ, какъ бы послѣднія сами по себѣ ни были полезны для государства. Партія народная, въ сущности, тѣ же соціалъ-демократы, только набирается она исключительно изъ уроженцевъ южной Германіи. Наконецъ, многія партіи именуются чисто условными названіями, которыя мало или даже совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ихъ политическому направленію. Возьмемъ для примѣра хоть національ-либераловъ. По характеру своему, они скорѣе всего имперіалисты, потому что основной ихъ принципъ, ради котораго они всегда готовы пожертвовать и своимъ либерализмомъ, и своимъ достоинствомъ,—это единая германская

Digitized by Google

имперія. Ихъ девизъ: «сначала имперія, а потомъ реформы». Группа національ-либераловъ—самая безцвѣтная и неустойчивая изъ всѣхъ нѣмецкихъ партій. Нѣкогда многочисленная, она служила главной опорой князю Бисмарку, который безъ церемоніи пользовался ея податливымъ либерализмомъ; но съ отдѣленіемъ отъ нея группы такъ называемыхъ сецессіонистовъ, нѣсколько отклонившихся въ сторону прогрессистовъ, она утратила почти всякое значеніе. Такое же нераціональное наименованіе носитъ, напримѣръ, и партія христіанскаго соціализма, которая, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ соціализмомъ не имѣетъ. Это—партія лютеранскихъ пасторовъ, поставившихъ себѣ цѣлью въ послѣднее время ограждать нѣмецкую національность и промышленность отъ вторженій еврейства. Достаточно сказать, что во главѣ ихъ стоитъ извѣстный придворный пасторъ Штеккеръ, главный руководитель анти-семитскаго движенія. Что же касается такъ называемаго государственнаго соціализма, то о немъ мы уже упоминали, когда говорили о соціализмѣ самого князя Бисмарка; искреннихъ послѣдователей у этой партіи нѣтъ и, повидимому, вся она сосредоточивается въ лицѣ одного имперскаго канцлера.

На ряду съ основнымъ, свойственнымъ всѣмъ конституціоннымъ государствамъ, дѣленіемъ партій соотвѣтственно ихъ политическимъ направленіямъ, т. е. дѣленіемъ на консервативныя, либеральныя и крайнія, нѣмецкія партіи группируются еще по ихъ отношенію къ личности имперскаго канцлера, и эта группировка — самая существенная; она-то исключительно и вліяетъ на ходъ дѣлъ въ имперіи. Въ этомъ смыслѣ всѣ партіи можно раздѣлить: 1) на преданныя князю Бисмарку, 2) на безусловно преданныя ему, 3) преданныя условно и 4) совсѣмъ ему не преданныя. Послѣднія составляютъ меньшинство. Къ первымъ двумъ разрядамъ принадлежатъ всѣ вообще консервативныя партіи. Всѣ онѣ, главнымъ образомъ, набираются изъ дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, которые крѣпко держатся старинныхъ юнкерскихъ воззрѣній и имѣютъ весьма смутное представленіе о конституціонномъ строѣ. Консерваторы, по принципу, приверженцы правительства, тѣмъ болѣе, что только изъ ихъ рядовъ вербуются министры, посланники и вообще высшія должностныя лица. Изъ нихъ, безусловно преданные имперскому канцлеру—самые крайніе изъ консерваторовъ, такъ называемые нѣмецкіе консерваторы, для которыхъ поклоненіе князю Бисмарку замѣняетъ всякія политическія убѣжденія; идти за нимъ они готовы всюду, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Къ третьему разряду, и отчасти къ первому, принад-

Digitized by Google

лежатъ многія партіи, но преимущественно національ-либералы и сецессіонисты; разница между тѣми и другими лишь въ томъ, что первые всегда, а вторые не всегда охотно угождаютъ имперскому канцлеру. Къ четвертому разряду принадлежатъ прогрессисты, которые собственно и представляютъ собой дѣйствительную либеральную группу. Она немногочисленна, но находится въ систематической оппозиціи князю Бисмарку. Зато онъ и ненавидитъ прогрессистовъ отъ всей души; ихъ вожди, въ особенности же Рихтеръ и Вирховъ, его настоящія bêtes noires, на которыхъ онъ срываетъ свое сердце и которыми запугиваетъ боязливыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Совершенно самостоятельную и отдѣльную отъ другихъ партію образуютъ клерикалы, или центръ. По количеству членовъ, это самая крупная партія. Она возникла вмѣстѣ съ такъ называемой культурной борьбой, когда начались несогласія прусскаго правительства съ римской церковью. Цѣль ея—заставить имперскаго канцлера пойти съ повинной въ Каноссу, т. е. понудить германскую имперію отказаться отъ майскихъ законовъ и примириться съ папой. Въ этомъ отношеніи она представляетъ весьма солидную силу, но по всѣмъ внутреннимъ вопросамъ отличается полной неопредѣленностью. Члены центра безусловно должны быть вѣрными католиками, но какихъ они держатся политическихъ убѣжденій—для партіи довольно безразлично. Отсюда и является необходимость, то правительству, то оппозиціи, постоянно заигрывать съ нею.

Такова разношерстная картина политической жизни нѣмецкаго народа. Политическая неопредѣленность партій и безконечное разнообразіе въ ихъ оттѣнкахъ служитъ главнымъ тормозомъ нормальной парламентской дѣятельности. Благодаря этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, въ нѣмецкихъ парламентахъ никогда нельзя впередъ разсчитывать на большинство въ пользу того или другаго законопроекта, потому что никогда нельзя знать заранѣе, на какую сторону станутъ дикіе, клерикалы, партикуляристы, національ-либералы и т. п. На все это есть, конечно, историческія и культурно-общественныя причины, и нынѣшнее состояніе Германіи легко объясняется, напримѣръ, далеко еще неисчезнувшей въ нѣмецкомъ народѣ привычкой къ прежней государственной розни, а отчасти и недостаткомъ навыка къ самостоятельной политической жизни; но тѣмъ не менѣе оно является немалой помѣхой для всякаго движенія впередъ. Этому, главнымъ образомъ, Германія и обязана, что за послѣднія 10 лѣтъ, т. е. съ момента превращенія ея въ единую имперію, она ни на шагъ не пошла впередъ по пути политическаго развитія, а скорѣй дви-

Digitized by Google

нулась даже назадъ. Отсюда является и несостоятельность нѣмцевъ передъ волей и несокрушимой энергіей желѣзнаго канцлера, который, хорошо зная свой народъ, всегда умѣетъ пользоваться отсутствіемъ въ немъ единодушія и политическаго такта. Съ другой стороны, та же политическая рознь дѣлаетъ князя Бисмарка безусловно необходимымъ для Германіи: нѣмцы глубоко вѣрятъ, что только его желѣзная рука, какъ бы она тяжела ни была для ихъ свободы и самостоятельности, только она одна можетъ удержать ихъ отъ окончательнаго разброда. Оттого-то, стоитъ только князю Бисмарку пригрозить отставкой, и моментально смиряется въ нѣмцахъ духъ строптивости и всякой оппозиціи.

Такая несостоятельность нѣмецкаго народа особенно наглядно сказалась на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ и на первыхъ же шагахъ парламентской дѣятельности. Выборы эти были прямымъ протестомъ противъ соціально-экономической политики князя Бисмарка. Не смотря на давленіе правительства, на усиленную агитацію консерваторовъ и устраиваемыя ими даровыя представленія для народа, приверженцы канцлера потерпѣли полное фіаско; а ряды враговъ его, и главнымъ образомъ прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ, значительно усилились; центръ остался почти не измѣнившимся. Но такой благопріятный результатъ для либераловъ нимало, однако, не измѣняетъ положенія дѣлъ. Благодаря безконечному разнообразію политическихъ фракцій, ни одна изъ нихъ не можетъ разсчитывать на большинство голосовъ; даже центръ, наиболѣе многочисленный изъ всѣхъ, и тотъ составляетъ только четвертую часть всѣхъ голосовъ въ рейхстагѣ. Все будетъ зависѣть отъ предстоящихъ группировокъ между партіями, предвидѣть которыя заранѣе, однако, невозможно. «Наши выборы, сказалъ на дняхъ одинъ изъ нѣмецкихъ депутатовъ, никого не осчастливили. Нашъ настоящій парламентъ такъ составленъ, что всякія комбинаціи въ немъ и возможны, и невозможны; совсѣмъ невозможны только наиболѣе естественныя. Какъ то мы выберемся изъ этой путаницы? Къ несчастью, этого никто не знаетъ, не знаетъ даже Тира» *).

Возможность самыхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, немыслимыхъ ни въ какомъ другомъ изъ европейскихъ представительныхъ собраній, проявилась на первыхъ же порахъ, а именно при составленіи парламентскаго

*) Тира—извѣстная собака князя Бисмарка, слывущая въ народѣ подъ именемъ имперской собаки (Reichshund). На ея долю тоже досталось нѣсколько голосовъ при выборахъ президента рейхстага.

Digitized by Google

бюро, т. е. при избраніи президента и вице-президентовъ: выборъ палъ на консерваторовъ, значитъ на представителей именно тѣхъ самыхъ партій, которыя понесли полнѣйшее пораженіе на выборахъ и составляютъ безусловное меньшинство въ рейхстагѣ. Это первый сюрпризъ, но за нимъ, навѣрное, послѣдуютъ и другіе.

Казалось бы, общественное мнѣніе, выразившееся на выборахъ, должно было существенно повліять на ходъ дѣла и на существовавшія доселѣ отношенія между народными представителями и правительствомъ. Слѣдовало ожидать, основываясь на давно сложившихся въ Западной Европѣ парламентскихъ обычаяхъ, что князь Бисмаркъ или распуститъ рейхстагъ и назначитъ новые выборы, или подастъ въ отставку, или же сложитъ съ себя завѣдываніе внутренней политикой, сохранивъ за собой лишь портфель иностранныхъ дѣлъ, на что онъ дѣйствительно неоднократно и намекалъ. Но ничего подобнаго не случилось. Какъ бы игнорируя и общественное мнѣніе, и парламентъ, онъ ни на шагъ не измѣнилъ своего положенія, а только оградилъ себя личностью императора,—пріемъ уже совсѣмъ не конституціонный. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ всегда первый министръ прикрываетъ собой лицо государя; но нигдѣ не водится, чтобъ отвѣтственный министръ прятался за особу государя, который, по высокому положенію своему, не можетъ входить въ пренанія съ народными представителями, а потому не можетъ быть и отвѣтственнымъ. Мало того, пріемъ этотъ въ высшей степени неприличенъ: онъ ставитъ всѣхъ несогласныхъ съ личными мнѣніями канцлера въ положеніе враговъ государя и приводитъ престарѣлаго, всѣми уважаемаго, монарха въ прямое столкновеніе съ его подданными.

Что сильнѣе всего поражаетъ въ послѣднихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ князя Бисмарка, это его глубокое, ничѣмъ не прикрываемое, презрѣніе къ парламенту и вообще къ конституціонному режиму.

Въ прочитанномъ имъ, при открытіи рейхстага, императорскомъ посланіи, онъ, точно намѣренно глумясь и надъ депутатами, и надъ ихъ безсиліемъ, перечисляетъ дословно всѣ тѣ самые законопроекты, которые были отвергнуты предшествовавшимъ рейхстагомъ и противъ которыхъ высказалось общественное мнѣніе. Онъ не пропускаетъ ни одного: тутъ есть и продленіе бюджетныхъ сроковъ, и государственное страхованіе рабочихъ, и возстановленіе цеховъ и ремесленныхъ корпорацій, и замѣна прямыхъ налоговъ косвенными, и увеличеніе акциза на крѣпкіе напитки, и даже табачная монополія. Князь Бисмаркъ и не пытается бо-

Digitized by Google

лѣе дѣйствовать на рейхстагъ путемъ убѣжденія; онъ просто приказываетъ, сообщаетъ волю государя. Конечно, депутаты вольны не соглашаться съ нимъ, но это ему положительно безразлично. Если онъ и снисходитъ до возраженій на заявленія оппозиціи, то только потому, что ему нужны новые кредиты, которые онъ, по закону, не можетъ получить, минуя парламентъ; но, очевидно, онъ смотритъ на это, какъ на пустую, хотя и стѣснительную формальность. Нельзя, однако, не отдать справедливость Бисмарку: онъ всегда былъ искрененъ и никогда не надѣвалъ на себя личины либерализма. Монархистъ съ головы до ногъ, онъ и прежде не скрывалъ своей антипатіи къ представительному образу правленія; но, по крайней мѣрѣ, въ былое время онъ старался соблюдать нѣкоторый декорумъ и хоть дѣлалъ видъ, что подчиняется конституціоннымъ законамъ. Теперь-же онъ болѣе не стѣсняется; теперь онъ напрямикъ выступаетъ поборникомъ чистаго абсолютизма. «Нигдѣ, говорилъ онъ, въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, нигдѣ въ конституціи не упоминается о правахъ или обязанностяхъ правительства; въ ней идетъ рѣчь лишь о правахъ государя. Я же являюсь представителемъ императорской политики». Слѣдовательно, весь рейхстагъ низводится на степень хора въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ, которому разрѣшено выражать свое сочувствіе или негодованіе, но который не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на ходъ дѣла. Князь Бисмаркъ съ этой точки зрѣнія и смотритъ на народныхъ депутатовъ и вообще, кажется, полагаетъ, что сложный конституціонный механизмъ не свойственъ нѣмецкой натурѣ, которая прежде всего нуждается въ строжайшей дисциплинѣ. «Вы надѣетесь войти въ соглашеніе другъ съ другомъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, сторонникамъ оппозиціи,—чтобъ провалить мои предложенія; но вы все-таки ничего не добьетесь, потому что вы безсильны явить что-либо положительное».

И въ сущности, князь Бисмаркъ правъ. Что могутъ въ самомъ дѣлѣ предпринять нынѣшніе нѣмецкіе либералы? Какую программу могутъ они предложить взамѣнъ программы Бисмарка? Они, конечно, способны на время задержать, затормозить его соціально-экономическую политику, но онъ все-таки, въ концѣ-концовъ, проведетъ ее мимо ихъ. Хуже всего то, что либералы какъ-бы застыли на старыхъ фразахъ и не обращаютъ вниманія на требованія времени. Теперь вопросы соціальные и экономическіе — вопросы дня, и не для одной только Германіи, но и для всего цивилизованнаго міра. А либералы, въ слѣпомъ доктринерствѣ своемъ, желаютъ совсѣмъ устранить эти вопросы и пытаются снова свести все на политическую почву,

Digitized by Google

втиснуть новую жизнь въ устарѣлыя формулы либерализма. Мало того, они не въ силахъ даже выработать и общую для всѣхъ либеральныхъ группъ политическую программу. Всѣ попытки къ сліянію партій до сихъ поръ не удавались, да едва-ли удадутся и впредь. Къ тому-же, либералы сами по себѣ далеко еще не составляютъ большинства въ парламентѣ; надежды-же на поддержку со стороны другихъ партій нѣтъ никакой. Въ итогѣ, имъ предстоитъ продѣлать ту-же исторію, которая уже не разъ повторялась съ ними: нападать въ разсыпную, а пораженія терпѣть всѣмъ за разъ. Главная вина въ такомъ печальномъ положеніи либеральной оппозиціи всецѣло падаетъ на національ-либераловъ; они-то преимущественно и содѣйствовали развитію слабосилія и упадку самостоятельности въ парламентѣ. Прежде сильная и сплоченная, національ-либеральная партія могла-бы задавать тонъ всей внутренней политикѣ; но, упоенная военной славой и германо-имперскимъ патріотизмомъ, она слѣпо довѣрила судьбы Германіи тому, кто создалъ имперское единство и внѣшнее могущество, и на него-же возложила всю иниціативу и всѣ государственныя заботы. Народъ нѣмецкій, такимъ образомъ, не могъ пріучиться къ самодѣятельности и мало по малу привыкъ къ опекѣ. Теперь-же дѣло дошло до того, что нѣмцы съ тревогой спрашиваютъ себя, что станетъ съ ними, если имъ придется остаться безъ своего опекуна? И дѣйствительно, картина Германіи безъ князя Бисмарка трудно укладывается въ воображеніи.

Иностранная литература *).

Geschichte Roms während des Verfalles der Republik. Vom Zeitalter des Scipio Aemilianus bis zu Sulla's Tode. Von Dr. *Carl Neumann*. Aus seinem Nachlasse herausgegeben von Dr. E. Gothein. Breslau, 1881. (Исторія Рима во время упадка республики. Отъ вѣка Сципіона Эмиліана до смерти Суллы. Сочиненіе доктора Карла Неймана, изданное по оставшейся отъ него рукописи докторомъ Э. Готтейномъ).

Нѣтъ періода въ исторіи человѣчества, на изученіе котораго

---

*) Приготовленная для этой книги русская библіографія отложена, по недостатку мѣста, до слѣд. №.

Digitized by Google

было бы посвящено столько усилій, какъ на изученіе древней классической и, въ особенности, римской исторіи. Вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ ростетъ литература, занимающаяся судьбами древняго Рима, и ростъ ея не только не ослабѣваетъ, но все болѣе и болѣе усиливается. Становится уже труднымъ внимательно слѣдить за всѣмъ, что бросаетъ въ наше время на книжный рынокъ ученая производительность Европы въ этомъ отношеніи. Рядомъ съ трудами, обнимающими цѣлыя эпохи жизни римскаго народа, ежегодно появляется столь огромная масса спеціальныхъ изслѣдованій, какъ чисто историческихъ, такъ и близко связанныхъ съ ними географическихъ, топографическихъ, хронологическихъ, археологическихъ, миѳологическихъ, историко-литературныхъ и филологическихъ, что теряется возможность даже для самаго усерднаго читателя знакомиться со всѣми произведеніями современной учености, направляющейся на изученіе древняго Рима. Требуются соединенныя усилія многихъ спеціалистовъ, чтобы обозрѣвать относящуюся къ этому предмету текущую литературу и сдѣлать оцѣнку хотя бы наиболѣе выдающимся въ ней явленіямъ: такова задача, которую взялъ на себя и не безъ успѣха исполняетъ издаваемый въ Берлинѣ, подъ редакціей мюнхенскаго профессора Бурсіана, журналъ: «Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft».

Достойно вниманія, что, несмотря на длинный рядъ капитальныхъ трудовъ, посвященныхъ римской исторіи въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій, не утрачивается стремленіе изучать ее съизнова и давать ей, то въ томъ, то въ другомъ отношеніи, новое освѣщеніе. Явленіе это всего нагляднѣе свидѣтельствуетъ о томъ, какой глубокій интересъ заключается для мыслящихъ умовъ въ изученіи римской исторіи. И дѣйствительно, ни одна исторія, въ древнемъ или новомъ мірѣ, не представляетъ столь правильнаго хода развитія, такой послѣдовательности въ явленіяхъ политической жизни, такой рельефности въ событіяхъ, съ необыкновенною правильностью и легкостью вытекавшихъ одно изъ другаго, какъ исторія римскаго народа, обнаружившаго, въ послѣдовательныхъ фазисахъ развитія, какъ бы модель историческаго развитія народовъ и наиболѣе естественное примѣненіе законовъ, управляющихъ жизнью человѣческихъ обществъ. Вотъ почему выдающіеся политическіе мы-

Digitized by Google

слители съ давнихъ поръ обращали свои взоры къ исторіи древняго Рима и искали въ ней объясненія многихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ ходѣ исторіи новаго времени. На ней выработалъ свою политическую философію Макіавелли; въ ней искалъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ Монтескьё; на ней строилъ свою *Новую науку*, первый опытъ философіи исторіи, Вико; съ ней неразрывно связано великое въ исторической наукѣ имя Нибура.

Этимъ необыкновеннымъ значеніемъ римской исторіи въ дѣлѣ пониманія исторіи вообще, равно какъ и въ дѣлѣ политическаго образованія, и объясняется то обстоятельство, что не перестаютъ появляться крупные труды, ей посвященные и очень часто разсчитанные не только на спеціалистовъ, но и вообще на солидно-образованныхъ читателей. Особенно много такихъ трудовъ появляется въ Германіи и во Франціи. Изумительно, что̀ сдѣлано въ Германіи по римской исторіи со временъ Нибура. Если мы назовемъ наиболѣе извѣстные публикѣ труды Швеглера, Герлаха съ Бахофеномъ, Моммзена, Петера, Ине, Марквардта, Ланге, Фридлендера, тѣ капитальные труды, которыхъ однихъ достаточно было бы для ученой славы какой угодно страны, то этимъ мы еще далеко не дадимъ понятія о томъ, какъ широко и глубоко захватила нѣмецкая наука разныя стороны жизни и культуры древняго Рима. Русскому читателю трудно даже представить себѣ всю бездну энергіи, употребленной нѣмецкими учеными на рѣшеніе мельчайшихъ вопросовъ, относящихся къ ходу римской исторіи, начиная съ глубокой древности и кончая временами имперіи, которыя, впрочемъ, больше привлекали къ себѣ вниманіе французскихъ ученыхъ. Одна литература объ источникахъ, о степени ихъ достовѣрности, объ относительномъ ихъ значеніи, критика и разборъ древнихъ повѣствованій и сказаній представляетъ нѣчто достойное удивленія не только по своему объему, но и по напряженію мысли, по усилію найти вездѣ точку опоры для повѣствовательной истины. А о массѣ большихъ и малыхъ сочиненій, написанныхъ въ Германіи нашего столѣтія о самыхъ событіяхъ римской исторіи, на всемъ ея протяженіи въ тысячу двѣсти двадцать девять лѣтъ, и говорить нечего. При такомъ положеніи дѣла, едва постижимомъ для русскаго читателя, не имѣющаго на своемъ родномъ языкѣ о томъ

Digitized by Google

же предметѣ ничего, кромѣ плохихъ учебниковъ и нѣсколькихъ, мало кому извѣстныхъ, диссертацій, при такомъ, говоримъ мы, положеніи, когда ученая литература обладаетъ нерѣдко цѣлымъ рядомъ солиднѣйшихъ сочиненій по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, понятно, какъ трудно выдвинуться тамъ на видный планъ новому сочиненію и сосредоточить на себѣ усиленное вниманіе спеціалистовъ и вообще образованной публики. Нужно что-нибудь особенное, что могло бы въ немъ привлечь къ себѣ это вниманіе; нужно, чтобъ о немъ говорило или громкое имя автора, или новизна и плодотворность метода, или важныя открытія, или, наконецъ, особенно умное, ясное, твердое, отчетливое изложеніе.

Только-что вышедшая книга покойнаго Бреславльскаго профессора Карла Неймана безспорно представляетъ собой крупное явленіе даже въ нѣмецкой литературѣ. Авторъ ея — лицо, имѣвшее продолжительную извѣстность въ наукѣ и обладавшее обширными и разносторонними свѣдѣніями въ древней исторіи вообще, а въ исторіи классическаго міра въ особенности. Карлъ Нейманъ имѣетъ, между прочимъ, особенное право на признательность русской науки, которой онъ оказалъ существенную услугу своимъ сочиненіемъ: «Эллины въ землѣ скиѳовъ» *), немало способствовавшимъ оживленію археологическихъ, географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій на югѣ Россіи, среди членовъ одесскаго общества исторіи и древностей. Лежащее теперь передъ нами его новое (посмертное) сочиненіе есть ничто иное, какъ лекціи покойнаго профессора, изданныя благодарными учениками по собственноручнымъ записямъ учителя. Предметъ этихъ лекцій — революціонное время Гракховъ и слѣдовавшее за нимъ время явнаго упадка римской республики до первой междоусобной войны и диктатуры Суллы, исключительно—принадлежитъ, конечно, къ наиболѣе разработаннымъ эпохамъ римской исторіи. Въ нѣмецкой ученой литературѣ, кромѣ цѣлаго ряда спеціальныхъ сочиненій, между которыми особенно видное мѣсто занимаетъ сочиненіе В. Нича (Nitzsch) **),

*) Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855.

**) Die Gracchen und ihre nächste Vorgänger. Berlin, 1847.

Digitized by Google

существуютъ мастерскіе очерки означеннаго времени въ общихъ трудахъ о римской исторіи, какова «Римская исторія» Моммзена (томъ второй) и «Римская исторія» Ине (томъ пятый). При всемъ томъ, изданіе лекцій Неймана не можетъ не считаться счастливымъ пріобрѣтеніемъ ученой литературы о римской республикѣ. Лекціи эти возбуждали живѣйшій интересъ среди слушателей и принадлежатъ ученому, который, какъ выражается предисловіе къ нимъ, «всю силу своего богатаго духа посвящалъ своей преподавательской дѣятельности». И дѣйствительно онѣ отличаются такою ясностью, такою твердостью, обстоятельностью и живостью изложенія, что одного этого уже было бы достаточно, чтобы сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ. Съ другой стороны, предметомъ ихъ служатъ событія такой важности въ римской исторіи, а смыслъ этихъ событій такъ многозначителенъ въ исторіи человѣчества, что сколько бы ни было написано о такой эпохѣ умныхъ книгъ, всякая изъ нихъ можетъ быть прочтена съ глубокимъ интересомъ и играть роль въ политическомъ образованіи нашего времени.

Сокрушившая древніе устои республиканской конституціи Рима, революція Гракховъ, равно какъ и слѣдовавшія за нею событія, которыя, рядомъ внутреннихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ, привели республику къ монархіи или, правильнѣе, къ военной диктатурѣ, извѣстной въ исторіи подъ именемъ имперіи,— представляютъ безъ сомнѣнія, наиболѣе драматическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно поучительную часть римской исторіи. Но, какъ ни интересенъ этотъ процессъ видимаго разложенія республиканскаго устройства древняго Рима, главное,—то именно, что особенно важно для политическаго мыслителя,—заключается не въ самомъ процессѣ разложенія, а въ причинахъ, потрясшихъ великую республику при Гракхахъ и затѣмъ потопившихъ ее въ крови междоусобныхъ войнъ Марія и Суллы, Кесаря и Помпея, Октавіана и Антонія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ республика, стоявшая цѣлые вѣка и возбуждавшая своею внутреннею мощью удивленіе народовъ, та самая республика, которая привыкла выходить изъ всякаго несчастія еще болѣе сильною и закаленною, которая пережила и взятіе Рима Галлами, и нашествіе Пирра, и страшныя побѣды Аннибала, которая, въ какое-нибудь столѣтіе, не только подчинила своей

Digitized by Google

власти враговъ, угрожавшихъ ея существованію или дерзавшихъ стать на пути къ развитію ея могущества, но и сдѣлала имя римскаго гражданина грознымъ на всемъ пространствѣ извѣстнаго тогда міра,—какимъ образомъ эта могущественнѣйшая республика дѣлается игрушкою честолюбцевъ и погибаетъ въ страшныхъ переворотахъ? Изложеніе причинъ, сдѣлавшихъ эти перевороты неизбѣжными, и составляетъ выдающуюся часть сочиненія Неймана.

Ничто такъ не важно для прочности государства, какъ хорошія учрежденія, соотвѣтствующія характеру его населенія, обстоятельствамъ и духу времени. Никакое учрежденіе не можетъ быть вѣчно: оно должно измѣняться вмѣстѣ съ новыми требованіями и новыми государственными задачами. Не измѣняется оно путемъ мирныхъ реформъ, оно гибнетъ въ такомъ случаѣ подъ ударами революціи, дѣлается жертвою насильственныхъ переворотовъ. Таковъ урокъ, данный послѣдующему человѣчеству римскою исторіей. Здѣсь и заключается исходный пунктъ соображеній нѣмецкаго профессора о причинахъ паденія римской республики.

Завоевавши Италію въ пятомъ столѣтіи отъ основаніи Рима, подчинивши затѣмъ своей власти, послѣ первой пунической войны, большую часть Сициліи, Сардинію и Корсику, перенеся свое могущество во время второй пунической войны на Пиринейскій полуостровъ, подчинивъ себѣ, далѣе, Македонію, Грецію, значительныя полосы Иллиріи, овладѣвши послѣ третьей пунической войны Карѳагеномъ съ его областью, поставивши, наконецъ, отъ себя въ зависимость азіатскія царства: пергамское, каппадокійское, понтійское, сирійское, и распространивши свое вліяніе на Египетъ,—римская республика оставалась съ тѣмъ же внутреннимъ устройствомъ, какое она знала до самнитскихъ войнъ и покоренія Италіи. Но ясное дѣло, что учрежденія, которыя легко соотвѣтствовали государственнымъ задачамъ Рима, почти не выходившаго изъ границъ Лаціума, не могли быть достаточными, когда при помощи ихъ надобно было управлять государствомъ, обнимавшимъ цѣлыя страны въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, и населеннымъ народами разнаго племени и разныхъ степеней образованности. Администрація, финансы, судъ, военное дѣло—все это усложнилось необыкновенно, а между тѣмъ

Digitized by Google

конституціонное устройство республики оставалось неизмѣннымъ. Всѣмъ этимъ сложнымъ государственнымъ механизмомъ завѣдывали тѣ-же, ежегодно избиравшіеся и ежегодно смѣнявшіеся, должностныя лица, тѣ-же два консула, тѣ-же преторы, число которыхъ только было увеличено съ двухъ на четыре, а затѣмъ на шесть, тѣ-же эдилы и квесторы, которые дѣйствовали въ старой крохотной республикѣ города Рима. Этихъ должностныхъ лицъ по прежнему выбирали раздѣленные на тридцать пять трибъ римскіе граждане, которыхъ въ общей суммѣ числилось непосредственно передъ революціей, произведенной Гракхами, не болѣе 318,000, при милліонахъ, такъ называемыхъ *союзниковъ*—латинянъ и италіковъ, и при еще большемъ количествѣ подвластнаго республикѣ населенія завоеванныхъ провинцій.

Что изъ этого выходило, понять не трудно. Провинціи управлялись ежегодно смѣнявшимися чиновниками хищническимъ образомъ, терпѣли всевозможныя притѣсненія и, не зная мира и спокойствія, приходили все въ большій и большій упадокъ; латинскіе и италійскіе союзники, потомъ и кровью которыхъ создано было могущество Рима, болѣе, чѣмъ жертвами его полноправныхъ гражданъ, не пользуясь плодами своихъ трудовъ наравнѣ съ этими послѣдними, обнаруживали явное неудовольствіе и вопіяли противъ жестокой несправедливости; полноправное римское гражданство,—по принципу настоящій хозяинъ республики,—будучи не въ состояніи слѣдить за ходомъ дѣлъ въ чрезмѣрно расширившемся государствѣ и подвергать строгой оцѣнкѣ дѣйствія римскихъ властей въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, обратилось въ послушное орудіе корыстолюбивой и алчной олигархіи, которая, видя легкую возможность къ обогащенію посредствомъ управленія провинцій и веденія войнъ, привыкла подчинять государственные интересы личнымъ и ввела въ управленіе республикой самую опасную деморализацію. Ниспровергнутый Гракхами режимъ былъ давно подточенъ внутреннимъ червемъ и рано или поздно долженъ былъ рухнуть въ силу своей органической несостоятельности. Режимъ этотъ, въ началѣ 7-го столѣтія Рима, былъ явно направленъ къ тому, чтобъ благосостояніе цѣлаго міра приносилось въ жертву небольшой кликѣ, образовавшейся изъ нѣсколькихъ знатныхъ фамилій, смотрѣвшей на завоеванный міръ, какъ на свою добычу, и попиравшей,

Digitized by Google

въ страсти къ господству и къ наживѣ, какъ нравственныя основы человѣческаго общества, такъ и честь государства, ею управляемаго.

Было бы долго разсказывать всѣ грѣхи олигархіи, въ руки которой попала римская республика, вступивши на путь завоеваній. Авторъ интересующаго насъ сочиненія раскрываетъ блестящую картину, въ которой не забыты ни самое безсовѣстное разграбленіе провинцій, ни произвольное начинаніе полководцами войнъ, въ видахъ того же разграбленія и продажи въ рабство цѣлыхъ тысячъ мирнаго населенія, ни развращеніе римскаго населенія подкупами и увеселеніями, ни раззореніе сельскаго населенія Италіи и обращеніе пахатной земли, скупаемой у мелкихъ собственниковъ, въ луга и парки, ни нарушеніе чести государства отказомъ отъ заключенныхъ формальнымъ образомъ договоровъ, ни глумленіе надъ судомъ, когда до него доходило дѣло, чтобъ наказать нарушителя государственныхъ законовъ, ни все другое, что составляло вопіющее зло олигархическаго режима въ республикѣ. Картина правительственныхъ нравовъ, нарисованная твердою и умѣлою рукою автора, относительно времени, слѣдовавшаго за второй пунической войною, такова, что не оставляетъ въ читателѣ сомнѣнія въ необходимости близкаго переворота и крушенія государственнаго устройства, явно несостоятельнаго.

Какъ пошло это крушеніе, начавшееся ожесточенною схваткой демагогіи съ олигархіей, и какіе оно приняло размѣры въ первую половину революціоннаго періода, въ этомъ заключается повѣствовательная часть книги покойнаго бреславльскаго профессора.

Comtesse Thérèse Leopardi. Notes biographiques sur Leopardi et sa famille, avec une introduction par F. A. *Aulard*, professeur à la faculté des lettres de Poittiers. Paris, 1881 (Графиня Тереза Леопарди. Біографическія замѣтки о Леопарди и его семействѣ, со введеніемъ, написаннымъ *Оларомъ*, профессоромъ словеснаго факультета въ Пуатье).

Печальная судьба Джакомо Леопарди, первостепеннаго поэта и философа Италіи настоящаго столѣтія, снова сдѣлалась въ послѣднее время предметомъ оживленныхъ толковъ въ литературѣ, какъ въ самой Италіи, такъ и внѣ ея. Ближайшимъ поводомъ

Digitized by Google

къ этимъ новымъ толкамъ была послѣдовавшая въ 1878 году смерть брата его Карла, къ которому разошедшійся съ своимъ семействомъ поэтъ хранилъ дружескія отношенія до послѣднихъ лѣтъ своей скорбной жизни. На родителей и родственниковъ Джакомо Леопарди снова посыпался градъ обвиненій въ жестокомъ отношеніи къ геніальному поэту, оставленному ими безъ помощи и умершему вдали отъ роднаго города на рукахъ друзей, преданныхъ ему до самоотверженія. Неудовольствіе на поведеніе семейства Леопарди было усилено обнародованіемъ въ 1880 году подробностей послѣднихъ семи лѣтъ *) жизни поэта, сдѣланнымъ тѣмъ самымъ Антоніемъ Раньери, который, вмѣстѣ съ своей сестрой Паулиной, служилъ въ эти годы главною поддержкой въ жизни покинувшему родительскій кровъ пѣвцу страдающей души и философу-пессимисту.

Эти обстоятельства и вызвали лицо, принадлежащее къ дому Леопарди, вдову графа Карла, обладательницу бумагъ покойнаго мужа, въ которыхъ сохранилось не мало свидѣтельствъ объ отношеніяхъ къ поэту его семейства,—взяться за перо, чтобы защитить честь дома и разсѣять неосновательныя на него нареканія. Книгу свою графиня сопроводила «введеніемъ» французскаго ученаго, посвятившаго немало труда на ознакомленіе своихъ соотечественниковъ съ поэзіей и философіей Леопарди и недавно издавшаго полный переводъ его сочиненій **).

Въ «Біографическихъ замѣткахъ, графиня Тереза сообщаетъ немало интересныхъ данныхъ о фамиліи Леопарди, о характерѣ родителей поэта, объ условіяхъ, въ какихъ онъ воспитывался, и объ отношеніяхъ его къ разнымъ членамъ семьи, въ особенности къ брату Карлу и сестрѣ Паулинѣ. Она рѣшительно оправдываетъ отца поэта, графа Мональдо, отъ обвиненія въ ненависти къ сыну, изображая его, напротивъ, человѣкомъ, питавшимъ къ сыну нѣжныя чувства и не переставшимъ приглашать его возвратиться подъ родительскій кровъ въ Реканати. Она старается защитить отъ упрековъ въ чрез-

*) Sette anni di sodalizio con Giacomo Leopardi. Napoli 1880.

**) Poésies et oeuvres morales de Leopardi. Première traduction complète précédée d'un *Essai sur Leopardi*, par *F. A. Aulard* etc. Paris, 1880 (три тома).

Digitized by Google

мѣрной суровости и мать Леопарди, графиню Аделаиду, урожденную маркизу Античи. Но въ то же время не скрываетъ, что это была женщина строгая и холодная, и что дѣти ея не испытали материнской нѣжности. Авторъ книги не хочетъ допустить, чтобы покинувшій родительскій домъ поэтъ когда-нибудь былъ оставленъ родителями безъ всякихъ средствъ къ жизни и даже «безъ приличной пенсіи» (sans une pension convenable) хотя въ то же время усиленно напираетъ на стѣсненное положеніе обнищавшаго аристократическаго дома, къ которому лишь впослѣдствіи возвратилось прежнее довольство. О томъ, что между сыномъ и родителями существовали недружелюбныя отношенія, въ виду несогласія ихъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, авторъ «Біографическихъ замѣтокъ» не говоритъ ни слова, а напротивъ замѣчаетъ, что, возвратившись домой, Джакомо могъ бы *безпрепятственно* предаться своимъ любимымъ философскимъ и литературнымъ занятіямъ. Этимъ увѣреніямъ почтенной графини можно вѣрить и не вѣрить; но факты скорѣе говорятъ противъ, чѣмъ въ защиту строгихъ родителей несчастнаго поэта, во всякомъ случаѣ обязаннаго своимъ существованіемъ въ послѣдніе годы не заботливости родителей, а щедрости и попеченіямъ чужихъ людей. Гораздо важнѣе для насъ заявленіе графини Терезы, что въ ея рукахъ находятся самыя интимныя письма, писанныя къ ея мужу томившимся своею неудовлетворенною жизнью поэтомъ, и что многія изъ этихъ писемъ еще не обнародованы. Въ этихъ письмахъ всего скорѣе можно было бы найти разрѣшеніе вопроса о томъ, насколько родители Леопарди, своимъ суровымъ отношеніемъ къ нему, усилили тяжесть и безъ того тяжелой жизни обездоленнаго поэта.

В. М.

W. H. Flower. Fashion in Deformity as Illustrated in the Customs of Barbarous and Civilised Races. — (Мода въ безобразіи; ея проявленія въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ). Лондонъ, 1881, стр. VII+85.

Имя проф. Флауэра, какъ антрополога и анатома, пользуется широкою и заслуженною извѣстностью въ англійскомъ научномъ

Digitized by Google

мірѣ; и уже этого одного было бы достаточно, чтобы обратить вниманіе библіографа на небольшую книжку, заглавіе которой, на придачу, такъ заманчиво.

Какъ извѣстно, стремленіе измѣнять естественную форму частей тѣла,—другими словами, стремленіе обезображивать себя,—встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, является общимъ и для самаго первобытнаго, и для самаго цивилизованнаго человѣка. Но безобразіе безобразію рознь. Есть виды самоуродованія, совершаемаго отдѣльными лицами по совершенно опредѣленнымъ побужденіямъ. Такъ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, охраняющихъ свой общественный и государственный строй системою милитаризма и насильственно влекущихъ въ ряды «пушечнаго мяса» почти каждую наиболѣе здоровую и пригодную къ бою мужскую особь,—ежегодно повторяются случаи всевозможныхъ самообезображиваній со стороны рекрутовъ, преслѣдующихъ совершенно опредѣленную цѣль: избавиться отъ злополучной участи солдата. Или, въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ многоженство, и есть потребность въ безопасныхъ для мужа охранителяхъ его женъ (какъ напр. въ Турціи или Персіи)—ежегодно повторяются случаи самоизуродованія, собственными руками или руками спеціалиста-оператора, по желанію паціента, съ совершенно опредѣленною цѣлью: сдѣлать себя наиболѣе пригоднымъ къ извѣстной профессіи и достигнуть этимъ путемъ своего матеріальнаго благосостоянія. Съ совершенно же опредѣленнымъ побужденіемъ безобразитъ себя тамбовскій или таврическій скопецъ: онъ спасаетъ свою грѣшную душу. Совершенно ясную цѣль имѣетъ въ виду яванецъ или даякъ, продѣвающій черезъ извѣстную часть тѣла рыбную кость или кремень, такъ наз. ампалангъ: за него иначе не пойдетъ замужъ ни одна туземная женщина. Не подлежитъ также сомнѣнію гигіеническій характеръ «обрѣзанія» у еврейскаго мальчика. Всѣ подобные случаи, число которыхъ можно было бы легко увеличить, не входятъ въ предметъ обсужденія автора. Онъ занятъ исключительно разсмотрѣніемъ тѣхъ обезображеній, которыя производятся сразу значительнымъ числомъ членовъ данной общественной группы, съ единственною цѣлью подражанія другъ другу, только ради моды или слѣпаго слѣдованія обычаю.

Digitized by Google

Самое возникновеніе этихъ различныхъ способовъ самоуродованія до сихъ поръ остается еще во мракѣ; но каковъ бы ни былъ образъ ихъ возникновенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если не единственнымъ, то самымъ главнымъ мотивомъ ведущимъ къ поддержанію моды, является «желаніе сообразоваться съ общепринятымъ обыкновеніемъ и не казаться страннымъ или чудакомъ». Существованіе модъ упрочивается подражаніемъ, которое, какъ полагаетъ авторъ, вмѣстѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ, можетъ рождаться изъ двухъ весьма различныхъ побужденій: или изъ благоговѣнія передъ лицомъ, которому подражаютъ, или изъ желанія стать съ нимъ на одинъ уровень.

Прежде чѣмъ перейти къ человѣку, авторъ въ нѣсколькихъ словахъ останавливается на «поправленіи» природы, предпринимаемомъ людьми у прирученныхъ животныхъ. Такъ, готтентотъ, находя некрасивой симметрію роговъ у своего быка, закручиваетъ у телятъ зачатки рога, чтобы послѣдній со временемъ принялъ всевозможныя фантастическія и нелѣпыя направленія. Англичанинъ еще недавно бросилъ поправленіе ножницами естественной формы ушей и хвоста у лошади. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра и по сію пору продолжаетъ сохраняться мода обрубать уши и хвосты собакамъ и уродовать шею и ротъ лошадямъ посредствомъ тугаго натягиванія возжей, для приданія головѣ неестественнаго (мучительнаго для животнаго, но зато «красиваго» для глазъ хозяина) положенія во время бѣга. Не довольствуясь подобными «поправительными» операціями надъ животными, человѣкъ воспользовался силами подбора и унаслѣдованія для того, чтобы увѣковѣчить извѣстныя, случайно появившіяся на свѣтъ, прирожденныя уродства; результатомъ подобныхъ воспитательныхъ усилій, предпринимаемыхъ во имя удивительныхъ представленій о «красотѣ», явились бульдоги въ Великобританіи, безхвостые кошки въ Сингапурѣ, причудливыя породы куръ и голубей по всему міру, золотыя рыбки съ раздвоеннымъ хвостомъ у китайцевъ и т. п. матеріалы для тератологіи (ученія объ уродствѣ).

Приступая къ изложенію моды въ безобразіи у человѣка, авторъ сначала разсматриваетъ поправки красоты, продѣлываемыя надъ **волосами, ногтями и кожею**. Какъ это можно было бы ожидать и a priori, моды обезображиванія природнаго

Digitized by Google

головнаго убора безчисленны; ибо́ «легкость, съ которою волоса поддаются всевозможнымъ методамъ обращенія съ ними, представляетъ искушеніе слишкомъ большое, чтобы ему могъ сопротивляться человѣкъ въ какомъ либо состояніи цивилизаціи» (стр. 7). Человѣкъ старается перемудрить и исправить природу, не только по отношенію къ длинѣ и способу распредѣленія и расположенія волосъ, но исправляетъ даже цвѣтъ ихъ. Такъ, на островахъ, лежащихъ въ западной части Тихаго Океана, туземцы, одаренные отъ природы черными какъ смоль волосами, придаютъ имъ предписываемый модой желто-бурый цвѣтъ, при помощи извести, выжигаемой изъ коралловъ. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ, подобныя же мѣры и съ тою же цѣлью принимали брюнетки-дамы западной Европы, благополучно прибывшія къ тихо-океанійскому понятію о настоящей «красотѣ», конечно, совершенно независимо отъ презираемыхъ ими дикарей. Среди многихъ дикихъ племенъ сильно распространена мода гладко брить голову. Что при этомъ главнѣйшимъ побужденіемъ является именно эстетическое понятіе, а не какія нибудь гигіеническія соображенія, видно изъ того, что у многихъ племенъ это практикуется исключительно надъ женщинами и дѣтьми. Такъ, у фиджійцевъ прекрасный полъ дѣлаетъ себя еще прекраснѣе, брѣя голову; мужчины же, напротивъ, отращиваютъ волосы до возможной длины и располагаютъ ихъ весьма сложнымъ образомъ, съ большою затратою времени, вниманія и искусства *).

*) По Уильямсу, головные уборы иныхъ фиджійскихъ аристократовъ требующіе нѣсколькихъ часовъ ежедневнаго труда, имѣютъ до 3—5 футовъ въ окружности и принуждаютъ несчастныхъ франтовъ, для сохраненія прически, спать на узкихъ деревянныхъ изголовьяхъ и шейныхъ подставкахъ. Врядъ ли неудобства, на которыя обрекаютъ себя фиджійскіе рабы моды, существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя испытывались посѣтительницами баловъ въ Тюльери во времена второй имперіи. Парижскій корреспондентъ лондонскаго «Daily News»—м-ръ Грэнвилль Мэррэй—на недавно происходившемъ годовомъ балу парижскихъ парикмахеровъ, бесѣдуя съ однимъ изъ главныхъ «художниковъ», узналъ отъ него, между прочимъ, что во времена незабвеннаго для куаферовъ правленія Наполеона III, ему приходилось начинать свои дорогіе объѣзды въ день бала съ шести часовъ утра. Такимъ образомъ, иныя рабыни моды, ради сохраненія своего убора для придворнаго бала, должны были проводить *буквально неподвижно* по 12—18 часовъ подъ рядъ («Daily News», 1881, декабря 6).

Digitized by Google

Въ иныхъ частяхъ Африки женская красота требуетъ тщательнаго искорененія бровей при помощи особыхъ щипчиковъ. Всякому извѣстны безконечно-разнообразныя моды бритья и ношенія волосъ на лицѣ среди мужчинъ всевозможныхъ націй. Отличаются разнообразіемъ и моды ношенія ногтей. Одни племена окрашиваютъ ихъ въ одинъ цвѣтъ, другіе въ иной, третьи отращиваютъ. До какой степени можетъ быть доведена «красота» ногтей, поскольку она выражается въ длинѣ ихъ, можно составить себѣ хорошее понятіе по двумъ рисункамъ въ «Антропологіи» Тэйлора, на одномъ изъ которыхъ, приведенномъ и у Флауэра, изображена рука китайскаго аскета, съ искривленными въ разныхъ направленіяхъ, пересѣкающими и обвивающими другъ друга роговыми лентами, длиною въ два—три раза болѣе ручной кисти; а на другомъ—сіамскія актрисы въ роли царицъ, съ длинными когтями, заключенными въ особые серебряные футляры для защиты хрупкой «красоты». Можно было бы возразить, пожалуй, что подобные длинные ногти не составляютъ самообезображиванія, и что, напротивъ того, подстригать ихъ—значитъ мудрить надъ природою. Но это возраженіе Флауэръ совершенно основательно отражаетъ тѣмъ фактомъ, что отращиваніе длинныхъ ногтей требуетъ непремѣнно принятія разныхъ искусственныхъ мѣръ (въ родѣ футляровъ); безъ нихъ, при естественномъ употребленіи рукъ въ дѣло, ногти отламываются или снашиваются у свободныхъ концовъ—какъ это происходитъ и съ когтями или копытами у животныхъ въ дикомъ состояніи.

Всѣ эти модныя «исправленія» волосъ и ногтей не сопровождаются какими нибудь прямыми дурными послѣдствіями для здоровья. Болѣе серьезными, въ этомъ отношеніи, является обезображиваніе кожи. Какъ догадывается читатель, дѣло идетъ о татуированіи, начиная съ его грубыхъ формъ, въ видѣ симметрическихъ рубцовъ на плечахъ и груди, до изысканныхъ и сложныхъ узоровъ и рисунковъ, покрывающихъ все тѣло съ ногъ до головы *). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ деспотъ-обычай тре-

*) До какихъ предѣловъ доходитъ художество въ этой области, можетъ дать нѣкоторое представленіе примѣръ разъѣзжающаго нынѣ по Европѣ греческаго капитана, попавшаго въ плѣнъ къ китайскимъ татарамъ и

Digitized by Google

буетъ покрытія большихъ областей тѣла, процессъ украшенія, состоящій въ укалываніи и разрѣзахъ острыми камнями или раковинами, съ послѣдовательнымъ втираніемъ древесной золы или сажи и растравленіемъ изъязвленій, сопровождается сильнѣйшими болями и мученіями; но рабы обычая должны подчиняться этимъ неудобствамъ, ибо появленіе въ обществѣ съ нетатуированною кожею было бы равнозначущимъ появленію цивилизованнаго человѣка среди своихъ въ костюмѣ Адама. Что въ иныхъ случаяхъ полное татуированіе дѣйствительно производитъ иллюзію прикрытія наготы, даже для европейскаго глаза, читатель, вѣроятно, согласится, если взглянетъ на изображеніе Каролинскаго островитянина у Леббока *).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ моднымъ улучшеніямъ носа, губъ и ушей. Обычай просверливать эти части и втыкать въ отверстія различныя вещи для украшенія распространенъ почти у всѣхъ расъ земнаго шара. Туземцы восточнаго берега австралійскаго материка протыкаютъ хрящевую перегородку носовой полости костью, толщиною въ палецъ и длиною въ полфута; это украшеніе такъ закрываетъ ноздри, что франты принуждены ходить съ разинутымъ ртомъ и фыркать при разговорѣ, такъ что съ трудомъ понимаютъ другъ друга. По описанію Дампіера, туземцы Хлѣбныхъ Острововъ въ центральной Америкѣ прорѣзываютъ дыры въ нижней губѣ и ушахъ, и носятъ въ нихъ большія привѣски изъ черепахи. Подобная же изящная мода существуетъ и у индѣйцевъ въ южной Бразиліи—у ботокудовъ, самое наименованіе которыхъ, данное португальцами, означаетъ «носители затычекъ». Коническій кусокъ твердаго дерева, вѣсомъ до четверти фунта, оттягиваетъ, удлиняетъ и выворачиваетъ губу, такъ что десны и зубы остаются открытыми. Тоже и на Аляскѣ, у тлинкитовъ, гдѣ женщины подъ старость нерѣдко доходятъ до пріятной сердцу возможности вводить въ отверстіе на нижней губѣ куски дерева длиною въ 6 дюймовъ, шириною въ 4 и толщиною до $^1/_2$ дюйма; по вынутіи затычки, губа падаетъ на подбородокъ, какъ тряпка, обнажая зубы.

---

* за какую-то провинность насильно татуированнаго отъ корня ногтей до корня волосъ. Его тѣло покрыто 383 рисунками разныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ, змѣй и гіероглифами.

*) «Начало цивилизаціи», русс. перев. стр. 50. рис. 12.

Digitized by Google

Обычай дѣлать дыры для ношенія украшеній въ ушахъ пользуется почти всемірнымъ распространеніемъ. Житель острова Манджи носитъ въ ушахъ ножъ; новозеландецъ—перья, кости, палки, ногти и зубы своихъ покойныхъ родственниковъ и пр. Зулусы, приведенные въ Лондонъ на показъ, вкладывали въ уши сигары. Какъ сообщаетъ м-ръ У. Пауэль, ему удалось встрѣтить близь Новой Гвинеи одного островитянина, у котораго дыры въ ушахъ, отъ постепеннаго растягиванія, дошли до такой величины, что путешественникъ могъ легко просунуть черезъ нихъ свои руки. Того же обычая уродовать уши и носить въ нихъ «украшенія» придерживается и добрая половина европейскихъ и американскихъ цивилизованныхъ дамъ; жаль только, что онѣ не удовлетворяются собачьими зубами или другими дешевыми матеріалами, какъ это дѣлаютъ ихъ новозеландскія сестрицы по вкусу.

«Улучшаются» на разные манеры и зубы, преимущественно верхніе рѣзцы. Одни негритянскія племена отламываютъ по кусочку съ внутренней стороны двухъцентральныхъ рѣзцовъ. Другія оттачиваютъ всѣ рѣзцы на подобіе зубовъ крокодила; третьи окрашиваютъ зубы въ черный цвѣтъ и считаютъ бѣлизну зубовъ столь же неприличною, сколько европеецъ считаетъ обнаженіе какой нибудь сокровенной части тѣла; четвертые соединяютъ окрашиваніе съ удаленіемъ эмали; жители Борнео просверливаютъ дыры въ серединѣ зуба и вставляютъ туда рядъ мѣдныхъ булавокъ; сенегальскія женщины придаютъ косвенное положеніе верхнимъ зубамъ и т. п.

Слѣдующій пунктъ, подлежащій разсмотрѣнію автора, составляетъ пагубная мода обезображиванія черепа. Причины возникновенія этого жестокаго и крайне страннаго обычая, совершенно неизвѣстны. Предположеніе, что онъ вызывается желаніемъ усилить какія нибудь преобладающія естественныя отличія формы черепа у данной расы—гипотеза, которой придерживается, между прочимъ, и Тэйлоръ—по мнѣнію Флауэра, не имѣетъ никакихъ фактическихъ основаній. Указанія на искусственное измѣненіе формы черепа у разныхъ народовъ встрѣчаются еще у Гиппократа (описывающаго народъ «микрокефалы» на берегахъ Азовскаго моря), у Геродота, Страбона, Плинія, и др. Свидѣтельства ихъ были подтверждены недавними археологическими из-

Digitized by Google

слѣдованіями. Близъ Тифлиса и въ другихъ мѣстахъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ различныхъ мѣстностяхъ по Дунаю, въ Венгріи, Силезіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи и Бельгіи—были найдены несомнѣнные слѣды моднаго обезображиванія головы. Сначала было распространено мнѣніе, что найденные черепа принадлежатъ монгольской расѣ; но авторъ соглашается съ мнѣніемъ новѣйшихъ французскихъ антропологовъ, что они оставлены однимъ народомъ арійской расы, распространившейся по Европѣ въ поименованныхъ странахъ въ VIII-мъ столѣтіи до нашей эры. Въ древнемъ Перу, до завоеванія его испанцами, этотъ обычай пользовался повсемѣстнымъ распространеніемъ и исчезъ только мало по малу, подъ суровымъ давленіемъ со стороны завоевателей. Онъ былъ столь же распространенъ въ Вестъ-Индіи и въ территоріи нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время онъ уцѣлѣлъ только у чинукскихъ индѣйцевъ въ Британской Колумбіи и Вашингтонской территоріи, у туземцевъ Ванкуверова острова, у даяковъ *), на иныхъ островахъ Тихаго Океана, повидимому, кое-гдѣ, въ Китаѣ, и въ Европѣ—въ Нормандіи и Бретани и, кажется, въ Константинополѣ. Не подлежитъ сомнѣнію — полагаетъ Флауеръ,—что эта мода вымираетъ. Но покамѣсть она еще не вымерла и остается самымъ неумолимымъ тираномъ въ подчиненныхъ ей областяхъ. «Пренебрегая придать надлежащую форму черепа своимъ дѣтямъ—говоритъ Банкрофтъ—чинукская матрона создаетъ себѣ репутацію лѣнивой и нерадивой матери, и подвергаетъ дѣтей насмѣшкамъ со стороны ихъ товарищей». По Таунзенду, такіе «уроды» съ правильною головою никогда не могутъ достигнуть какого нибудь вліятельнаго или почетнаго положенія среди своего племени и часто продаются въ рабство.

Понятіе о красотѣ, поскольку оно воплощается въ изуродованной головѣ, оказывается весьма разнообразнымъ у раз-

*) Въ то время, какъ Кроккеръ полагаетъ, что обычай обезображивать голову младенцу существуетъ только у одного береговаго племени въ сѣверо-западной части Борнео,—А. Б. Мейеръ выставляетъ цѣлую баттарею убѣдительныхъ фактовъ, доказывающихъ, что онъ распространенъ по всему Малайскому Архипелагу не менѣе, чѣмъ въ Папуасской и Меланизійской области и на островахъ Южнаго Океана (Nature, 1881, дек. 8, стр. 132—135. У Мейера приведены и рисунки, сдѣланные имъ самимъ.

Digitized by Google

личныхъ расъ и даже у отдѣльныхъ племенъ. Авторъ группируетъ эти уродства въ четыре главныя категоріи: 1) сообщеніе плоской формы затылку, 2) лбу, 3) черепу, косвенно сверху внизъ, съ расширеніемъ въ бока, и 4) круговое сдавленіе съ удлиненіемъ въ вертикальномъ направленіи.

Изъ всѣхъ частей тѣла, руки наименѣе страдаютъ отъ погони за модою. Прямо противоположное приходится сказать о ногахъ. Авторъ разсматриваетъ два вида обезображиванія ногъ — у китайцевъ и у европейцевъ. «Золотая лилія», — какъ называетъ китайская дама свою маленькую ножку, которая по снятіи обуви оказывается похожею не столько на человѣческую ножку, сколько на копытце какого-нибудь животнаго — покупается по истинѣ дорогою цѣною. Воздѣлываніе «золотой лиліи» начинается съ пятилѣтняго возраста и длится нѣсколько лѣтъ, причемъ въ первый годъ боль бываетъ столь сильна, что страдалица можетъ только лежать, плача и испуская стоны. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ въ ступнѣ чувствуется непрерывная ломота и постоянныя боли, какъ отъ укалыванія острыми иголками. При перемѣнѣ туго накладываемыхъ бинтовъ, кожа обыкновенно оказывается изъязвленною, и нерѣдко, вмѣстѣ съ повязкою, отпадаютъ омертвѣлые куски кожи и мышцъ, и даже одинъ или пара пальцевъ. Измѣненія, производимыя въ формѣ ступни, состоятъ: 1) въ подгибаніи четырехъ наружныхъ пальцевъ подъ подошву, такъ что на своемъ нормальномъ мѣстѣ остается только большой палецъ, чѣмъ достигается остроконечность ноги; 2) въ отдавливаніи корней пальцевъ и пятки книзу и въ приближеніи первыхъ къ послѣдней, вслѣдствіе чего стопа сильно укорачивается, и получается глубокая поперечная впадина на подошвѣ. По Джэмпсону, самая изящная «золотая лилія» должна имѣть $3^1/_2$—4 дюйма въ длину, но обыкновенно она имѣетъ «только» около 5.

«Но какъ бы ни казался намъ страннымъ этотъ обычай — говоритъ далѣе авторъ — онъ представляетъ только небольшой шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, чему подвергаетъ себя и своихъ дѣтей большинство европейцевъ. Основываясь на личныхъ наблюденіяхъ надъ большимъ числомъ ногъ у лицъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ общества въ нашей странѣ, я, не колеблясь, могу сказать, что можно встрѣтить лишь весьма не-

Digitized by Google

многихъ лицъ, которыя въ той или другой степени не представляли бы доказательствъ того, что ихъ ноги подвергались болѣе или менѣе вреднымъ сдавливающимъ вліяніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть въ вопросъ, что̀ такое должна представлять собою наша нога. Взгляните на форму стопы какого-нибудь классическаго образца—напр., босоногаго Геркулеса фарнезскаго или обутаго въ сандаліи Аполлона бельведерскаго. Обратите вниманіе на прекрасную свободу движенія широко раздвигающихся пальцевъ на младенческой ножкѣ. Вникните въ удивительныя механическія приспособленія для сочетанія крѣпости съ подвижностью, твердости съ гибкостью. Разсмотрите многочисленныя кости, сочлененія, связки, большой палецъ съ его семью спеціальными мышцами, для приданія ему гибкости движеній. И затѣмъ посмотрите, въ какую жалкую, скорченную, изуродованную штуку превращается эта самая нога послѣ того, какъ она въ теченіе многихъ лѣтъ была подвергаема «улучшительному» процессу, къ которому присуждаетъ ее наша цивилизація. Всѣ пальцы стиснуты и приплюснуты другъ къ другу; большой палецъ уже не находится въ своемъ нормальномъ положеніи, но отвороченъ кнаружи, надавливая на остальные пальцы, такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ (или болѣе) часто долженъ отыскивать себѣ мѣсто или подъ, или надъ своими товарищами. Всѣ суставы туго-подвижны, мышцы исхудалы и безсильны, нѣкогда изящно и смѣло очерченная подошвенная дуга сглажена; все, что было прекраснаго въ человѣческой ногѣ, уничтожено—мы не говоримъ уже о столь обычныхъ, болѣе серьезныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, въ родѣ мозолей, пузырей, вростанія ногтей, и всѣхъ сопровождающихъ ихъ страданіяхъ» (стр. 63—65).

Всякій «образованный» человѣкъ теперь знаетъ — хотя и остается при одномъ этомъ знаніи, продолжая пресмыкаться въ рабствѣ передъ модою—что это уродованіе одной изъ важнѣйшихъ частей тѣла зависитъ отъ установленной обычаемъ ошибочной системы приготовленія обуви, системы, которая одинакова во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра и основана на построеніи сапога или башмака по принципу двухсторонней симметріи, противорѣчащему дѣйствительному анатомическому устройству ноги. Другими словами, сапожникъ кроитъ сапогъ такъ, какъ будто бы

Digitized by Google

большой палецъ находился въ средней линіи стопы, а по бокамъ отъ него, въ равномъ отдаленіи, находилось по мизинцу; какъ будто—съ негодованіемъ замѣчаетъ Дэвшъ—«человѣческая нога похожа на гусиную лапу»! Въ результатѣ, вмѣсто сапога, получается какой-то клинообразный приборъ, при помощи котораго европейская нога со временемъ дѣйствительно становится похожею если не на гусиную лапу, то на китайскую «золотую лилію», поскольку дѣло касается расположенія пальцевъ. Само собою понятно, что подобный аппаратъ препятствуетъ свободнымъ движеніямъ ноги при ходьбѣ и бѣгѣ. Для совершенія работы передвиженія, является необходимость въ содѣйствіи мышцъ другихъ частей тѣла—въ содѣйствіи, которое можетъ совершаться только съ огромною затратою силы и при крайне невыгодныхъ условіяхъ. Понятно также, что все это съ особенною рѣзкостью должно сказываться на людяхъ, принужденныхъ общественными условіями постоянно находиться на ногахъ и при этомъ покупать только самую дурную, тяжелую и неподатливую обувь: наиболѣе страдаютъ и наиболѣе уродуютъ себѣ ноги неимущіе или рабочіе люди; на ту же горькую участь государство обрекаетъ солдатъ—какъ бы въ видѣ награды за службу.

Наиболѣе полнымъ и успѣшнымъ приближеніемъ къ китайской «золотой лиліи» является, однако, нога европейской модницы, носящей низкую, остроконечную обувь на высокомъ, узкомъ и косо поставленномъ каблукѣ. Кто изъ насъ не видитъ ежедневно вокругъ себя достаточнаго числа этихъ рабынь моды съ ея самыхъ нелѣпыхъ требованіяхъ, съ ихъ неувѣреннымъ, неустойчивымъ переступаніемъ съ «лиліи» на «лилію», съ ихъ неестественнымъ, искривленнымъ держаніемъ тѣла при ходьбѣ, съ ихъ утомленіемъ отъ всякой, даже недалекой прогулки, съ ихъ неспособностью не только пробѣжать, но даже пройти сколько-нибудь ускореннымъ шагомъ? Но только тѣ изъ насъ, кому приходится имѣть дѣло съ обладательницами «лилій» въ качествѣ ихъ врача, только тѣ знаютъ, что онѣ, за свою привилегію представлять изъ себя полусмѣшное, полужалкое зрѣлище въ глазахъ всякаго здравомыслящаго человѣка, платятся многимъ рядомъ страданій и увѣчій. Подъ «изящнымъ» (?) башмачкомъ скрываются изуродованные пальцы со ссадинами кожи, ногтями, вростающими искривленными ногтями, съ мозолями, отеками

Digitized by Google

и потѣніями; развиваются ноющія боли въ суставахъ и мышцахъ; худѣютъ, вялѣютъ, почти исчезаютъ икры, какъ у китаянокъ; являются судороги въ ущѣлѣвшихъ икряныхъ мышцахъ; являются боли и ломота въ поясницѣ и спинѣ; ухудшается общее здоровье вслѣдствіе невозможности достаточнаго движенія... И тѣмъ не менѣе «эта мода—какъ говоритъ Флауэръ—именно въ настоящее время, повидимому, усиливается среди народовъ, похваляющихся наивысшею цивилизаціею, до какой когда либо достигала исторія міра» (стр. 77).

Намѣренное обычное обезображеніе ногъ, по своей нелѣпости и вреднымъ послѣдствіямъ для организма, уступаетъ только искуственному обезображиванію грудной клѣтки. Важнѣйшіе для жизни и здоровья органы, скрытые внутри ея, требуютъ возможно полной свободы ея движеній при всѣхъ условіяхъ. «Такъ дѣйствительно и принималось во всѣхъ частяхъ міра и во всѣ времена—за однимъ исключеніемъ—говоритъ нашъ авторъ. На долю средневѣковой цивилизованной Европы выпало изобрѣтеніе системы стисниванія, уменьшенія подвижности и настоящаго обезображиванія самой важной части человѣческаго скелета... Съ того времени эта мода процвѣтаетъ и до сихъ поръ, не смотря на все наше восхищеніе образцами классической древности и на пробудившееся вниманіе къ законамъ здоровья» (стр. 79—80).

Литература, трактующая о вредномъ вліяніи тугой шнуровки и корсетовъ на отправленіе дыханія, кровеобращенія и пищеваренія—эта литература громадна. Цивилизованныя дамы уже сдѣлали весьма богатый и разнообразный вкладъ въ патологическіе музеи, доставивъ имъ поучительные препараты своихъ изуродованныхъ реберъ, смѣщенныхъ внутренностей, воспаленій и атрофій. Вопросъ о корсетахъ выясненъ столь же полно, какъ и вопросъ о пыточномъ приборѣ, именуемомъ современною обувью. И тѣмъ не менѣе, научная истина и здравый смыслъ—здѣсь, какъ и въ громадномъ большинствѣ другихъ, самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ жизни,—разбиваются на голову каждый разъ, когда они пытаются возстать противъ нелѣпаго, жестокаго, уродливаго, но всесильнаго обычая, деспотически правящаго умами слѣпаго и немыслящаго большинства!..

Digitized by Google

«Восхищаясь подобными обезображенными формами, каковы съуженная талія и симметрически-заостренная нога, мы пренебрегаемъ критеріемъ, который доставляетъ намъ природа; мы уклоняемся отъ наивысшихъ образцовъ классической древности; мы просто ставимъ себя на одинъ уровень, по части вкуса, съ австралійцами, ботокудами и неграми. Мы избираемъ своею руководительницею моду, а не нѣчто лучшее, высшее, или болѣе истинное». Такимъ невеселымъ выводомъ пришлось нашему автору закончить свою интересную маленькую книжку, дающую болѣе матеріала для размышленія, нежели многіе большіе фоліанты.

Въ заключеніе, намъ остается только пожелать, чтобы выискался какой нибудь русскій издатель, который предпринялъ бы переводъ этой книжки, не побоявшись издержекъ на изготовленіе 2—3 весьма поучительныхъ рисунковъ, приложенныхъ къ англійскому оригиналу.

Д-ръ И. Ивинъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»)

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Построеніе башни Вавилонской.
. . . Люди сперва долгое врёмя жили вмѣстѣ въ одной сторонѣ, говорили на одномъ языкѣ и были однимъ народомъ.
. . . Когда ихъ стало очень много, они увидѣли, что имъ уже тѣсно жить вмѣстѣ и нужно расходиться въ разныя стороны".
Разсказы изъ Ветх. Зав. свящ. Пѣвцова.

Я не оптимистъ. Мнѣ извѣстно, что мы открыли «винтъ съ гайкою», а не Америку, и еслибы нѣмецъ Бертольдъ Шварцъ у насъ изобрѣлъ порохъ, то прежде всего заплатилъ бы 500 рублей штрафа за неузаконенное держаніе пороха въ своемъ обиталищѣ, и потомъ уже только сводилъ бы счеты со славою и съ исторіею. Я знаю, что нашъ «рыцарскій эпосъ» нашелъ для себя наиболѣе величественное выраженіе лишь въ безплатныхъ коннозаводскихъ случкахъ казенныхъ жеребцовъ съ обывательскими кобылами, что въ лѣтописяхъ нашего «книгопечатанія» далеко не послѣднюю роль играло и играетъ печатаніе генеральскихъ портретовъ на морозовскихъ ситцахъ, что всякій нашъ «ренесансъ» длился безъ году недѣлю и что каждая наша «реставрація», наоборотъ, требовала годовъ безъ недѣль. Мнѣ помнится, сначала изъ Иловайскаго, потомъ изъ Соловьева, что народъ мы—скромный, непретенціозный, земледѣльческій, превосходно умѣвшій спускать «на смарку» цѣлыя столѣтія, безъ фанаберіи «великихъ дѣяній» и безъ, еще большей, фанаберіи «великихъ людей», въ званіи которыхъ у насъ потому и появ-

Digitized by Google

лялись: то князь Миланъ сербскій, то Наумъ Прокофьевъ, то Иванъ Аксаковъ, то Сарра Бернаръ, наконецъ. Я соображаю, что живемъ мы въ такое время, когда даже свинцовымъ литерамъ набора и тѣмъ нужно «чистить пуговицы и фабрить усы», когда всякая запятая въ текстѣ должна быть предварительно взвѣшена на аптекарскихъ подвѣскахъ, когда вполнѣ умѣстно и самому себѣ не вѣрить, когда уже, во всякомъ случаѣ, не по сезону было бы—смущать обязательнаго, оторвавшагося отъ плуга и увлекшагося книгопечатаніемъ читателя пророчествами трепещущими, необычайными, съ толку сбивающими пророчествами, въ родѣ новыхъ толковъ о явно отсроченномъ свѣтопреставленіи, о вторичномъ крещеніи всѣхъ русскихъ обывателей на берегахъ Днѣпра или о загадочномъ, но многознаменательномъ появленіи чертей въ Рязанской губерніи,—что впрочемъ недавно было документально доказано московскимъ «штатскимъ кардиналомъ», г. Гиляровымъ-Платоновымъ, въ его «Современныхъ Извѣстіяхъ».

И однако...

И помню я, и знаю, и соображаю, и въ «предѣлахъ»,—какъ въ любимыхъ брюкахъ съ искоркою,—хожу и щеголяю, а тѣмъ не менѣе... Мнѣ все болѣе и болѣе, все настойчивѣе и навязчивѣе кажется, что мы подошли къ событію огромной важности. Вѣрнѣе сказать, мы не «подошли» къ этому событію, а какъ слѣдуетъ подготовились къ его воспроизведенію. Съ чистою совѣстью и съ довольно твердыми на успѣхъ надеждами, можемъ мы приняться за рѣшеніе предопредѣленной намъ задачи. Вѣсть о ней, какъ громомъ, прогремитъ въ обоихъ полушаріяхъ. Она произведетъ эффектъ неописуемый. Величайшія предпріятія современнаго человѣчества, многотруднѣйшіе и замѣчательнѣйшіе плоды его ума, энергіи, техники, богатства,—суэзскій каналъ, монсенисскій тунель, прокладка атлантическаго кабеля, прорытіе панамскаго перешейка — покажутся ничтожными пустяками въ сравненіи съ нашимъ, до-нельзя диковиннымъ и вполнѣ своеобразнымъ начинаніемъ.

Мы построимъ вторично башню Вавилонскую!!! Это — несомнѣнный фактъ для всякаго, у кого есть глаза, чтобы любоваться «сѣвернымъ сіяніемъ» газетныхъ листовъ, и кто носитъ уши не затѣмъ только, чтобы въ тактъ хлопать ими. Большая

Digitized by Google

ли, малая ли будетъ наша башня—прорѣжетъ ли она своимъ обледенѣлымъ шпилемъ перистыя облака морознаго зимняго неба, или уступитъ первенство водокачкѣ съ Песковъ, — напередъ сказать трудно, но грядущее сооруженіе ея вполнѣ обезпечено, ибо мы и теперь еще, до закладки башни, уже сполна находимся въ довольно занимательномъ положеніи сыновей Ноевыхъ.

Во-первыхъ, мы разошлись, разбрелись, разбѣжались во всѣ стороны. И во-вторыхъ, мы совсѣмъ и окончательно перестали понимать другъ друга. Стало быть, обѣ необходимыя для строительства «кондиціи» на лицо. Остается только разобрать ихъ.

I.

«И разошлись во всѣ стороны»... Не то, что «разошлись»; мы разбѣжались во всѣ стороны и разбѣжались съ такою легкостью и прытью, какъ еслибы положенный, по штату, для всѣхъ человѣческихъ общеній appetitus societatis старичка Гуго Гроція вдругъ былъ найденъ обременительнымъ и оказался изъятымъ изъ обращенія.

Прежде люди дѣйствительно только расходились въ своихъ взглядахъ, убѣжденіяхъ, преданіяхъ и стремленіяхъ. Какъ ни разнородны были и тѣ, и другія, и третьи, но между представителями разноименныхъ общественныхъ группъ и направленій все-таки чувствовалось нѣкоторое внутреннее согласіе, извѣстная общность въ добровольномъ подчиненіи мысли обязательному для всѣхъ режиму логики и критики. Никому и въ голову не приходило, чтобы сограждане, созрѣвшіе при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, историческихъ, климатическихъ и общественныхъ,—сограждане, одинаково не сомнѣвающіеся въ фактѣ пріѣзда Рюрика съ дружиною, въ пользѣ калошъ и двойныхъ рамъ, и во вредѣ частнаго (NB. *не* земскаго) кабака, могли также отличаться другъ отъ друга, по отношенію къ процессамъ своего мышленія, какъ улитка, бабочка, галка и котъ сибирскій. Существовала опредѣленная демаркаціонная, хотя и фиктивная линія, которая окружала всѣхъ и за которую не выходилъ никто. Находясь внутри этой линіи и не допуская никакой возможности и ни при какихъ обстоятельствахъ выхода изъ нея, люди и обрѣтали кое-что общее, ихъ взаимно сближавшее

Digitized by Google

и отчасти примирявшее. Они соглашались, что явное противорѣчіе съ самимъ собою, не есть лучшее доказательство «торжества идей» даннаго порядка; они сторонились отъ прямаго, восходящаго и нисходящаго родства своихъ тезисовъ и выводовъ съ безспорными, носящими клеймо пробирной палатки, абсурдами; они не смѣшивали инстинктовъ чувства съ резонами мысли, признавали необходимость распорядка въ наведеніяхъ и обобщеніяхъ, въ индукціяхъ и дедукціяхъ; подумавъ, соглашались, что пріятнѣе быть человѣкомъ во вкусѣ Аристотеля, чѣмъ гражданиномъ во вкусѣ Булюбаша, не отождествляли государственной системы Каткова съ «планетною системою» Кеплера, и всѣ, до единаго, готовы были санкціонировать святость и непоколебимость нѣкоторыхъ азбучно-капитальныхъ истинъ, по крайней мѣрѣ, въ родѣ тѣхъ, что въ одной верстѣ 500 сажень, что Парижъ лежитъ на рѣкѣ Сенѣ, что прямая линія короче ломаной, что дымъ поднимается вверхъ, а пятакъ со стола падаетъ внизъ. Кромѣ того, люди, не сойдясь, расходились только по четыремъ принятымъ въ географіи направленіямъ, — на сѣверъ, на востокъ, на югъ и на западъ, — и отнюдь не знали, что есть очень простой способъ сразу одерживать полную побѣду во всякомъ спорѣ, даже и не начиная его, лишь свиснувъ въ брелочный свистокъ и воскликнувъ «ату его» или срѣзавъ оппонента краткимъ, но пристально пронзительнымъ запросомъ:

— «Доводы вамъ угодно! Доводы—что?.. Ахъ, Господи, какъ это скучно и старо! А вы дозвольте-ка лучше, милостивый государь, освѣдомиться, какъ у васъ на счетъ «любви къ отечеству и народной гордости?»—Понятно, что взятый такимъ образомъ, прямо подъ мышки, милостивый государь сплошь и рядомъ спрячетъ жало, подожметъ хвостъ и поспѣшитъ «закашлять» неначатую рѣчь свою. А громъ побѣды тѣмъ временемъ уже раздается, и веселится на славу россъ храбрый и находчивый.

Во всякомъ случаѣ прежде, до наступленія нынѣшней эпохи нашего возрожденія, хотя тоже было довольно въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ и путаницы, и недомолвокъ, и противорѣчій, и недоумѣній, и разныхъ сюрпризовъ, — но люди расходились какъ-то спокойнѣе, приличнѣе, послѣдовательнѣе, не прыгая, послѣ минутнаго «обмѣна мыслей», къ потолку отъ

Digitized by Google

удивленія и не отлетая другъ отъ друга на пушечный выстрѣлъ отъ ужаса. Меньше, конечно, было «быстрыхъ разумовъ» Ньютоновъ и Платоновъ, разродившихся впослѣдствіи, какъ грибы-моховики послѣ дождя, меньше «новизны» и «самобытности», больше сѣренькаго цвѣта и безразличныхъ, вошедшихъ въ повседневный обиходъ общихъ мѣстъ, но зато никто не сомнѣвался въ обращеніи земли вокругъ солнца, никто не настаивалъ на учрежденіи особой прокуратуры для поголовнаго преслѣдованія всѣхъ русскихъ обывателей по обвиненію ихъ въ первородномъ грѣхѣ, и никто не стремился доказать, какъ основную, входную и исходную аксіому, что историческое будущее страны единственно зависитъ отъ лѣсонасажденія, отъ упраздненія чиновниковъ особыхъ порученій и отъ возможно строгаго соблюденія всѣхъ, по календарю положенныхъ, постныхъ дней.

Теперь не то.

Съ нами случился казусъ, передъ которымъ безнадежно разведетъ руками будущій русскій Бокль. Мы такъ лихо соскочили съ прежнихъ рельсовъ, что порастрясли при катастрофѣ весь свой головной багажъ. Прежняя демаркаціонная линія критики и логики порвалась, какъ тончайшая шелковина, и люди стремглавъ разлетѣлись во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ, прибавивъ къ прежнимъ направленіямъ новыя, раньше невѣдомыя и даже какъ бы несообразныя, — направленія, въ родѣ сѣверно-южнаго, юго-сѣвернаго, восточно-западнаго и западно-восточнаго. Міросозерцаніе наше вдругъ стало къ верху ногами и вальяжно задрыгало ими, но задрыгало не для минутнаго саморазвлеченія, а для постояннаго, размѣрнаго дирижированія увертюрою новой эры. То, что вчера лежало еще у насъ въ почетномъ углу подъ образами, сегодня вывалилось за бортъ и за окно. Все перепуталось, скосилось, затемнилось, переиначилось, осложнилось, и начался такой передпраздничный «разгулъ мысли», какого навѣрное не запомнитъ ни одна философская масляница. Люди какъ бы почувствовали высвобожденіе мыслительнаго процесса отъ всякихъ препонъ, закорючекъ, рамокъ, правилъ, банальныхъ условностей, и «взыграло» отъ радости и прилива новаго, неизвѣданнаго раньше чувства. Имъ точно показалось, что у нихъ вынесена изъ головы вся прежняя «мебель», что снята паутина со всѣхъ внутреннихъ закоулковъ

Digitized by Google

черепа, что подбѣленъ самъ черепный «потолокъ», и что провѣтрены и выколочены на свѣжемъ воздухѣ всѣ мозговые клубки и связки. И что за прелесть почувствовалась послѣ такой коренной расчистки и переборки! Хорошо, опрятно, старательно, просторно, а главное — легко, прелесть, какъ легко. Прежнія мысли всѣ ушли, а новыя—еще не пришли. Сладкій антрактъ, съ прохлаждающею и освѣжающей прогулкой по фойе. Съ прежнимъ—полный разрывъ, на счетъ будущаго—отмѣнно-пріятныя упованія, а въ настоящемъ—сиди на заваленкѣ, болтай ногами и говори, что хочешь, какъ хочешь и о чемъ хочешь, буде угодно, даже безъ сказуемыхъ, безъ трехсложныхъ словъ и безъ знаковъ препинанія. Было бы только тепло и «самобытно».

Разумѣется, нашъ новый мыслительный распорядокъ не могъ не причинить нѣкотораго изъяна старой логикѣ. Онъ сопровождался рядомъ существенныхъ измѣненій. Прежде всего, люди перестали соглашаться между собою на счетъ истиннаго значенія противорѣчій. Послѣднія сразу потеряли для нихъ всякій угрожающій престижъ, всякую кассаціонную силу. Онѣ уже не только не пугали кого бы то ни было своимъ яснымъ присутствіемъ и поразительнымъ обиліемъ, но вошли въ повседневное, ежеминутное потребленіе у печатнаго, общественнаго, частнаго слова, и даже сдѣлались моднымъ, шикарнымъ украшеніемъ каждой зиждительно-глубокомысленной, подъ «корни» забирающей рѣчи. Вскорѣ завелся и обычай такъ писать, чтобы конецъ статьи отъѣдалъ голову у ея начала, и такъ говорить, чтобы «обстрѣливать слушателя», подобно тому, какъ въ манежахъ обстрѣливаютъ кавалерійскихъ лошадей. Самопротиворѣчіе стало такою же естественною, неизбѣжною принадлежностью развиваемой мысли, какъ и точка съ запятою, тире или восклицательный знакъ. Поговорите вы, въ самомъ дѣлѣ, съ пятью, съ десятью, съ сотней вашихъ современниковъ о томъ, что было, что есть и что будетъ, и васъ болѣе всего поразитъ именно необычайный наплывъ самопротиворѣчій и грандіозный, необозримый, неисчерпаемый выборъ ихъ. Кажется, будто люди поклялись произвести надъ логикою всѣ «болгарскія звѣрства», мстя ей за черезъ-чуръ долгое и томительное подчиненіе во вчерашнемъ прошломъ.

Абсурдамъ не менѣе посчастливилось, чѣмъ противорѣчіямъ.

Digitized by Google

И абсурды сдѣлались ручными, ихъ отучились бояться, и они усыновлены и узаконены нашею современною мыслью. Они получили только пряныя и пикантныя качества кайенскаго перца или мускатнаго орѣха. Смѣлый и крупный абсурдъ въ рѣчи нынѣ лишь скрашиваетъ и обостряетъ ее. Онъ придаетъ ей «новизну» и гастрономическій — bon goût. Онъ воодушевляетъ своего автора, подковываетъ ему ноги и подвязываетъ крылья. Для современника витіевато-загнутый абсурдъ—то же, что шпоры для коня лихаго. Прежде вы пластомъ клали своего противника, сразивъ его роковымъ восклицаніемъ:

— Батюшки, да вѣдь абсурдъ же это!.. И оппонентъ за-мертво валился.

А теперь онъ только самодовольно встряхиваетъ кудрями и не безъ ехидства, иронически растягивая слова, вамъ отвѣчаетъ:

— Пà-азвольте... Пà-азвольте... Абсурдъ?! Для васъ еще мало уроковъ исторіи? Да? Вы все еще въ хвосту у латынянъ плететесь?.. Бросимте же хоть разъ, наконецъ, эти заѣзженные термины, эти «жалкія слова», эту, поѣдомъ заѣвшую насъ, рутину, эти ученическія реплики! Пора самимъ встать на ноги, пора отдѣлаться отъ непрошенныхъ учителей, пора самобытно за умъ взяться. А онъ—«абсурдъ»!..

И начинается краснорѣчивое, увлеченное и убѣжденное повѣствованіе о томъ, «какъ андроны ѣхали», какъ они шапками махали и какъ Петра за Кузьмою по вѣтру кидали.

Васъ поочередно то въ жаръ, то въ ознобъ бросаетъ; но наконецъ вы смиряетесь не хуже пристыженнаго заботливою матерью малютки. Куда же вамъ!..

Рядомъ съ противорѣчіями и абсурдами, не безъ успѣха пробующими взвѣшивать аршинами, измѣрять пространство фунтами, искать красокъ въ музыкальныхъ тонахъ и покровительствовать «звуковому методу» члено-раздѣльнаго тявканья, пошло въ ходъ наиусерднѣйшее шатаніе даже и такихъ истинъ, которыя и считались и именовались безспорными, очевидными и несомнѣнными. Здѣсь-то и обнаружилась наибольшая «расчистка» и самое коренное «обновленіе». Здѣсь-то и ваше положеніе, какъ злополучнаго сына «вчерашняго дня», оказывается самымъ драматическимъ. Васъ топятъ вполнѣ безжалостнымъ образомъ.

Digitized by Google

Отстаивая свои взгляды, вы ссылаетесь, положимъ на «книжки большаго формата». На это вамъ безапелляціонно замѣчаютъ, что книжки большаго формата—«мнительныя» книжки и что въ нихъ ничего, кромѣ «заграничныхъ глупостей», ни къ селу, ни къ городу не примѣнимыхъ, быть не можетъ. Вы дѣлаете шагъ назадъ и взываете къ старымъ университетскимъ тетрадкамъ. Вамъ возражаютъ, что университеты только развратили несложившіеся умы, что университетская наука стоитъ внѣ времени и пространства, въ запечатанныхъ шкапахъ, въ закупоренныхъ банкахъ и стклянкахъ, и что, по настоящему, между нами, положа руку на сердце—всѣ эти наши пресловутыя «альмы матэръ» не стоятъ тѣхъ дровъ, которыя идутъ на ихъ отопленіе. При этомъ, для смягченія финала, обязательно добавляютъ: «простите,—но это мое мнѣніе». Вы трагически отступаете еще на три шага назадъ и уже чувствуете себя въ неприступной крѣпости. Вы закрываетесь, какъ желѣзнымъ щитомъ броненосца, энциклопедическими словарями, учебниками, «самоучителями», календарями, прописями, наконецъ! Кто рискнетъ помѣряться съ такими фортами Гибралтара? Но у васъ послѣдовательно отнимаютъ и словари, и учебники, и самоучители, и календари, и даже прописи.

Были соломенки, и тѣ исчезли...

Вы, конечно, идете ко дну, восклицая при захлебываніи: «горе заблуждающемуся!»

И Парижъ не лежитъ на Сенѣ, и въ верстѣ 16 пудовъ, и дымъ не туда идетъ, куда ему слѣдуетъ, и пятакъ со стола не падаетъ на полъ, а вскакиваетъ на алтарь отечества, и тамъ еще ребромъ, «какъ бы на караулъ», становится.

Если теперь вы прибавите къ сказанному, что мы,—стремглавъ разлетѣвшись по всѣмъ возможнымъ и даже невозможнымъ направленіямъ, увлекшись самопротиворѣчіями, помирившись съ абсурдами и усомнившись въ непогрѣшимости даже календарей и «самоучителей», еще распустили поводья всевозможнымъ о б о б щ е н і я м ъ,—такъ что густые туманы ихъ закрыли весь видимый горизонтъ, — и ввели на авансцену совсѣмъ новыя опредѣленія, новыя формулы, новыя затѣи и совсѣмъ новыя слова, то для васъ отчасти станетъ понятнымъ, почему мы то прыгаемъ къ потолку отъ удивленія, то отлетаемъ

Digitized by Google

на пушечный выстрѣлъ отъ ужаса. Но во всякомъ случаѣ, и прыгая, и отлетая, мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга.

II.

При общемъ сумбурѣ въ области мысли, взаимное непониманіе наше усугубилось еще однимъ новымъ явленіемъ. За послѣднее время мы изукавились и изолгались до чисто-художественнаго совершенства. Рѣчь наша не только не стала облекать дѣйствительно присущія намъ мысли, но превратилась въ досужее, почти механическое мелево. Тяпъ да ляпъ, ляпъ и тяпъ—только бы не бравировать излишнею ясностью, связностью и точностью. Слово—«благороднѣйшій даръ природы»—сдѣлалось такимъ вьюномъ, что поймать его на крючекъ резоновъ нѣтъ никакой возможности. Только одно «разговорное сотрясеніе воздуха» и замѣтно. Ни слушатели не вѣрятъ говорящему, ни самъ говорящій не придаетъ особой цѣны своимъ же собственнымъ словамъ. Въ родѣ того, какъ есть разныя платья для разныхъ житейскихъ случаевъ—парадное, визитное, дѣловое, домашнееe,—у каждаго изъ насъ выработались и разныя рѣчи при разныхъ обстановкахъ. Мы иначе говоримъ, когда повѣствуемъ в о о б щ е, иначе,—когда рѣчь ведется въ ч а с т н о с т и, иначе, когда высказываемся на виду, «при гостяхъ», и иначе, когда толкуемъ «про себя». Благодаря этому разномыслію и разноязычію, одинъ и тотъ же предметъ, одна и та же тема и у одного и того же лица перевертываются на всѣ манеры и, по-тришкински, вдоль и поперегъ перекраиваются. У одного и того же обывателя, въ управѣ—одни мысли и убѣжденія, въ клубѣ,—другія, въ гостинной—третьи и въ спальнѣ—четвертыя. Вы по неволѣ и должны, прежде чѣмъ хоть на копѣйку повѣрить собесѣднику, задаться вопросомъ: въ какомъ смыслѣ онъ пѣсню заводитъ и куда пролѣзть желаетъ?

Когда мы говоримъ в о о б щ е, то являемся пріятнѣйшимъ, разсудительнѣйшимъ и дружнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Вообще,—мы вполнѣ согласны со всѣмъ хорошимъ, не имѣемъ рѣшительно ничего противъ всевозможныхъ совершенствъ и готовы идти во главѣ всего земнаго преуспѣянія. Вообще для насъ,—пусть всякая страна подражаетъ древней Спартѣ, пусть

Digitized by Google

…вѣтъ знанія льется струями сверху до низу, пусть царствуетъ …ообщее благосостояніе, при которомъ всякій поселянинъ имѣетъ …гриный супъ къ обѣду и всякій горожанинъ чувствуетъ себя …побѣдимымъ въ пантеонѣ своихъ правъ и привилегій; пусть …зыблемо стоятъ законы, пусть гремитъ публичное слово и …усть свобода мысли и жизни пользуются широчайшимъ про…горомъ. Вообще, мы находимъ, что все это и прекрасно, и …елательно, и даже ни для кого не обидно.

Но въ тотъ же моментъ, какъ переходимъ отъ общихъ …разъ на частную почву, круто мѣняются и кулисы, и деко…раціи. Мы прячемъ голову подъ крыло, начинаемъ басить низ…ими, не особенно разборчивыми тонами, и съ неподражаемою …развязностью производимъ самыя неожиданныя подстановки. …мѣсто государства у насъ вдругъ появляется власть; вмѣсто …Платона—Булюбашъ; вмѣсто всемірнаго разума — всеуѣздная …дея; вмѣсто всяческихъ просторовъ—соразмѣрное вытягиваніе …осковъ; вмѣсто законовъ—«кротная посланница небесъ, на…ежда»; вмѣсто общественнаго слова,—судачество по угламъ, и …мѣсто космополитическаго стараго Weltschmerz'a— болѣе новая …чисто русская «всеквартальная скорбь». И замѣчательно, что …при этихъ, ничѣмъ не ограничиваемыхъ и нѣсколько расплыв…чатыхъ подстановкахъ, мы точно также серьезно, красно и само…увѣренно говоримъ о волости, о Булюбашѣ, о всеуѣздномъ умѣ …и о вытягиваніи носковъ, какъ и о государствѣ, о Платонѣ, о …законности, о всемірномъ разумѣ.

Третій маневръ нашего говоренія практикуется «при го…стяхъ» и на виду. Онъ пользуется огромною популярностью, …убиваетъ девять десятыхъ повседневныхъ разговоровъ и, по…добно первому маневру, также свидѣтельствуетъ о необыкновен…ной гармоніи нашихъ взглядовъ и единствѣ стремленій. Мы …взаимно увѣряемъ другъ друга въ нашемъ полнѣйшемъ счастіи …и благополучіи. Никогда не жилось намъ такъ хорошо, какъ въ …текущій день, мѣсяцъ или годъ, никогда такъ ярко не свѣтило …солнце, никогда такъ сильно не благоухали цвѣты и такъ сладко …не пѣвали птицы. «Это лучшая изъ эпохъ», патетически вос…клицаемъ мы при гостяхъ, рѣшительно обо всякой эпохѣ безъ …различія. Это показное розовое настроеніе всѣмъ намъ при…суще и никогда не сходитъ съ нашего публичнаго репертуара.

Digitized by Google

Мы такъ сжились и такъ срослись съ нимъ, что оно даже вовсе насъ и не интересуетъ, и не занимаетъ, ибо всѣ разсчеты съ нимъ сводятся при посредствѣ стереотипныхъ, заранѣе готовыхъ и всѣмъ извѣстныхъ фразъ, въ родѣ «честь имѣю быть», «примите увѣреніе», «вашъ навсегда» и т. д.

Наконецъ, четвертая форма нашего нравственнаго и умственнаго хамелеонства—шушукающій разговоръ п р о с е б я. Только тутъ мы снимаемъ галстухи и жилеты, закутываемся въ халаты и, тщательно притворивъ дверь, принимаемся за всеобщее, не знающее никакихъ исключеній, недовольное, брюзжащее критиканство, за пародированіе своихъ же идеаловъ, за издѣвательство надъ самими собою, за скептицизмъ, злорадство и мрачное пророческое карканіе. Тутъ мы остаемся наиболѣе естественными, какъ бы наиболѣе искренними и правдивыми, но и тутъ все скользитъ по верхамъ, все путается, пестритъ, не приводится ни къ какому общему знаменателю, не одухотворяется живою мыслью, не согрѣвается горячимъ желаніемъ, непреклоннымъ убѣжденіемъ, и безслѣдно исчезаетъ въ сѣренькой тоскѣ и апатіи нашего сѣренькаго будничнаго дня. Тутъ только, при этихъ мысляхъ «на распашку», становится безспорнымъ и очевиднымъ, что въ дѣйствительности ни во что мы не вѣримъ и ничего не ищемъ, и ничего не желаемъ, что мы все перезабыли и ничему не научились. Тутъ только и сказывается наша безпомощность и приниженность, наша общественная деревянность и «собачья старость».

Вотъ какъ мы еще сами раскалываемся и расчленяемся, ощупью бродя, путаясь и спотыкаясь въ общемъ хаосѣ окружающихъ насъ полумыслей, полустремленій, полудѣйствій, крупныхъ фактовъ и мелкихъ людей!

Мы такъ разбѣжались, что, кажется, въ данное время, никакое «ау» насъ собрать не въ состояніи.

И мы такъ перестали понимать другъ друга, что самый объемистый «Параллельный Словарь» намъ помочь не въ состояніи.

Выстроимъ ли мы послѣ этого вторичную башню Вавилонскую? Едва-ли. Вавилоняне были наказаны за то, что возгордились духомъ и хотѣли черезъ мѣру в о з н е с т и с ь до образа и подобія Божія. А мы, вѣроятно, будемъ наказаны за то, что через-

Digitized by Google

чуръ замѣтно выразили желаніе лишиться образа и подобія Божія.

Г. Аксаковъ говоритъ, «что мы возревновали объ образѣ звѣриномъ».

Это, пожалуй, вѣрно...

Буква.

Digitized by Google

ХАМЕЛЕОНЪ.

Когда крестьянъ освобождали
И новыхъ мѣстъ открылся рядъ,—
Свободы я носилъ скрижали
И рабства клялъ смертельный ядъ;
Но ставъ посредникомъ въ Пропойскѣ,
Мужлановъ я нагрѣлъ, какъ могъ,
И, грамоту свертѣвъ посвойски,
Въ надѣлъ отрѣзалъ имъ—песокъ.
Когда мятежъ поднялся въ Польшѣ
И долу русскій стягъ поникъ,
Минуты не теряя дольше,
Въ «Вѣдомостяхъ» я поднялъ крикъ—
Что дерзкимъ панамъ въ наказанье,
Ихъ должно по карману бить
И всю ихъ землю, и стяжанье
Чинамъ россійскимъ подарить.
Моя надежда дорогая
Сбылась—и, денегъ не платя,
Въ холмахъ Привислинскаго края
Я сталъ помѣщикомъ шутя;
Но, долгъ исполнивъ патріота,
Отнявъ гнѣздо у вражьихъ силъ,

Digitized by Google

Я у жида—искаріота
Его не медля заложилъ...
Свой кушъ отмѣрилъ чистоганомъ
И, чтобы въ землю не зарыть,
Умѣлъ, въ компаніи съ Коганомъ,
Его отлично помѣстить.
Солдатикъ лѣзъ черезъ Балканы
Свободу «братьямъ» добывать
Презрѣвши смерть, забывши раны,
Впередъ шла бодро наша рать;—
А я, вновь чествуя свободу
И проливая токи слезъ,
Я тоже помогалъ походу
И облегчалъ... его обозъ.
Храбрились юные корнеты,
Бодрился старый генералъ,
А я—протухлыя галеты
Въ ту пору выгодно сбывалъ.
Когда же съ вѣтвію оливы
Небесный ангелъ прилетѣлъ,
Вернулся я на наши нивы
И въ думѣ городской засѣлъ.
Хоть городишка не парадный
Назначенъ мнѣ въ удѣлъ судьбой,
Но все-жъ и тутъ барышъ изрядный
Я сцапалъ ловкою рукой...
Мосты, оброчныя статейки,
Фонарики (хоть глазъ.коли!)
Мнѣ приносили не копѣйки—
Дарили цѣлые рубли.
Какъ жаль, что земской гарантіи
Тогда я получить не могъ,
Когда радѣтели Россіи
Ее словили въ сѣть дорогъ...

Digitized by Google

Родникъ ума во мнѣ не скоро
Затлохнетъ, и — скажу прямой —
Я жду лишь земскаго собора,
Чтобы вступить въ свой апогей.
Ростетъ цвѣтокъ въ избыткѣ влаги,
Кропятъ меня фонтаны фразъ,
И громко я твержу о благѣ,
То благо я себѣ припасъ!

Н. Минзантроповъ.

САРРА БЕРНАРЪ.

C'est à la nature à donner les qualités de la personne, la figure, la voix, le jugement, la finesse. C'est à l'étude des grands modèles, à la connaissance du coeur humain, à l'usage du monde, au travail assidu, à l'expérience et à l'habitude du théâtre à perfectionner le don de nature.

Diderot („Le paradoxe sur le comédien").

Несмотря на непримиримыхъ, протестующихъ, негодующихъ, несмотря даже на ликующихъ,—пріѣздъ Сарры Бернаръ является для Петербурга настоящимъ и пріятнымъ событіемъ. Этотъ пріѣздъ, какъ кажется, нѣсколько расшевелилъ сонное состояніе столицы, оживилъ ея сонную физіономію, надѣлилъ ее даже нервами. Петербургъ встрепенулся и заговорилъ, — заговорилъ даже необычнымъ для себя образомъ. Послѣ той непроходимой скуки, которая облекла Петербургъ непроницаемымъ, сѣрымъ туманомъ обычной петербургской погоды,—явились, какъ будто, дѣйствительно живые интересы,—насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по тому «галдѣнію» (какъ выражаются нѣкоторые наши журналисты), которое слышится теперь вокругъ имени парижской знаменитости. Говорятъ, что артистка, на второй или третій день своего пріѣзда,—на вопросъ, какъ ей понравился Петербургъ, отвѣчала со своею всегдашнею откровенностью: «Петербургъ внушаетъ мнѣ непреодолимое отвращеніе; онъ не имѣетъ никакой опредѣленной, своей физіономіи; онъ похожъ на всѣ города, какіе мнѣ случалось видѣть въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Москва—какъ разъ наоборотъ: Москва имѣетъ слишкомъ много физіономій; это городъ непохожій рѣшительно ни на какой другой городъ въ мірѣ». Сарра Бернаръ, вѣроятно, и не подозрѣвала, что, выражаясь такимъ образомъ о нашихъ двухъ столицахъ, она въ сущности только комментировала извѣстное выраженіе одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей добраго стараго времени. Les beaux ésprits se rencontrent! Какъ бы то ни было, но даже и по отношенію къ Сар-

Digitized by Google

рѣ Бернаръ, Петербургъ оказался лишеннымъ физіономіи. Одесса чуть не забросала ее камнями, Кіевъ рѣшительно «не одобрилъ» великую артистку; Москва обнаружила какіе-то каннибальскіе инстинкты. Петербургъ-же «загалдѣлъ».

Въ такомъ отношеніи Петербурга къ артисткѣ я, тѣмъ не менѣе, вижу свою хорошую сторону: видно, что мы «не совсѣмъ еще отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть», и что за недостаткомъ другихъ, болѣе существенныхъ интересовъ, мы еще можемъ жить интересомъ искусства, когда представителемъ его является дѣйствительное дарованіе. Эти проявленія жизни я, главнымъ образомъ, вижу въ томъ, какъ Петербургъ отнесся къ Саррѣ Бернаръ. Отношеніе это довольно своеобразно: игра парижской знаменитости не вызвала никакихъ спеціально-теоретическихъ взглядовъ на искусство вообще или на сценическое искусство, въ особенности; споръ возникъ не на теоретической почвѣ, а на практической: говорили о костюмахъ и брилліантахъ артистки, и затѣмъ сейчасъ же раздѣлились на два враждебные лагеря: одни стали порицать, во что бы то ни стало, другіе принялись восторгаться столь же неумѣренно. При такихъ условіяхъ, собственно, оцѣнка дарованія артистки ушла на второй планъ,—на первомъ явилась совершенно личная перебранка на почвѣ нашихъ личныхъ дѣлишекъ; откуда-то взялись, точно изъ земли выросли, западники добраго стараго времени и старовѣры-славянофилы; одни восторгаются Саррой Бернаръ на томъ основаніи, что она явилась къ намъ, какъ признанная знаменитость стараго и новаго свѣта; другіе негодуютъ на нее за то, что она своимъ появленіемъ затмила, такъ сказать, славу нашихъ доморощенныхъ знаменитостей. На этой почвѣ никакое примиреніе, разумѣется, невозможно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока сама жизнь не возьметъ на себя труда примирить насъ помимо Сарры Бернаръ.

Одинъ изъ критиковъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ настроеніе Петербурга по поводу пріѣзда Сарры Бернаръ и физіономію перваго спектакля: «Больше мѣсяца Петербургъ бѣсновался. Точно на какое-то «чудо», накинулась публика—на абонементы представленій съ Саррой Бернаръ. Разсказывали невѣроятныя вещи про толпы, дежурившія передъ театральной конторой по нѣскольку сутокъ. Ни за какія деньги нельзя было достать абонемента сотнямъ, а можетъ быть, и тысячамъ желающихъ. Казалось-бы, это-ли не возбужденіе художественнаго интереса? А между тѣмъ на первомъ представленіи артистки съ огромной репутаціей, ее встрѣтили, мало сказать, холодно,—но просто невѣжливо. Точно вся эта публика

Digitized by Google

сердилась на то, что заплатила слишкомъ дорого... Роль Маргариты Готье служила артисткѣ дебютной ролью почти вездѣ, гдѣ она играла внѣ Франціи, по крайней мѣрѣ, въ послѣднюю поѣздку. Вездѣ, т. е. въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, по отчетамъ репортеровъ и рецензентовъ, публика оставалась довольно холодной въ двухъ первыхъ актахъ и начинала хлопать и вызывать послѣ третьяго. Тоже повторилось и здѣсь, въ Петербургѣ, 8 декабря, въ Маріинскомъ театрѣ, на представленіи «Дамы съ камеліями». Публика тронута была только съ третьяго акта. Послѣ втораго (и даже во время его) были, правда, вызовы, но далеко не отъ всей залы. А въ первыхъ-то двухъ актахъ Сарра Бернаръ и высказала невиданную здѣсь тонкость исполненія, гибкость таланта, смѣлость и художественный реализмъ игры. Множество новыхъ и глубоко женственныхъ интонацій нашли мы у нея; а мимическая сторона, выполненіе чисто реальныхъ минутъ—высокаго совершенства. Все это мало дѣйствовало на залу. Можетъ быть, артистка говорила слишкомъ скоро; а зала Маріинскаго театра огромная и съ плохой акустикой. Намъ сдается, однакожъ, что не было умѣнья и даже добраго желанія оцѣнить все это. Въ первые два антракта раздавались въ креслахъ, въ средѣ «тонкаго» общества, самыя дикія сужденія. Нѣкоторые-же «патріоты» изъ «интеллигенціи» усиленно воздерживались отъ рукоплесканій и выказывали самый пошлый видъ шовинизма. Между Саррой и публикой креселъ шла глухая борьба. И до конца спектакля, кресла и ложи первыхъ двухъ ярусовъ остались тѣми-же, т. е. сухими, мало-смыслящими и смѣшными по тому контрасту, который представляется между погонею за билетами и подобнымъ поведеніемъ»...

Контрастъ этотъ такъ и сохранился до конца, ничѣмъ не объясненный, но вѣрно рисующій привычки Петербурга. Останавливаться на немъ не представляется, поэтому, никакой надобности. Гораздо интереснѣе личность и физіономія артистки, которая была причиной этого страннаго, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣннаго возбужденія петербургскаго общества.

Въ настоящее время, Саррѣ Бернаръ отъ 30 до 35 лѣтъ отъ роду. Большой ростъ, темно-бѣлокурые волосы, огромные сѣрые глаза, сильно продолговатый овалъ лица, нѣкоторая худоба всей фигуры, — вотъ, приблизительно, портретъ знаменитой артистки. Вблизи, не со сцены, ея лицо кажется утомленнымъ, почти страдающимъ,—по крайней мѣрѣ, такимъ оно мнѣ показалось, когда я ее увидѣлъ въ первый разъ. Ничего спеціально женскаго, «дамскаго» въ ней нѣтъ, ни женской жеманности, ни женской любез-

Digitized by Google

ности. Съ нею вы говорите, какъ съ мужчиной, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и еще менѣе заботясь о предметѣ разговора. Сюжетъ, впрочемъ, всегда найдется въ разговорѣ съ нею: умная и образованная женщина по преимуществу,—вотъ черта, характеризующая ее, когда вы съ нею встрѣчаетесь, такъ сказать, на нейтральной почвѣ, внѣ театральныхъ подмостковъ. Искусство,—въ самомъ широкомъ значеніи этого слова,—любимый предметъ ея разговора, и она всегда съ удовольствіемъ говоритъ о немъ, а такъ какъ она, въ полномъ значеніи слова,—художница, то, понятно, что ея взгляды не банальны, всегда интересны и новы. Въ своихъ взглядахъ на искусство она — реалистка. Она въ значительной степени сочувствуетъ тому литературному движенію, которое, съ легкой руки Золя, было названо натурализмомъ, или реализмомъ. Она поддерживаетъ это направленіе и на сценѣ, и въ скульптурѣ: ея игра также реалистична, какъ реалистичны ея статуи и бюсты. Какъ бы враждебно вы ни были настроены противъ артистической карьеры Сарры Бернаръ,—вы не отыщете въ ея игрѣ ничего условнаго, рутиннаго, отзывающагося школой и традиціей. Каждую роль, за которую она принимается, она создаетъ за-ново, не обращая вниманія на установившіеся пріемы, на традиціи, переходящія по наслѣдству и получившія въ театрѣ Comédie française право гражданства. Она также мало руководствуется пріемами г-жи Дошъ, создавшей впервые роль Маргариты Готье въ «Dame aux camelias»,—какъ мало идетъ по слѣдамъ Рашели въ роли Федры. Она остается самостоятельной и своеобразной не только въ пониманіи роли, но и въ деталяхъ. Но эта своеобразность, какъ бы даже эксцентричность, никогда не переходитъ въ желаніе бить на дешевый сценическій эффектъ. Для этого она слишкомъ артистка и слишкомъ предана искусству; она вездѣ и всегда погружена въ творческую работу, никогда не дѣйствуетъ болѣзненною нервностью натуры или необдѣланной натурой, никогда не прибѣгаетъ къ мелодраматизму, никогда не дѣлаетъ изъ сцены больничнаго зрѣлища.

Художественность натуры и необыкновенная умственная самостоятельность,—вотъ, какъ кажется, двѣ существенныя черты, опредѣляющія характеръ Сарры Бернаръ. Къ этому необходимо прибавить необыкновенную энергію и настойчивость. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ удивлялись ея неутомимости: какъ тутъ, такъ и тамъ, она играла ежедневно, часто—даже два раза въ день, самыя трудныя роли, требующія, во всякомъ случаѣ, если не значительнаго подъема духа, то, по крайней мѣрѣ, страшно-утомительнаго труда. Люди, враждебно настроенные по отношенію къ ней, противники

Digitized by Google

quand même объясняютъ это жадностью, желаніемъ возможно больше собрать денегъ. Не касаясь однакожъ этихъ мотивовъ, ускользающихъ отъ сколько-нибудь безпристрастнаго и добросовѣстнаго контроля, не желая къ тому-же входить въ частную жизнь артистки, можно только замѣтить подобнаго рода противникамъ, что дѣло заключается не въ тѣхъ или другихъ мотивахъ, заставляющихъ артистку дѣйствовать такъ или иначе, а въ томъ, что подобная энергія и такая настойчивость въ достиженіи разъ задуманной цѣли,—явленіе, во всякомъ случаѣ, выходящее изъ ряда, не представляемое ни однимъ изъ современныхъ артистовъ-художниковъ. Этою же энергіей отличается и вся карьера Сарры Бернаръ. Не объясняется-ли эта черта ея еврейскимъ происхожденіемъ? По желанію отца, она еще ребенкомъ была крещена, и ее отдали въ монастырь Grand Champ, въ самое аристократическое женское учебное заведеніе Франціи. Тамъ она получила свое воспитаніе. Вѣроятно, и въ монастырѣ она обратила вниманіе благочестивыхъ сестеръ своими странностями; въ одной изъ замѣтокъ, писанныхъ о ней въ монастырѣ, высказана между прочимъ мысль, что она не рождена для обыкновенныхъ условій жизни, что она неизбѣжно обречена сдѣлаться или однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣточей благочестія, или однимъ изъ краеугольныхъ камней соблазна, ужаснѣйшей грѣшницей, какую когда-либо церковь предавала анафемѣ. Если выдающаяся артистическая карьера, съ точки зрѣнія католическаго канона, является такимъ смертнымъ грѣхомъ, то Сарра Бернаръ, конечно, оправдала предсказаніе благочестивыхъ сестеръ.

Монахиней она не сдѣлалась, но попала въ парижскую консерваторію, гдѣ училась драматическому искусству у Провò и Сансона. Необходимо прибавить, что Сансонъ былъ также учителемъ и Рашели. Изъ консерваторіи она вышла съ первой наградой и поступила въ Comédie française, но первые шаги ея сценической карьеры были неудачны. Ея первые дебюты не предсказывали того развитія таланта, которое мы видимъ въ настоящее время. Къ тому же вспыльчивая, упрямая, своенравная, эксцентричная, ничѣмъ не стѣснявшаяся, все осмѣивавшая, — она была весьма неудобнымъ товарищемъ, и вскорѣ принуждена была оставить Comédie française по поводу какой-то «непріятной» исторіи, въ которой не она играла роль угнетенной невинности. Съ тѣхъ поръ она переходила изъ одного театра въ другой безъ успѣха и безъ видимой пользы для себя. Изъ Gymnase она переходитъ въ Porte Saint-Martin, оттуда—въ Odéon. Въ этомъ послѣднемъ театрѣ она съ успѣхомъ уже играла Корделію въ «Лирѣ», но на-

Digitized by Google

стоящимъ торжествомъ ея была роль Занетто въ «Passant» Франсуа Коппе. Этотъ успѣхъ и въ особенности успѣхъ ея въ «Рюи-Блазѣ» Виктора Гюго снова открылъ ей двери Comédie française, но двери эти открылись ей не безъ труда. Своими эксцентричностями она нажила себѣ много враговъ. «Пожаръ,—говоритъ Сарсэ,—все истребилъ въ ея квартирѣ: ее обвинили въ томъ, что она сама подожгла ее, и представленіе, которое она дала по этому случаю въ свою пользу, вызвало тысячу насмѣшекъ. Ей пришла мрачная фантазія поставить въ своей спальнѣ гробъ, хорошенькій гробъ изъ чернаго дерева, обитый внутри бѣлымъ, стеганымъ атласомъ. Гробъ этотъ сдѣлался бульварной легендой. Многія другія подробности интимной жизни ея, преувеличенныя, искаженныя, составляли предметъ разговоровъ въ разныхъ кружкахъ парижскаго общества, окружали ее ореоломъ какой-то странности, не соотвѣтствующей традиціямъ «дома Мольера».

Тѣмъ не менѣе, она восторжествовала надъ этой недоброжелательностью публики. Цѣлый рядъ самыхъ блестящихъ успѣховъ въ Comédie française упрочилъ ея репутацію въ «Федрѣ», «Андромахѣ», «Британникѣ» Расина, въ «Сфинксѣ» Октава Фелье, въ «М-ІІе де Бель-Иль» Дюма-отца, въ «Заирѣ» Вольтера, въ особенности въ «La Fille de Roland». Несмотря однако на этотъ блестящій успѣхъ, на прочное положеніе, на громкую извѣстность, пріобрѣтенную ею въ «домѣ Мольера», она въ 1878 г., вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, возникшихъ по поводу роли въ «Aventurière», не задумалась разорвать контрактъ, не устрашилась громадной неустойки, покинула Comédie française. Съ тѣхъ поръ для Сарры Бернаръ начинается уже совершенно самостоятельное артистическое поприще. Она собираетъ труппу, играетъ въ Лондонѣ, затѣмъ отправляется въ Америку, возвращается оттуда съ цѣлымъ состояніемъ и теперь совершаетъ артистическую поѣздку по всей Европѣ. Эту поѣздку она начала съ Вѣны; оттуда черезъ Пештъ, Львовъ, Краковъ, она попала въ Россію, была въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Петербургѣ. Изъ Петербурга она направляется въ Варшаву, Тріестъ, Венецію, объѣдетъ всю Италію и закончитъ Испаніей.

Говорить-ли мнѣ о занятіяхъ Сарры Бернаръ скульптурой и живописью? Разсказывать ли, какъ въ одно прекрасное утро она рѣшила сдѣлаться художникомъ, какъ послѣ ежедневнаго спектакля въ Одеонѣ, она въ теченіе нѣсколькихъ часовъ занималась лѣпкою и какъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, она уже окончила прекрасный бюстъ одной изъ своихъ подругъ по театру? Все это

Digitized by Google

слишкомъ извѣстно и говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто; если я упомянулъ объ ея занятіяхъ живописью и скульптурой, то лишь для того, чтобы еще одной лишней чертой оттѣнить необыкновенную энергію и настойчивость артистки, которая не дѣлаетъ изъ искусства ремесла (хотя въ этомъ многіе обвиняютъ ее), не довольствуется пріобрѣтенными пріемами, но ищетъ воплотить свой художественный идеалъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ,—сегодня создавая патетическую и почти современную (по необыкновенной гибкости чувствъ) Федру, завтра—высѣкая изъ мрамора цѣлую группу, подъ названіемъ «Après la Tempête», послѣ завтра—олицетворяя его на холстѣ, въ картинѣ «Médée, tuant ses enfants», — въ которой краски и тѣни также гармонично укладываются, какъ драпировка въ скульптурной группѣ и жестъ въ сценической игрѣ. Но Сарра Бернаръ занимаетъ насъ по преимуществу, какъ драматическая артистка.

Говорятъ, что театральная критика—дѣло по преимуществу субъективное, что критикъ и всякій другой зритель подчиняется своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и только резюмируетъ ихъ болѣе или менѣе умѣло, когда говоритъ объ игрѣ актера. Въ этомъ мнѣніи есть много справедливости. Не все, однако. Театральная критика, въ особенности при знаніи технической стороны дѣла, даетъ нѣчто объективное и общее, потому что критика, относясь безучастнѣе къ игрѣ, можетъ анализировать то, что другіе только чувствуютъ. Анализъ этотъ можно свести на слѣдующее общее положеніе: въ игрѣ каждаго актера участвуютъ, безпрестанно смѣняются и сливаются три различные элемента — пріобрѣтенная школьная техника, физическія средства и, наконецъ, то, что мы называемъ талантомъ, т. е. большая или меньшая способность артиста, тотъ идеалъ, который онъ себѣ создалъ, вдумываясь и изучая роль. Иногда физическія средства актера, — красивая фигура, пріятный и симпатичный жестъ, гармоническій голосъ съ разнообразными интонаціями, значительная подвижность мускуловъ лица,—такъ обаятельно дѣйствуютъ на зрителя, что онъ переноситъ на талантъ то, что принадлежитъ лишь физическимъ средствамъ. Поэтому, для сужденія объ игрѣ актера,—необходимо строго различать эти три элемента и не смѣшивать впечатлѣній, имѣющихъ своими источниками совершенно различныя и не одинаково цѣнныя причины.

Мнѣ кажется, что и при сужденіи о достоинствахъ или недостаткахъ игры Сарры Бернаръ, это смѣшеніе понятій играетъ значительную роль. Отсюда такое значительное число ея поклонни-

Digitized by Google

ковъ и противниковъ, лицъ, восторгающихся почти безусловно, или почти безусловно отрицающихъ въ ней всякій талантъ. Въ сущности, каждый изъ этихъ поклонниковъ или противниковъ— правъ по своему: онъ переноситъ свои личныя впечатлѣнія въ дѣло объективнаго обсужденія и, смѣшивая различные элементы, выводитъ почти всегда ошибочное заключеніе. Постараемся однако освободиться отъ этихъ вѣчныхъ недостатковъ театральной критики и взвѣсить отдѣльно данныя, изъ которыхъ слагается игра Сарры Бернаръ.

Какъ противники, такъ и поклонники знаменитой артистки, кажется, одинаково, согласны въ томъ, что она принадлежитъ къ прекрасной драматической школѣ, что ея техника доведена до совершенства, что изученіе деталей, умѣнье распоряжаться сценой, полное обладаніе своими средствами — ставятъ ее впереди всѣхъ современныхъ драматическихъ артистовъ. Даже г. Суворинъ—на что ужь непримиримый врагъ Сарры Бернаръ,— но и тотъ рекомендуетъ русскимъ артистамъ поучиться у парижской знаменитости. Г. Суворинъ замѣтилъ въ ея игрѣ даже одну особенность, которую мнѣ, къ сожалѣнію, не случилось замѣтить, но которая указываетъ, съ какимъ умомъ, съ какимъ знаніемъ дѣла Сарра Бернаръ относится къ сценѣ: «Она,—говоритъ г. Суворинъ, — разыгрываетъ роль, какъ музыкальную пьесу, и иногда даетъ себѣ тихонько тотъ или другой тонъ;—сидя близко, я иногда слышу, какъ она беретъ сряду нѣсколько нотъ, про себя, какъ регентъ передъ хоромъ». Это меткое замѣчаніе г. Суворина объясняетъ многое въ игрѣ артистки: становится понятнымъ отсутствіе рѣзкихъ тоновъ въ ея голосѣ, музыкальная гармонія монолога, пріятные переходы отъ одного тона къ другому. То же можно замѣтить и о другихъ особенностяхъ, принадлежащихъ не дарованію или таланту, а лишь умной техникѣ. Обратите, напр., вниманіе на длинныя, продолжительныя паузы, которыя у нея иногда замѣчаются въ «чтеніи» монолога. Казалось бы, это мелочь, на которую не стоитъ обращать вниманія, потому что она не измѣняетъ характера игры, не увеличиваетъ впечатлѣнія. А между тѣмъ эта мелочь чрезвычайно важна: кстати сдѣланная пауза позволяетъ зрителю сосредоточить впечатлѣніе на одномъ пунктѣ, позволяетъ артисту приготовить переходъ отъ одного тона къ другому. Отсюда, слушая «чтеніе» Сарры,—эта полнота впечатлѣній, цѣлостность, поражающая лицъ, слѣдящихъ даже безъ особеннаго вниманія за паузой артистки. То же замѣчаніе можетъ быть перенесено и на мимику. Въ извѣстные моменты Сарра Бернаръ замед-

Digitized by Google

ляетъ мимику, удлиняетъ, такъ сказать, жесты, дѣлаетъ то или другое движеніе чрезвычайно медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности, но, благодаря этой детали, всякій жестъ, всякое движеніе дѣлается осязательнымъ зрителю, даетъ смыслъ и характерную индивидуальную особенность, удвоиваетъ значеніе словъ. Русскіе артисты обыкновенно не дѣлаютъ ни того, ни другаго; они не умѣютъ распоряжаться своими жестами, не знаютъ куда дѣвать руки, какъ отодвинуть ногу; они или слишкомъ скоро ходятъ, или спотыкаются. Они даже «читать» не умѣютъ, говорятъ или слишкомъ скоро, или слишкомъ медленно, безвкусно подчеркивая извѣстныя выраженія; они торопятся и точно стыдятся, какъ замѣчаетъ г. Суворинъ, чтобы ихъ не заподозрили въ «красованьѣ». Но г. Суворинъ не счелъ нужнымъ прибавить, что эта необыкновенная отдѣлка деталей въ игрѣ Сарры Бернаръ, это удивительное умѣнье распоряжаться сценическими условіями и средствами, — не есть дѣло школы, а самостоятельнаго изученія. Только въ роляхъ, совершенно не подходящихъ къ сценическому темпераменту Сарры,—замѣтна, мѣстами, школьная рутина; по большей же части ея игра поражаетъ чрезвычайной самостоятельностью, полнѣйшимъ отсутствіемъ рутины: вы передъ собой видите сильную и характерную индивидуальность, которая въ большинствѣ случаевъ пренебрегаетъ проторенными дорожками и прокладываетъ себѣ новый путь, находящійся въ полной гармоніи съ ея дарованіемъ.

Техника есть только умѣнье пользоваться своими физическими средствами и своимъ дарованіемъ. Каковы же физическія средства Сарры Бернаръ? Я не скажу, чтобъ ея фигура была вполнѣ сценическая: въ этой фигурѣ нѣтъ античнаго благородства Рашели, нѣтъ пластической красоты, нѣтъ гармоніи въ движеніяхъ, нѣтъ пріятныхъ и изящныхъ линій; но эта фигура, даже въ нѣкоторой своей угловатости, очень выразительна, и если она не годится для трагедіи, то очень подходитъ къ современной драмѣ. Лицо продолговатое, неправильное (за исключеніемъ краснваго и пріятнаго профиля),—тѣмъ не менѣе, чрезвычайно подвижно и способно передавать малѣйшіе оттѣнки чувства. Нервныя, по временамъ порывистыя движенія значительно усиливаютъ мимику лица. Но лучшее, что есть въ физическихъ средствахъ Сарры Бернаръ, это—голосъ. Голосъ этотъ, довольно пріятнаго тембра, имѣетъ необыкновенно широкій діапазонъ: начинаясь самыми высокими нотами сопрано, онъ спускается почти до теноровыхъ тоновъ. Такой громадный голосъ, при умѣніи управлять имъ,—драгоцѣнное свойство для акте-

Digitized by Google

ра, могущее на половину замѣнить талантъ въ глазахъ обыкновенныхъ зрителей, часто смѣшивающихъ, какъ я уже замѣтилъ, ту или другую физическую особенность актера съ его личнымъ дарованіемъ. По отношенію къ извѣстнымъ свойствамъ голоса, это бываетъ очень часто. Актеръ, безъ выдающагося таланта, но обладающій пріятнымъ голосомъ, съ нѣжными нотами, сплошь и рядомъ пользуется значительнымъ успѣхомъ и вызываетъ рукоплесканія, въ которыхъ онъ нисколько не повиненъ: драматическое впечатлѣніе производитъ его голосъ, которымъ онъ болѣе или менѣе умѣло управляетъ, а нисколько не его дарованіе, котораго у него нѣтъ, или которое слишкомъ незначительно. Голосъ Сарры Бернаръ принадлежитъ именно къ такого рода голосамъ: чрезвычайно широкій, разнообразный, всегда симпатичный, заключающій въ высокихъ регистрахъ необыкновенно нѣжныя, душевныя ноты,—голосъ этотъ почти неотразимо дѣйствуетъ. Въ общемъ, однако, ея физическія средства неудовлетворительны и, ими лишь одними, она не могла бы пріобрѣсти той всемірной репутаціи, которою пользуется.

Репутація эта, во всякомъ случаѣ, основана на выдающемся изъ ряда дарованіи, но дарованіе, или талантъ, получаетъ то или другое направленіе, тотъ или другой характеръ отъ темперамента, спеціально принадлежащаго художнику. Въ сущности, даръ творчества, разсматриваемый абстрактно, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ извѣстный даръ самобытной воспріимчивости; если этого дара у художника нѣтъ, то никакое изученіе, никакая находчивость, никакая внѣшность не замѣнятъ его. Совершенно другое—самобытная воспріимчивость. Когда характеръ предмета поразилъ художника, то слѣдствіемъ этого является сильное и ему лишь свойственное возбужденіе; другими словами, человѣкъ съ талантомъ обладаетъ тонкою и быстрою воспріимчивостью, онъ схватываетъ и непосредственно распознаетъ своимъ чуткимъ тактомъ оттѣнки и соотношенія, грустное или героическое значеніе ряда звуковъ, величавость или изнѣженность позы и пр. Этою способностью онъ проникаетъ въ глубь предмета и кажется проницательнѣе другихъ людей. Но эта живая и личная впечатлительность не остается безплодною: весь мыслящій и нервный аппаратъ получаетъ сильный толчекъ; свое внутреннее волненіе человѣкъ выражаетъ невольно, является тѣлодвиженіе, мимика, является потребность внѣшняго выраженія, неожиданные обороты, преувеличенный, но необходимый жестъ. Ясно, что подъ вліяніемъ перваго, почти инстинктивнаго импульса, мозгъ художника передумалъ и преобразилъ предметъ, то украшая и увеличивая, то изгибая и

Digitized by Google

забавно искажая его. Это-то именно въ эстетикѣ и выражается обыкновенно словами: вдохновеніе, талантъ, геній, но въ точности анализируя эту особенность натуры, мы находимъ только непосредственную, живую впечатлительность, которая, группируя вокругъ себя цѣлый рядъ второстепенныхъ ощущеній, переставляетъ ихъ, преобразуетъ и употребляетъ для своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, такая способность синтетически и конкретно воспроизводить предметъ—всецѣло подчинена темпераменту художника, его личнымъ свойствамъ быстро или медленно схватывать и передавать впечатлѣнія, сильно или слабо чувствовать, обходить подробности или углубляться въ нихъ. Отсюда—различные оттѣнки въ характерѣ таланта того или другаго художника. Одинъ способенъ передавать лишь трагическіе моменты жизни, другой замѣчаетъ, по преимуществу, контрасты натуры. Но это различіе оттѣнковъ зависитъ также отъ большей или меньшей степени культуры, отъ образовавшихся привычекъ, отъ личныхъ симпатій и наклонностей, отъ большей или меньшей степени пониманія. Такимъ образомъ, вкусъ, извѣстная глубина пониманія, та или другая степень культуры, предрасположенія и инстинкты, если не опредѣляютъ интенсивности таланта, то во всякомъ случаѣ обозначаютъ его индивидуальность. Эта же индивидуальность отличаетъ и сценическое творчество: все оно зависитъ отъ большей или меньшей впечатлительности художественной натуры и отъ свойствъ, лично принадлежащихъ темпераменту художника. Вдумываясь въ роль, изучая характеръ лицъ, которыя приходится воспроизвести на сценѣ, артистъ невольно создаетъ себѣ идеальный образецъ, и этотъ образецъ воспроизводится потомъ на сценѣ, съ большею или меньшею детальностью, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ. Оттого талантливый актеръ всегда бываетъ самъ собою, и въ то же время никогда имъ не бываетъ. Идеальный образецъ, созданный имъ, есть нѣчто объективное, результатъ его умственнаго анализа и той литературной канвы, которую ему далъ авторъ; но воспроизведеніе этого образца всецѣло уже принадлежитъ физическимъ качествамъ, свойственнымъ натурѣ и темпераменту артиста. Такимъ образомъ, быть правдивымъ на сценѣ,—значитъ ли,—какъ обыкновенно думаютъ,—изображать людей такими, какими они являются въ дѣйствительности? Нисколько. Правдивое будетъ лишь вульгарнымъ и пошлымъ. Сценическая правда—это гармонія и согласованіе поступковъ, рѣчи, физіономіи, жеста, голоса, движенія съ тѣмъ идеальнымъ образцомъ, который создаетъ себѣ актеръ на основаніи положеній, данныхъ авторомъ. Но этотъ обра-

Digitized by Google

зецъ вліяетъ не только на общій тонъ игры; при значительной впечатлительности артиста, онъ измѣняетъ даже походку; поэтому, нерѣдко случается, что актеръ въ домашней обстановкѣ, на улицѣ, и актеръ на сценѣ—двѣ разныя личности. Дидро, въ этомъ отношеніи, сообщаетъ любопытный фактъ: «Когда я увидѣлъ,—говоритъ онъ,—г-жу Клеронъ первый разъ у нея въ гостинной, я невольно воскликнулъ: представьте, я васъ считалъ цѣлой головой выше!»

Читатели извинятъ меня за это теоретическое и нѣсколько длинное отступленіе; но дѣло въ томъ, что общими мѣстами и банальностями театральныхъ рецензій невозможно дать даже приблизительнаго понятія о характерѣ и особенностяхъ таланта Сарры Бернаръ. Однимъ изъ существенныхъ и преобладающихъ признаковъ этого таланта я считаю художественный вкусъ, обработанный и развитый продолжительной художественной работой, утонченный культурою, украшенный умомъ. Оно и понятно: темпераментъ Сарры—чисто художественный и, при крайней художественной впечатлительности, усвоившій себѣ чувство мѣры, гармоніи, такта. Этотъ вкусъ поражаетъ во всѣхъ роляхъ, въ которыхъ она выступала; въ ея игрѣ нѣтъ ничего угловатаго, не гармонирующаго съ цѣлымъ, не дополняющаго въ мѣру и кстати тотъ или другой драматическій моментъ. Вкусъ, великій сценическій вкусъ, составляющій свойство только значительнаго художественнаго чутья, — вотъ, кажется, преобладающая черта игры Сарры Бернаръ. Малѣйшее слово, интонація, мимика лица, жесты, движенія,—все это проникнуто художественнымъ вкусомъ, который и придаетъ большую гармонію игрѣ, создаетъ гармоническую цѣлость и, вмѣстѣ, цѣлость художественную, столь рѣдко встрѣчающуюся на сценѣ.

Игру Сарры Бернаръ обыкновенно сравниваютъ,—какъ противники, такъ и поклонники ея таланта—съ игрою Рашели: одни, чтобы понизить, другіе, чтобы возвысить ее. Подобное сравненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо удачнымъ. Рашель и Сарра Бернаръ—двѣ совершенно различныя, если не противоположныя художественныя натуры. Рашель, безъ всякихъ предварительныхъ изученій и знаній, обладала чрезвычайно глубокимъ чувствомъ пластики. Ея позы, фигура, жесты естественно укладывались въ скульптурныя формы и, если можно такъ выразиться, развивались въ цѣлый рядъ барельефовъ. Драпировки платья сами собой укладывались на ея худощавой фигурѣ въ драпировки, точно созданныя руками Фидія; никакое несвоевременное, нервное движеніе не портило гармоніи и ритма ея походки. Ея красота не заключала въ себѣ

Digitized by Google

ничего кокетливаго, пикантнаго, красиваго на французскій манеръ. Когда она появлялась на сцену, то, несмотря на нелѣпыя декораціи, изображавшія коринѳскую колоннаду, поддерживающую готическій сводъ, несмотря на очевидный и рѣжущій ухо анахронизмъ языка,—зритель сразу и безсознательно переносился въ античный міръ. Это была «Федра» Эврипида, а не Расина. Въ этомъ отношеніи, Рашель была скорѣе трагической мимой, нежели трагической актрисой, въ строгомъ и современномъ значеніи этого слова. Въ Аѳинахъ, еслибы она жила во времена Софокла или Эсхила, ее бы боготворили, не за болѣе или менѣе изящную жестикуляцію,—она была почти неподвижна,—но за то, что она реализировала пластичностью своей фигуры великихъ героинь древняго міра. По временамъ, какая нибудь одна складка ея платья говорила больше, чѣмъ цѣлый монологъ Расина или Корнеля. Она никогда не прибѣгала къ нервнымъ движеніямъ, къ угловатымъ жестамъ современной мелодрамы. По этому поводу, ее не разъ упрекали въ безчувственности, въ холодности, но Рашель была также холодна, какъ холоденъ античный міръ, который находилъ неприличнымъ преувеличенное изображеніе нравственнаго страданія или радости. Трагическіе герои древности почти считали себя равными богамъ и чаще протестовали противъ рока, нежели слезливо жаловались на него. Рашель, поэтому, была права, когда не оттѣняла свою игру излишнею чувствительностью. Но ненависть, гнѣвъ, чувство мести, протестъ противъ судьбы, страсть, но ужасная, неудержимая, кровавая иронія, гордое отчаяніе,—вотъ чувства, которыя были свойственны ея сценическому темпераменту и которыя естественно укладывались въ мраморные барельефы ея позъ. Но при всей этой исключительной, художественной организаціи, Рашель не отличалась умственной иниціативой, была мало образована и, конечно, не понимала того, что создаетъ. Говорятъ, что всякую роль она проходила съ своимъ учителемъ, Сансономъ, который давалъ тонъ дикціи, устанавливалъ жесты, позы, придавая тотъ или другой характеръ выраженію... Такимъ образомъ, тотъ идеальный образецъ, о которомъ я говорилъ выше, не создавался Рашелью самобытно, а давался ей уже готовымъ, вполнѣ законченнымъ, обдуманнымъ въ малѣйшихъ подробностяхъ ея учителемъ Сансономъ.

Совершенную противоположность Рашели, въ этомъ отношеніи, составляетъ Сарра Бернаръ. Рядомъ съ природнымъ, въ высокой степени развитымъ художественнымъ вкусомъ, — Сарра Бернаръ обладаетъ выходящею изъ ряда умственною иниціативою и основательнымъ образованіемъ, усиленнымъ постоянной работой мысли. Эта

Digitized by Google

умственная инициатива отражается и на ея творчествѣ. Я уже говорилъ о томъ, какъ ново, необычно, своеобразно она исполняла каждую роль, создаваемую ею. Въ этомъ отношеніи тѣ роли, которыя она исполняла въ Петербургѣ, — роли Маргариты Готье, Адріенны Лекувреръ, Фру-фру, Бланшъ (въ «Сфинксѣ»), даже роль мистриссъ Кларксонъ въ «Etrangère», (въ которой она не имѣла здѣсь никакого успѣха), — могутъ служить удобнымъ примѣромъ. Въ этихъ роляхъ, на сценѣ Михайловскаго театра, мы видѣли такихъ талантливыхъ актрисъ, какъ Делапортъ, Паска. Но какая разница съ условностью игры этихъ актрисъ. Въ Маргаритѣ Готье, напр., Сарра Бернаръ совершенно устраняетъ бытовое значеніе роли; на первомъ планѣ выдвигается глубоко любящая, болѣзненная женщина. Вы чувствуете, что такая женщина жила, что она и теперь возможна, что ее создалъ Парижъ, что все въ ней трепещетъ отъ сложности и полноты нервныхъ токовъ, отъ противорѣчія между ея натурой и ремесломъ дорогой кокотки. Самыя интимныя струны души звучали съ поразительною правдою, но въ то же время съ необыкновенной простотой и выразительностью. Въ роли Фру-фру діапазонъ художественнаго творчества еще выше поднятъ. Беззаботной пташкой, милой, граціозной, привлекательной она остается только въ первыхъ двухъ актахъ. Съ третьимъ актомъ, тонъ сразу подымается. Вы уже видите не беззаботнаго и граціознаго ребенка, а женщину, которая внезапно встрѣтилась съ серьезной стороной жизни; въ ней проснулось человѣческое достоинство, она — личность, и въ этой борьбѣ съ жизнью Фру-фру ростетъ въ вашихъ глазахъ и почти достигаетъ размѣровъ героини древности. Таковы же особенности творчества въ «Федрѣ» Расина и въ «Заирѣ» Вольтера, о которыхъ я однакожъ не буду распространяться, такъ какъ въ этихъ роляхъ Петербургъ не видалъ Сарру Бернаръ. Въ общемъ, существенныя особенности таланта Сарры можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: въ моментахъ чисто трагическихъ, гдѣ преобладаетъ страсть, внезапная, трагическая, или гдѣ требуется античное спокойствіе, — Сарра Бернаръ слабѣе Рашели. Но у нея есть другое достоинство: сцены нѣжности, страданія, подавленности, нравственной инерціи—у нея выходятъ безподобно, и я не думаю, чтобы тутъ она имѣла соперницъ. Патетизмъ съ примѣсью сильной нервности—вотъ преобладающая черта таланта Сарры Бернаръ.

Въ этомъ отношеніи Сарра Бернаръ считается продуктомъ современной драмы и современной жизни. Нервность, внезапныя, почти необузданныя вспышки темперамента — вотъ, кажется, особенность современной жизни и современной драмы. Гордость и само-

Digitized by Google

обладаніе античнаго міра намъ почти непонятны; тонкая, изящная и въ то же время глубокая психологія Расина и Корнеля,—не обставленная сценическимъ движеніемъ и нѣсколько монотонная,—скучна для насъ. Современная сцена требуетъ порывовъ страсти, утонченности чувства, нервныхъ движеній, преувеличенія чувствительности. По своему темпераменту, по физическимъ свойствамъ голоса, по своей впечатлительности, Сарра Бернаръ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этимъ требованіямъ современной сцены, и вотъ почему, между прочимъ, она предпочитаетъ современный репертуаръ. Къ сожалѣнію, этотъ репертуаръ не даетъ ей достаточно серьезнаго и содержательнаго матеріала. Даже лучшія роли Дюма не лишены нѣкоторой мелодраматичности, идущей въ разрѣзъ съ основными данными таланта Сарры. Съ другой стороны, эффектная внѣшность, почти всегда сопровождающая эту мелодраматичность, не идетъ ни къ фигурѣ, ни къ жесту талантливой артистки: она, за весьма малыми исключеніями, принуждена ломать свою художественную натуру, и если торжествуетъ на сценѣ, то благодаря лишь необыкновенной выработкѣ техники и почти невѣроятнымъ усиліямъ искусства. Но этотъ-же репертуаръ даетъ ей другое, чего не могъ бы дать ни репертуаръ Расина, ни древняя трагедія: реалистическое изображеніе страданія, смерти, галлюцинаціи,—изображеніе небывалаго до сихъ поръ на сценѣ совершенства. Мы не помнили ни одной Маргариты Готье (не считая даже г-жи Дошъ), которая бы такъ страшно и, въ тоже время, такъ реально умирала. Она съ трудомъ подымается съ кресла, задумывается, подходитъ къ рампѣ и говоритъ, что теперь она не чувствуетъ страданія, что она счастлива, и съ этими словами, склоняется на грудь Армана, который беретъ ее за руку. Въ такомъ положеніи она замираетъ. Послѣ продолжительнаго молчанія, Арманъ тихо спрашиваетъ ее: не заснула ли она? Маргарита ничего не отвѣчаетъ. Тогда Арманъ слегка отодвигаетъ ее, желая узнать, что съ нею. Она—уже мертвая — падаетъ навзничь, но поддерживаемая за руку Арманомъ, дѣлаетъ полуоборотъ и сваливается на полъ. Моментъ этотъ удивителенъ и, безъ преувеличенія, производитъ потрясающее впечатлѣніе.

В. Чуйко.

Ж III 503051 1948

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1882 ГОДУ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА.

Съ будущаго 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращ
въ полу-ежедневное изданіе и будетъ выходить аккуратно черезъ день, исп
чая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасх
Рождества Христова. Увеличить число выпусковъ нашей газеты побу
насъ съ одной стороны желаніе сообщить газетѣ ту полноту и разнообр
которыя настойчиво требовались и обиліемъ событій, и массой матеріала,
всюду поступающаго въ нашу редакцію, съ другой стороны, неоднокр
выраженное нашими подписчиками желаніе такого увеличенія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или ин
касающееся духовенства и могущее его интересовать въ жизни церковн
щественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ побли
познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, соде
вуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ис
ничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ во
сами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ
сужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ сил
упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣя
человѣчества. Откровенно и съ полною независимостью сужденія выска
ваясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существенн
образомъ затрогивающимъ интересы общества и духовенства, мы, вмѣст
тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды об
ства и духовенства, особенно же заявленіямъ и запросамъ людей они
стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями
зеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горя
нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей
теченіе 8-лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большин
органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренно
что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и
чувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ за
тить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газет
выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отноше
къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе
журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духов
академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1882 г.
детъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенст
въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ
виду помѣстить собраніе узаконеній, относящихся какъ къ организ
центральнаго управленія духовнаго вѣдомства, такъ и къ равнообразн
правамъ и обязанностямъ духовенства, заимствуя ихъ частію изъ «Пол
собранія законовъ Россійской Имперіи», частію изъ дѣйствующаго «С
Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «Календарѣ» будетъ приложенъ также подробный адресъ-кален
лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ,
чальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Digitized by Google

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣсти.» тѣ же, какъ и въ предыдущіе ды, т. е. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на всяцъ 1 р. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.
Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Общ. Вѣстника,» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.
Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи размѣрѣ 10 к. за мѣсто, занимаемое строкой петита. За разсылку отльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

ГКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНЫЙ КРАЙ,

1882 ГОДА.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

азета «Южный Край» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внуренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной изни. II Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. ородская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспонденовъ «Южнаго Края» и телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. II. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обозрѣніе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. ельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. узыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. IV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа арьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. бъявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчинскѣ, Воронежѣ, Гайчѣ, Грайворонѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Ромнѣ, Новочеркаскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславлѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы Америки.

Digitized by Google

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ пер. иногород. . .	12 » — »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по согла шенію съ редакціей.

Подписка принимается только съ I-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д Харьковскаго Университета, № 7-й, при «Публичной Библіотекѣ» А А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ — в Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Нев скомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго, и въ книжномъ магазинѣ Эмил Гартье, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной контор объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ въ домѣ Солодов никова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ- въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Фриндлеръ, на Сенаторско улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Ѳедорова; въ Одес сѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. И Бѣлаго и В. П. Распопова; въ Полтавѣ- въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нота ріуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключи тельно въ Парижѣ у Havas, Lafite et C°, Place de la Bourse.

Издатель А. А. Іозефовичъ. **Редакторъ А. Н. Стояновъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ

ГУСЛИ

на 1882 годъ.

«Гусли» будутъ издаваться въ Тифлисѣ подъ редакціей И. Ф. Тхо жевскаго, при постоянномъ участіи А. И. Пальма.

Каррикатуры и рисунки будутъ исполняемы М. М. Чемодановым и Струной (псевдонимъ).

Утвержденная программа изданія даетъ редакціи возможность удовл творить всѣ тѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ «Гуслямъ» какъ къ художественно-юмористическому журналу.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На 1 годъ съ пересылкой . . . . . 8 руб. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ . . . . . 5 „ — „

Иногородные адресуются прямо: въ Тифлисъ, въ редакцію журнала „Гусли

Редакторъ-издатель **Ив. Тхоржевскій.**

Digitized by Google

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗАРЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ.

Программа изданія:

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни. Кромѣ легрaммъ «Международн. Телеграфнаго Агенства», редакція получаетъ телеафическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей, въ етербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи. . Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законотельныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ госурственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, ородскаго и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обозрѣніе сской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и рговли въ районѣ южной полосы Россіи. III. Отдѣлъ городской. А) Хроника Кіева, Б) вопросы городскаго благоустройства. IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ; Б) отчеты о судебныхъ засѣніяхъ. V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшй политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ. VI. Фельетонъ. Очерки и разазы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная роника. VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области ауки, искусствъ и промышленности и проч. VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, ставляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговыя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ инковъ и пр. IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ прежденіямъ округа кіевской судебной палаты и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкой или пересылкой. На годъ 10 р., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. Безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 5 руб. 3 мѣс., 3 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб. го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ единѣ года разсрочкой не пользуются. Правительственныя, общественныя частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ, по письменмъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ опускается черезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается: въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго. Иногородные лаговолятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору и подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ нумерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

26

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

(Второй годъ изданія)

ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: Н. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ П. М. Клодтъ, Н. Кузнецовъ, Л. Лагоріо, К. Лемохъ, В. Маковскій, В. Мосоловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ. В. Перовъ, В. Полѣновъ, И. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишковъ и Шарлеманъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ (премія) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиною 1 арш. на 3/4 арш. Первый листъ—**Крахъ банка**. Картина В. Маковскаго. Второй листъ—**Утро стрѣлецкой казни**. Картина В. Сурикова. Третій листъ—**Подъ липами**. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премія «Художественнаго альбома» за 1881 г. благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ премія, могутъ получать ее въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», а въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«Художественный Альбомъ» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе ТРЕХЪ и не болѣе ПЯТИ.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январьскимъ нумеромъ. **Офортъ** И. Н. Шишкина. Величина этого офорта одинъ аршинъ 2 1/2 вершка вышины и 3/4 арш. вышины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности вполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Цѣна «Художественнаго Журнала» съ приложеніемъ и съ «Художественнымъ Альбомомъ» остается та же.

Съ перес. и доставкою на годъ	**6** р.
На полгода	**4** р.
Съ пересылкою за границу	**8** р.
Съ пересылкою премій	**7** р. **50** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи на углу Невскаго и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ кн. маг. «Новаго Времени» и Мамонтова, на Б. Садовой, д. № 2 и въ эстампныхъ: Фельтена и Бегрова, на Невскомъ; въ Москвѣ, въ кн. магаз.: «Новаго Времени», на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ, и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ-издатель **Н. Александровъ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

СТРАННИКЪ

на 1882 годъ.

СЪ ОКТЯБРЯ 1880 ГОДА журналъ «Странникъ» **ИЗДАЕТСЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ**, по слѣдующей **НОВОЙ ПРОГРАММѢ:**

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и не обнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по общей церковной исторіи.

3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) Бытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное внутреннее обозрѣніе.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.

12) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальнымъ періодическихъ изданій.

13) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) Новыя книги: критическія и библіографическія статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; библіографическія новости.

16) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ шесть рублей; съ пересылкою за границу восемь рублей.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «СТРАННИКЪ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 105, кв. № 1).

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры «Странника»

Digitized by Google

за 1881 годъ можно выписывать по прежней цѣнѣ—за шесть рублей.—Послѣднія три книги «Странника» за 1880 годъ, изданныя новою редакціей, высылаются за два рубля. Цѣна полнаго годоваго изданія за 1880 годъ—пять рублей.—За оба означенные года вмѣстѣ, «Странникъ» можетъ быть высланъ за десять рублей.—Требованій на «Странникъ» за прежніе годы, съ начала его изданія и по 1879 г., а также на книги, находившіяся въ продажѣ у прежнихъ его издателей, новая редакція «Странника» принимать и исполнить не можетъ.

Издателей и авторовъ, желающихъ имѣть въ нашемъ журналѣ отзывъ о своихъ книгахъ (въ отдѣлѣ «Новыя книги» или «Книжная лѣтопись»), или объявленіе о нихъ, просимъ высылать въ редакцію по два экземпляра своихъ изданій.

Всѣхъ, желающихъ содѣйствовать новой редакціи доставленіемъ статей, матеріаловъ, замѣтокъ и т. п., просимъ обращаться по вышеозначенному адресу редакціи.

Редакторы-издатели:

А. ВАСИЛЬКОВЪ.—А. ПОНОМАРЕВЪ.—Е. ПРИЛЕЖАЕВЪ.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ.

Въ 1882 г. (6-й годъ изданія) редакція будетъ держаться прежней программы. Въ журналѣ помѣщаются свѣдѣнія о женск. школѣ у насъ и за границей, историческ. очерки положенія и образованія женщины, психологическіе этюды, наблюденія за дѣтской жизнью, выясненіе методовъ и пріемовъ воспитанія и обученія дѣтей. Особенное вниманіе будетъ обращено на начальное домашнее и школьное воспитаніе и обученіе. Въ отдѣлѣ „Изъ жизни и литературы" (хроника) сообщаются новости, имѣющія отношеніе къ цѣлямъ изданія. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" разбираются новыя педагогич. сочиненія, учебники и дѣтскія книги. Всѣ новыя книги для дѣтей будутъ своевременно разобраны.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ" выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля) книжками въ 4 печатн. листа и болѣе. Сверхъ того, въ концѣ года будетъ дано приложеніе для дѣтей («Родная Старина». Разсказы изъ русской исторіи съ гравюрами, XVII—XVIII ст.).

ЦѢНА за годъ безъ приложенія 2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Желающіе получить приложеніе доплачиваютъ 1 рубль.

Подписка въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6), и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред. которъ-издатель **В. Сиповскій.**

„РОДНАЯ СТАРИНА"

Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ, сост. *В. Сиповскій.*

I-й выпускъ (IX—XIV ст.) 235 стр. большаго формата. 53 политипажа въ текстѣ (древнія зданія, одежды, оружіе и пр.) и 2 отдѣльн. ориг. рис. *В. М. Васнецова* (крещеніе кіевлянъ и Куликовская битва). Книга назначена въ помощь учащимся, вышла въ 1879 г. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. и Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канцеляріи, цѣна 1 р. 50 к.

II-й выпускъ (XIV—XVII ст.) 408 стр. больш. формата, 76 политипажей въ текстѣ и 2 отдѣльныхъ рис. вышелъ въ концѣ 1881 г., цѣна 1 р. 75 к.

Digitized by Google

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Открыта подписка на 1882 годъ. Иногородные присылаютъ деньги въ редакцію „Страны": Петербургъ, Пески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова, Невскій, 46, а въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха. Книгопродавцы получаютъ обычную уступку.

Подписка: на годъ съ пересылкой и доставкой, 8 р.; на полгода — 5 руб.; на три мѣсяца—2 р. 50 к., на два—1 р. 75 к.; на одинъ мѣсяцъ 1 р.

„Страна" будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусствъ, извѣстія, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Парижа, и фельетонъ общественной жизни съ театральнымъ обозрѣніемъ.

Въ каждомъ нумерѣ, по возможности, будетъ помѣщаемъ фельетонъ или другая статья для легкаго чтенія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1882 году по той-же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ истекшемъ году, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ не клиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ прямой клинической интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигіенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи, некрологи и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и главнѣйшихъ русскихъ книгъ, касающихся программы „Врача".

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной прессы, какъ иностранной, такъ и русской.

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, по скольку эти явленія представляютъ спеціальный интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора профессора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, 12, квар. 14).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 руб.; за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя—Карла Леопольдовича Риккера (Петербургъ, Невскій, 14).

Digitized by Google

1882 Пятый годъ изданія. 1882

Съ 24-го ноября текущаго года, послѣ восьмимѣсячной пріостановки по распоряженію г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, возобновится изданіе газеты

СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Срокъ выхода—три раза въ недѣлю,—составъ сотрудниковъ и размѣры изданія остаются безъ измѣненія.

Г-да подписчики текущато года, недополучившіе, вслѣдствіе пріостановки изданія, количества нумеровъ газеты согласно абонементу, будутъ удовлетворены соотвѣтственнымъ продленіемъ срока ихъ подписки.

Утвержденная правительствомъ программа изданія:

1) Статьи и обозрѣнія: а) по вопросамъ мѣстной промышленности, сельскаго хозяйства, фабрикъ, заводовъ, кустарныхъ промысловъ, торговли, мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій—банковъ, и б) по мѣстнымъ земскимъ вопросамъ: земское хозяйство, продовольствіе, образованіе, медицина, пути сообщенія и вообще обозрѣніе дѣятельности мѣстныхъ земствъ.

2) Этнографическія и статистическія мѣстныя свѣдѣнія.

3) Корреспонденціи, письма, замѣтки и заявленія изъ уѣздовъ.

4) Административныя распоряженія.

5) Мѣстная судебная хроника; отчеты о наиболѣе замѣчательныхъ судебныхъ процессахъ безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.

6) Очерки общественной жизни. Ознакомленіе мѣстной публики съ замѣчательными произведеніями литературы, статьями журналовъ и газетъ.

7) Столичныя и провинціальныя извѣстія, и административныя новости.

8) Телеграммы и краткія политическія извѣстія.

9) Частныя объявленія.

Въ будущемъ году «Смоленскій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ томъ же направленіи и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ послѣдніе годы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылк. по почтѣ.	Съ д. на домъ въ Смоленскѣ.	Безъ перес. и доставки.
На годъ	6 р. — к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.
» полгода.	3 » 50 »	3 » — »	2 » 50 »
» три мѣсяца. . . .	2 » — »	1 » 80 »	1 » 50 «

Священно и церковно-служители, волостныя правленія и сельскіе учителя платятъ за годовое изданіе съ пересылкой 5 руб. сер.

Иногородные вообще могутъ адресоваться прямо: въ Смоленскъ, въ редакцію «Смоленскаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель **А. И. Елишевъ.**

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ВЪ 1882 Г.
(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Въ 1882 году „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ будетъ издаваться въ томъ же направленіи и по той же программѣ; именно,—будетъ помѣщать: романы оригинальные и переводные), повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія, критическія статьи, обозрѣнія русскихъ журналовъ, разборы новыхъ книгъ, обозрѣнія внутренней и заграничной жизни, общедоступныя научныя статьи по вопросамъ общественной жизни и смѣсь, въ которую будутъ входить сатирическіе и юмористическіе очерки, фельетонные наброски, пародіи и проч.

Постоянные сотрудники журнала: Л. Алексѣевъ, Н. Ф. Бажинъ, П. В. Быковъ, П. В. Засодимскій (Вологдинъ), А. С. Комаровъ, А. П. Мичуринъ, Н. Ни—на, В. О. Португаловъ и И. М. Рева.

Журналъ будетъ выходить, какъ и въ первые два года, ежемѣсячно, книжками отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ: съ доставкою и пересылкой—8 р.; безъ пересылки и доставки—7 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., остальныя деньги по выходѣ шестой книжки.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Знаменская ул., домъ № 11.

При конторѣ „Русскаго Богатства“ открытъ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ. Онъ высылаетъ, по требованію, всякаго рода книги и при этомъ принимаетъ пересылку на свой счетъ, кромѣ казенныхъ изданій. Гг. подписчикамъ журнала „Русское Богатство“, книжнымъ магазинамъ и библіотекамъ дѣлается значительная уступка (тоже исключая казенныя изданія). Складъ принимаетъ подписку на газеты и журналы.

Издательница: С. Н. Бажина.
Редакторъ: П. В. Быковъ.

Объ изданіи въ 1882 году газеты

РУССКІЙ ЕВРЕЙ

Изданіе газеты „РУССКІЙ ЕВРЕЙ“ будетъ продолжаться и въ 1882 году, подъ тою же редакціею, по прежней программѣ.

Въ этомъ году истекъ третій годъ существованія „Русскаго Еврея“. Продолжая свою дѣятельность въ томъ же духѣ и направленіи, которые уже извѣстны нашимъ читателямъ, мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ трудностей, которыя предстоятъ намъ на нашемъ пути. Послѣднія печальныя событія на югѣ Россіи доказали, какъ велики и многочислены еще недоразумѣнія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ Россіи, какъ мало еще еврейская жизнь извѣстна не-еврейскимъ элементамъ государства и какъ легко эти грустныя недоразумѣнія могутъ вести къ еще болѣе печальнымъ столкновеніямъ. Съ

Digitized by Google

нашей стороны не будетъ самообольщеніемъ, если мы скажемъ, что разсѣ вать туманъ, застилающій еврейскую жизнь отъ взоровъ русскаго общества и давать этому обществу возможность видѣть бытовую жизнь евреевъ в болѣе вѣрномъ свѣтѣ, было-бы заслугой не предъ одними евреями. Вотъ по чему мы считаемъ ознакомленіе русскаго общества съ особенностями ев рейскаго быта одной изъ главныхъ и кардинальныхъ нашихъ задачъ.

Въ „Русскомъ Евреѣ" принимали и принимаютъ участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: Блюменфельдъ Г., Блюменфельдъ Ф., раввинъ, Богровъ Г., Брандъ Б., Брукъ Я., раввинъ, Баскинъ В., Буки-бенъ-Іогли (псевдонимъ), Гаркави А., д-ръ Гетцъ Ф., Гольденвейзеръ М., Канторъ Л. О., д-ръ Кауф манъ А. Е., Каценельсонъ Л., д-ръ, Кулишеръ Р., д ръ, Леванда В., Левин да Л., Левинъ С., Минаевъ Д., Миноръ З., раввинъ, Оршанскій И., д-ръ Перельманъ Ф., д-ръ, Прессъ А., Рабиновичъ Г. М. Штейнбергъ О. Н. и много другихъ.

Постоянные отдѣлы «РУССКАГО ЕВРЕЯ» слѣдующіе:

1. Передовыя и II. Публицистическія статьи—представляютъ разработку еврейскаго вопроса съ экономической, юридической, религіозной и др. его сторонъ.—III. За недѣлю—внутреннее обозрѣніе выдающихся явленій общественной жизни русскихъ евреевъ.—IV. Корреспонденціи изъ провинціи.—V. Разныя извѣстія изъ газетъ, касающіяся русскихъ евреевъ.—VI. Среди газетъ и журналовъ—знакомитъ читателей со взглядами и сужденіями рус ской періодической печати о евреяхъ и представляетъ оцѣнку этихъ суж деній.—VII. Привислянская хроника—знакомитъ съ жизнью евреевъ Цар ства Польскаго параллельно съ жизнью и бытомъ евреевъ другихъ мѣст ностей.—VIII. Иностранное обозрѣніе—излагаетъ важнѣйшія событія въ об щественной и государственной жизни заграничныхъ евреевъ. — IX. Изъ всѣхъ странъ свѣта—сообщаетъ факты и явленія изъ жизни заграничныхъ евреевъ.—X. Заграничныя корреспонденціи.—XI. Критика и библіографія.—XII. Учено-литературный отдѣлъ: Статьи историческаго и научнаго содер жанія. Біографіи замѣчательныхъ еврейскихъ дѣятелей (съ портретами).—Белетристика.—Стихотворенія.—XIII. Фельетоны.—XIV. Новыя книги,—из вѣстія о вновь выходящихъ сочиненіяхъ по еврейскому вопросу и вообще имѣющихъ отношеніе къ евреямъ.—XV. Смѣсь (мелочи и курьезы, касаю щіеся евреевъ, выписки изъ сатирическо-юмористической прессы Россіи и проч.).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ на годъ	6 р.	На 6 мѣс.	3 р. 50 к.	На 3 мѣс.	2 р. — к
Во всѣ города Имп. съ перес. на годъ	7 „	„ „ „ „	4 „ — „	„ „ „ „	2 „ 25 к
За границею на годъ	12 „	„ „ „ „	7 „ — „	„ „ „ „	4 „ — „

Допускается разсрочка подписн. денегъ: при подпискѣ 3 р., черезъ 3 мѣ сяца 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р.

Учителя учебныхъ заведеній, учащіеся и духовныя лица, выписывающіе газету непосредственно черезъ главную контору, пользуются уступкою въ 20%. Отдѣльные нумера по 20 к. За объявленія по 8 коп. за строку петита.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Измайловскій проспектъ, д. № 7.

Издатель Г. Рабиновичъ. Редакторъ-издатель Л. Берман

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ «РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ»

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ	ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.	ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ. Новости по желанію на просмотръ.

Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданіями, для быстраго распространенія въ столицѣ и, чрезъ спеціальныхъ **корреспондентовъ** скада, во всѣхъ **главныхъ городахъ Имперіи,** при безплатныхъ **публикаціяхъ** въ **«Россійской Библіографіи»,** въ **«Ежемѣсячномъ каталогѣ важн. нов. русск. и иностранныхъ книгъ»,** въ **„Годовомъ каталогѣ“,** а также, по соглашенію, въ болѣе распространен. газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. иногородныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.—Еженедѣльное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмиля Гартье имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальн. книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ высылается БЕЗПЛАТНО «Ежем. каталогъ важн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ». (Подп. цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. сер.)

На всѣ относящіеся до книжн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка,—складъ отвѣчаетъ немедленно.

при СКЛАДѢ помѣщаются

Редакція журнала
РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ
(ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ).
24 №№ въ годъ, цѣна съ дост. и перес. 5 руб.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПОДПИСКИ
на всѣ русскіе и иностранные
ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

СКЛАДЪ
ГЛОБУСОВЪ, ТЕЛЛУРІЙ
и
Планетарій
изд. **Эмиля Гартье.**

Контора журналовъ: Библіотека для чтенія; Электричество; Сборникъ видовъ; памятниковъ и т. п.; Ремесло.

Digitized by Google

Подписка на 1882 годъ на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №, въ годъ до 142 л. большаго формата).

и

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(Двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ Св. Синода, печатаетъ сполна и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству; въ неоффиціальной же части, какъ изданіе при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и съ нынѣшняго 1881 г., подъ новою редакціею имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы (кромѣ передовыхъ статей, въ которыхъ обсуждаются всѣ важнѣйшіе церковные вопросы): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) епархіальное обозрѣніе; 3) обозрѣніе по расколу; 4) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 5) обозрѣніе духовной журналистики; 6) библіографическое обозрѣніе; 7) лѣтопись, подъ названіемъ «прошлая недѣля въ Россіи и за границей», содержащая извѣстія о всѣхъ вообще важнѣйшихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; наконецъ 8) мелкія извѣстія изъ нашей церковной жизни. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское Чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются, сверхъ того, толкованія на Ветхій Завѣтъ съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1882 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ», такъ что къ концу 1882 г. выйдетъ особою книжкою четвертый выпускъ «Толкованій», точно такъ же, какъ нынѣшній годъ, 15 ноября, выйдетъ третій—ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ» семь руб. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»—пять руб., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»—пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Чтенія въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при Церк. Вѣстн. (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться, сверхъ того, въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА“

въ 1882 году.

СОТРУДНИКОВЪ—ЛЕГІОНЪ, ЧИТАТЕЛЕЙ МИЛЛІОНЪ.

О ТЕКСТѢ «СТРЕКОЗЫ».

Журналъ благонравный и прекраснодушный. Говоритъ о винѣ, о женщинѣ, о пѣніи и вообще вполнѣ приходится по плечу современному обывателю, заигравшемуся по части прогресса и потому рѣшившемуся «остепениться“: охотно вѣритъ въ свѣтопреставленіе, убѣжденъ, что за театральными кулисами настоящій чортъ сидитъ, ждетъ волшебнаго появленія для всѣхъ коровъ тучныхъ и манны небесной, настойчиво предостерегаетъ на счетъ гордыхъ разумовъ Платоновъ, пріятно, не мудрствуя лукаво, развлекаетъ и учитъ такъ жить, чтобы день, да ночь, и сутки непремѣнно были прочь. Текстъ журнала вполнѣ зависитъ отъ погоды, отъ барометрическихъ колебаній и отъ направленій вѣтровъ. Но „Стрекоза“ не унываетъ, ибо сознаетъ, что отнюдь не она одна—

Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза...

О РИСУНКАХЪ «СТРЕКОЗЫ».

Рисунки журнала стоятъ на самой высокой ступени совершенства. Ступень эту слѣдуетъ искать надъ петропавловскимъ шпилемъ. Дальше идти—некуда. Художники, сдавая рисунки, плачутъ, разставаясь съ ними, ибо не могутъ не сознавать, что каждый ихъ рисунокъ есть вѣковѣчный вкладъ въ область безсмертнаго искусства. И въ данномъ случаѣ самолюбіе художниковъ воздаетъ лишь слабую и ничтожную дань ихъ, вполнѣ заслуживающимъ подписки, заслугамъ. У всей Европы только одинъ рисовальщикъ—Доре, а у „Стрекозы“ одной—толпа рисовальщиковъ. Ergo...

О ПРЕМІИ «СТРЕКОЗЫ».

Въ будущемъ 1882 году „Стрекоза“ издастъ, вмѣсто обычной преміи, цѣлый памятникъ. Знаете „Божественную комедію“ Данте? Въ панданъ къ ней, журналъ выпуститъ особымъ, толстымъ, какъ книга Магабараты, томомъ

„ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ КОМЕДІЮ“,—

энциклопедію типовъ, сценъ, эскизовъ, набросковъ, съ такимъ количествомъ рисунковъ, котораго ни римская, ни арабская цифирь выразить не могутъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ библіографическомъ монументѣ можетъ дать развѣ только одна „La Comédie de notre temps“ Берталя. „Человѣческая комедія“ составитъ альбомный томъ убористой печати, переплетенный въ иллюстрированную папку. Текстъ альбома будетъ составленъ „Буквою“; рисунки—обычныхъ художниковъ журнала. Почта доставитъ премію только годовымъ подписчикамъ на журналъ.

О бумагѣ, корректурѣ, бандероляхъ «Стрекозы», а также и о проэктированныхъ улучшеніяхъ.

Бумага для „Стрекозы“ приготовляется въ Индіи и въ Сѣверной Африкѣ. Она дѣлается исключительно изъ слоновой кожи. Корректуру журнала держатъ два академика нѣмца. Бандероли заготовляются изъ чистой маисовой бумаги, съ тою цѣлью, чтобы можно было дѣлать изъ старыхъ бандеролей крученыя папиросы самаго высокаго достоинства. Все предусмотрѣно.

Въ виду того, что многіе журналы не только печатаются во всѣ цвѣта

Digitized by Google

радуги, но даже употребляютъ вмѣсто красокъ благородные металлы, серебро и золото,—„Срекоза“ впредь будетъ издаваться на серебряныхъ листахъ, вызолачивая черезъ огонь каждый свой нумеръ и трижды всирыскивая его еще лучшими англійскими духами. Кромѣ того, журналъ будетъ покрываться самосвѣтящимся составомъ чтобы и ночью, безъ свѣчей, можно было читать его. Подписка будетъ приниматься при яблочковскихъ свѣчахъ, въ присутствіи двухъ фонографовъ и при содѣйствіи цѣлой сѣти телефоновъ.

НАКОНЕЦЪ НѢЧТО ВНОЛНѢ СЕРЬЕЗНОЕ.

Подписная цѣна на „СТРЕКОЗУ:“

	На годъ съ премією.	По полугод. безъ преміи*).
Съ пересылкою во всѣ города . .	10 р.*)	5 р. 50 к.**)

Гг. иногородные адресуются непосредственно въ редакцію журнала «СТРЕКОЗА», Лиговка № 32.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	9 р.	5 р.
Безъ доставки.	8 „	4 „ 50 к.
За границу	12 „	7 „ — „

Городскіе же обращаются со всякими требованіями своими и подпискою въ Контору журнала, по Михайловской улицѣ, въ домѣ „Европейской Гостиницы“.

Редакторъ журнала „Стрекоза“: **И. Ф. Василевскій (Буква).**

Издатель журнала „Стрекоза“: **Германъ Корнфельдъ.**

---

*) За журналъ 9 р. 50 к. и 50 к. за пересылку преміи.
**) Просятъ не прилагать молочи почтовыми марками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ПЕРВУЮ ТЕЛЕГРАФНУЮ ГАЗЕТУ ВЪ РОССІИ,

которая выходитъ въ Москвѣ, съ 1 января 1881 года, безъ предварительной цензуры.

5-го декабря 1880 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе конвенціи, со стоявшейся между телеграфнымъ департаментомъ и редакціей газеты „Московскій Телеграфъ“. Согласно этой конвенціи, редакціи «Московскаго Телеграфа» предоставлено исключительное пользованіе одною изъ телеграфныхъ линій и право имѣть собственную телеграфную станцію, которая и помѣщается въ типографіи „Московскаго Телеграфа“. Станція эта обставлена всѣми новѣйшими техническими приспособленіями и снабжена скоропечатающими телеграфными аппаратами. Являясь, такимъ образомъ, конечнымъ притомъ, самостоятельнымъ пунктомъ телеграфной проволоки, редакція „М

Digitized by Google

сковскаго Телеграфа“ имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ большую часть извѣстій ранѣе другихъ газетъ. Каждый № „Московскаго Телеграфа“, кромѣ разныхъ статей, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи строкъ собственно телеграфнаго матеріала и представляетъ полный и точный обзоръ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступаетъ въ печать.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Руководящіи статьи.—2. Дневникъ общественной жизни и печати.—3. Оффиціальный отдѣлъ. Дѣйствія правительства.—4. Петербургская хроника.—5. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ „Московскаго Телеграфа“ и телеграфныхъ агентствъ.—6. Хроника Москвы. Отчеты о засѣданіяхъ. Дневникъ происшествій.—7. Внутреннія извѣстія. Корреспонденціи.—8. Судебная хроника и юридическій отдѣлъ.—9. Критика и библіографія.—10. Иностранныя извѣстія.—11. Фельетонъ. Статьи научнаго содержанія. Беллетристика. Фельетонъ въ стихахъ Д. Д. Минаева.—Петербургскія письма Г. К. Градовскаго. Театръ, музыка и проч.—12. Смѣсь.—13. Торговый отдѣлъ.—14. Справочный отдѣлъ. Резолюціи кассаціонныхъ департаментовъ Сената и сенатскій указатель.—15. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставк.	Съ доставк.	Съ пересылк.
На годъ съ 1 января 1882 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 3 „	5 „ — „	5 „ 50 „	7 „ — „
„ 2 „	3 „ 50 „	4 „ — „	5 „ — „
„ 1 „	1 „ 75 „	2 „ — „	2 „ 50 „

Присутственныя мѣста могутъ заявлять требованія на „Московскій Телеграфъ“ съ уплатой денегъ изъ кредита будущаго года.

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ: для служащихъ на всѣ сроки—чрезъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ.

При подпискѣ:	5 р. — к. б. дост.,	5 р. — к. съ дост.,	6 р. — к. съ пер.
1 марта . . .	3 „ — „ —	3 „ — „ —	3 „ — „ —
1 мая	3 „ — „ —	3 „ — „ —	4 „ — „ —
1 іюля. . . .	3 „ 50 „ —	5 „ — „ —	4 „ — „ —

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи—въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ д. Кредитнаго Общества—и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ редакцію газеты „Московскій Телеграфъ“.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ 1882 ГОДУ.

Иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе въ 1882 году будетъ издаваться по слѣдующей программѣ.

1) 52 нумера, каждый не менѣе 16 страницъ или 48 столбцевъ; число рисунковъ, помѣщаемыхъ въ каждомъ нумерѣ, не менѣе пяти. Нумера

Digitized by Google

будутъ выходить еженедѣльно, по субботамъ, въ томъ же форматѣ, какъ въ нынѣшнемъ году. Въ еженедѣльныхъ нумерахъ будутъ помѣщаться не большія по размѣру повѣсти, разсказы и пр., русскія и иностранныя, уче ныя статьи, критическія статьи, библіографія, фельетонныя замѣтки, вну треннее обозрѣніе, политическая и общественная хроника, объясненія къ ри сункамъ, правительственныя распоряженія и сообщенія, смѣсь, а такж большой иностранный романъ. Время отъ времени будетъ помѣщаться шах матный листокъ.

2) Въ видѣ особаго безплатнаго приложенія, 12 книжекъ, отъ 10 до 1 листовъ каждая. Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ первыхъ числах каждаго мѣсяца. Нѣкоторыя изъ произведеній, въ нихъ помѣщаемыхъ, бу дутъ иллюстрированы. Въ книжкахъ будутъ печататься большіе по объему романы, повѣсти и ученыя сочиненія, русскія и иностранныя. Къ нѣкото рымъ изъ книжекъ будутъ приложены портреты замѣчательныхъ современ ныхъ дѣятелей. Конечно, эти книжки, составляющія какъ бы отдѣльный са мостоятельный журналъ, представляютъ собою самую лучшую премію, какую только можетъ предложить редакція гг. подписчикамъ. Въ первой книжкѣ начнутся печатаніемъ: 1) Европейскія столицы—I. Лондонъ, съ рисунками Г. Доре; 2) «За другаго», романъ Джемса Пэна, съ иллюстраціями.

3) Безплатно-же будутъ прилагаться «Парижскія моды», 6 нумеровъ въ годъ.

Въ ноябрѣ 1882 года гг. подписчикамъ будетъ выдана безплатная пре мія, состоящая изъ олеографической картины, превосходно исполненной въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи за границей. Эта олеографія будетъ сдѣ лана съ картины русскаго художника.

Въ 1882 году журналъ будетъ издаваться при участіи тѣхъ же сотруд никовъ, которые принимали участіе своими трудами въ 1879, 1880 и 1881 годахъ. Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ЦѢНА ЖУРНАЛА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ пересылки и доставки. . .	6 р. 60 к.	3 р. 75 к.	2 р. — к.
Съ пересылкою и доставкою . .	8 » — »	4 » 50 »	2 » — »
За границу съ пересылкою. . .	10 » — »	5 » 50 »	

По примѣру прежнихъ лѣтъ, принимается отдѣльная подписка на шес выкроекъ въ натуральную величину, по прежней цѣнѣ 60 коп. въ годъ.

Желающіе получить художественную премію—олеографическую картину застрахованной посылкой, прибавляютъ къ подписной цѣнѣ 40 к.

Премія—олеографическая картина—выдается только годовымъ подписч камъ. Остальныя преміи, т. е. ежемѣсячныя книжки, выдаются всѣмъ подпи чикамъ въ теченіе того срока, на который они подписались. Въ отдѣльн продажѣ каждая книжка журнала стоитъ 75 к., съ перес. 1 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ редак «Живописнаго Обозрѣнія», Пушкинская (Новая) улица, д. № 6, кв. № 1, также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 58) А. Ф. Цинзерлинга (Невскій пр., № 46). Въ Москвѣ—въ конторѣ журна

Digitized by Google

въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Никольская, домъ Ремесленнаго общества. Въ Варшавѣ—въ конторѣ журнала, въ «Русской книжной торговлѣ» (бывшій Черкесова и К.), Новый Свѣтъ, домъ военнаго министерства. Въ Одессѣ—въ конторѣ журнала, въ южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

Редакторъ-издатель Н. Шульгинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЗЕМСТВО

Въ будущемъ 1882 г „ЗЕМСТВО“ будетъ издаваться, какъ и въ настоящемъ, безъ предварительной цензуры, нумерами отъ 2½ до 3 лист. (20—24 стран.), по слѣдующей программѣ:

1) Законы и распоряженія правительства. Рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣламъ, относящимся до земскаго и городскаго управленія. 2) Статьи по всѣмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики, земскаго, городскаго и сословнаго общественнаго управленія. 3) Обозрѣніе дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и сословныхъ собраній и городскихъ думъ. 5) Иностранное обозрѣніе. 6) Корреспонденціи внутреннія и иностранныя. 7) Судебная хроника (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній). 8) Библіографія: разборы и отчеты о вновь выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ по всѣмъ отраслямъ юридико-политическихъ и историческихъ наукъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Объявленія.

Въ вышедшихъ №№ „Земства“ были помѣщены статьи слѣдующихъ лицъ: К. Д. Анциферова, В. М. Борисова, Н В. Гофмана (предсѣдатель Мелитопольской уѣздн. земск. управы), А. А. Исаева (проф. Демидовскаго лицея), А. И Кошелева, С А. Муромцева, (проф. Московскаго университета), Н. А. Мельникова, (предсѣдателя Смоленской губернской управы), М. В. Неручева, Е. А Осипова, В. И. Орлова, С. А Приклонскаго (внутреннее обозрѣніе), А. И. Проворовскаго, П. Н. Ротаста (предсѣдателя Костромской уѣздной земской управы), А. И. Скворцова, А. В. Скульскаго (предсѣдат. Ярославской губернской управы), А П. Смирнова (члена Владимірской губернской управы), Свѣтозара (псевдонимъ), В. А. Ульяницкаго (иностранное обозрѣніе), С. Ф. Фортунатова, Ф. Ф. Эрисмана и др.

Редакціею приняты мѣры для расширенія отдѣловъ Земской и Городской хроники.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	Безъ пересылки и доставки.	Съ пересылкой и доставкой.	За границу.
На годъ	7 р. — к.	8 р — к.	11 р.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	4 „ 50 „	6 „
„ 3 „	2 „ 25 „	2 „ 50 „	4 „
„ 1 „	— „ 75 „	1 „ — „	2 „

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ пер., домъ Муромцевой.

Редакторъ-Издатель **В. Ю. Скалонъ.**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1882 годъ на иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

съ приложеніемъ педагогическаго сборника

„Воспитаніе и обученіе.“

Журналъ «Родникъ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ «Родникѣ», между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: Ор. Миллеръ, М. Н. Богдановъ, Н. А. Бѣловерская, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ. Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, В. П. Авенаріусъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшникова, Н. И. Северинъ, В. М. Сорокинъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и мн. др.

Въ журналахъ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 8 до 14 лѣтъ.

Приложеніе: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками отъ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1882 годъ:

Журналъ «Родникъ» безъ приложенія, съ доставкой и пересылкой, 5 рублей, а съ приложеніемъ сборника „Воспитаніе и Обученіе“ 6 рублей въ годъ. Желающіе получать одинъ педагогичекій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ уплачиваютъ за него, въ годъ, съ доставкой и пересылкой, 2 рубля.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Кромѣ конторы редакціи, подписка принимается: для С.-Петербурга въ книжныхъ магазинахъ Фену и „Новое Время“; для Москвы въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова, „Новое Время“ и при Университетской типографіи; для Кіева у Гинтера и Малецкаго; для Нижняго-Новгорода въ книжномъ магазинѣ „Первая Нижегородская Артель“; для Рыбинска въ книжномъ магазинѣ Е. Мусницкой.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

При конторѣ дѣтскаго журнала „Родникъ“ имѣется „Книжная торговля исключительно для иногородныхъ“, которая исполняетъ скоро и аккуратно всякія порученія по покупкѣ и пересылкѣ книгъ, нотъ и учебныхъ принадлежностей. Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: Петербургъ, Спасская ул., д. № 1, въ контору дѣтскаго журнала „Родникъ“.

Digitized by Google

Въ Главной Конторѣ «**Наблюдателя**» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. подъ редакціею А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось всего около ста экз.). Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

2) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Иногородные подписчики «**Наблюдателя**», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, могутъ получить, взамѣнъ излишне-высланныхъ денегъ, обѣ поименованныя книги, причемъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1882 ГОДУ.

(четырнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ ученымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1882-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «**разныхъ извѣстій**», любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: *А. И. Анастасіевъ*, *А. С. Вирениусъ*, *В. Ф. Фонъ-Боль*, *В. С. Гербачъ*, *Я. Г. Гуревичъ*, *И. П. Золотницкій*, *А. Г. Ивановъ*, *П. Ѳ. Каптеревъ*, *Е. П. Карновичъ*, баронъ *Н. А. Корфъ*, *Всев. И. Мирополъскій*, *Я. Т. Михайловскій*, *П. А. Мясоѣдовъ*, *Ф. Ф. Резенеръ*, *И. О. Фесенко*, *И. И. Шалфеевъ* и др.

Для наступившаго года, въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1882 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. Иногородные подписчики адресуются **исключительно**: въ главную контору «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 6-й линіи, д. № 25.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся **полныхъ** экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года, **по 6 руб съ пересылкою**. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. с.

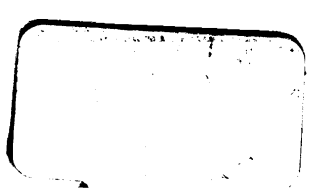
Экземпляры журнала за 1880 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

Редакторы-издатели: { **В. Евтушевскій.** **А. Пятковскій.**

185 С575
72 С26 С 55 3
С-55 783
5031

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google